
МЫ
ИЗ
ЧК

МЫ
ИЗ
ЧК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КАЗАХСТАН“
Алма-Ата — 1974

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

32С5
М 94

Мы из ЧК. [Сборник очерков], Алма-Ата, «Казахстан», 1973. На обороте тит. л. сост. Н. И. Милованов.
312 с.

Эта книга о тяжелой, но благородной работе советских чекистов, о том, как были разоблачены происки иностранных разведок, забрасывавших на территорию Советского Союза в различное время своих агентов.
Книга рассчитана на массового читателя.

Под общей редакцией заместителя председателя КГБ при Совете Министров КазССР генерал-майора А. ТЛЕУЛИЕВА.

Составитель Н. И. Милованов
Спец редактор А. Ф. Минанчев

$И \frac{1122-235}{М\ 401(07)73}$ 163—73

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Предлагаемая книга — волнующий рассказ о чекистах-казахстанцах, стоящих на страже мира и безопасности нашей многонациональной Родины. Она является продолжением ранее вышедших в издательстве «Казахстан» сборников «Незримый фронт» (1967 г.) и «Чекисты Казахстана» (1971 г.). Очерки, вошедшие в настоящий сборник, повествуют о работе отдельных сотрудников государственной безопасности, о чекистско-воинских операциях, проведенных на территории Казахстана в годы гражданской войны, НЭПа, в периоды коллективизации, Великой Отечественной войны и в послевоенное время.

Авторы, используя архивные материалы, воспоминания бывших чекистов, показывают самоотверженный труд большой группы сотрудников, активно боровшихся против происков иностранных разведок и внутренних врагов Советской власти. В очерках описываются конкретно-документальные факты враждебной работы антисоветских элементов, пути разоблачения их подрывной деятельности.

Большинство воспроизводимых в книге эпизодов, сложных и захватывающих по содержанию, могут быть поставлены в один ряд с сюжетами лучших историко-политических детективов, опубликованных в Казахстане за последние годы.

В очерке «По горячему следу» Ж. Ибраева, например, раскрыта чекистская операция о розыске и захвате за границей группы белых офицеров войск Колчака и Анненкова, организовавших в 1918 г. антисоветские мятежи в Усть-Каменогорске и Павлодаре. Разгром мелкобуржуазной контрреволюции на территории республики в 1920—1922 гг., в

частности, в северных, центральных и западных областях ярко показан в очерках «Испытание» В. Григорьева и «В огне» Ю. Кисловского. О чекистско-воинских операциях против кулацко-байских выступлений в годы коллективизации повествуют очерки «Преступление в урочище Чурук» Ф. Иванова, «На звериной тропе» В. Исмамбетова, «Операция «Кокандские эмиссары» А. Абдуразакова. В очерках «Когда бамбук цветет» Н. Егорова, «Кашгарский гость» Н. Мельникова, «Один в двух лицах» А. Минаичева, «Трудный поиск» и «А поезд шел» Н. Милованова рассказывается о напряженной работе чекистов в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период по розыску и обезвреживанию в городе Алма-Ате и на железнодорожном транспорте агентов иностранных разведок.

Создание сборников «Мы из ЧК» и ранее изданных «Незримый фронт» и «Чекисты Казахстана»— итог восьмилетней напряженной творческой работы большого авторского коллектива из 46 человек, в основном чекистов-ветеранов, безупречная, самоотверженная служебная деятельность значительной части которых нередко была сопряжена с опасностью для жизни и начиналась с первых лет образования ВЧК — ГПУ.

Своим участием в этой работе чекисты-ветераны оказали ощутимую помощь Комитету государственной безопасности при Совете Министров Казахской ССР в пропаганде истории борьбы чекистов с врагами нашей Родины.

За небольшим исключением в предлагаемых очерках сохранены подлинные имена чекистов и дугих персонажей.

Думается, читатели тепло примут новый сборник, который рассчитан главным образом на молодежь, на воспитание у нее высокого чувства патриотизма и любви к Родине.

Генерал-майор *А. ТЛЕУЛИЕВ*

Годы, суровые годы,
Годы гражданской войны...
Шли в боевые походы
Партии нашей сыны.

Наши отцы в тех боях завещали,
Чтоб мы Советскую власть берегли.
Их не напрасно дзержинцами звали
Люди советской земли.

«Марш дзержинцев».
Стихи М. ВЕРШИНИНА

Ж. ИБРАЕВ

ПО ГОРЯЧЕМУ СЛЕДУ

Подписывая письмо, адресованное пограничным пунктам о розыске и задержании лиц, совершивших тяжкие преступления против Советского государства, начальник особого отдела охраны государственной границы В. Павлович какое-то время еще раздумывал над особой важности документом, потом вызвал к себе помощника начальника секретно-политической части И. Андреевича. Подчеркнув синим карандашом фамилии двух преступников, сказал:

— Обрати внимание на розыск Виноградского. Надо ориентировать не только наши подразделения на границе, но и чекистские органы во всех частях Красной Армии Туркфронта. Если возникнет необходимость, установите контакт с Семиреченской ЧК. Они давно разыскивают Виноградского, его соучастников по преступлениям, в том числе штабс-капитана Снегирева. Виноградский опасный преступник и за пролитую кровь советских людей должен ответить сполна.

...Их настигли чекисты особого отдела экспедиционной части Красной Армии в пограничном городке Чугучаке. Это здесь, на границе с молодой Советской республикой, останавливались белогвардейские офицеры разгромленных Красной Армией войск Колчака, Дутова, Анненкова, Щербакова, Бакича. Сливаясь в мелкие банды, они совершали налеты на пограничные заставы, убивали партийных и советских работников, угоняли за границу скот.

В Чугучаке вместе с беженцами было задержано много бандитов.

Когда отряд особого отдела вступил в Чугучак, Виноградский забежал к генералу Ярушину. Забыв второпях отдать честь, он выдохнул:

— Они нас застали врасплох. Есть ли надежда вырваться из этого ада?

— Никакой!— ответил Ярушин.— Наша песенка спета. Они пришли в Чугучак с согласия провинциальных китайских властей...

Их вели в Советскую Россию пешком, под усиленным конвоем. Большую группу задержанных направили в Бахты.

— Какой ужас!— то и дело восклицал Виноградский, обращаясь к генералу.

Но Ярушин не проявлял своего сочувствия другу. Шел, склонив седую голову. Виноградский в эти минуты выглядел грузным и постаревшим, хотя ему не было еще и пятидесяти. Он чуть прихрамывал на левую ногу.

Они брели по узкой горной дороге, петлявшей над глубоким ущельем. Где-то внизу шумела речушка. Виноградский бросился в сторону и покатился по склону горы. Ударившись несколько раз о торчавшие камни, он ухватился руками за кустарник. Конвоир, ехавший слева, поднял винтовку.

— Стой!— приказал старший конвоя.— Не стрелять!

Сам Виноградский не удержался бы на склоне, его вытащили конвоиры. Лицо арестованного было в ссадинах, руки и ноги судорожно тряслись. После оказания необходимой медицинской помощи его поставили в голову колонны.

— Еще раз сиганешь в сторону, прибью,— прошептал конвоир и для пущей строгости передернул затвор винтовки.

Одет Виноградский был в старый офицерский китель и в такие же старые темно-синие брюки-галифе, которые изорвал о кусты и камни во время неудачной попытки сбежать. Позднее он говорил следователю, что пытался покончить с собой, но машинально схватился руками за кустарник. Твердый воротник кителя пропитался потом и залоснился. Над правой бровью кровоточила большая ссадина. Виноградский шел, покачиваясь из стороны в сторону. За ним шагали остальные. Они тоже были в военной форме, но без погон.

Конвоиры ехали по двое: спереди, по обеим сторонам и сзади. Заряженное оружие держали наготове и строго следили за поведением арестованных. В хвосте колонны, несколько поотстав, двигался конный отряд.

Прихрамывавший Виноградский уже не думал о побеге. Его сердце еще не успокоилось и гулко стучало. Ему было страшно от того, что теперь придется держать ответ за зло-

деяния, совершенные на советской земле, за то, что воевал против Красной Армии.

В Бахтах стояли недолго. Следователь Беляев оформил на каждого из задержанных опросный лист регистрации военнопленных и перебежчиков белой армии. Виноградский, как мог, отрицал свою службу у белых и, в частности, у Колчака. Говорил, что семья его — жена и двое детей — находится в селе Гавриловке Капальского уезда, от нее он не получает вестей.

Почти месяц шли задержанные до Лепсинска. Их путь лежал через села Рыбачье, Уч-Арал, Андреевку, по местам, где совсем недавно многие из них в составе банд Анненкова грабили и жгли казахские аулы, отбирали хлеб, другие продукты у русских переселенцев.

В Лепсинске во время фильтрации, организованной начальником пункта особого отдела Константином Зайцевым, и был опознан комбриг колчаковских войск полковник Виноградский Петр Иннокентьевич — потомственный дворянин Петербургской губернии, почетный казак Сибирского казачьего войска.

Установить, кем в действительности являлся Виноградский, чекистам помог красноармеец первого батальона одиннадцатого полка Алексей Иванович Нетесов, который встретил белогвардейского офицера на прогулке военнопленных во дворе пункта. Боец пришел к Константину Зайцеву и заявил о том, что хорошо знает Виноградского по Усть-Каменогорску, где вместе с братом Василием сидел в тюрьме у белых за убийство старшего полицейского Рожинова. Братья Нетесовы — Александр и Василий — были свидетелями невиданного произвола, который чинил начальник Усть-Каменогорского гарнизона Виноградский над политическими заключенными.

Очная ставка Александра Нетесова с Виноградским образумила последнего. В июне 1919 года под Екатеринбургом Виноградский командовал полком, сформированным им самим в Усть-Каменогорске, а после отступления до Усть-Илимской продолжал вооруженную борьбу под Тоболом. Тогда он уже был командиром бригады, носившей его имя и входившей в состав дивизии генерала Церетели. Боясь ответственности за совершенные преступления против Советской власти, он пытался скрыть свое прошлое. Он также сказал, что верно служил адмиралу Колчаку и после разгрома бригады на Тобольском фронте осенью 1919 года, с остатками дивизии Церетели бежал с семьей через Сергио-

поль (близ Аягуза) и Бахты за границу. Временно остановились в Чугучаке. Но после короткого отдыха и выздоровления сына, заболевшего в пути, решили перебраться в Центральный Китай.

— Почему вы бежали в Чугучак?— спросил Зайцев.

— Здесь мне все знакомо,— ответил Виноградский.— До первой мировой войны я служил полковым адъютантом на восточной границе, жил недалеко отсюда, в Зайсане. До этого долгое время был сотником в Джаркенте.

Не оставалось сомнений, что военнопленный Виноградский является тем лицом, о котором говорил Павлович. «Однако этапировать его в Алма-Ату пока не следует,— подумал Зайцев.— Возможно, у него есть соучастники по преступлениям».

Подозрения Зайцева основывались на том, что среди военнопленных находились штабс-капитан Снегирев Петр Иванович и подпоручик Лухманов, убежавшие за кордон в составе частей Анненкова. Снегирев и Лухманов являлись соучастниками Виноградского по антисоветской повстанческой организации в Павлодаре, но назвались уроженцами и жителями Семипалатинского уезда, а не Павлодарского, где, как позже выяснилось, родились и выросли.

На этот раз помогла групповая фотография, изъятая у Снегирева. И Лухманова и Снегирева опознали старожилы Павлодара. Когда эти документы пришли из Павлодара, Снегирев, не ожидавший такого оборота дела, растерялся и на допросе признал, что хотел скрыть свою принадлежность к антисоветской повстанческой офицерской организации, участие в контрреволюционном мятеже офицеров и зажиточного казачества в Павлодаре.

Так чекисты Зайцев и Беляев уличили Виноградского, Снегирева и Лухманова. В группе военнопленных ими были выявлены также и некоторые соучастники Виноградского по контрреволюционному мятежу в Усть-Каменогорске. Среди них оказались подъесаул Львов Андрей Константинович, сын священника, позже служивший у Анненкова, подпоручик Лукьянов Иван Григорьевич, служивший в полку и бригаде полковника Виноградского.

Виноградский прибыл в Алма-Ату 16 июля, то есть спустя три с лишним месяца со дня ареста в Чугучаке. В сознании еще теплилась надежда как-то обойти острые углы в своей контрреволюционной деятельности. На первых допросах Виноградский рассказывал Андреевичу, которому было поручено следствие, всякие небылицы. На вопрос, как

он попал в Павлодар, Виноградский ответил, что приехал туда из Омска в ноябре 1917 года по распоряжению штаба Сибирского казачьего войска и был там некоторое время помощником атамана, а затем, 1 марта 1918 года, уехал в Усть-Каменогорск.

— Что это вы так поспешно покинули Павлодар?— спросил Андреевич.— А воинским начальником где же были?

— В Павлодаре.

— Когда и кто освободил вас от этой должности?

— Это случилось восьмого марта 1918 года, когда в Павлодаре власть перешла к большевистскому Совету.

— Чем занимались после этого?

— Я уехал в Усть-Каменогорск.

— Вы снова лжете,— сказал Андреевич.

Не вставая со стула, он резко наклонился вправо, достал из нижнего ящика стола газету «Свободная степь» и, повернув ее первой страницей к Виноградскому так, чтобы было видно название, спросил:

— А это что?

Виноградский безучастно ответил:

— Газета.

Он еще не понимал, чего хочет следователь, и продолжал спокойно сидеть. Но вот Андреевич встал, резвернул газету и поднес ее к глазам Виноградского. Тот, недоумевая, робко взял газету в руки, посмотрел на дату, скользнул по заголовкам и в самом низу последней страницы, под небольшой статьей, нашел свою фамилию. На первый взгляд статья казалась обычным объявлением, извещавшим об организации «Союза», призванного решать вопросы трудоустройства и экономического обеспечения офицеров. Однако она настолько ошеломила Виноградского, что он, вспомнив все, связанное с этим объявлением в газете, долго не находил слов для ответа. Из шокового состояния его вывел следователь. Андреевич все это время наблюдал за Виноградским. Заметно осунувшееся и постаревшее лицо арестованного вначале побледнело, затем покрылось мелкими бисеринками пота. Виноградский пытался смахнуть их рукой, но они появлялись вновь.

Андреевич взял у арестованного газету, спросил:

— Так когда же вы убыли из Павлодара?

— Точно... не помню. Где-то в конце марта или в начале апреля 1918 года, по старому стилю,— глухо ответил Виноградский.

Попросил воды. Казалось, наступил момент, когда Виноградский, вот уже более двух недель избегавший прямого, откровенного разговора, сдался.

Андреевич предложил:

— А теперь рассказывайте, чем вы занимались в Павлодаре до вашего отъезда?

Но Виноградский и на этот раз промолчал. Он долго смотрел то на следователя, то в окно, теребил побелевшими пальцами полу кителя. Андреевич повторил свой вопрос.

— Я все расскажу,— вздохнул Виноградский.— Но прошу дать возможность обдумать ответ.

— Нет! Говорите сейчас. У вас было достаточно времени на раздумье.

— Я в самом деле намерен рассказать все, что мне известно об антисоветском перевороте в Павлодаре,— взмолился Виноградский.

Тогда же этот вопрос был поставлен перед Снегиревым и Лухмановым. Все они признали свою причастность к созданию в Павлодаре антисоветской повстанческой организации и рассказали, что контрреволюционное подполье было создано лично ими и действовало до свержения Советской власти в Павлодарском уезде под вывеской «Союз защиты экономических интересов офицеров бывшей царской армии». Руководящее положение в «Союзе» занимали Виноградский, исполнявший обязанности председателя, прапорщик Чернов Михаил Сергеевич, впоследствии покончивший жизнь самоубийством, Снегирев и другие. Участники организации, а их насчитывалось около тридцати, первоначально собирались на заседания открыто, затем перешли на нелегальное положение.

— По вопросам «Союза» меня вызывали в совдеп,— рассказывал Виноградский.— Заместитель председателя совдепа Теплов заявил, что мои действия, направленные на создание в Павлодаре офицерской организации, защищающей якобы материальные и бытовые интересы офицеров, шиты белыми нитками. «Каждый из вас,— сказал он,— имеет профессию и получит работу соответственно специальности через профсоюзы, другие компетентные органы». Я учтиво раскланялся. Но в душе затаил на Теплова злобу, так как он сумел разглядеть в моих действиях больше, чем хотелось. На берегу Иртыша, неподалеку от пристани, меня ожидали единомышленники — штабс-капитан Снегирев и прапорщик Чернов. Вечером мы собрались, но уже нелегально, в доме Сорокина, сын которого, подпоручик, так-

же принимал деятельное участие в «Союзе». После этого все заговорщики продолжали по-прежнему, но более осторожно вести антисоветскую пропаганду. Мы со Снегиревым выехали в казачьи станицы Павлодарского уезда. Подпоручик Кочубарский, проживавший в ту пору в Иртышске, помог связаться с сотником Горбуновым. Казаки, с которыми пришлось беседовать, почти все участвовали в вооруженном нападении на Павлодар, в свержении Советской власти...

После вызова П. И. Виноградского в совдеп были арестованы пять участников «Союза», в том числе подпоручик Лухманов. Остальные скрылись в Павлодаре, в ближайших казачьих станицах. В жизнь казачьих станиц, рассказывал позднее Снегирев, совдеп не вмешивался, и мы считали себя там в полной безопасности. Казаки заявляли, что их территория неприкосновенна...

Во второй половине мая по старому стилю, а по показаниям Снегирева и Лухманова 3—4 июня 1918 года, в районе села Иртышска стали собираться вооруженные казаки-мятежники. Всего набралось около ста пятидесяти человек. Возглавляемые сотником Горбуновым мятежники подошли к Павлодару. Здесь к ним присоединились Снегирев, другие участники контрреволюционной повстанческой офицерской организации. Вскоре банда завязала бой с местным красногвардейским отрядом, в котором насчитывалось человек тридцать, не более. Многие красногвардейцы были убиты, получили ранения. Остальные сложили оружие. Начался погром.

— Сразу же после переворота,— показывал позднее Снегирев,— был ликвидирован заместитель председателя совдепа Теплов: его убили во время конвоирования в тюрьму выскочившие из-за угла прапорщики Иванов Владимир и Светлов Александр.

Из материалов следствия было известно о том, что контрреволюционеры, не пользуясь сочувствием широких масс, проводили подрывную работу по формированию вооруженного подполья, при вербовках прибегали к подкупу.

— Практиковалось ли это в Павлодаре в ходе подготовки вооруженного переворота?— спросил Андреевич.

— Относительно пособий за участие в тайной организации,— ответил Виноградский,— я хлопотал, входил с ходатайством о выдаче денежной награды неимущим офицерам и казакам. Но пособия получили не все.

— Как это оформлялось?

— Для истребования денег была установлена форма,

имеющая такой подтекст: «Требование на отпуск наградных денег офицерам и казакам, состоящим в тайной организации».

Когда Андреевич разобрался в контрреволюционной деятельности Виноградского, Снегирева и Лухманова в Павлодаре, он спросил:

— Вы и теперь настаиваете на том, что из Павлодара поехали в Усть-Каменогорск?

— Да,— ответил Виноградский, не поднимая головы.

— Вы торопитесь с ответом,— заметил Андреевич.— Подумайте. Нам, работникам ЧК, известны все ваши похождения.

Виноградский, до этого сосредоточенно смотревший на пол, поднял голову.

— Из Павлодара меня вызвали в Омск и уже после этого я поехал в Усть-Каменогорск.

— Кто и зачем вас вызывал в Омск?

— Я отчитывался в управлении Сибирского казачьего войска о проделанной мной работе в городе, станицах и селах Павлодарского уезда.

— Короче говоря, рассказали о том, как создали контрреволюционное офицерское подполье и вооруженный казачий отряд?

Виноградский молчал.

— Значит не хотите назвать тех, перед кем отчитывались в Омске за свою контрреволюционную деятельность в Павлодаре. Ну, да к этому вопросу мы еще вернемся. А сейчас расскажите, когда вы прибыли в Усть-Каменогорск?

— В город,— сказал Виноградский,— я приехал в апреле месяце 1918 года, но жил в станице Новоусткаменогорской. До свержения в уезде Советской власти я находился дома, занимался только своим хозяйством. А потом...

— Ну до этого еще далеко,— несколько повышенным тоном сказал Андреевич, обычно спокойно выслушивавший Виноградского.— Вам следует еще раз подумать.

Когда арестованного увели, Андреевич пошел к Павловичу, который был в курсе расследования преступлений Виноградского и его сообщников.

— А вы оставьте на некоторое время Виноградского и займитесь Львовым и Лукьяновым,— выслушав Андреевича, сказал Павлович и, развивая свою мысль, заметил.— Ведь они не только соучастники Виноградского по преступлениям, но и свидетели. Понятно, в Усть-Каменогорске и во всем уезде антисоветский переворот сам по себе произойти

не мог. К нему готовились и белоказаки и контрреволюционное офицерье. Логика вещей подсказывает, что Виноградский не случайно встал во главе переворота или мятежа, как его называют в народе. После свержения совдепа он осуществлял всю полноту власти вплоть до убытия на колчаковский фронт в июне 1919 года. На этот счет мы имеем веские доказательства. Да и сам он едва ли станет отрицать факты. А что делал Виноградский с апреля по июнь 1918 года среди станичников и наводнивших уезд казаков — нам пока неизвестно. А это, пожалуй, не менее важное звено во всей цепи его злодеяний. Добыть правдивый ответ на поставленный вопрос будет нелегко. Давайте-ка обратимся за помощью к Семиреченской ЧК, которая является инициатором в розыске Виноградского и всех его соучастников.

Когда Андреевич собрался было уходить, Павлович заметил:

— Продолжайте выяснять причину поездки Виноградского в Омск. Запросите омских чекистов; известно ли им что-нибудь о Виноградском?

Вскоре Андреевич получил из управления Семиреченской ЧК материалы, послужившие основанием для объявления розыска Виноградского, и стал их изучать. Справка, составленная работниками ЧК, гласила: «Большевистские совдепы в Усть-Каменогорском уезде пришли к власти 14 марта 1918 года. В тот же день в 6 часов вечера большевики провели митинг трудящихся города Усть-Каменогорска. На митинге выступил с речью председатель уже образованного совдепа коммунист Яков Васильевич Ушанов. Ему было всего 24 года... Люди с интересом слушали его речь. Он рассказывал о положении в стране, о незыблемости Советской власти, установленной Октябрьской революцией...».

«На этом митинге были и противники социалистической революции. Офицеры бывшей царской армии Лукьянов и Львов,— писал заявитель Иван Семенович Новицкий, сын сосланного из Варшавы за революционную деятельность, ставший позднее красногвардейцем, а затем чекистом.— Покуривая самокрутки и вслушиваясь в неприятные для них слова оратора, они нетерпеливо переминались с ноги на ногу и тихо говорили между собой:

— Если укрепится Советская власть, то будем служить ей до поры до времени, а там видно будет».

27 апреля 1918 года по городу была объявлена мобилизация в Красную Армию.

«Штаб Усть-Каменогорской Красной Армии,— говорилось в статье, опубликованной в газете «Голос Алтая»,— доводит до сведения всех граждан города Усть-Каменогорска, что в настоящее время в городе формируется отряд Красной Армии, в ряды которого могут поступить все стоящие на платформе Советский власти и не моложе 17 лет».

Совдепу удалось сформировать отряд, командиром которого стал большевик Шумовский.

Тогда же была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. В ее состав вошли: комиссар отряда Красной гвардии Машуков, командир роты Красной Армии Шумовский, красногвардеец Александров. В городе, по казачьим станицам уезда осели бывшие офицеры царской армии. Каждый день поступали сведения об их контрреволюционной деятельности. Вскоре список лиц, ведущих антисоветскую агитацию, насчитывал 37 фамилий. Машуков ломал голову: «Кто организует поток клеветы на совдеп и большевиков?»

Однажды к Машукову пришел Новицкий, служивший в красногвардейском отряде, сказал:

— Вы наверняка знаете сына священника Львова?

— Да,— ответил Машуков.

— Ну, так вот,— продолжал Новицкий.— Монашка Анастасия, что работает у священника, рассказывала вчера на базаре какой-то тетке, что их Андрей чуть ли не каждый день справляет вечеринки у себя дома с офицерами. Попадья, говорит, замучила меня: то купи, это купи. Я стоял рядом и слышал все это. Дай, думаю, зайду в ЧК.

«Значит факты возведения клеветы на совдеп и большевиков, о которых нам сообщают граждане, не случайны,— подумал Машуков, разглядывая Новицкого.— Может быть, это и есть та скрытая рука, которая клонит все дело к дискредитации в глазах народа Советской власти?» Вслух же сказал:

— А что если мы с вами проследим, кто бывает в доме Львова?

Так и сделали.

В первый же вечер заметили, как с наступлением темноты к дому священника один за другим прошли офицеры, в числе которых были Барсуков, Андреев, Казанцев. «Гости» находились у священника до глубокой ночи. Через определенные промежутки времени из дома к воротам выходили один, а то и два человека. Долго курили и снова шли к священнику. Расходились после полуночи по одному.

Машуков и Новицкий, спрятавшиеся за забором соседнего дома, слышали, как Львов, провожавший полного офицера, говорил:

— Мы с каждым днем должны усиливать свою работу как в городе, так и в станицах.

Спустя некоторое время другой офицер сказал своему спутнику:

— А стальной щит, мне кажется...

Через несколько дней поступил сигнал о готовящемся взрыве Народного дома. Высланные к нему чекисты нашли под полом бикфордов шнур. Обрывки такого же шнура обнаружили в доме капитана Юдина, который, как было замечено ранее, бывает на «вечеринках» у Львова. Несмотря на принятые меры, УЧК не удалось выявить людей, готовивших взрыв. Машуков, выставив у Народного дома охрану, продолжал расследование.

«... В это время,— читал Андреевич,— из Семипалатинска вернулся Иван Новицкий, которого несколькими днями раньше посылал туда командир роты Красной Армии с ходатайством на получение оружия. В этот же день Новицкий посетил Машукова и рассказал, что на обратном пути заметил человека, который показался ему подозрительным.

— Пароход «Монгол»,— рассказывал Машукову Новицкий,— плыл вверх по течению Иртыша. Казалось, он стоял на месте. Лесистый горный берег по левому борту выглядел сказочно. Красота природы, приближение родных краев радовали пассажиров. Чувствовалось веселое оживление, и я тоже присоединился к кругу молодежи, стоявшей на палубе, спел с ними «Варшавянку». Песня перекатывалась по предгорьям Алтая.

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

Все, в том числе и команда парохода, были в хорошем настроении. Только один пожилой и полный человек сидел на черном чемодане у правой кормы, где был сложен разный груз, и не принимал участия в нашем веселье. Чувствовалось, смех людей раздражал его. Он время от времени посматривал на нас исподлобья. Вдруг двигатель остановился. Пароход стало сносить вниз по течению, но загремела цепь якоря, и он стал. В трюме была обнаружена вода. Полдня прошло, пока откачивали воду и заделывали пробоину.

Работали все, а толстяк продолжал сидеть на своем чемодане, как наседка на гнезде, и тупо смотрел на широкий в этих местах Иртыш. Казалось, все происходящее на пароходе его не касалось. «Может быть, болен»,— подумал я и решил проявить участие, а заодно попытаться выяснить, кто он и куда едет. Когда подошел к нему и спросил: «Вы, товарищ, не больны?», пожилой поднял голову и глухим голосом ответил: «Какой я тебе товарищ?» Тут же отвернулся и продолжал смотреть на отходившие от парохода волны. Он так это сделал, что мне стало неловко. Но интерес к пожилому у меня не исчез. Наоборот, подумал, а не везет ли он в чемодане какую-нибудь контрабанду. Граница-то рядом!

Солнце клонилось к горизонту, когда, наконец, раздался протяжный гудок: пароход приближался к пристани Усть-Каменогорска. Пассажиры засуетились, завязывали мешки, закрывали чемоданы. Стал собираться и я. А пожилой продолжал сидеть. Когда пароход причалил к верхней пристани, поднялся и направился к выходу. Он шел, тяжело переступая по прогибавшемуся под ним трапу. Не знаю, заметил еще кто-нибудь, но мне это бросилось в глаза, и я не пошел домой, в Заульбинку. Свернул за угол первого от пристани дома и присел на стоявшую у ворот скамейку. В это время, сойдя на берег, пожилой осмотрелся, увидел извозчика, стоявшего в стороне, подошел, положил на телегу чемодан и они поехали в сторону переправы, а я направился к тебе. Повез его Афоня Бедарев, что живет на Артиллерийской улице...

Машуков вызвал Бедарева и допросил его. Тот рассказал:

— По пути я спросил толстяка откуда, мол, пожаловали. «Это неважно. Вот, возьми деньги и молчи»,— буркнул незнакомец. Получив денег в два раза больше, чем положено, я умолк, стал понукать лошадь. Так и доехали до парома, стоявшего у крепости. Когда переезжали через Иртыш, уже темнело. Над городом сгустились тучи. Поднялся ветер, но вскоре стих. Пошел проливной дождь. Все выбоины и арыки переполнились водой. Черное пальто насквозь промокло и человек дрожал от холода. Заезжая в станицу, я спросил:

— До какого дома ехать изволите?

— Оставь меня здесь, сам найду!— ответил незнакомец.

Торопясь, я повернул было назад, но тут с левого переднего колеса слетела шина и я стал надевать ее. В окнах виднелись огоньки керосиновых ламп. Не переставая,

лаяли собаки, а дождь все лил и лил. Пассажир же постоял немного, поднял тяжелый чемодан и пошел по скользкой дороге. Возле дома с соломенной крышей уверенно открыл калитку. Громко затявкала собака, но никто не вышел. Незнакомец поднялся на веранду, настойчиво постучал в окно и сразу же шагнул к большой дубовой двери...

Из справки, приобщенной к протоколу показаний Бедарева, Андреевич узнал, что в день приезда толстяка к дому, где он остановился, Машуков послал красногвардейцев.

Рано утром незнакомец вышел из дома с черным чемоданом и быстрым, легким шагом направился к Иртышу. Здесь на берегу, ниже парома, его поджидал старый казак с лодкой. Он-то и перевез «гостя» на правый берег реки. Вскоре пароходом «Монгол» тот уехал в сторону Семипалатинска.

Хозяином дома, в котором ночевал неизвестный, был Виноградский Петр Иннокентьевич. В справке далее отмечалось, что Виноградский почти нигде не бывает, но его иногда навещают казачьи атаманы из окрестных станиц и офицеры из города.

— В Павлодаре он действовал более открыто,— заметил вслух Андреевич.— Работал помощником атамана, а потом еще и уездным войсковым начальником. Здесь же совсем иначе, так сказать, с соблюдением конспирации. Но от людского глаза не скроешься!

Далее следовали документы, касающиеся операции по ликвидации антисоветского офицерского подполья в Усть-Каменогорске.

Операцию решено было начать с ареста капитана Юдина. Когда красногвардейцы Иван Новицкий, Кабидолла Кусманов и Сергей Гончаренко зашли к нему домой, старик, чистивший лошадей, спросил:

— Вам кого?

И, не ожидая ответа, добавил:

— Если Андрея, то его нет. Уехал!

— Как же нет!— удивился Новицкий.— Он же только что вошел в ворота. Вы, дедушка, за работой, видимо, не заметили.

Новицкий, Кусманов, Гончаренко прошли в дом и, предъявив хозяйке ордер, начали обыск. Новицкий открыл двери в кладовую и, увидев Юдина с револьвером в руке, отскочил в сторону:

— Руки вверх!

В ответ один за другим прогремели два выстрела. Юдин кричал:

— Убью всех! Уходите прочь!

Не отвечая ему, Новицкий полез по лестнице на чердак, откуда хорошо было видно Юдина, приказал:

— Сдавайся!

Юдин хотел было прижаться к стене, но выронил револьвер и нагнулся, чтобы взять его. В этот момент Гончаренко и Кусманов ворвались через открытую дверь в кладовую. Гончаренко схватил Юдина за правую руку, резким движением завернул ее за спину. Тут подоспел спустившийся с чердака Новицкий и поднял револьвер. Втроем они вытащили Юдина в сени.

Выстрелы в доме Юдина насторожили Ивана Барсукова, проживавшего неподалеку, и он, до того безмятежно дремавший на кровати, вскочил, отбросил половик, поднял крышку и спустился в подполье.

Арестовал Барсукова первый помощник Машукова, член ЧК Александров. Он пришел в дом с двумя красногвардейцами в тот момент, когда мать Барсукова, дородная женщина, прикрыв крышку подполья, стелила на нее половик.

— Мы из ЧК,— представился Александров.— Где ваш сын Иван?

— Нет его. Уехал на пашню,— ответила женщина.

— На основании вот этого ордера мы произведем у вас обыск,— пояснил Александров.

Красногвардейцы осмотрели все комнаты, а когда один из них встал на колено, чтобы заглянуть под кровать, ощутил боль в коленке, угодившей, как выяснилось позднее, на металлическое кольцо.

— Да тут, видно, ход в погреб,— сказал красногвардеец, сдвигая половик.

Подошел Александров, поднял крышку.

— Эй, кто там? Вылазь!

Ответа не последовало. Взяв со стола лампу, Александров передал ее красногвардейцу.

— Посвети-ка, брат!

Он быстро спустился по лестнице в подполье и, увидев там большой деревянный ящик, в которых сибиряки в зимнее время обычно хранят мясо, открыл его. На дне ящика лежал... Барсуков. Александров направил на Ивана револьвер. Барсуков нехотя встал, поднял руки.

К ночи были арестованы многие участники офицерской организации. Виноградского оставили. Машуков не знал, что во главе заговора стоял именно он и что на свободе остались заговорщики, принявшие активное участие в контрреволюционном перевороте.

... Июнь 1918 года в Усть-Каменогорске был жарким. И только вечерами, когда с Каражальских гор начинал дуть свежий ветер, в городе становилось прохладнее.

В ночь на 11 июня в совдепе состоялось экстренное заседание. Его открыл Яков Ушанов. Он сообщил, что по полученным сведениям в уезде готовится контрреволюционный мятеж. Возглавляет его бывший полковник царской армии Виноградский. Комиссар связи Пахотин тотчас позвонил в Семипалатинск. Губернский совдеп дал указание: «Власть Советов отстаивать с оружием в руках. В случае неудачи эвакуироваться на пароходе в Семипалатинск».

— Будем сражаться до конца!— закончил свое выступление Ушанов и, повернувшись к комиссару городского хозяйства Дмитрию Ослопову, предложил:

— Немедленно поезжайте к комиссару Кротову, возьмите из его сейфа списки большевиков и уничтожьте их. С вами поедет Николай Горбачев. Вдвоем сподручнее.

Когда Ослопов и Горбачев выехали в Комендантку, на улице было уже темно. У моста через реку Ульбу стоял часовой Иван Касьянов, знакомый Ослопова. Пропуская комиссаров, он шепнул:

— Вооруженные верховые казаки пытаются проехать через мост. Угрожают охране. Я об этом сообщил в штаб Красной гвардии.

Проезжая через мост, Ослопов и Горбачев обратили внимание на всадников, которые маячили на берегу. В портфеле Горбачева был револьвер. Достав оружие, комиссар зарядил его и положил в правый карман пиджака. А сзади уже слышался цокот копыт. Вскоре двое верховых преградили им путь. Один спросил.

— Кто вы? Откуда едете?

— Мы — рабочие с завода. Едем из Народного дома,— ответил Горбачев.

Белоказаки сами не осмелились напасть и, круто повернув коней, ускакали к своим.

Кротова дома не застали, но списки нашли и сожгли в печке. В эту минуту соседи Кротовых сообщили, что белоказаки разыскивают двух комиссаров. У моста поставили свой караул, чтобы при возвращении задержать Горбачева и

Ослопова. На обратном пути пришлось сделать крюк через деревню Согра.

В ту же ночь вооруженные белоказаки во главе с Виноградским переправились на пароме в город, атаковали крепость. Начался бой. К белоказакам присоединились офицеры из повстанческой организации Виноградского.

Обстановка усложнялась. Среди защитников крепости появились убитые, раненые. Красноармеец Иван Новицкий подбежал к отстреливающемуся Ушанову.

— Яков Васильевич! Все вокруг занято белоказаками. Давайте перевезу вас через Иртыш.

— Нет!— возразил Ушанов и продолжал отстреливаться.

Новицкому же сказал, чтобы тот плыл до ближайшей деревни и сообщил о положении в городе. Это указание красногвардеец выполнить не успел, так как все ближайшие к городу села уже были заняты белыми.

У защитников крепости кончились боеприпасы и они пошли в штыковую атаку. Но лавина белых смяла их. Ушанов, Машуков, Шумовский, Куратов, другие комиссары, совдеповцы и красногвардейцы были взяты в плен. Их тут же увезли в городскую тюрьму.

Решив, что совдеповцы эвакуировались на пароходе, Ослопов и Горбачев направились в Семипалатинск. На станции Аул они узнали, что в городе Советская власть свергнута белогвардейцами. Губернский совдеп, большевики и красногвардейцы, всего около 700 человек, направились в Барнаул. В Рубцовке, Волчихе шли ожесточенные бои. Горбачев и Ослопов решили присоединиться к своим и повернули обратно. Они считали, что красногвардейцы, если и не смогли удержать крепость, то укрылись в горах или же в лесах Алтая. Но в деревне Долгой им сказали, что все оставшиеся в живых совдеповцы и красногвардейцы арестованы и заключены в тюрьму. Через некоторое время в деревню нагрянули белоказаки. Горбачев, имевший револьвер, долго отстреливался, затем скрылся в ближайшем лесу. Ослопова же схватили, увезли в Усть-Каменогорск и посадили в тринадцатую камеру, в которой содержались Яков Ушанов и Александр Машуков. Надзиратели, белогвардейские офицеры Толмачев, Юдин, Мамонтов издевались над заключенными. Выстрелом через волчок двери был тяжело ранен Яков Васильевич Ушанов. Пуля вошла под правую лопатку и осталась там. Потом полицейские вывели из камеры в коридор комиссара Машукова. Все

думали, что его вызвали на допрос, но не успел Машуков перешагнуть через порог, как раздался выстрел. Заключенный крикнул:

— Да это же самосуд! Что вы делаете?!

Полицейские потащили его по коридору, а он все кричал:

— Прощайте, товарищи! Прощайте!

Так погиб один из членов совдепа Усть-Каменогорского уезда.

На другой день в дверях камеры снова открылся волчок, вспыхнуло пламя выстрела. Пуля попала Гавриилу Ослопову в голову. Он скончался. Полицейские появились в камере, где сидел Дмитрий Ослопов — брат погибшего Гавриила. Они зверски избили заключенного. Комиссар потерял сознание, а на следующий день был отправлен в лазарет. Думали, он там умрет.

Красноармейцу Ивану Новицкому удалось доехать до ближайшей деревни. Но она была занята белоказаками. Новицкого арестовали, доставили в тюрьму. Два раза его водили на допрос к Виноградскому, который стал начальником Усть-Каменогорского военного гарнизона. Виноградский допрашивал арестованного с пристрастием, пытал его. Новицкий стойко переносил побои, его окровавленного снова бросали в камеру.

Была арестована невеста Ушанова Лида Брютова, отец Машукова, его братья, в том числе и двенадцатилетний Ваня.

Члена совдепа Шоки Башикова привезли в тюрьму из аула. Его били плетью, обливали ледяной водой и мокрого оставляли в одиночной камере.

...Закончив изучение материалов, Андреевич еще долго сидел за столом, обдумывая все до мелочей. Утром он доложил Павловичу свои соображения. Посоветовавшись, решили начать следующий допрос Виноградского с предъявления показаний извозчика Бедарева.

Ознакомившись с показаниями, Виноградский признался:

— Мужчина, приезжавший ко мне домой, был Березовский, полковник, председатель войскового хозяйственного управления Сибирского казачьего войска. Занимая когда-то должность помощника атамана третьего военного отдела Сибирского казачьего войска, я был особенно близок с ним. Приезд Березовского в тот дождливый вечер не был для меня неожиданностью. Наша беседа началась с того, что гость передал мне приветы от атамана Красильникова, пол-

ковников Катанаева, Волина, других общих знакомых и сослуживцев по Сибирскому казачьему войску. Он рассказал о сложившейся в Прииртышье обстановке, о деятельной подготовке к свержению Советской власти в Усть-Каменогорском уезде. «Мне поручено передать,— сказал Березовский,— что после падения Советской власти в Омске вам следует собрать всех офицеров, казаков и преданных Отечеству солдат, разгромить совдеп, захватить Усть-Каменогорск и организовать свою власть на местах... Все это сделаете после получения телеграммы из Омска».

Проводив Березовского, я пригласил к себе приближенных казаков, тех, с кем до этого установил тесный контакт, разъяснил им задачи по свержению народной власти в Усть-Каменогорске. Приказал подготовить оружие, боеприпасы, пасти лошадей неподалеку от станиц. Кое-кому вручил маузеры и наганы, которые привез Березовский...

Свидетель Петров на очной ставке с Виноградским показал:

— Это было в последних числах мая, по старому стилю, около шести часов вечера. Я постучал в дверь дома, в котором проживал Виноградский: нужно было передать телеграмму, извещавшую о том, что в Омске свергнута Советская власть. Я недоумевал: «Почему об этом должен знать Виноградский?» Конечно же, не знал, что это был сигнал к белогвардейскому мятежу, а то бы дал прочитать ее Машукову. Потом, на почте, я слышал, что телеграфную ленту носили комиссару связи Пахотину, он сожалел о моем визите к Виноградскому...

Виноградский подтвердил факт получения телеграммы о свержении Советской власти в Омске. После того, как свидетель Петров ушел, Андреевич спросил:

— Вы и после переворота ездили в Омск с отчетом?

— Нет,— ответил Виноградский.— В том не было нужды, так как я стал начальником гарнизона белогвардейских войск в Усть-Каменогорском уезде и уполномоченным командира второго Степного корпуса. Вскоре меня назначили командиром лично мною сформированного полка, с которым в июне 1919 года я и отбыл на фронт...

— Наконец-то! Сколько ни вертелся, а все же назвал своих омских единомышленников,— сказал Павлович после того, как Андреевич доложил ему о последних признаниях Виноградского.— Это они, атаманы Красильников, Анненков, полковники Волин, Катанаев, Волков и другие создали в Омске подпольную контрреволюционную организацию

«Тринадцать», которая была ядром всей белогвардейской контрреволюции в Сибири и в Северо-Восточном Казахстане.

— А почему «тринадцать»?— спросил Андреевич.

— По числу офицеров, которые изъявили желание сформировать белоказачьи дружины, возглавить борьбу против Советской власти. Официальное оформление организация получила под Омском, в станице Атаманской, где был проведен нелегальный съезд или, как его называют казаки, войсковой круг. Организация «Тринадцать» занималась подготовкой переворотов, которые имели место в Павлодарском и Усть-Каменогорском уездах.

Павлович помог Андреевичу спланировать последние следственные мероприятия по делу, определил сроки их выполнения. В заключение сказал:

— Поработали неплохо. Заканчивайте следствие, направляйте дело в трибунал. Враги Советской власти должны понести заслуженную кару. Им не уйти от расплаты!

Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками. Тот, кто стал черствым, не годится больше для работы в ЧК. Чекист должен быть чище и честнее любого — он должен быть, как кристалл, прозрачным.

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

В. ГРИГОРЬЕВ

ИСПЫТАНИЕ

НОВЫЙ СОТРУДНИК

В Петропавловскую уездную ЧК Порфирьев пришел в августе 1920 года. Член уездного исполкома следователь Лука Дульский быстро сблизился с новичком и нашел в нем такого же заядлого книголюба, как и он сам. В редкие часы отдыха Порфирьев и Дульский шли в городскую библиотеку и возвращались оттуда с целыми связками книг. Стройной системы друзья не придерживались: читали Достоевского и Чехова, Карамзина и Честерфилда, Лермонтова и Гюго.

Обстановка в уезде в ту пору была неспокойной. Порфирьева об этом предупредили еще в Петропавловском укоме партии. Секретарь укома Соколов в конце беседы сказал:

— Продовольствие и транспорт — вот самые уязвимые места, по которым пытаются бить враги Советской власти. Мы придаем этим вопросам первостепенное значение. Не забывайте о них и вы.

После небольшой паузы Соколов добавил:

— Вашим начальником будет опытный чекист Дьяконов. Он тоже новичок в нашем городе, заменил Анучина. Вы раньше, кажется, работали в чека?

— Да. До ранения служил в особом отделе армии,— ответил Порфирьев.

— Тогда вам будет легче входить в курс дела. По согласованию с Сибчека направляем вас помощником к Дьяконову. Желаю успехов в работе, как говорится, ни пуха, ни пера...

Дьяконов встретил новичка приветливо.

— Это хорошо, что вас прислали. Я тут без помощника,

как без рук. Ребята у нас замечательные. Но их мало. А работы...— Дьяконов устало махнул рукой.

Еще раз внимательно посмотрев на своего помощника, он спросил:

— Если не ошибаюсь, мы с вами уже встречались? Помоему, в Челябинске. Так ведь?

— Точно,— улыбнулся Порфирьев.— Вы руководили тогда операцией по очистке города от анархистов. Я же находился в составе группы, выделенной особым отделом Восточного фронта. Там же ранение получил и вот теперь, после госпиталя, в строй возвращаюсь.

Глядя на Виктора Ивановича Дьяконова*, Порфирьев вспомнил ту краткую характеристику о начальнике, которую услышал в Омской губчека. Сотрудники отдела заявили тогда, что Дьяконов — прирожденный чекист. Профессиональный революционер, большевик с 1906 года, он имел за плечами огромный опыт нелегальной работы, и это накладывало свой отпечаток на всю его деятельность. Омичи подчеркивали, что отзывчивый и чуткий к людям, Дьяконов беспощаден к себе, трудится до полного изнеможения.

Серые глаза Дьяконова казалось бы излучали саму доброту. Медленная, но четкая, выразительная речь, почти полное отсутствие жестикуляции говорили о том, что Виктор Иванович имел немалые навыки пропагандиста.

Дьяконов вкратце обрисовал Порфирьеву обстановку в уезде. Даже из его порой обрывочных фраз было ясно, что положение на местах весьма серьезное. За годы гражданской войны местная промышленность пришла в упадок. Небольшая кучка рабочих с мясокомбината и железнодорожного депо занималась изготовлением топоров, ножей, зажигалок... В городских уездных учреждениях пригрелись бывшие белогвардейцы, только внешне смирившиеся с победой Советской власти. В селах и аулах поднимали головы кулаки. Серьезным противником нового строя Дьяконов считал и зажиточную верхушку казачества, под влиянием которой продолжало оставаться большинство станичников.

---

* Дьяконов Виктор Иванович (1889—1929). Активный участик революции 1905—1907 гг. Неоднократно подвергался репрессиям со стороны царского правительства. Член КПСС с 1906 г. Один из организаторов Красной гвардии на Урале. С 1918 г. в органах ЧК, в особых отделах армий Восточного фронта, а с марта 1920 г.— в аппарате Омской губчека. С осени того же года по апрель 1921 г. в Петропавловской уездной ЧК. Позднее — работник транспортного отдела ОГПУ.

Вот в такой сложной обстановке и начал свою работу на новом месте чекист Порфирьев. Большая помощь сослуживцев, особенно Луки Дульского, помогла ему избежать серьезных ошибок. Дульскому уезд был хорошо знаком, и он быстро находил верное решение в деле, которое Порфирьеву представлялось запутанным и сложным.

— Ты не удивляйся, Иван,— сказал однажды Дульский.— Мне здесь многое известно. В восемнадцатом, чудом сбежав от расстрела, я почти год у крестьян по селам скрывался. Всю их подноготную знаю, с кулаками не раз лицом к лицу сталкивался.

С наступлением холодов обстановка в уезде заметно ухудшилась. Многие коммунисты и комсомольцы стали жертвами кулацкого террора. Различные банды, возглавляемые врагами Советской власти, совершали налеты на ссыпные пункты, уничтожая собранное по продразверстке зерно. Бандиты с поразительной точностью были информированы о передвижениях продотрядов и красноармейских частей, легко уклонялись от боя. Настораживало и другое. Во многих селах, хуторах, станицах неизвестные лица расклеивали антисоветские воззвания. В отличие от прежних белогвардейских листовок в них не было прямого призыва к свержению Советской власти. Речь шла о том, что крестьяне и казаки должны бороться за «новую» Советскую власть без коммунистов, за отмену продразверстки и введение свободной торговли, за замену диктатуры пролетариата «трудовой демократией». Такие «воззвания» появлялись до прибытия в села, станицы продотрядов. Работники уездного продовольственного комитета отмечали, что там, где появлялись эти листки, сдача хлеба по продразверстке резко сокращалась.

Не только Порфирьев, Дульский, но даже и Виктор Иванович Дьяконов не могли тогда знать, что все эти действия являлись составной частью нового плана контрреволюции по свержению Советской власти. План этот существенно отличался от предыдущих. Реакция рассчитывала на мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков, сохранивших в ряде мест довольно сильные позиции среди кулацких и зажиточных кругов села и большой части буржуазной интеллигенции. Эсеры вновь выдвинули на повестку дня свою глубоко антинародную реакционную теорию о том, что крестьянству чужды и диктатура буржуазии и диктатура пролетариата. Крестьянство, по их словам, имеет свои особые интересы и представляет независимую «третью силу».

Эта сила, говорили эсеры, установит власть «трудовой демократии». Подобная передвижка власти вправо вполне удовлетворяла махровую реакцию.

В июле 1920 года в Париже лидеры различных групп белоэмиграции создали «Внепартийное объединение», которое поручило руководство действиями «третьей силы» меньшевикам и эсерам. Исполнительным органом объединения стал «Административный центр», в который вошли лидеры эсеров А. Керенский, В. Зензинов, В. Чернов и другие. Военный отдел центра возглавил полковник Махин. Он говорил, что свержение Советской власти начнется с кулацких мятежей в Сибири, Северном Казахстане, Поволжье, на Дону, Северном Кавказе, Украине. В этих районах страны сохранились казачество, сравнительно большая прослойка кулаков и зажиточных крестьян, а по продразверстке изымалась основная масса хлеба для голодающих. Контрреволюционные мятежи, по утверждению Махина, создадут острый продовольственный кризис в Москве, Петрограде, вызовут волнения в армии, среди трудящихся масс.

Эсеры и меньшевики умело маскировали классовую сущность своих действий. Союз с Деникиным и Колчаком основательно подорвал их влияние в народе, и они решили выступить от имени беспартийных. Под этой маской, с лозунгом «Советы без коммунистов» в руках эсеры стали выдавать себя за «защитников» крестьянства, трудящегося человека.

В Сибири, Северном Казахстане подготовку мятежей вел «Сибирский крестьянский союз». Эта эсеро-кулацкая организация возникла весной 1920 года. Ее возглавляли В. Игнатьев, И. Юдин, Тагунов-Ельшевич. Летом в «союз» влились подпольные белогвардейские организации. Уездные комитеты «союза» действовали в районах Кокчетава, Атбасара, Акмолинска. В Петропавловском уезде под контролем комитета находились казачьи станицы, поселки и хутора, отдельные воинские части.

Не зная всех этих подробностей, а лишь догадываясь о них, Виктору Ивановичу Дьяконову трудно было отстаивать свои взгляды, вносить предложения.

В начале октября 1920 года состоялось очередное совещание ЧК. Проинформировав сотрудников уездной ЧК о поступивших из центра указаниях, Дьяконов заявил, что активность бандитов и появление антисоветских воззваний имеют самую прямую связь.

— Я думаю,— сказал он,— что в уезде действует хорошо

законспирированная, разветвленная антисоветская организация эсеровского направления.

— Виктор Иванович! Да откуда у нас взяться эсерам? Не переборщил ли ты?— с заметной иронией спросил начальник отдела Эльпединский.— Я еще могу согласиться с тем, что в уезде сохранились колчаковцы, анненковцы. Но эсеры! По-моему, Колчак так напугал их, что этим говорунам лет десять понадобится, чтобы опомниться от страха.

— Вы не правы, товарищ Эльпединский,— возразил Лука Дульский.— Над сообщением Виктора Ивановича стоит подумать.

— Думай, думай! А я считаю, дело надо решать проще. Арестовать всех бывших офицеров и поговорить с ними с глазу на глаз. Сразу все и узнаем.

— Это как «не стесняясь»? Растолкуйте, пожалуйста,— попросил Виктор Иванович.

Эльпединский усмехнулся.

— А что, разве мы с ними церемониться обязаны? Разговор, по-моему, должен быть краток: либо сообщай нужное, либо к стенке.

— Ну, а если арестованный действительно ничего не знает. Как тогда?— подал голос Порфирьев.

— Тоже мне нашли овечек! Сними с них шкуру и окажется, что под ней волк спрятан.

— Утомился ты, товарищ Эльпединский,— заметил Дьяконов.— Давай-ка вместо меня поезжай на совещание в Омск. Отдохнешь немного. Вторым пошлем Порфирьева, пусть присмотрится, научится кое-чему.

В конце совещания Дьяконов попросил Порфирьева задержаться.

— У меня к тебе, Иван Спиридонович, две просьбы. Первая — передай вот это письмо уполномоченному товарищу Павлуновскому. Иван Павлович человек вдумчивый, цепкий. Если ему подробно пояснишь, о чем у нас сегодня шел разговор, он выскажет свои соображения. У него, как я понял, золотая голова. За всю Сибирь и Дальний Восток в ответе. Вторая просьба: зайдешь к товарищу, который лечением ведает, попросишь, чтобы Эльпединскому дали путевку. Может быть, пошлют на Урал или в Кокчетав. Там в Боровом, говорят, места изумительные. Грязи лечебные есть. Сделаешь?

— Конечно, Виктор Иванович!

— Ну, ступай.

В КОМАНДИРОВКЕ

Омск встретил дождем и снегом. В общежитии роты охраны при представительстве ВЧК по Сибири, куда поселили Порфирьева, других участников совещания, было чисто, но холодно. Комендант в ответ на просьбы чекистов отпустить немного дров развел руками: столица красной Сибири, как и вся страна, жила на голодном топливном пайке.

Соседом Порфирьева оказался бывший сослуживец по особому отделу Восточного фронта Альфред Чигович. Увидев Ивана Спиридоновича, он кинулся к нему, обнял и, радостно похлопывая по плечу, приговаривал: «Вот, хорошо как! Вот хорошо!». Затем присел на краешек кровати, достал свою длинную рыбацкую трубку, закурил. Пуская клубы дыма, стал рассказывать о том, кого из общих знакомых довелось ему встретить за последнее время.

— А ты-то, Ваня, где теперь работаешь?

— В Петропавловске.

— Да ну? У Виктора Ивановича Дьяконова? У моего давнишнего приятеля?

— У него. Хороший человек, верно?

— Замечательный. Революционер профессиональный. Опыт большой. Все поймет. Не то, что я.

... Программа совещания оказалась большой. Выступившие руководители отделов полномочного представительства ВЧК по Сибири, ревтрибунала, Сибревкома изложили свои наблюдения, выводы, к которым пришли.

В последний день совещания выступил И. П. Павлуновский. Он отметил, что руководство ВЧК обеспокоено сложившейся в стране обстановкой. Народ измучен войной. Наркомат земледелия сообщил, что многие районы страны вновь подвержены неурожаю. Голод вызвал у части трудящихся колебания. Враги рабоче-крестьянской власти активизируют свою подрывную деятельность.

После небольшой паузы полпред сказал:

— Хочу обратить ваше внимание на следующую выдержку из циркулярного письма ВЧК: «Нужны героические усилия, нужна напряженная работа изо дня в день, иначе мы можем оказаться перед разбитым корытом. Поэтому ВЧК снова предписывает вам, дорогие товарищи, уделить самое усиленное внимание вопросам транспорта, продоволь-

ствия, военному делу и антисоветским партиям, которые должны быть обезврежены и сведены на нет...»*

— Вот точно! Все точно!— заметил сидевший рядом с Порфирьевым чекист из Атбасара Бокша.

«Это главнейшая и первейшая наша задача,— продолжал читать Павлуновский,— все остальное должно быть оставлено в стороне».

После ужина в общежитие шли группой: Рогачев, Бокша, Широков, Чигович, Порфирьев, Эльпединский. Широков рассказывал анекдоты, подтрунивал над Чиговичем. Говорил, что тому со своей прокуренной трубкой надо определяться в моряки: «Сразу сошел бы за капитана, а то все принимают за обычного мастерового, и никакая вдовушка на пироги не зовет».

Чигович не успел ответить на шутку: за поворотом раздался пронзительный крик:

— Помогите!

Бокша и Порфирьев бросились первыми, за ними Чигович. Пятеро грабителей, взяв в кольцо мужчину и женщину, сняли с них пальто и, угрожая оружием, стали снимать верхнее платье. Высокий бородач направил на Бокшу и Порфирьева наган, приказал остановиться. Убедившись, что приказ не подействовал, грабитель выстрелил, но Бокша увернулся и, подскочив к бородачу, сильным ударом вышиб у него из рук оружие. Порфирьев крикнул:

— Руки вверх! ЧК,— и, спокойно забрав у грабителей оружие, предложил всем пройти до комендатуры представительства ВЧК.

— Что, начальники, на Варламовскую** хотите отправить?— спросил бородач.

— Тебя бы на месте пристукнуть,— сквозь зубы выдавил Бокша.

Подошел военно-чекистский патруль. Сдав ему задержанных грабителей, оружие, назвав свой адрес, чекисты направились в общежитие.

К Павлуновскому Порфирьев попал в день своего отъезда***. Полпред внимательно прочитал коротенькое письмо Дьяконова, спросил:

---

* М. Лацис. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. ГИЗ, 1921, стр. 56.

** На Варламовской № 45 располагалась Омская губернская ЧК (авт.).

*** Павлуновский Иван Петрович (1888—1937). Член КПСС с 1905 г. За революционную работу в войсках в 1907 г. царский суд приговорил

— Воззвания, о которых пишет Виктор Иванович, появлялись и в казачьих станицах?

— И в станицах, и в селах.

Павлуновский понимающе кивнул головой, закурил папиросу. Порфирьев сидел, ожидая возобновления прерванной беседы. Ему почему-то страшно захотелось пить, но он не решался встать, подойти к графину с водой. Прошло минут десять. Наконец полпред встал и, сделав несколько шагов по направлению к стоявшему в углу сейфу, заговорил:

— Дьяконов прав. Контрреволюция рядится под эсеров, говорит их голосом. Это покажется странным, но эсерам больше всего станет помогать казачество. В том, что нас не побить в открытом бою, казаки убедились. Но вот «улучшить» власть на свой манер они, пожалуй, еще захотят. Неумелое проведение разверстки, нарушение классового принципа им на руку. Передайте Виктору Ивановичу, что необходимо срочно установить наиболее видных в прошлом эсеров города, проверить их связи, проникнуть в их среду. Надо разобраться и в настроениях бывших офицеров: не все из них пришли к нам с честными намерениями. Посмотрите, кто из бывших тесно связан с эсеровскими активистами.

— Ваш город и уезд,— продолжал Павлуновский,— манят к себе эсеров и их новоявленных союзников потому, что они рассчитывают на сибирское казачество. К тому же в Петропавловск стекается хлеб, собранный по продразверстке в других уездах. А это — приманка вдвойне. В общем, программа действий определяется четко. Не так ли?

— Да, товарищ полпред.

— Тогда не буду вас задерживать. Передайте большой привет Виктору Ивановичу. До свидания!

... Вопрос о лечении Эльпединского решился быстро:

его к 4 годам тюрьмы. С 1911 по 1917 г. по заданию Петроградской организации большевиков работал присяжным поверенным, защищал рабочих на судебных процессах. В годы империалистической войны вел активную работу в Московско-Заставском районе Петрограда. Активный участник Февральской революции, член Петроградского Совета, сотрудник Петроградского военно-революционного комитета. После победы Октября И. П. Павлуновский под руководством Н. В. Крыленко работал по ликвидации ставки верховного главнокомандующего. С 1918 г. на руководящей работе в ВЧК — ОГПУ. Работал начальником особых отделов 5-й армии, Восточного фронта, заместителем начальника особого отдела ВЧК, полномочным представителем ВЧК — ОГПУ по Сибири, Закавказью, заместителем наркома РКИ.

помогла записка Виктора Ивановича к Павлуновскому. Чигович, не расстававшийся с Порфирьевым, недовольно хмыкал, когда сотрудник медицинского отдела попытался упрекнуть Ивана Спиридоновича в том, что тот получает путевку для своего сослуживца вне очереди.

— Ты знаешь, Иван,— сказал Чигович, когда друзья шли на железнодорожный вокзал за билетом.— В семнадцатом с февраля по май я отлеживался в нижегородском госпитале. Там же и в партию вступил. Так вот один врач нас, фронтовиков, костерил за то, что мы в «грозное время» на госпитальных койках валяемся. Чем-то этот чиновник мне того нижегородца напомнил.

— Слушай, Альфред,— перебил Чиговича Порфирьев.— Ты мне хоть немного о краях, где теперь служишь, расскажи. Я как-то не представляю Каркаралинск. Глушь, поди, страшная, а?

— Когда я в апреле прибыл в Каркаралинск,— сказал Чигович,— тоже так думал. Население местное — одни кочевники. Люди, правда, приветливые. А город, хоть и уездный, но маленький, всего четыре тысячи жителей. Правда, места изумительные. Рядом горы, леса.

Лицо Чиговича при воспоминании о красотах затерянного в степи городка озарила теплая улыбка. Но он тут же согнал ее и с неподдельной грустью заметил:

— Беда у нас с кадрами, Ваня. Настоящая беда. Вот сейчас на пару дней задержусь в Омске, буду для уезда людей выпрашивать. У нас в учреждениях работает слишком много бывших белогвардейцев, в основном анненковцы да дутовцы. Отступавшие атаманы побросали их больными, ранеными. Озлились они и на атаманов, и на Советскую власть: беспрерывно нам пакостят. Я уж половину проверил. Но уездные учреждения не закроешь. Военком Ляпин и тот в эсерах раньше состоял. Правда, работает пока неплохо.

Раскурив угасшую трубку, Альфред закончил свою мысль:

— В штабе Помглавкома по Сибири обещали помочь. Уже посылают одного товарища на должность военкома. Он после ранения, но, думаю, с обязанностями справится.

— Да, тяжеловато тебе,— посочувствовал Порфирьев.— У нас немного легче. Но тоже бывших много. И кое-кто из них никак не угомонится. В общем, забот хватает.

За разговорами незаметно подошло время прощания. Ударил станционный колокол, возвестив об отправлении

состава. Чигович крепко обнял Порфирьева, а затем, отстранившись, хлопнул его по плечу и, не оглядываясь, пошел к выходу в город. Не знали друзья, что им уже никогда не встретиться.

СЕРАЯ ПАПКА

Отчет о командировке Дьяконов выслушал внимательно, ни разу не перебив Порфирьева. Он только попросил повторить то, что говорили Павлуновский и Гузаков. Затем Дьяконов достал из своего сейфа серую папку и, вручив ее Порфирьеву, сказал:

— Здесь, Иван Спиридонович, все, что я собрал о местных эсерах. По-моему, наиболее яркая фигура в прошлом — некий Шантуров. Сейчас он старается быть в тени, ссылаясь на то, что при Колчаке был арестован. Но уж больно милостиво к нему белогвардейская контрразведка отнеслась. В общем, посмотри.

Прошло два месяца. Большой объем текущей работы, частые командировки отвлекали Порфирьева от дела Шантурова. Но серая папка, которую вручил ему в октябре Дьяконов, заметно растолстела. И все же Виктор Иванович был недоволен.

— Мало, очень мало пока сделано, Иван Спиридонович,— сказал он, выслушав доклад Порфирьева об итогах работы по материалам серой папки.— Ну-ка, давай все проанализируем вместе. Итак, чем мы располагаем?

— Шантуров Иван Никифорович, 38 лет, работает инструктором в управлении уездной кооперации,— без особого подъема доложил Порфирьев.— Несколько раз выезжал в командировки в станицу Ново-Никольскую, посетил села Токуши и Бугровое.

— Зачем?— спросил Дьяконов.

— Пока не удалось установить, Виктор Иванович.

— Дальше.

— К нему очень близки Севастьянов Александр Иванович. 29 лет, работает прорабом на строительстве дороги Петропавловск — Кокчетав, братья Федоровы, сотрудники уездного военкомата. Иногда вместе собираются у Севастьянова в доме по Пушкинской 39 или у управляющего делами уездного кооператива Геймана. Предлог один — скоротать вечер за картами.

— От остальных держатся замкнуто?

— Да, стараются к себе никого не подпускать.

— Ну что ж, и это уже кое-что. Держи под наблюдением. Фиксируй каждый шаг. Да, вот что еще. Побеседуй-ка с Лукой Ивановичем. Мне кажется, все происшедшее в Пресногорьковской должно быть тщательно проанализировано. И посмотри, нет ли тут связи с теми, кто окружает Шантурова?

Рассказ Дульского оказался интересным. В самом начале разговора Лука даже шутливо упрекнул Порфирьева:

— Вот ты, Иван, все время говорил, что я очень везучий человек. Как назло, в этот раз вышло наоборот. Об истории с моим полушубком ты знаешь. Так вот пришлось мне ехать в шинели. А ведь она только ветром подбита, так что прохватило до самых костей. Перед Пресногорьковской начался буран и всю ночь нам пришлось с возницей кружить на одном месте, хотя до села верст десять оставалось. Когда на горизонте светлеть начало и буран стал стихать, только тогда поверил — выберемся!

В волисполкоме мне сказали, что у Костыревых — это мои знакомые — остановился уполномоченный из Омска. Сразу пошел туда, но омича не застал. Поговорил с хозяевами, позавтракал, а как до постели добрался — не помню. С уполномоченным встретились вечером, за чаем. По всей форме представился, кто, откуда, Знаешь, смотрю на него: щеки ввалились, дышит тяжело, с каким-то хрипом, губы все время облизывает. Ночью пришел фельдшер и после тщательного осмотра сказал, что у приезжего возвратный брюшной тиф. А до этого омич — его фамилия Бырдин — рассказал о вещах, которыми должны заинтересоваться не только мы.

По поручению губкома Бырдин проводил в селах крестьянские конференции. В Пресногорьковской такая конференция проводилась сразу на пять волостей. На многих сельских сходах, где выбирали делегатов, кулаки, другая контра сумели взять верх. Среди делегатов оказалась большая группа тех, кто сразу же после открытия конференции потребовал удаления коммунистов. Они кричали: «Не надо нам партии. Пусть весь народ будет партией!», «Партийные нас к себе не пущают, ну и мы не должны их к себе пущать!». А кто-то во всеуслышанье заявил: «Довольно нам крутить головы. Буржуазия вреда не делала, а теперь и без буржуазии маемся!»*

* Партархив Северо-Казахстанского обкома КП Казахстана, ф. 2, оп. 1, д. 43, л. 2.

Дульский умолк, свернул «козью ножку» и, с удовольствием сделав несколько затяжек, продолжал:

— Беспокоит это меня. По всему видно, крепко поработали среди крестьян эсеры. Не скоро этот дурман удастся развеять. Про некоторых крикунов я узнал кое-что. Оказывается, у большинства под видом родственников живут бывшие офицеры. Отошли после тифа и опять за свое, только монархическую душу временно на эсеровскую заменили. Должен сознаться, работают тонко. В Пресногорьковской волостные власти на их провокацию клюнули, часть делегатов конференции арестовали и, конечно, не тех, кого надо. Кулачье в восторг пришло — такой повод для агитации в их руках. Повсюду стали кричать: «Большевики народных избранников арестовывают. Нужно очистить Советскую власть от коммунистов».

Дульский с каким-то озлоблением докурил самокрутку и, бросив обжигавший пальцы окурок в переполненную пепельницу, запил водой из стоявшей на столе кружки табачную горечь.

— Мужиков по моей просьбе выпустили, а крикунов поместили в милицию. Что касается офицеров, то нам надо проверить, с какой стати дворяне в родню к кулакам записываются.

Когда прощались, Лука обернулся и, в дополнение к сказанному, заметил:

— Костыревы и некоторые мужики из других сел говорили мне, что на сходах при выборах делегатов им по требованию кулачья пытались всучить от имени общества «приговор». Один экземпляр такого «приговора» я передал в уком. Думаю, его составляли эсеры: там и передача земли в частную собственность, и свобода торговли, и свобода печати, и свобода партий... Столько свобод требуют, что у мужиков головы кругом идут.

ВОРОТОВ И ЛУКИНИЧНА

Рассказ Дульского заставил вспомнить о случае, внешне, казалось бы, не имевшем отношения к делу Шантурова. Еще в сентябре по пути в Перводаровку секретарь местной партячейки рассказал Порфирьеву о том, что почти у каждого кулака в качестве приемного члена семьи живет бывший офицер. У Ивана Ерыгина, который раньше держал ямщину, находится Яков Пятков, дворянин, в прошлом офи-

цер колчаковской армии. Вышло так, что Порфирьеву довелось увидеть Пяткова. Кто-то разбросал по селу листовки с призывом бить комиссаров, не сдавать хлеб по продразверстке, бороться за созыв Учредительного собрания. Секретарь ячейки уверял, что все это дело рук Ерыгина. Вместе с милиционером и некоторыми местными коммунистами Порфирьев пошел к кулаку с обыском. Дом Ерыгина был заметен издалека. Крашенная охрой железная крыша, большая застекленная веранда, резные наличники, большое подворье — все говорило о былом размахе. Из рубленой баньки неслись пьяные голоса. Порфирьев с секретарем пошел на голоса, остальные направились в дом. Когда секретарь распахнул дверь, сидевший на лавке мужчина голосил:

А мы же их порежем,
А мы же их побьем,
Последних комиссаров...

В этот момент из-за его спины выглянул полуодетый человек и, заглушая песню, громко поздоровался с секретарем. Певцом оказался Пятков, а тот, второй, был из Петропавловска и представился Воротовым Дмитрием Аркадьевичем, помощником бухгалтера мехового подотдела уездного экономотдела.

Месяц спустя, уже в Петропавловске, Порфирьев увидел Воротова в обществе Шантурова и Севастьянова. Он стоял перед ними, как молодой офицер перед генералами, навытяжку, угодливо кивал головой.

Обедать Порфирьев пошел домой. День хоть и был морозный, но безветренный. Лишь кое-где в голубом поднебесье курчавились легкие белые облака. Укатанная полозьями саней, дорога казалась глянцевой. Под лучами зимнего солнца снег искрился, заставляя редких прохожих жмуриться.

Хозяйка Лукинична, высокая худая старуха с большими светлыми глазами на желтом, почти пергаментном лице, увидев своего постояльца, начала сразу же хлопотать возле плиты и вскоре поставила на стол миску горячих щей. Вместо второго подала подернутый желтой пленкой кувшин утреннего молока.

Едва Порфирьев закончил трапезу, как хозяйка несмело сказала:

— Просить я вас за брата хочу, Иван Спиридонович.

— Что такое, Лукинична?

— Да брата моего совсем разорили, фунта хлебушка не осталось. Ни сеять, ни деток сыновних кормить.

— А где сын-то у него?

— Служивый он, Петька-то. Другой год служит, далеко отсюда. Озеро Байкал то место прозывается, поди слыхивал?

— Слыхал! А почему это у брата вашего хлеб весь забрали? Он что — укрывал чужой или совсем отказывался разверстку сдавать?

— Господь с тобой, Спиридонович, разве не понимает брат, что нужен армии хлеб. Да вишь, она заковыка-то в чем. Пока племяш дома был, засевали восемь десяток, а как ушел, только три и осилили. Брат Семен с одной рукой много не наработает. Так изверг энтот, председатель сполкома, разверстку со всех восьми требует. Семен сказывал, что полномоченный с уезду Воротов смеялся над ним, говорил: «Ты хотел коммунию с разверсткой? Теперь не вой!»

— Лукинична, повтори-ка, пожалуйста, фамилию уполномоченного.

— Да Воротов их фамилия. Он ишо в прошлом годе возвернулся из бегов. При Колчаке-то в управе служил. С ним сам городской голова Иван Альбинович Чарноцкий за ручку здоровался.

— Давай-ка мне, Лукинична, бумаги брата. Попрошу, чтобы разобрались

— Разберись уж, соколик! Не оставь ребятишек без хлебушка.

В уездном продовольственном комитете с делом брата Лукиничны разобрались в течение десяти минут. Извинившись за свою ошибку, сотрудники продкома пообещали Порфирьеву быстро исправить ее.

— Надо и нам меры принять,— сказал Дьяконов, выслушав рассказ Порфирьева.— Воротова за дискредитацию продовольственной политики Советской власти арестуем. С него и начинай разматывать клубок Шантурова.

Воротов знал немного, но его показания дали понять, что Шантуров строит свою организацию по принципу изолированных друг от друга ячеек, связь между которыми осуществляли специально выделенные для этой цели люди.

ТАИСИЯ ПОРЕЦКАЯ

Рабочий день Порфирьева обычно был утомительным. Однажды вечером, когда он с трудом выслушивал показания Отто Рейнца, бывшего студента Венского университета, ныне торговца наркотиками, посыльный, просунув голову в слегка приоткрытую дверь, сообщил:

— Вас, Иван Спиридонович, начальник к себе требует.

Наказав постовому, чтобы тот отвел Рейнца в камеру, Порфирьев пошел к Дьяконову. Виктор Иванович кивком пригласил присесть и продолжал читать какие-то бумаги. Через несколько минут он предложил Порфирьеву ознакомиться с рукописью. Два листа, вырванных из старой, пожелтевшей от времени ученической тетради, были исписаны мелким убористым почерком, третий лист — карандашом, большими неровными буквами.

Закончив внешний осмотр, Порфирьев прочитал письмо. Некая Тася П. сообщала своему возлюбленному Владимиру Ананьевичу Бороздину в Красноярск о мытарствах, которые ей пришлось пережить за полгода разлуки. Писала она и о том, что по вине бывших друзей Бороздина попала в очень неприглядную историю, после чего оказалась в тюрьме. Однако, подчеркивала Тася, с ее делом разобрались и после седьмого ноября она была освобождена.

«На меня,— писала Тася,— эта история произвела отрезвляющее действие. И до этого меня интересовали коммунисты, а теперь я окончательно решила познакомиться с их учением и начать работать с ними. Ты знаешь, даже в чека я встретила идейных коммунистов, прекрасных людей с душой чуткой и честной».

Заканчивалось письмо жалобой на одиночество и тоску, которые вынуждена переносить из-за разлуки. Судя по имевшемуся на конверте штемпелю, письмо было отправлено из Петропавловска 11 ноября 1920 года.

Написанный карандашом текст заставил Порфирьева призадуматься. Это был незаконченный протокол какой-то боевой группы. В нем шла речь о том, что предательница Таисия Порецкая приговаривается к смерти за измену «делу освобождения России и переход в лагерь антихристов коммунистов». Приговор надлежало привести к исполнению немедленно. Но слово «немедленно» лицу, составлявшему текст, дописать не удалось. Его рука остановилась на четвертой букве, и Порфирьев, читая бумагу, просто домыслил конец фразы.

— Виктор Иванович, как к тебе попали эти бумаги?— спросил Порфирьев.

— Два часа назад принесли пакет, который нам направили красноярские чекисты. В нем все это и оказалось. Они пишут в сопроводительной, что на днях производили арест членов одной террористической группы. Пытались это сделать внезапно, но террористы подняли пальбу. В живых остался лишь один человек — Владимир Ананьевич Бороздин. Он рассказал, что письмо Таси Порецкой у него выкрал член группы Алексеев и, обманом затащив на заседание, под дулом пистолета заставил писать протокол. Когда в комнату ворвались чекисты, Алексеев с криком «Изменник!» дважды выстрелил в Бороздина, потом стал отстреливаться от чекистов. Но в перестрелке был убит. Бороздин же через несколько часов умер. В его записной книжке нашли адрес Порецкой. Там же есть и адрес братьев Федоровых, которые работают у нас в военкомате.

— Ну и дела!— изумился Порфирьев.— Не знаешь, за что и браться.

— Вот что,— сказал Виктор Иванович.— Прежде всего нам нужно проверить жива ли Порецкая. Это я возьму на себя. На всякий случай надо незаметно прикрепить к ней кого-нибудь из ребят, которые по делу Шантурова работают. Займись этим. И, в-третьих, подумай, с какой стороны подойти к Федоровым. Чую, эти братья нам хлопот доставят. И немало!

Выяснив, что Таисия Порецкая работает в городской больнице, Дьяконов отправился в уездный отдел здравоохранения. Валентина Ивановна Чернышова, недавно назначенная заведующей, поздоровавшись с гостем, не без тревоги спросила:

— Виктор Иванович, неужели мои медики что-то натворили?

— Да нет, Валентина Ивановна,— улыбнулся Дьяконов.— К слугам Гиппократа у нас претензий пока нет. Дело у меня к вам, товарищ Чернышова, можно сказать, щепетильное. Надо бы с одной работницей больницы побеседовать и, если можно, в вашем кабинете. Через часик у вас рабочий день кончится, и я никому не помешаю. Убедительно прошу, о моей встрече с этой работницей никому ни слова. Над ней нависла беда, и кроме нас спасти человека некому.

— Ясно, Виктор Иванович. Говорите, кого позвать.

— Порецкую Таисию.

— Порецкую?— переспросила Чернышова.— По-моему, она у нас всего месяц работает. Кажется, приехала из Омска.

Направив за Порецкой рассыльную, Валентина Ивановна стала вспоминать, как в 1907 году в Уфе оказывала первую медицинскую помощь Дьяконову.

— Вы тогда из тюрьмы бежали. Все тело в ссадинах и порезах. Часа три я провозилась, наверное, флакон йоду вылила, а вы и не шелохнулись. Кажется, от нас прямиком в Златоуст направились.

— Туда,— подтвердил Дьяконов.— Захожу на старую квартиру, а там уже голубые мундиры поселились. Пришлось опять три года в тюремном университете политические науки изучать.

Воспоминания прервал осторожный стук в дверь. Переступив порог, в кабинет вошла молодая женщина лет двадцати пяти. Правильные черты лица, пышные светлые волосы, стройная фигура делали ее привлекательной.

— Товарищ Порецкая?— спросила Чернышова.

— Да! Таисия Николаевна.

— С вами хочет побеседовать товарищ Дьяконов. О чем, он скажет сам. Вы уже сдали смену?

— Ага...

— Ну что ж, Виктор Иванович, не буду вам мешать.

Чернышова попрощалась и ушла, наказав Дьяконову не забыть запереть дверь, а ключ отнести караульному милиционеру в уездный исполком.

Беседа с Таисией Порецкой не клеилась. Дьяконов пытался вызвать собеседницу на откровенность, просил назвать причину, из-за которой она попала в омскую тюрьму. Но Порецкая либо молчала, либо сводила разговор на другую тему. Наконец Дьяконов решился на крайнюю, как он считал, меру и сказал, что вынужден вести эту беседу вместо Владимира Ананьевича Бороздина.

— Ради бога, что с Володей? Он арестован?— встрепенулась Порецкая.

Ее лицо залила мертвенная бледность, а сама она как бы сжалась в комочек.

— Нет, произошло другое.

И Дьяконов, осторожно подбирая слова, рассказал ей о трагедии, разыгравшейся в Красноярске. Порецкая все больше бледнела. Она молча, потупив глаза, выслушала Виктора Ивановича и после того, как он закончил свой рассказ, тихо спросила:

— Мое письмо и этот, как его... протокол у вас?
— Да.
— Можно мне взглянуть?
— Посмотрите.

Дьяконов достал из внутреннего кармана пиджака сложенные вдвое листы, подал их Порецкой. Таисия мельком взглянула на свое письмо и, отложив его в сторону, стала читать протокол. По щекам ее скатывались крупные слезы. Через минуту Порецкая разрыдалась, то и дело повторяя: «Они заставили его писать. Он не хотел этого».

Дьяконов, как мог, успокоил Порецкую, сказав:

— Знаю, что вам трудно. Но если пожелаете продолжить нашу беседу, то действуйте через Валентину Ивановну Чернышову. Она позвонит мне.

После разговора с Порецкой Дьяконов решил немного пройтись пешком. Ветер, еще в полдень швырявший в лицо пешеходам заряды сухого колючего снега, утих. Подмораживало. Чистый холодный воздух обжигающе щекотал ноздри. Холод быстро проникал сквозь прохудившиеся валенки, и Дьяконов вспомнил о предложении коменданта Вагаева. Несколько дней назад тот, увидев, как Дьяконов пытается заткнуть дыры соломой, сказал:

— Товарищ начальник! Давайте я снесу их сапожнику, к вечеру будут отремонтированы. На прошлой неделе ребята из уголовного розыска сапожника задержали — воров прятал. Теперь вся милиция обувь в порядок привела.

Дьяконов уже хотел было согласиться на столь заманчивое предложение, но вспомнил, что надо идти на очередное заседание. «Эх, если бы нога была на пару размеров поменьше,— подумал он.— Взял бы валенки у Григорьевского. Зачем секретарю ЧК в рабочее время добротная обувь? Подождал бы!».

Для многих в те годы казалось странным, что чекисты испытывали те же трудности, что и рабочий класс страны. Они часто недоедали, нуждались в одежде, обуви. Но стойко переносили эти невзгоды. Не щадя здоровья, а подчас и самой жизни, сотрудники ЧК вели напряженную борьбу с врагами Советской власти. У некоторых из них на почве систематического недоедания и постоянного переутомления возникали тяжелые заболевания. Эльпединский, например, потерял здоровье за годы подполья и чекистской работы в Олонецкой губернии, на Украине и Восточном фронте. К ноябрю 1920 года он тяжело страдал от малокровия, туберку-

леза, неврастении. Лука Дульский ходил на службу с острой язвой желудка. Туберкулез легких непрерывно подтачивал силы Дьяконова. И так было не только в Петропавловской ЧК.

Решив про себя, что в интересах дела следует все-таки согласиться с предложением Вагаева, Виктор Иванович мысленно вернулся к разговору с Таисией Порецкой. Ему хотелось, чтобы она как можно скорее приняла наиболее верное и зрелое решение.

Но Порецкая дала о себе знать только в середине января нового 1921 года. Едва она заговорила, как Виктор Иванович понял: беседа не прошла бесследно, и он не зря потащился в столь поздний час в больницу.

В приемном покое было тепло, уютно. Отправив сестру в обход по палатам, Порецкая спросила:

— Скажите, Виктор Иванович, у вас хоть что-нибудь болит? Надо же мне как-то объяснить этот неожиданный визит.

— Можно, пожалуй, осмотреть прошлогоднюю рану,— нерешительно согласился Дьяконов.

— Отлично! Показывайте.

Дьяконову пришлось снять правый валенок, показать уже хорошо зарубцевавшуюся рану. Обильно смазав ее йодом, Порецкая сказала: «Вот так и сидите. Потом забинтую».

Подготовив все необходимое для перевязки, она заговорила:

— На днях меня разыскал один из сослуживцев Володи по Закавказскому фронту — Алексей Горячев. Я спросила, нет ли чего-нибудь от Владимира Ананьевича Бороздина. Он ответил: «Не время заниматься сейчас перепиской. Время тревожное, Россия в опасности!» Потом Горячев пригласил меня в одну компанию. Не знаю почему, но я согласилась.

Собрались в доме Севастьянова, инженера дистанции строительства дороги Петропавловск — Кокчетав, будто бы на именины его жены Шурочки. Пришли братья Федоровы, сослуживцы Алексея по военкомату, какой-то Шантуров, служащий рабкрина Петр Петрович Рогальский, еще несколько человек. Алексей познакомил меня с мужем Шурочки и тот, узнав, что я медик, страшно обрадовался, заявив: «Ну вот и предпоследняя задача решена». Потом сказал, обращаясь ко мне: «Вам, милочка, надо заранее под-

готовить необходимое количество медикаментов». Алексей стал делать Севастьянову какие-то знаки и тот умолк. Затем недовольно спросил: «Вы разве не посвятили свою спутницу в наше общее дело?» Алексей ответил, что собирался это сделать сегодня. Севастьянов с укором посмотрел на него и, сославшись на занятость по хозяйству, отошел.

В приемный покой впорхнула дежурная сестра и заговорила о том, что не знает, как быть с больным из пятой палаты, который капризничает и просит, чтобы пришел врач. Извинившись, Порецкая вышла вместе с сестрой. Вернулась она через полчаса. Снова смазав йодом рану, Таисия продолжила прерванный рассказ:

— Угощение Севастьяновы приготовили на славу. Можно сказать, довоенное. Даже икра паюсная была. Подвыпив, мужчины разбились на компании и вперемежку с анекдотами стали поругивать Советскую власть. У Севастьянова с Шантуровым разгорелся спор. Хозяин стал кричать, что проклинает тот день и час, когда связался с болтунами-эсерами, что Шантуров и его начальство недооценивают его работу, а ведь он вместе с братом сделал много для организации. Шантуров заметил, что Севастьянову не следует обижаться на руководство. Вся слава, мол, впереди. Хозяин сослался на рискованную службу брата в 253-м полку, где под разными предлогами удалось убрать с командных постов коммунистов, а на их места назначить верных организации людей. В разговор вмешался старший Федоров, потребовавший прекратить спор. Шурочка затеяла танцы, а через некоторое время все разошлись.

— Таисия Николаевна, речь об организации вели только Шантуров и Севастьянов?— уточнил Дьяконов.

— Один из присутствующих, беседуя с Рогальским, называл какие-то пятерки в селах, сравнивая их с теми, что были у генерала Волкова. Но о чем конкретно шла речь, не расслышала — ко мне вскоре подошла «именинница».

— Спасибо, Таисия Николаевна,— поднимаясь со стула, сказал Дьяконов.— Не скрою, мы кое-что об этих людях уже знали, но приблизиться к ним так, как удалось вам, мои сотрудники не смогли. Но и вам небезопасно долго оставаться в обществе Горячева.

— Почему?— спросила Порецкая.

— Нет у меня, Таисия Николаевна, полной уверенности в том, что Алексеев не познакомил с вашим письмом еще кого-нибудь. Видимо, он раньше работал в контрразведке и затащил Бороздина на «заседание» для психологической

проверки. Заодно рассчитывал удовольствие получить. Наверняка — садист. Не случайно заставил Владимира протокол писать.

Порецкая, не сказав ни слова, подошла к столу, подкрутила фитиль лампы. В помещении стало немного светлее, тени от предметов укоротились.

— Виктор Иванович,— после небольшой паузы сказала Порецкая.— Я все же не подчинюсь вам. Думаю, что за такую «фронду» на меня не обидитесь. Минуту назад сами обмолвились, что никто из чекистов приблизиться к компании Севастьянова не сумел. А я вот к ним запросто: своей считаюсь. Это — первое. Второе: у них что-то назревает серьезное. Не случайно же Севастьянов говорил о медике, как о предпоследней задаче. И, в-третьих, я теперь многим обязана вам, чекистам.

— Хорошо, Таисия Николаевна,— подавая на прощание руку, сказал Дьяконов.— Только очень прошу — будьте осторожнее. И еще. Если вам понадобится встреча со мной, а Чернышовой на месте не окажется, загляните на Ново-Мечетную 25. Это рядом со штабом 255-го полка. В доме живет наш сотрудник Порфирьев Иван Спиридонович. Его в городе почти никто не знает. К тому же в эту квартиру поселился всего неделю назад. Если встретит хозяйка, скажите, что вы врач и пришли к больному. Иван Спиридонович будет предупрежден. До свидания.

На следующий день Дьяконов пригласил к себе в кабинет Дульского и Порфирьева. Коротко пересказав беседу с Порецкой, он предложил все дела отложить в сторону и заняться Шантуровым.

— Не могу, Виктор Иванович,— сказал Дульский.— Вечером выезжаю во Всесвятское. Там опять неспокойно.

— Может, обратимся в отделение районной транспортной ЧК, попросим Соленика, чтобы помог нам,— предложил Порфирьев.

— На него рассчитывать не приходится,— возразил Дьяконов.— По заданию укома партии едет на неделю в Булаево. Остались мы, Иван Спиридонович, вдвоем. Ну что ж, и это сила. Начнем!

С арестом шантуровцев все же решили повременить. Дульский сказал:

— Поспешный арест ничего не даст. Надеясь на нашу неосведомленность, арестованные замкнутся, начнут тянуть время. Ниточка оборвется. Нам важно весь клубок размотать.

— Верно,— поддержал Порфирьев.— К тому же шантуровцы не единственная угроза для нас. Могут быть и другие, чисто офицерские организации. Не спугнуть бы!

— Ладно, подождем!— согласился Виктор Иванович.

С ЗАДАНИЕМ ВО ВСЕСВЯТСКОЕ

В командировку Лука Дульский выехал вместе с Порфирьевым. Секретарь укома Соколов и уездный военком Омельянович выбивали у Дьяконова согласие немедленно послать во Всесвятское двух опытных чекистов.

— Ты пойми, Виктор Иванович,— говорил Соколов.— Там бандиты мобилизацию крестьян в селах проводят. Опасность нависла не только над продразверсткой в районе, но и над поставками хлеба в Москву. В любой момент могут железную дорогу перерезать. А хлеб Москве — сейчас самое главное. Любую работу остановим, лишь бы поставки хлеба не завалить.

— Я отправил во Всесвятское почти всех коммунистов гарнизона,— подал реплику Омельянович.

— И из 253-го полка тоже?— спросил Дьяконов.

— Конечно!

— Ведь я же тебя, товарищ Омельянович, информировал о положении дел в полку. Что ты делаешь?

Всегда уравновешенный, Виктор Иванович на этот раз взорвался, вскочил со стула.

— Товарищ Дьяконов!— повысил голос Соколов.— Мнение укома ты знаешь. Хлеб, хлеб и еще раз хлеб.

— Но город оголять тоже нельзя. Сюда хлеб везут. И много...

— Ну хватит,— сказал Соколов и добавил:— Сейчас все внимание на Всесвятское. Заварится каша — кровью будем расхлебывать. У меня все!

Вагаев достал хорошую кошевку, на почтовом дворе взяли лошадей. Прихватив два карабина, около сотни патронов, поздно вечером отправились в путь. Кучер, низкорослый, но крепкий татарин, почти всю дорогу напевал какие-то заунывные песни. Порфирьев под его мелодию задремал и проснулся, когда остановились на ночевку в селе.

Утром, после небольшого отдыха и смены лошадей, снова тронулись в путь. Лука Дульский был одет по-зимнему: в старую, с заплатами на спине и рукавах овчинную шубу, в

шапку из черной мерлушки. Порфирьева от холода спасал старый дубленый полушубок.

Как только выехали за околицу, кучер свернул на неприкатанный зимник. Свежие лошади, не дожидаясь кнута, резво помчали санки. По обе стороны тянулись заснеженные перелески. Казалось, будто все живое уснуло под белым пушистым покрывалом.

Тишина располагала к раздумью. Под скрип полозьев Лука Дульский мысленно продолжал свой незавершенный спор с Владимиром Гозаком. На последнем заседании уездного исполкома они разошлись в оценке продразверстки. Гозак, ссылаясь на видных специалистов наркоматов земледелия и продовольствия, утверждал, что продразверстка позволит наладить непосредственный товарообмен города с деревней, сломит влияние и мощь кулачества, сблизит крестьян с рабочими. Лука же свои возражения основывал на личных наблюдениях, почерпнутых из жизни крестьян и казаков Петропавловского уезда. Во время многочисленных поездок он не раз слышал сетования крестьян на бесхозяйственность продразверстки. Когда Лука попросил одного из знакомых стариков объяснить, что тот подразумевает под словом «бесхозяйственность», он сказал:

— Продразверстка не дает мужику развернуться в полную силу. Советская власть будет получать от крестьян все меньше хлеба. Продотрядчики — ребята честные, но крестьянской жизни не знают. И от этого иногда нарушают законы, создают панику. Многие прислушиваются к мнению кулаков, зажиточных людей, переходят на их сторону.

Ответ старика заставил Луку вспомнить об итогах выборов волисполкомов. Они были неутешительными. В сводке Сибревкома говорилось, что во многих волисполкомах Петропавловского уезда обосновались кулаки, которые ведут работу, враждебную Советской власти.

Под вечер, на полпути между Пресновской и хутором Троебратским, когда порядком заморенные лошади уже роняли хлопья пены, из перелеска показалась группа верховых, человек пятнадцать, и с гиканьем помчалась к дороге.

— Это бандиты, мы пропали,— крикнул кучер.

— Лука, доставай карабин. Попытаемся отбиться,— сказал Порфирьев.

Узкая дорога заставила преследователей растянуться. Когда передние приблизились метров на сорок, Порфирьев открыл огонь. И сразу же сбил двоих. Бандиты попытались обойти кошевку справа, но, убедившись, что снег очень

глубок, отказались от этой затеи. Подняв пальбу, они попарно вновь поскакали по дороге. Порфирьев с Дульским залпом сбили первую пару конников. Погоня отстала.

Во время перестрелки Дульский сбросил тулуп и, конечно же, сильно промерз. В Пресногорьковской он почувствовал озноб, и Порфирьеву пришлось одному разбираться в кулацко-эсеровском заговоре. Он узнал, что толчком всему должен послужить так называемый «бабий бунт».

Начался «бабий бунт» в Белозерской, Падеринской и Усть-Суертской волостях Курганского уезда. Толпы женщин задерживали подводы с хлебом, направлявшиеся в город. Лозунг был один: «Долой продразверстку, спасем своих детей от голодной смерти». Позднее собрания женщин начались и в селах Всесвятского района. Резолюции, принимаемые на них, походили друг на друга, как две капли воды. После собраний за дело брались мужики. А вскоре появлялась банда. Разоружив милицию, налетчики проводили мобилизацию мужчин в возрасте от 18 до 45 лет.

Собранные в районе воинские части, продотрядчики и вооруженные коммунисты в течение трех дней разгромили банду, и уже 2 февраля Порфирьев вместе с прибывшим из Петропавловска отрядом отправился в обратный путь.

АРЕСТ

По настоянию Соколова всем, кто принимал участие в подавлении мятежа, устроили торжественную встречу. 5 февраля на центральной площади Петропавловска состоялся парад подразделений 255-го полка. Председатель уездного исполкома В. Г. Барлебен вручил командиру Нератову памятное Красное знамя. Затем выступили красноармейцы-коммунисты. От имени однополчан они дали клятву высоко нести знамя, врученное трудящимися Петропавловска.

Радостный, под впечатлением только что закончившегося торжества, явился Порфирьев на доклад к Дьяконову. Начальник был сумрачен. Выслушав доклад Ивана Спиридоновича, он подвинул к краю стола пачку телеграфных бланков:

— Прочти вот!

По мере того как пачка уменьшалась, исчезало радостное настроение и у Порфирьева. Из соседнего Ишимского уезда сообщали, что 1 февраля там начался мятеж. Подавить его пока не удалось. Более того, мятеж распространяет-

ся на другие волости. Почти во всех хуторах и станицах Петропавловского и Кокчетавского уездов казаки отказались сдавать хлеб. На перегоне Мамлютка — Петухово уже пятый день обстреливаются поезда. Бандиты непрерывно нападают на составы, идущие по дороге Омск — Тюмень. Шайки дезертиров среди бела дня стали наведываться в села и проводить свои «митинги».

— Вот что, Иван Спиридонович,— сказал Дьяконов, убедившись, что его подчиненный проникся тревогой.—Немедленно берись за серую папку. Всех, кто записан в нее, держи в поле зрения. Если что, возьмем как заложников. Обрати внимание на поведение колеблющихся. Надо сделать так, чтобы в критический момент они не принесли нам вреда. Ты в прошлый раз показывал мне бумагу о телеграфисте, как его?

— Хлес-Сковбель, Виктор Иванович.

— Скажи начальнику телеграфа, пусть под благовидным предлогом отстранит этого хлюста от работы с важной информацией. Надо изучить сведения об аппарате закупочной комиссии военкомата. Кто ее возглавляет, не помнишь?

— Кудрявцев Алексей Федорович.

— На него есть материалы?

— Было немного, за апрель прошлого года. Эльпединский сказал: «Ерунда», и все по акту уничтожено.

Дьяконов укоризненно покачал головой, но ничего не сказал. Попросив внимательно изучить личные дела сотрудников возглавляемой Кудрявцевым комиссии, он отпустил Порфирьева.

Переключившись на материалы серой папки, Порфирьев как-то острее стал чувствовать надвигавшуюся угрозу. Пришло известие об отправке одного батальона 253-го полка в район Голышманово, где мятежники захватили железнодорожную станцию. Оживились работавшие в военкомате братья Федоровы. Пополз слух о появлении в окрестностях города колчаковского генерала Белова. Петр Рогальский решил срочно выехать по делам в станицу Боголюбовскую. Но улики? Их пока не было. Обстановка в уезде накалялась.

10 февраля мятежники, захватив расположенную на линии Петропавловск — Курган станцию Петухово, прервали железнодорожное сообщение и телеграфную связь с Москвой. Стремясь не допустить развития мятежа в уезде, военком Омельянович направил в угрожаемые места небольшие отряды красноармейцев. В городе осталось около

300 бойцов из разных частей. Дьяконов, собрав горстку чекистов, взял на себя патрулирование прилегающих к зданию ЧК улиц.

— Пойдете по двое,— сказал он.— Так будет легче.

Напарником Порфирьева был Захар Шаповалов. Он не раз выполнял различные поручения Ивана Спиридоновича, и тот уже подумывал над тем, чтобы взять его и Поплевко в свой отдел. Коренной саратовец, Шаповалов в беседах часто вспоминал родные края. Его речь при этом лилась плавно, певуче, словно волжская вода. В такие минуты Порфирьев как-то невольно вспоминал свое детство.

Дом Порфирьевых стоял около самого ручья. Прибегая утром к нему, Иван слушал, как булькал и резвился поток. Прозрачная студеная вода обжигала тело, сбрасывая остатки сна.

Их надворье окружали липы. Отца потеряли рано и незнавшая прикосновения мужских рук бревенчатая изба почернела, осела, крыльцо покосилось. Мать, как могла, поддерживала в доме порядок. Выскобленный с песком пол сиял желтизной, стены и печка всегда были чисто выбелены. От дверей к столу бежала тряпичная дорожка с желтыми, черными и красными полосками. На столе горел огнем начищенный мягкой древесной золой большой пузатый самовар.

... Ближе к ночи город будто уснул. В морозной тишине четко прослушивались шаги патрульных, гудки маневрового паровоза на железнодорожной станции. Не верилось, что в двух десятках километров от города идет бой, льется кровь.

Утром на дверях административных зданий развесили объявления о сформировании в городе и уезде чрезвычайного аппарата по борьбе с кулацкими мятежниками. В оперативную пятерку вошли: председатель уездного исполкома Барлебен, исполняющий обязанности начальника 21-ой дивизии Быков, уездный военком Омельянович, член уездного комитета партии Федоров, председатель уездной ЧК Дьяконов. На следующий день город и уезд были объявлены на военном положении. Отряд особого назначения, в который вошли коммунисты и комсомольцы, перевели на казарменное положение.

Наказав всем сотрудникам и бойцам роты охраны не покидать здания ЧК без разрешения, Дьяконов вызвал Порфирьева и сказал, чтобы он три раза в день под разными предлогами наведывался к себе домой.

— Порецкая не давала знать о себе?— спросил Порфирьев.

— В том-то и беда, нет. И все же уверен, должна она появиться. Карауль ее!

Когда Порфирьев вечером пришел домой поужинать, хозяйка, лукаво поглядев на своего квартиранта, сообщила:

— А вас ждут, Иван Спиридонович. Такая симпатичная женщина. Врач. Я уже и чайку согрела.

— Спасибо, Лукинична! От чая не откажусь, да и гостью напоим.

Таисия Порецкая встала со стула, шагнула навстречу. Она была красива. Но во всем ее облике не было ничего от реставрированных пудрой, помадой и украшениями избалованных жеманных красавиц, каких Порфирьев видел в театре, на обложках старых журналов. Аккуратная беличья шубка плотно облегала стройную фигуру.

— Виктор Иванович сказал, что нужно срочно осмотреть вашу рану, назначить лечение,— улыбнулась Порецкая.

— Хорошо, Таисия Николаевна. Я правильно называю вас по имени, отчеству?

Гостья кивнула головой.

— Тогда, пожалуйста, присаживайтесь. Вначале выпьем по стаканчику горячего чая.

Дождавшись, когда хозяйка ушла к себе, Порецкая подала Порфирьеву листок бумаги и попросила, чтобы он как можно быстрее отнес его Дьяконову.

На четвертушке листа было изложено сообщение начальнику гарнизона мятежников в селе Красноярка о положении в Петропавловске на 10 часов вечера 12 февраля 1921 года. Порфирьеву бросились в глаза строки: «Войск в городе совсем нет. Город на осадном положении... Артиллерия имеется лишь на вокзале»*.

— Отправители этой депеши не кинутся ее искать?— спросил Порфирьев.

— Не думаю. Они отпечатали на машинке несколько экземпляров. Я положила на стол сверток с перевязочными материалами и незаметно взяла один листок. Севастьянов был доволен, что я принесла кое-что из больницы. Он все время распоряжался. По одному, по двое приходили какие-то люди. Выправка у большинства из них офицерская.

* ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 97, л. 49.

— Собирались в доме Севастьянова?

— Нет. В здании Рабкрина, в кабинете Рогальского. Там же и список коммунистов печатают. Адреса уточняет какой-то Фатеев. Он же и о методах казни речь вел. Ох, какие это бессердечные люди!— воскликнула Порецкая и от негодования передернула плечами.

— Может быть, вам, Таисия Николаевна, не следует больше возвращаться к ним? Вдруг нервы сдадут?

— Да, нет. Чувствую, что приношу людям пользу. И это прибавляет мне силы.

Дьяконов немедленно подписал ордера на арест всех активистов шантуровской организации, после чего провел короткий инструктаж выделенных на операцию людей.

— Нам товарищи, приходится торопиться. Времени остается в обрез. По последним сведениям мятежники сосредоточили для захвата города крупные силы. Ходят слухи, что во главе казачьих отрядов стоит генерал Белов. Не открывайте без надобности стрельбу. Руководит операцией Порфирьев. Начало в три часа ночи. Все!

В доме Рогальского захватили несколько человек, подлежащих аресту:

— Ну, Петр Петрович, облегчил ты нам работу, собрав у себя ястребков,— сказал хозяину чекист Шаповалов.— Жаль только, не вся ваша компания в сборе. А то бы совсем было приятно.

— Не рано ли торжествуете, господа-товарищи?— надменно процедил сквозь зубы Черемисинов.

— Ты, ваше благородие, Владимир Иванович, помолчи!— заметил Поплевко.— Как был, так и остался кадетом. Первейший супротивник Советской власти. Тебе и рта раскрывать-то не следует. Раз в эту компанию попал, все ясно.

В течение часа тридцать человек были доставлены в тюрьму. Из намеченных к аресту успел скрыться лишь младший брат Севастьянова, завхоз 253-го полка. Как ни старался Порфирьев провести операцию тихо-мирно, без пальбы не обошлось. В доме Княжичевых старший из братьев успел выхватить из-под подушки маузер. Одна пуля слегка ранила красноармейца, вторая обожгла ухо Шаповалову, третья, попав в стоявшую на столе семилинейную лампу, разбила ее. В наступившей темноте ответные выстрелы Шаповалова и Порфирьева оказались для Княжичевых смертельными.

Светало медленно. Ночь как бы нехотя уступала свое место новому дню. Ее союзником стал буран, внезапно налетевший откуда-то с севера. Но вот вьюга утихла, и на востоке из-за облаков показалось солнце. Сразу стало светло. Дьяконов, приказав никому не расходиться, пошел докладывать членам пятерки о ликвидации части контрреволюционного подполья. Улицы города ожили. У здания театра строился отряд особого назначения. Коммунисты и комсомольцы по команде Владимира Гозака равняли ряды. Обладавший могучим басом Гозак, щадя утреннюю тишину, командовал вполголоса. Лица чоновцев были серьезными. Не улыбался даже весельчак Купершмидт, секретарь комсомольской организации.

В штабе было людно. Срочные дела привели сюда заведующую здравотделом Чернышову, члена укома Якова Стронгина и многих других. Секретарь укома Соколов и председатель пятерки Виктор Германович Барлебен чуть слышно переговаривались между собой. Увидев Дьяконова, Соколов кивнул ему на стоявший рядом стул и несколько раз стукнул ребром ладони по столу, требуя от собравшихся тишины. Потом сказал:

— Товарищи! Ждать больше некого, все в сборе. Предлагаю начать объединенное заседание укома партии и оперативной пятерки. Прежде всего, заслушаем информацию военкома и руководителя ЧК. Давай, товарищ Омельянович, говори первым.

Омельянович с трудом поднялся из-за стола. За последние дни военком сильно изменился. Лицо его потускнело, под глазами появились темные мешки, плечи опустились. Тихим голосом он сообщил, что положение снова ухудшилось. Город окружен со всех сторон. У мятежников большое превосходство в силах. Батальон 253-го полка, который стоял в Архангельском, командиры сдали бандитам без выстрела. Вот-вот падет Ново-Павловка. К селу двинут последний резерв ЧК — коммунистический отряд особого назначения. Необходимо продержаться двое суток до прихода подкрепления из Омска и Кокчетава.

— Сколько у мятежников штыков и сабель? — спросил член укома Федоров.

— По нашим подсчетам на город наступают до семи тысяч, из них вооружены тысячи три. Примерно с тысячу конных.

— А чем располагаем мы?

— В городе осталось около двухсот красноармейцев, и

вот ушел к Ново-Павловке коммунистический отряд в сто пятьдесят штыков. Это все.

— Товарищ Омельянович, почему так плохо вооружен коммунистический отряд?— вступил в разговор Дьяконов.— У многих бойцов старые охотничьи берданки.

— Я приказал командиру пулеметного батальона выдать коммунистам винтовки и три пулемета,— ответил военком.

— Ни одного пулемета Гозак не получил,— подал реплику член укома Кузьма Казаков.

— А где командир 21-й дивизии Быков? Разве...

Но Барлебен перебил Дьяконова.

— Быков,— сказал он,— приказом помглавкома, как не обеспечивший руководство войсками, отзывается в Омск. Предлагаю пополнить состав оперативной пятерки по борьбе с мятежом.

— Уком рекомендует Якова Стронгина,— предложил Соколов и после минутного молчания, убедившись, что других кандидатур участники заседания не выдвигают, сказал:— Решено! Послушаем теперь Виктора Ивановича.

— Сегодня ночью ликвидирована часть антисоветской организации, которая готовила в городе мятеж,— стал докладывать Дьяконов, но в это время в комнату, где шло заседание, вошли двое: железнодорожник в замасленном ватнике с винтовкой в левой руке и чекист Шаповалов. Извинившись за столь неожиданное вторжение, они прошли к президиуму. Железнодорожник негромко, но четко сказал, обращаясь к Барлебену:

— Перехитрили нас бандиты, Виктор Германыч. Пропал коммунистический отряд! Человек тридцать прорвалось к вокзалу, остальные окружены.

— А Гозак?— спросил кто-то из присутствующих.

— С отрядом он.

Шаповалов наклонился к Дьяконову, сказал, что по приказу Порфирьева чекисты эвакуируются на вокзал. Туда же везут арестованных заговорщиков. Виктор Иванович, выслушав Шаповалова, доложил обо всем Барлебену и Соколову. Последовала команда:

— Заседание окончено. Всем отходить к вокзалу. Будем обороняться. У кого нет оружия, получит на вокзале...

НА ПОЧТЕ

Когда Дьяконов ушел в уком, Порфирьев решил еще немного полежать: что-то разболелась раненая нога. Но поворочавшись минут пятнадцать на старом ободранном диване, из которого торчали клочья ваты и концы стальных пружин, встал и вышел на улицу.

Уже совсем рассвело. Ночной буран наметал большие сугробы. Снег под валенками скрипел, мороз хватал за щеки, щипал уши. Прислонившись к калитке, Порфирьев задумался. Какая-то неясная тревога охватила его. Мысли одна мрачнее другой.

«А все этот... Севастьянов виноват»,— решил про себя Порфирьев.

Когда чекисты пришли в дом Севастьянова, хозяин побледнел, но быстро оправился от испуга. Уже на первом допросе в ЧК он заявил: «Не трудитесь, господин чекист. Я не из тех, кто предает своих. Для вас лично намыленная веревка и фонарный столб уже приготовлены. Захватив меня, вы лишь на время отсрочили собственную казнь. Но я надеюсь увидеть, как из-под ваших ног выбьют табуретку...»

«Интересно,— думал Порфирьев.— На что Севастьянов намекал? Неужели арестована только незначительная часть заговорщиков?»

Из задумчивости его вывел шорох чьих-то шагов. Порфирьев обернулся и увидел свою хозяйку. Помогая себе большой суковатой палкой, старуха с трудом пробиралась через образовавшиеся ночью сугробы.

— А я ведь к тебе, Спиридонович,— едва отдышавшись, проговорила Лукинична.— С оказией!

Старуха достала из-за пазухи сложенный конвертом платочек и, бормоча что-то себе под нос, развернула его, подала Порфирьеву два листа бумаги.

— Ночью прибегла та голубушка. Тревожная такая. Я уж успокаивала, успокаивала ее, а она все никак с дрожью не могла совладать. Потом дала один листочек, а на другом штось написала. Беспременно, говорит, бабуся, до утра надобно отдать. А ты, соколик, все никак не шел. Вот я и собралась.

Порфирьев поблагодарил хозяйку и, развернув первый лист, стал читать. Порецкая сообщала, что арест головки заговорщиков переполошил остальных. Об этом рассказал младший Севастьянов, когда прибежал спасаться к ней в

больницу. Потом сюда же пришел какой-то военный, Севастьянов рассказал ему о провале организации. Военный разозлился, стал кричать, сказал, что дело осложняется, так как мятежники, наступающие на город, рассчитывали на серьезную помощь изнутри, на то, что офицеры организации возглавят полки и батальоны. Потом немного успокоился и спросил есть ли люди, с помощью которых можно освободить арестованных. Севастьянов ответил утвердительно. Военный потребовал несколько листов бумаги и стал быстро писать. Решив поправить фитиль в лампе, Порецкая подошла к столу и незаметно прочитала написанное. Когда Севастьянов и военный ушли, она взяла чистый лист и по памяти восстановила текст письма. Первые же строки сняли с души Порфирьева неясное предчувствие тревоги. Теперь он знал, откуда грозила опасность.

«Наш верный человек сообщает,— писала Порецкая,— в городе с минуты на минуту ожидается переворот. Тюрьма подготовлена к освобождению, стража на стороне заключенных...»

— Ну, Лукинична, спасибо тебе от Советской власти и от меня лично,— сказал Порфирьев и осторожно пожал старушке руку.— Извини, Лукинична, что не могу тебе сейчас подводу дать домой доехать. Ты уж как-нибудь сама поторопись. Скоро здесь стрелять начнут.

И как бы в подтверждение этих слов, невдалеке гулко захлопали винтовочные выстрелы, скороговоркой простучала пулеметная очередь.

— Вагаев, Шаповалов, Поплевко, Григорьевский, срочно ко мне,— крикнул Порфирьев и, когда те подошли, распределил обязанности.— Шаповалов, быстро в штаб оперативной пятерки. Предупреди Виктора Ивановича, что эвакуируемся на вокзал. Ты, Вагаев, бери охрану и обеспечь доставку из тюрьмы арестованных, которые за нами числятся. Отправим их в Омск. Поплевко, бери в милиции коня и на вокзал, в транспортную ЧК. Найди там Глазкова, пусть готовит вагон для арестованных и обязательно позвонит в Омск. Григорьевский! Все оружие, документы грузи немедленно и отправляйся. Шифры, секретную переписку сжечь. Для охраны возьми шесть человек. Я — на телеграф.

На почте никого не было. Вместе со сторожем Порфирьев стал разбирать аппарат голыми руками. Часа через полтора его удалось снять с места, а потом с трудом дотащить до дверей. Повозки на месте не оказалось: кучер, заслышав

пулеметные очереди, стегнул кнутом рослого коренника и укатил в неизвестном направлении.

Пока Порфирьев раздумывал, что делать дальше, мимо, по улице, проскакали верховые.

— Казаки!— ахнул сторож и перекрестился.

— Ты чего, дед, крестишься? От радости или со страха?— настороженно спросил Порфирьев.

— Разве скотина, когда ждет от хозяина плетей, радуется?— ответил сторож и вновь перекрестился.

В этот момент к зданию почты в сопровождении двух верховых подкатила пролетка. На козлах сидел бородач в черном полушубке и серой папахе. Молодой человек, спрыгнувший с пролетки, что-то сказал верховым, и те рысью двинулись вдоль улицы, поглядывая на номера домов. Мужчина поправил широкий ремень, перехватывавший в талии офицерскую шинель, и направился к зданию почты.

— Бог ты мой!— отпрянул сторож от щели в ставнях.— Ведь это же сам Виктор Ляксандрыч.

— Кто такой?— негромко спросил Порфирьев.

— Сынок уездного начальника Соловьева. Батюшка-то их крутого нраву был. Да и этот недалече от него ушел.

— Вот что, дед. Я его сейчас в чувство приведу, а ты зови кучера и вместе с ним тащи аппарат на повозку. Я с этим Ляксандрычем опосля подойду...

Соловьев не ожидал такого резкого поворота в своей судьбе. Полчаса назад к нему на квартиру приехал младший Севастьянов и от имени руководства организации приказал отправиться на почту, подготовить телеграфное сообщение о взятии города войсками «Народной армии». «И зачем я отпустил охрану?»— ругал сейчас себя Соловьев, каждой клеточкой кожи ощущая на своей спине холодный ствол нагана, который держал в руке Иван Спиридонович.

Сторож и кучер пролетки погрузили тяжелый телеграфный аппарат «ЮЗ». Сев в пролетку рядом с Соловьевым, Иван Спиридонович послал кучера на почту за мешком с корреспонденцией и, когда тот скрылся в дверях, схватил вожжи и с места пустил лошадей вскачь. По пути к станции за ними увязалась погоня. Но после того, как Порфирьев бросил гранату и троих преследователей взрывом выбросило из седел, погоня отстала.

ОБОРОНА ВОКЗАЛА

Руководство обороной железнодорожной станции взял на себя Барлебен, так как после известия о гибели коммунистического отряда Омельянович совсем растерялся. Из ЧК привезли оружие и боеприпасы. Рабочие железнодорожники подходили к подводе, на которой вперемежку лежали винтовки, берданы, японские карабины и, взяв в руки оружие, шли к снежному валику, за которым укрылась редкая цепь чекистов и красноармейцев. Вагаев, вспомнив о своих обязанностях коменданта ЧК, подошел к подводе со словами: «Оружие только для коммунистов. Вам, товарищи, незачем подставлять под кулацкие пули свои головы». Но его одернул седоусый машинист. Открыв затвор винтовки, он деловито осмотрел казенную часть, вставил в нее обойму с патронами и сказал: «Бандиты не будут спрашивать, кто из нас партийный, а кто нет. Ты, начальник, тоже не спрашивай. Опосля разберемся, что к чему».

В полдень мятежники, используя кавалерию, попытались прорваться к станции, но были отбиты залповым огнем. В наступление пошла пехота. Густые цепи стрелков приблизились так близко к станции, что Дьяконов распорядился положить за валик всех, кто имел оружие. Выручил Вагаев. Сменив убитого пулеметчика, он лег за «максим» и короткими очередями прижал атакующих к земле. Мятежники отступили.

К вечеру пошел снег. Он припорошил вырытую за день, в промежутке между атаками, траншею, ровным слоем накрыл всю пустошь от вокзала до города.

Воспользовавшись временной передышкой, в здании вокзала собралась оперативная пятерка. Подвели итог дня. Несмотря на сложную обстановку, удалось вывезти на станцию некоторые ценности банка, важнейшие партийные и советские документы, оборудование телеграфа, всю документацию ЧК. Коммунисты 255-го полка рассказали, что командир пулеметного батальона Николай Сокольский приказал разобрать пулеметы для чистки. Бандиты, не встретив плотного заградительного огня, захватили богатые трофеи.

Учитывая тяжелое положение обороняющихся, их малочисленность, плохое вооружение, пятерка приняла решение: отправить семьи партийного и советского актива на стан-

цию Токуши. С этим же эшелоном выехали работники уездно-городского аппарата, не принявшие участие в обороне города.

О своем решении члены пятерки попросили Дьяконова сообщить в Омск. Когда Виктор Иванович зашел в маленькую комнатушку районной транспортной ЧК, инструктор Глазков, дежуривший третьи сутки подряд, спал, уронив голову на стол. Его лицо выражало сильную усталость. Но едва Дьяконов закрыл за собой дверь, как инструктор вскочил на ноги.

— Извините, Виктор Иванович. Вздремнул малость.

— Пошли, Николай, в аппаратную. Шифровку в Омск отправим. Что-то долго помощь не прибывает. Ты на ключе работать можешь?

— Курсы телеграфистов в Омске закончил,— не без гордости сказал Глазков.

— Ну, вот и хорошо. Садись к аппарату, я быстро текст зашифрую.

Омск был на линии. Глазков уверенно отбивал точки и тире, которые на другом конце провода выстраивались в тревожные слова: «Местные власти, партком, начдивизии и др. сегодня... эвакуировались на станцию Токуши. Петропавловск занят (мятежниками). Сдадено (мятежникам) три орудия, семь пулеметов. Есть потери со стороны наших частей, находящихся в городе. Все отступили на станцию Петропавловск»...*

Близкий разрыв снаряда потряс здание, заставил Глазкова на мгновение задержаться. И все же он передал весь текст, доложил:

— Все в порядке, Виктор Иванович! Телеграмму приняли. Просят от аппарата не уходить.

— Ладно, скоро вернусь. Надо узнать, что там случилось.

Когда Дьяконов вышел из аппаратной, увидел вблизи здания две свежие воронки. В воздухе медленно оседала поднятая взрывами снежная пыль. Стояла тишина. «В атаку сейчас пойдут. Надо скорей в траншею»,— подумал Дьяконов и, пригнувшись, побежал к укрытию. Здесь, в траншее, он отыскал Вагаева, попросил его не отходить от пулемета.

Дьяконов хотел пройти в другой конец траншеи, где расположилась группа работников укома, но в это время

* Госархив Омской области, ф. Р-28, оп. I, д. 1, л. 126.

кто-то кубарем скатился с бруствера и чуть не сбил с ног Поплевко, который осматривал затвор карабина.

— Осторожнее, черт!— ругнулся чекист.

— Прости, дружище!— ответил, вставая, Порфирьев.

В руках он держал неуклюжий «шош».

— Мастера все-таки наши деповские, Виктор Иванович,— сказал Порфирьев Дьяконову.— Полчаса всего и поковырялись А вот — готово! Теперь-то мы с Вагаевым дадим контре прикурить.

Где-то вдалеке ударили орудия. Перед траншеей вздыбились фонтаны земли. Затем навалилась гнетущая тишина. Вглядевшись в чернеющую даль пустоши, Поплевко тревожно крикнул:

— Идут!

— Кто идет?— думая о чем-то своем, спросил Вагаев.— А-а, эти!

Не спеша, он привстал со дна траншеи, посмотрел на густые цепи мятежников и кинулся к пулемету.

— Без команды не стрелять,— приказал Барбелен.

Поудобнее пристраивая «шош», Порфирьев отчетливо вспомнил, как однажды в феврале 1919 года на Восточном фронте ему пришлось участвовать в отражении атаки каппелевцев. Вместе с командиром полка он лежал в сугробе и ждал, когда первая цепь дойдет до израненной осколками березы. «Ох и посекли тогда белых!— мелькнула мысль.— А ведь многие из них рассчитывали на победу. Шли в атаку уверенно, чуть ли ни строем. Как сейчас».

Жиденькая цепь обороняющихся казалась Дьяконову до предела натянутой тонкой ниткой. «Нажмут бандиты,— подумал он,— не соберем костей». И твердо решил: не давать жать, не давать!

Какой-то красноармеец не выдержал, выстрелил. И началось! Временами захлебываясь, зачастил очередями «максим» Вагаева, гулко и размеренно бил «шош» Порфирьева, пулю за пулей посылали в бандитов коммунисты, красноармейцы, чекисты. Атакующие дрогнули, затем смешались и побежали назад. Первая атака была отбита.

— Виктор Иванович! Виктор Иванович!— прямо в ухо прокричал прибежавший в траншею Глазков.— К аппарату вызывают. Омск ждет!

Из губчека сообщили, что по решению Сиббюро ЦК РКП (б) и Сибревкома Петропавловску срочно оказывается помощь. Назывались номера алтайских полков, фамилии людей, направляемых в город и уезд. Дьяконов был доволен

тем, что руководство по разгрому мятежников поручалось опытным и решительным товарищам. Еще в четыре утра из Омска вышел бронепоезд «Красный сибиряк», в котором находится новый начальник 21-й дивизии Корицкий. «Этот не чета Омельяновичу,— рассудил Дьяконов.— Прошлым летом на Алтае банду Шишкина под орех разделал».

— Слушай, Глазков. Простучи-ка по линии, где там бронепоезд застрял. Не пора ли Корицкого встречать?

— Говорят, час назад из Токушей вышел. Где-то на подходе,— прочитав точки и тире, сказал Николай Глазков.

— Пошли встречать! Зови Барлебена и Соколова.

НАЧДИВ КОРИЦКИЙ

Бронепоезд тихо, без свистков, подошел к перрону станции и, лязгнув буферами, остановился. Тотчас открылась бронированная дверь, и молодой военный, не ожидая, пока принесут стремянку, спрыгнул на дощатую платформу. Поправив портупею, он быстрым шагом подошел к стоявшей у дверей вокзала группе людей, представился:

— Корицкий Николай Иванович. Назначен командовать войсками по обороне Петропавловского района.

Здесь же, на перроне, после взаимного обмена приветствиями, было принято решение: немедленно обстрелять из орудий бронепоезда позиции мятежников, не дать им возможности начать новую атаку. Через несколько минут бронепоезд повел прицельный огонь. В бой вступили и те три орудия 255-го полка, которые до того из-за отсутствия снарядов молчали.

Под грохот канонады Корицкий довел до членов оперативной пятерки план дальнейших действий.

— Подкрепление,— сказал он,— прибудет где-то к вечеру. И если мы сейчас не предпримем что-то решительное, за нас это сделают мятежники. Мой план таков: собрать все силы, ворваться в город. Если мятежники получат подкрепление раньше нас, отойти к вокзалу.

— Я за атаку,— заявил Дьяконов.

— Решение правильное,— поддержал Корицкого Барлебен.

Удалось собрать 200 пехотинцев, около 30 кавалеристов. Начдив Корицкий поставил задачу, цепи пошли вперед. Но мятежники, разгадав замысел, бросили в атаку сотню кава-

леристов. Вагаев и Порфирьев огнем своих пулеметов остановили конников, затем обратили в бегство. После небольшой заминки отряд коммунистов и красноармейцев снова двинулся к городу..

Порфирьев шел рядом с Поплевко и лишь изредка останавливался, чтобы пулеметной очередью сбить заслон мятежников. Перед наступлением Дьяконов приказал: «Во что бы то ни стало захватить предателя Сокольского, когонибудь из мятежных командиров». Поплевко ответил: «Не сумлевайтесь, товарищ начальник. Все как надо сделаем!»

Сокольского взяли в доме архиерея. В компании своих друзей, бывшего купца Полякова, владельца мыловаренного завода Чунарева, приближенных архиерея, он праздновал захват Петропавловска бандами, обмывал свое назначение на пост коменданта города.

— Праздник, господа, отменяется,— сказал Порфирьев, распахивая двери столовой.

— Ба, да тут все старые знакомые!— воскликнул он, разглядывая побледневшие от страха лица продавца наркотиков Рейнца, контролера РКИ Нечаева, работника тюрьмы Фатеева.— Ну, что ж, одевайтесь. Прогуляемся до станции. Может быть, в Омск путешествие совершите под охраной. И вы, ваше преосвященство, тоже с ними. Вместе выпивали, вместе и закусывать будете.

Позднее дела арестованных рассмотрели на заседании полевого ревтрибунала, председателем которого был назначен член оперативной пятерки Яков Наумович Стронгин. Все приговоры утверждал или отвергал штаб обороны.

Стронгин вел допросы квалифицированно, спокойно. Наиболее интересные показания дал Сокольский. С трудом раздвигая непослушные от страха губы, сказал, что был назначен на пост уездного начальника главарем мятежников атаманом Незнамовым. Последний приказал пустить среди казаков слух о том, что борьбой с коммунистами руководит сам генерал Белов. Выяснил трибунал и неприглядную роль архиерея, выступавшего связным между организацией Севастьянова — Шантурова и группами белогвардейцев.

— Так вот какими делами ты, святой отец, занимался,— сказал один из железнодорожников, присутствовавших на допросе.— Иуда ты, истинный крест!

Железнодорожник сплюнул на пол, перекрестился и, что-то бормоча себе под нос, вышел.

Далеко за полночь трибунал завершил свою работу. Его

решения с удовлетворением встретили бойцы и командиры, чекисты.

На рассвете потянуло теплым южным ветерком. Дьяконов сбил на затылок шапку, посмотрел в бесконечную небесную синь, невольно расправил плечи. Бойцы боевого охранения, преодолевая сон, вели наблюдение за местностью. Многие защитники станции, привалившись к стенкам окопов, к спинам товарищей, спали. Кое-где мерцали огоньки цигарок.

«Золотые все-таки у нас ребята,— подумал Дьяконов.— Голодные, промерзшие до самых костей. Прощают нам немалые промахи, изливают свою злость на куреве и мате по адресу контры».

— Виктор Иванович, пора идти. Сейчас Омск будет на проводе,— напомнил начальнику о его хлопотливых обязанностях Глазков.

В Омске к аппарату подошел Гузаков. После обмена приветствиями он сообщил, что помощь Петропавловску увеличивается. Вслед за освобождением города надо принять меры к успешному продвижению на запад, восстановить железнодорожное сообщение с Москвой.

Пока Глазков отстукивал первые слова о прибытии Корицкого и принятых им мерах, Дьяконов подготовил донесение. Оно гласило: «Петропавловск в наших руках. Нет достаточной силы для оперативных заданий, чтобы ликвидировать банды окончательно. Местами слышны перестрелки из домов и окон. Прибывает эшелон со стороны Омска... Положение на участке Петропавловск — Челябинск: имеется сообщение с разъездом Затон, на расстоянии от Петропавловска до разъезда 12 верст; послан восстановительный поезд из Петропавловска 9 февраля и отряд красноармейцев 253 полка в сторону Челябинска, который был отрезан на станции Мамлютка. Сегодня возвратился на разъезд Затон. В этом отряде находится работник ЧК станции Петропавловск товарищ Тихонов. Сейчас этот поезд прибудет в Петропавловск. Будут получены подробные сведения... С запада двигаются банды конные и подводы к направлению Петропавловска. Численность пока неизвестна»*.

Конец сводки Глазкову достучать не удалось: произошел обрыв связи. Почти одновременно со стен и потолка посыпалась штукатурка. Стекла со звоном лопнули, запахло едким дымом. Это артиллерия мятежников возобновила

* Госархив Омской области, ф. Р-28, оп. I, д. I, л. 48.

обстрел станции. Под ее прикрытием кавалерия и пехота бандитов двинулись в атаку.

Используя численное превосходство, мятежники ворвались на станцию, местами бой перешел в ожесточенную рукопашную схватку. Бандиты попытались забросать ручными гранатами паровоз бронепоезда, захватить его, вывести из строя. Защитники станции отчаянно сопротивлялись.

Порфирьев со своим пулеметом прикрывал здание вокзала. Перебегая с места на место, он имитировал многочисленность обороняющихся. Огнем «шоша» Порфирьев помешал мятежникам развить успех, выиграл те драгоценные минуты, за которые прибыла долгожданная помощь. В разгар рукопашной к станции подошел эшелон, и красноармейцы 249-го полка с криком «Ура!» бросились в атаку.

На следующее утро город был окончательно очищен от бандитов. Но увидеть победу Порфирьеву не удалось: пуля, выпущенная из кулацкого обреза, попала в правое легкое. Иван Спиридонович заметил длинную рыжую бороду стрелявшего бандита. Память подсказала, что это анархист Новоселов, тот самый, которого Порфирьев, Чигович и Бокша поймали осенью в Омске. Новоселов выстрелил еще раз, сердце чекиста остановилось.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Беспощадный смерч боев заметно опустошил ряды петропавловских чекистов. Когда вечером 16 февраля Дьяконов собрал аппарат уездной ЧК в свой кабинет, то из девятнадцати человек пришло только семь.

— Восемь убитых, четверо в отъезде, остальные налицо,— доложил Вагаев.

Дьяконов обвел взглядом собравшихся, тяжело вздохнул. К удивлению Шаповалова начальник повел речь не о возмездии за потери, а о том, что Советская власть самая справедливая и ей присущ гуманизм. Поэтому она непобедима!

— Мстит и зверствует только тот,— сказал он,— кто самой жизнью, историей обречен на гибель, как помещики, буржуазия, кулачье. У рабочих и крестьян есть прекрасное будущее — социализм. Мы, чекисты, представляем совесть рабоче-крестьянской, социалистической революции, и в наших душах не может быть места злобе и ненависти.

Виктор Иванович выдержал небольшую паузу и продолжил:

— Многие из нас за эти три дня потеряли своих лучших друзей и товарищей. Но мятеж пока не подавлен окончательно и, возможно, мы еще кого-нибудь не досчитаемся. Все может случиться. Идет жестокая борьба с опытным, коварным врагом, которому временно удалось привлечь на свою сторону наиболее отсталых и неграмотных крестьян. Враг выбит из города, но он еще не разбит окончательно, нам приходится быть жесткими. Но никто из вас не должен думать о мести. Надо помнить, что высшая правда революции, ее плоть и кровь — справедливость по отношению к человеку.

Шаповалов, как и все присутствующие, внимательно слушал Дьяконова. В конце своей речи начальник закашлялся и, приложив к губам носовой платок, осторожно сплюнул в него. На белом батисте ярко проступили пятна крови. «Никак чахотка у Виктора Ивановича»,— подумал Шаповалов и, внимательно посмотрев на Дьяконова, убедился в своем предположении. Железнодорожная куртка сидела на начальнике свободно. Тонкую бледную шею укутывал старенький шарф, и все же воротник куртки казался большим. Обычно худое лицо еще больше осунулось и даже аккуратная бородка не могла прикрыть болезненный вид. Как бы утонувшие во впадинах серые глаза и появлявшийся иногда на щеках неестественный румянец лишний раз убеждали в том, что Дьяконов болен и очень серьезно.

Пока Шаповалов присматривался к начальнику, тот стал перераспределять обязанности. Поплевко поручил оказать помощь транспортным чекистам, так как их осталось только двое. Вагаев, в дополнение к своим обязанностям коменданта, должен был на время заменить секретаря комиссии и помочь следователям.

— Теперь тебе, Александр Матвеевич, придется потораплиться,— улыбаясь, проговорил Дьяконов, и все присутствующие засмеялись.

Вагаева в аппарате любили, хотя иногда над некоторыми его привычками подшучивали. Рослый, наделенный от природы большой физической силой, никогда этим не кичился, был исключительно чуток и отзывчив.

До революции жизнь у Александра Вагаева шла, по его словам, не очень складно: никак не мог вырваться из нищеты. Отчаявшись, в 1914 году добровольцем ушел на фронт. Годы армейской окопной жизни приучили его к медлитель-

ности, которую Вагаев гордо называл выдержкой, не отдавая себе отчета в истинном значении этого слова. В ответ на поторапливания товарищей он шутливо отвечал, что за шесть лет войны постоянно опаздывал на встречу со смертью, и поэтому всем советует жить по пословице: тише едешь, дальше будешь.

Вагаев был последним, кому Виктор Иванович вменил дополнительные обязанности. Только Шаповалов остался без «нагрузки», и когда уже хотел возмутиться в связи с таким недоверием, Дьяконов укоризненно покачал головой.

— Не кипятись, Захар! Тебе тоже задание будет, и посложнее, чем другим.

Подождав, пока сотрудники разойдутся, Виктор Иванович на минутку прикрыл ресницами утомленные глаза, потом сказал:

— Многое мы не смогли понять и предупредить. Но борьба еще не окончена, надо сделать так, чтобы с нашей стороны жертв было поменьше. Да и с бандитами нужно побыстрее разделаться. А для этого надо знать, что они собираются делать.

— Выходит, мне к мятежникам идти придется?!— удивленно спросил Шаповалов.

— Тебе, Захар! Не побоишься?

— Боязно немного, Виктор Иванович,— признался Захар.— Не бывал я в таких переделках.

— Придется попробовать. Только боязнь в моем сейфе оставь. Когда вернешься — отдам. Договорились?

— Так точно!

— Тогда слушай. Во время уличных боев в плен сдалось много крестьян. Ясно, что они по принуждению пристали к бандитам. Но пока их держат в тюрьме. Завтра перед арестантами будет выступать Архип Бочагов, редактор уездной газеты. После его речи во дворе тюрьмы крестьян отпустят: через два месяца сев. Надо готовиться. Так вот, среди крестьян «по недосмотру» окажется несколько бандитов. Ты должен к ним пристроиться.

Виктор Иванович стал объяснять Захару, как проникнуть в один из главных штабов мятежников, добыть точные сведения о противнике. Дьяконов выразил сожаление по поводу спешки, которая помешала детально разработать легенду, продумать наиболее вероятные линии поведения. Риск из-за спешки большой, но ждать нельзя. Дьяконов рассчитывал на удачу, взяв во внимание три основных факто-

ра: враг тоже не располагает временем, торопится; контрразведывательный аппарат у мятежников пока не налажен; у Шаповалова много качеств, которые помогут ему выполнить ответственную задачу.

Еще раз окинув Захара испытующим взглядом, Виктор Иванович сказал:

— О том, как меня будешь в известность ставить, условимся потом. Ну пока, Захар. Готовь себя к серьезному испытанию.

В ТЮРЬМЕ

В камере Шаповалов освоился быстро. Весь тюремный персонал обновился, и Захар чувствовал себя относительно спокойно. Его здесь никто не знал. Арестованные, в большинстве своем крестьяне, вели неторопливую беседу о своем нехитром житье-бытье. Некоторые, лежа на нарах, мирно похрапывали. Кое-кто докуривал цигарку, изредка перебрасываясь с соседями ничего не значащими фразами.

Через полчаса к Шаповалову подсел арестант, по одежке смахивающий на крестьянина. Но стоило ему заговорить, как Захар понял, что это птица покрупнее. На полублатном жаргоне он спросил, откуда новичок. Шаповалов объяснил, что не здешний, захватили под городом. В беседе старался использовать слова, которые удалось запомнить еще до революции в тюрьмах приволжских городков, куда несколько раз, по милости исправника и помещиков, направляли «на перевоспитание».

Новый знакомый Шаповалова Тимофей Ялымов, выбрав момент, шепнул, что надо бы держаться вместе. Он боится, что крестьяне их разоблачат как чужаков, а в ЧК не любят, когда ты называешь себя крестьянином, а на поверку выходит другое. Захар сочувственно кивал головой. В конце беседы Ялымов сказал:

— Есть еще один... из наших. Хочешь, познакомлю?

В отличие от Тимофея новый знакомый не владел жаргоном. «Офицер»,— решил Шаповалов, разглядывая его белые холеные руки. Договорились быть вместе, не выдавать друг друга.

Утром красноармейцы вывели обитателей камеры во внутренний двор. Начальник тюрьмы объявил, что по поручению уездного комитета партии большевиков и уездного исполкома перед задержанными выступит редактор газеты

«Мир труда» Архип Бочагов, который расскажет о том, в какое болото хотели затянуть крестьян кулаки и эсеры, как обстоят дела с мировой революцией. По рядам прокатился оживленный рокот. В нем угадывались и изумление, и радость, и надежда на скорое возвращение домой.

Шаповалову речь Бочагова понравилась. С юношеским пылом редактор обрушился на мировую буржуазию, которая мешает рабочим и крестьянам успешно залечить раны войны, поднять из руин фабрики, заводы, пахать и сеять. «Да,— задумчиво произнес стоявший впереди Захара пожилой крестьянин.— Землица ждет хозяина. Надо домой».

Освобожденных по очереди спрашивали, откуда они, из какой деревни. Представитель ЧК Вагаев делал у себя в списке пометки, а работник исполкома вручал на прощание листовки политотдела Петропавловской группы войск.

Когда очередь дошла до Шаповалова и его новых знакомых, произошла заминка. Один из крестьян, подозрительно посмотрев на них, громко заявил, что надо повнимательнее разобраться с гражданами, которые примазываются к хлеборобам.

— Что ты, земляк, придираешься!— спокойно возразил Шаповалов.— Я бригадиром назначен, а это вот писарь из нашей деревни. Мобилизован тоже. А что обличье у него не мужицкое, так матушка — учительница.

— Ладно, пусть проходят,— тая в уголках глаз усмешку, заметил Вагаев и поставил в своем списке крестик.

— Крепко вы меня выручили,— сказал «писарь» Шаповалову, когда «друзья» отошли от ворот тюрьмы на некоторое расстояние.— Куда теперь думаешь податься?

— Даже не знаю,— ответил Захар.— Я ведь случайно попал... Сам-то саратовский. С нашей деревни крепкие мужики к Ваське Серову в отряд подались, а я вот, дурак, не схотел. Потом пришлось сюда, в Сибирь, пробираться. Хозяина, где остановился, здешняя ЧК забрала вместе со мной. Я-то прикинулся мужиком с Ишимского уезда, пронесло.

— Я вам обязан жизнью и помогу,— пообещал «писарь».— Будем пробираться в Ново-Никольскую. Там, говорят, всем делом вершат Кудрявцев и Токарев. Меня они хорошо знают, помогут определиться. Да, кстати, повтори-ка свою фамилию, я в камере из-за шума не расслышал.

— Липатов Павел,— спокойно ответил Захар и внутренне усмехнулся по поводу столь грубой проверки.

— Значит, Липатов?— растягивая слова, переспросил «писарь». И с чуть заметным волжским оканьем добавил:

— Я ведь тоже с Волги. Именье наше в Нижегородской губернии. Там многие Бедриных знают. А меня зови просто Борис Николаевич.

В СТАНЕ ВРАГА

В Ново-Никольскую добрались через сутки. Бедрина сразу же определили в оперативный отдел к Александру Гноевых. Этот двадцатилетний прапорщик колчаковской армии пользовался особым покровительством есаула Токарева, фактического заместителя начальника главного штаба казачьих войск Алексея Кудрявцева.

О подполковнике генерального штаба царской армии Кудрявцеве в штабе с оттенком презрения говорили, что в 1918 году он, как военный специалист, был призван в Красную Армию, направлен на службу в аппарат штаба Восточного фронта, но застрял на должности простого оператора.

Бедрин добился, чтобы ему выделили вестового, и взял на это место Липатова-Шаповалова. Так Павел-Захар очутился в стане врага. Обязанности вестового оказались несложными. Бедрин почти не просыпался от запоя, который начался уже на другой день после их прибытия в Ново-Никольскую. Работники же штаба с полным безразличием относились к присутствию в служебных кабинетах вестовых. Но чувствовалось, всеми делами здесь заправляют тонко, со знанием дела.

Кулаки закрепили свои позиции только в созданном при штабе военно-контрольном совете, члены которого изредка подписывали какие-нибудь агитационные приказы и воззвания. Часть этих сведений Шаповалов узнал сам, кое-что рассказал ему при встрече Тимофей Ялымов. Однажды писарь штаба попросил Захара отнести командиру отдельного эскадрона Новоселову только что изданный приказ. Где квартировал комэск, писарь не знал, но посоветовал искать последнего на самой шумной гулянке.

— Эти анархисты,— с презрением сказал он,— только и делают, что самогонку уничтожают, да уголовный розыск в милициях громят. На позиции их и палкой не загонишь.

Новоселов был настолько пьян, что приказ читать не стал. Приняв пакет, он молча сунул его своему ординарцу,

а тот положил в полевую офицерскую сумку и ушел. Комэск, продолжая сидеть на кровати, притянул к себе двух накрашенных девиц, стал их целовать. Те визжали, смеялись. Одна, брюнетка, стала расчесывать ему рыжую бороду, вторая — блондинка щекотала пальцами шею. Новоселов блаженно щурился, пытаясь укусить веселую брюнетку за палец.

Не зная как быть, Шаповалов, в надежде найти когонибудь из трезвых командиров, стал осматриваться. В избе на скамейках, стульях, перевернутых бочонках устроились мятежники. В центре стола возвышалась большая, наполовину опорожненная бутыль с самогоном. Пьяные выкрики, нецензурная брань наполняли избу. Пахло табаком, самогоном и потом. Не увидев никого из старших начальников, Захар повернулся к двери. В этот момент его окликнули:

— Пашка, друг!

Тимофей Ялымов, радостно улыбаясь, поднялся с бочонка и, широко раскинув для объятия руки, пошел к Захару. После крепкого рукопожатия Ялымов усадил Шаповалова за стол и, в промежутках между тостами, стал похваляться своими амурными победами, то и дело приглашая «друга» перебраться в эскадрон Новоселова. На беседу двух сослуживцев никто из присутствующих не обратил внимания. Каждый был занят своим делом. Белобрысый поручик, лениво пощипывая струны гитары, напевал старинную мелодию. Его сосед налегал на остывшие пельмени и через небольшие промежутки времени сильно икал. Под образами во главе стола сидел здоровенный казак. Перед ним — граненые стаканы с самогоном, большая миска с кислой капустой. Казак брал стакан, опрокидывал его в рот и шумно хрустел капустой. Крупные волосатые пальцы рук лоснились от рассола. Покончив с капустой, казак откинулся на спинку стула, громко крикнул:

— Надька. Ты бы сыграла что-нибудь. Этот тренкальщик с гитарой мне надоел до чертиков.

Девица, гладившая комэска, нехотя поднялась с кровати и, поводя бедрами, направилась к гитаристу. Поручик с готовностью протянул инструмент. Проверив настройку гитары, Надежда с силой ударила по струнам, откинула голову и запела:

Есть на юге городок,
Балтой он зовется:
Райский, тихий уголок,
Славно там живется!

Пропев под аккомпанемент гитары несколько куплетов, девица стала играть плясовые. Компания оживилась. Один из казаков вышел на середину избы, стал отплясывать «яблочко». Но у него заплетались ноги. Надька не выдержала, прыгнула с гитарой в образовавшийся круг, задорно сверкнула глазами:

Э-эх, яблочко, куда ты котишься?
Э-эх, мамочка, мне замуж хочется.

На какой-то миг она остановилась, и пальцы рук ее еще проворнее забегали по струнам.

Да ни за штатского, ни за военного,
А за Распутина... благословенного.

Мятежники взорвались смехом.

— Ай да Надька!— кричал Ялымов.— Не забыла Распутина, вспомнила Гришку.

— Вишь, браток, как мы весело живем,— говорил позднее Тимофей Шаповалову.— Брось ты этот штаб. Перебирайся к нам.

Захар не ответил. Шагнул к Новоселову, который очнулся, еще раз напомнил о пакете.

— Помню! Пшел вон, штабная крыса,— был ответ.

«Эх ты, вояка!— подумал про себя Шаповалов.— Встретился бы мне в конном бою... Ну, да придет и твой черед»...

Писарь равнодушно выслушал рассказ Захара о том, как он вручал пакет Новоселову, сухо заметил:

— Ну и пес с ним, анархистом этим. Твой начальник утром в Петухово на казачий съезд едет. Готовься и ты. Штабники рано встают. Смотри, не проспи!

Съезд открылся в пристанционном селе Юдино утром 22 февраля. Представитель станицы Боголюбовской, статный красивый казак лет сорока, Яков Рогачев объявил, что на съезд прибыли делегаты из станиц и хуторов Петропавловского, Ишимского, Курганского и Ялуторовского уездов. Вместительный, нетопленый зал четырехклассного училища был заполнен до отказа. Чаще мелькали серые казачьи папахи, реже — обычные шапки. В президиуме сидели подполковник Кудрявцев, командир Первой казачьей кавалерийской дивизии есаул Токарев, командиры полков Зубарев, Дурнев, есаул Алексеев, коменданты Моложенко, Елтышев, Шилкин, Усик, Иванов, казаки Иван Капустин, Андрей Сазонов, Григорий Холкин и один купец.

Есаул Токарев, открывший съезд, высокопарно заявил:

— Полыхающее в губернии восстание против узурпаторов-большевиков пользуется поддержкой всего народа. Дружными усилиями всех людей многострадальной Сибири коммуния с ее продразверсткой, различными повинностями будет уничтожена раз и навсегда. Первостепенную роль в этом сыграет верное своему долгу и Отечеству славное непобедимое казачество.

Зал ответил Токареву аплодисментами.

— Мастак говорить наш есаул,— прошептал сосед Шаповалова, старший писарь штаба Шарипков.

— Да, гладко стелет,— согласился Захар.— Вы всех, кто за столом сидит, знаете?

— Почти всех,— оживился писарь.— Могу о них кое-что сказать. Вот тот пожилой с пышными усами рядом с Токаревым, это Иван Федорович Капустин. Фельдфебелем раньше был, более восьмисот десятин земли имел. Лошадей табун, коров с десяток... Его сосед Сазонов, до революции псаломщик. С ним рядом Андрей Кармацкий — купец. По первой гильдии шел. Его лавки по всей дороге от Челябы до Петропавловска были разбросаны...

Писарь Шарипков перечислил всех членов президиума и стал рассказывать даже о тех, кто сидел в первом ряду. Но на него со всех сторон зашикали. Кто-то даже сказал:

— После съезда расцелуетесь с друзьями. А сейчас — тихо!

После Кудрявцева стали выступать станичники. Они рассказывали, что уже за две недели до начала событий в селах и станицах имелись нелегальные организации, которые и возглавили восстание. Все рассчитывали на помощь города, но там их крепко подвели, и теперь приходится действовать осторожнее. Особо налегали на дисциплину. «Без нее,— говорили станичники,— смерть!»

По предложению Рогачева съезд одобрил зачитанную Кудрявцевым резолюцию о наведении порядка в войсках «Народной армии».

В ней были такие слова: «Требовать от командиров и рядовых лиц, не подчиняющихся приказам, немедленно устранять и предавать жесткому наказанию»*.

— Вот и вернулся старый режим,— недовольно заметил молодой казак.

---

* Партархив Новосибирского обкома КПСС, ф. 5. оп. 2, д. 1610, л. I.

— Тише ты, большевик недорезанный,— тотчас зашипел сосед слева.

— Сам помолчи, холуй офицерский.

— А ты кто?

— Я сам по себе.

Началась перепалка.

«А их хваленое единство,— подумал Шаповалов,— шито белыми нитками, да нашими ошибками. Нет, коммуния будет жить! С продразверсткой порядок наведем, чтобы бедняк не обижался. И тогда контре каюк! Надо бы Виктору Ивановичу об этом написать».

Но выполнить задуманное Захар не сумел. Впервые за несколько дней Бедрин был трезв, то и дело давал различные поручения. А тут еще пристал с разговорами писарь Шарипков.

— Вы знаете,— заявил он Захару,— не могу молчать. Все время тянет на откровенную беседу. А с пьяницами разве поговоришь? Штабные, кто потрезвее, меня избегают. Заняты высокой политикой. Завтра утром опять собираются: Кудрявцев свой стратегический план излагать собирается.

— Что же это они тебя избегают? Ведь, кажется, был офицером?— стараясь казаться равнодушным, спросил Захар.

— Я, можно сказать, силой мобилизован. Наш комендант Моложенко, когда я не пришел по его вызову, вот эту бумагу прислал, а с ней, для убедительности, двух казаков вооруженных.

Шарипков протянул Павлу четвертушку листа. Гербовая печать с двуглавым царским орлом заверяла три коротких строчки предписания.

«Шарипков. Приказываю немедленно явиться в исполком на работу так вы мобилизованы приказом № 1 в Народную армию 15 ф. 1921 г. Комендант Моложенков».

— Решительный человек ваш комендант. Не побоялся офицеру приказывать,— сказал Шаповалов, возвращая предписание.— Вы правильно делаете, что бережете эту бумажку.

В голове билась навязчивая мысль: «Ты должен знать, о чем будут говорить. Думай, как это сделать. Думай, думай быстрее!».

ОСЕЧКА

Поздно вечером к Бедрину неожиданно нагрянули три гостя, и Захару пришлось сбегать за самогонкой. Когда он вернулся с пузатой бутылью в руках, гостей было уже четверо. Тот, что пришел в его отсутствие, сидел у окна и, подыгрывая себе на гитаре, пел. Голос у него был негромкий, но приятный. Аккорды марша придавали словам песни торжествующее звучание:

В победный день, в день славной тризны
Свершится роковая месть —
И снова пред лицом Отчизны
Заблещет ярко ваша честь.

«И откуда только они слова такие берут?— думал Захар, расставляя стаканы и закуску.— Конечно, образованные, не то, что мы. Но ничего, наша все равно возьмет. Не дождаться вам чести, господа, сколько бы вы ни пели!»

Лицо поющего Захару было знакомо, он стал вспоминать, где мог видеть этого человека. А тот, отложив в сторону гитару, присел к столу и, спросив Бедрина о судьбе общего знакомого по турецкому фронту, повернулся к Шаповалову. Их взгляды встретились. В глазах певца на мгновение мелькнули удивление, испуг, а затем неприкрытая злоба.

— Вот так встреча!— поднимаясь со стула, сказал певец.— Что же это вы, господин чекист, опустились до такой роли? Прислужничаете? Нехорошо!

Гости и Бедрин встали со своих мест.

— Вы меня, господин, с кем-то путаете,— продолжая протирать стаканы, возразил Захар. И тут вспомнил: «Терехов! Арестован по делу Шантурова. Брали его в доме Рогальского».

— Ни с кем я вас, товарищ чекист, не спутал,— ухмыльнулся гость.— Всего лишь девять дней прошло. Я вам все напомню, и фамилию свою — Терехов Владимир Иванович, и то, как вы меня с Петром Петровичем Рогальским арестовывали. Все, все напомню!

— Вы ошибаетесь, господин Терехов. Я Липатов Павел, а не чекист,— спокойно, стараясь казаться немного удивленным, ответил Шаповалов.— Вон и господин Бедрин вам это подтвердит.

— Да, да, Володя! Это Павел Липатов. Ты зря горячишься,— вступил в разговор Бедрин.

— Зря, говоришь!— закричал Терехов.— А позволь тебя спросить, давно ли ты знаешь этого субъекта?

— Шесть дней уже, а познакомились в тюрьме. Он меня от чекистов выручил. И вообще, к чему этот крик, ведь можно разобраться спокойно.

— Эх, Борис, Борис. Слепец ты несчастный. Завтра Шантуров приедет, он поможет тебе прозреть. А пока,— Терехов ехидно улыбнулся,— твоего подзащитного для предосторожности надо арестовать.

Захара поместили в маленькую каморку, где раньше хранилась школьная рухлядь. Очистив от хлама угол, он лег на пол, но уснуть так и не мог. Все время возвращался к мысли: «Почему Терехов и Шантуров на свободе? Неужели они сбежали из-под ареста по дороге в Омск? Нет, не должно быть такого! Что-то произошло».

Недоумение Шаповалова было вызвано еще и тем, что он не знал о трагедии на станции Токуши, которая случилась 15 февраля в момент наиболее напряженных боев у вокзала станции Петропавловск. В железнодорожном составе, где находились семьи ответработников, был и вагон с арестованными членами организации Шантурова. Предполагалось, что следствие над ними будет произведено после окончания боев в Омске. Однако шантуровцам неожиданно повезло. Руководство восточной группы мятежников, выполняя приказ Родина — замкнуть кольцо вокруг Петропавловска и подготовить плацдарм для продвижения к Омску,— направило к станции Токуши вооруженный отряд. Бандиты действовали без опаски, так как эсеровская ячейка склонила расположенную на станции роту 253-го полка на сторону мятежников. Вечером 15 февраля отряд, имеющий в своем составе 300 пехотинцев и 150 конников, ворвался в Токуши. Началась зверская расправа над беззащитными женщинами, стариками, детьми. Особое рвение проявили освобожденные бандитами шантуровцы. Спаслось несколько человек, в том числе и заведующая Петропавловским уездным здравотделом Чернышова.

Телеграфист станции Токуши сумел сообщить в Петропавловск о налете банды. Комдив Корицкий направил в Токуши бронеплощадку и батальон 249-го полка из Исиль-Куля. Мятежники, не приняв боя, отступили.

Утром в каморку пришли двое — Терехов и председатель следственной комиссии штаба Кармацкий. Кармацкий со знанием дела несколько раз ударил Захара. Все тело налилось нестерпимой жгучей болью.

— Вот так и будет, если мы молчать будем,— нараспев, елейным голосом говорил Кармацкий после каждого удара.

Потом его позвали на заседание трибунала, и допрос продолжил Терехов. Бывший поручик стал отрабатывать на связанном чекисте некоторые приемы бокса и вскоре разбил Шаповалову нос и губы. Потом, решив сделать двухминутный перерыв, развязал арестанту руки, чтобы тот мог вытереть кровь. Пошатываясь, Захар подошел к стене и, опершись спиной, стал утираться рукавом рубахи. Терехов бросил в угол недокуренную папиросу, взял кусок веревки, подошел к арестанту, чтобы вновь связать ему руки. Улучив момент, Шаповалов нанес сильный удар ребром ладони по горлу Терехова. Поручик кулем свалился к ногам чекиста. Захар осторожно выглянул в коридор и, не увидев там часового, осторожно вышел, запер на ключ каморку. На крыльце встретился Шарипков.

— Что с вами, Павел?— удивился старший писарь.— На вас лица нет!

— Познакомился с прелестями «старого прижима»,— ответил Захар и, решив, что в его положении теперь церемониться нечего, спросил:

— Не знаешь, совещание уже началось?

— Какое?— Шарипков с недоумением посмотрел на Захара.

— На котором Кудрявцев для узкого круга делает доклад о дальнейших планах.

— Так это... Это же шпионаж! Нас с вами расстрелять могут.

— Никто не расстреляет. Есть комната, из которой все слышно?

— Есть.

— Ведите меня туда и побыстрее!

— Но как же,— попытался еще раз отказаться Шарипков.— Ведь это нечестно.

— Ну вы, хранитель морали.— Шаповалов достал из кармана браунинг.— Мне терять нечего. Говорите, или...

— Идемте,— зашептал Шарипков.— Только через чердак: там есть лаз в закрытую комнату. Меня не выдавайте...

Пока они пробирались через чердак, Шарипков пояснил, что до революции один из руководителей школы любил подслушивать своих коллег-учителей, и по его приказу специально оборудовали закрытую комнату. Только ход в нее был нормальный. Верхний же люк прорубили позже.

Комнатушка оказалась крохотной, но слышимость была превосходной. Шаповалов узнал голос Кудрявцева.

— Подполковник начал говорить недавно,— прошептал Шарипков.

— А вы откуда знаете?

— Так он только что сказал «во-вторых».

— Ну ладно,— прервал Захар словоохотливого собеседника.— Давайте послушаем.

— Да, господа,— говорил Кудрявцев.— Я настаиваю на перестройке структуры власти. Мне думается, параграф второй приказа необходимо изложить так: «Существующие в настоящее время в селениях штабы приказываю немедленно расформировать, назначить в каждом селении комендантов, в ведение которых должны быть переданы все находящиеся в штабах силы и вооружение. Все инвалиды, освобожденные от мобилизации, должны нести гарнизонную службу».

За перегородкой поднялся шум. Некоторые участники совещания возражали против предложения Кудрявцева. Но их было мало. После утверждения соответствующего обращения и приказа по войскам слово вновь взял Кудрявцев.

— К сожалению, господа, я должен сообщить вам, что мы сейчас оказались перед большими трудностями. Действие фактора внезапности, благодаря которому мы добились немалых успехов, кончилось. Красные опомнились от неожиданности и перешли в контрнаступление. За прошедшие годы их руководители накопили немалый опыт организаторской работы и, конечно, пустят его в ход. Вы знаете, что пламя антибольшевистского восстания охватило часть трех губерний — Омской, Тюменской и Челябинской. Нам нужно во что бы то ни стало удержать за собой участок дороги Мамлютка — Макушино, расширить здесь имеющийся плацдарм, особенно в сторону Кургана, и одновременно перерезать еще в одном месте дорогу Омск — Тюмень. Вы, конечно, понимаете, что этим мы нанесем чувствительный удар по Москве, ибо без хлеба она долго не протянет. Во-вторых, необходимо руками местных крестьян ликвидировать собранное на ссыпных пунктах зерно. Пусть пока мужики делают с ним что хотят. В-третьих, усилить дезинформацию. Сбитый с толку крестьянин пойдет на что угодно. В-четвертых, нам следует использовать опыт красных по разложению враждебного тыла. С этой целью предлагаю послать в тыл большевиков несколько небольших подвижных отрядов. В-пятых, мы должны соединиться с Кокчета-

вом. Для этого надо разгромить сводную группу Полуяхтова, которая занимает район Пресногорьковки. Это, господа, самые общие соображения на ближайшее время.

После небольшой паузы по предложению главнокомандующего Родина было решено приступить к проведению в жизнь рекомендаций Кудрявцева. Затем в комнате, где проходило совещание, возник шум. Андрей Кармацкий доложил о побеге пойманного вечером чекиста, и присутствующие стали возмущаться ротозейством охраны. Кудрявцев напомнил о своих требованиях поднятия дисциплины. Его поддержал Родин. Совещание постановило не останавливаться перед самыми жестокими мерами для улучшения порядка в войсках.

— Павел, а вас уже ищут,— зашептал Шарипков.

— Помолчи, Сергей Иванович! Лучше подумай, как добыть коня. Отправишь меня поздно вечером верхом. Нужны пропуск и пароль. Я подожду до темноты. А теперь иди, товарищ Шарипков. Я верю тебе, как брату.

В Петропавловск Шаповалов добрался лишь через два дня. Дьяконов внимательно выслушал его доклад, записал на отдельный лист названные Захаром фамилии руководителей мятежа и, созвонившись со штабом Петропавловской группы войск, сказал:

— Вот что, Шаповалов. Тебе придется повторить свой доклад Николаю Ивановичу Корицкому. Он ждет.

Командующий с интересом выслушал рассказ чекиста и попросил поподробнее описать внешность Кудрявцева. Шаповалов сказал:

— Роста среднего, лет так за пятьдесят, волосы седые, лицо простоватое, глаза серые, даже чуть мутные, болят, наверное, бородка аккуратная, клинышком. Во время разговора трясет немного головой, как будто контуженный. Ну, что еще? Вот нос и губы не запомнил какие.

— Достаточно и этого.

Корицкий встал, положил в пепельницу набитую табаком трубку, поблагодарил Шаповалова за ценные сведения о замыслах врага. После того как Захар ушел, Николай Иванович сказал Дьяконову:

— Знаешь Виктор Иванович, я ведь с этим бандитским теоретиком начинал службу в Красной Армии. В одном отделе над картами корпели. Замкнутым он показался мне тогда, нелюдимым. А головой трясет от испуга: иваново-вознесенцы в середине восемнадцатого чуть было на штыки не подняли. Орал на них, расстрелом грозил. Вот с той поры

и стал «контуженный». За Шаповалова еще раз тебе спасибо.

— Зачем благодаришь, Николай Иванович. Обязаны мы это делать. Наш, так сказать, долг. Ну, до свидания.

— Всего доброго.

ПЕРЕМЕНЫ

Прошел месяц. В ходе ожесточенных боев основные силы мятежников были разгромлены. Пришли вести об освобождении станции Петухово, о вступлении частей и подразделений в Кокчетав. Ишимская «Народная армия», «Восточная группа», «Первая Сибкавдивизия» и «Курганская освободительная дивизия», на которые главком бандитов эсер Родин возлагал большие надежды, потерпели сокрушительное поражение от подразделений Красной Армии и коммунистических отрядов особого назначения.

В один из последних дней марта Дьяконов получил из особого отдела Кубанской кавалерийской бригады пакет. К сводкам о ходе уничтожения мелких банд был приклеен небольшой кусочек бумаги, на котором значилось: «Акт. 26 марта 1921 года. Мы, нижеподписавшиеся, Просекин Иван и Юрусь Евгений, составили настоящий акт в том, что сего числа подняли труп убитого Кудрявцева, среднего ростом, с бородкой, седоватый. Грудь пробита и плечо прострелено».

Это была первая весть о гибели одного из заправил и теоретиков мятежа. А через неделю в город привезли жену и двух сыновей Кудрявцева. Они рассказали, что после поражения мятежников под Ново-Михайловской, доверие бандитов к Кудрявцеву окончательно пошатнулось. Во время одной из перебранок член контрольного совета штаба эсер Винокуров дважды выстрелил в Кудрявцева, затем ударил его штыком в грудь. Так оборвалась карьера подполковника генерального штаба царской армии Алексея Федоровича Кудрявцева.

«Жаль, до этого дня не дожили Порфирьев, Дульский, Соленик»,— думал Виктор Иванович, разглядывая составленный кубанцами акт.

— Похоже, мятеж агонизирует,— сказал Дьяконову Барлебен, когда тот сообщил председателю оперативной пятерки о смерти Кудрявцева.— Но умирающий зверь всегда опасен. Он может своими конвульсиями причинить

большую беду. Токарев, правая рука Кудрявцева, уцелел, и, по сводкам нашего штаба, сумел собрать под свое крылышко до трех тысяч отъявленных головорезов. Где он сейчас?

— Неделю назад прошел Акмолинск. Судя по всему, направился либо в Баян-Аул, либо дальше — в Каркаралинск.

— Предупреждение по линии дали?

— Как полагается.

— Напомните еще раз. Акмолинцев об этом же попросите.

— Хорошо.

Через несколько дней в Петропавловск прибыла комиссия КирЦИКа и Сибревкома. В соответствии с решением ЦК партии и Советского правительства началась передача ряда уездов бывшей Омской губернии в состав Казахской республики. Из этих уездов создавалась новая, Акмолинская губерния.

Для обсуждения вопроса о создании губернской ЧК в Петропавловск приехали работники уездных ЧК и представители из Омска. На встрече с ними петропавловцы узнали о том, какие меры принимались в борьбе с заговорщиками в других районах Северного Казахстана и Сибири.

— У нас, в Омске, заговорщиков арестовали утром 11 февраля,— сказал Михаил Филатов.— Губернский комитет эсеровского «Крестьянского союза» в составе Тяпкина, Юдина, Тагунова завязал тугой узел. Кроме офицерских групп эсеры подготовили к мятежу часть 33-го полка, казаков Атаманского хутора, студентов сельскохозяйственного института. Самым большим ударом для эсеров был арест ЦК Сибирского «Крестьянского союза», в результате чего мятежники лишились организационного центра. Его председатель Владимир Игнатьев хотел поднять против Советской власти крестьян Алтайской, Семипалатинской, Омской, Красноярской, Томской, Ново-Николаевской, Тюменской и Челябинской губерний.

— Широко размахнулись,— заметил Леонид Рогачев.— У нас в Акмолинске действовали эсеры рангом пониже. Но к мятежу подготовились основательно. Акмолинский гарнизон насчитывал 500 человек. Почти все примкнули к заговорщикам.

— Почему это случилось?— спросил Дьяконов.

— Части были укомплектованы из бывших партизан анархиста Козыря, а в его корпусе, вы знаете, верховодили эсеры. Кроме того, к заговорщикам примкнули казаки Ак-

молинской станицы, часть мещан. А у нас, в коммунистическом отряде особого назначения, чуть больше ста человек, и на всех два десятка винтовок. Сведения о намерениях врага мы получили 27 февраля, а мятеж планировался на следующий день. Как быть? Откровенно говоря, я растерялся. Упросил своего сотрудника, который проник в штаб к мятежникам, срочно организовать гулянку и напоить верхушку заговорщиков так, чтобы на сутки их из строя вывести. Он это сделал. Тем временем уком партии коммунистов собрал, и я им обо всем рассказал. Чтобы отвлечь мятежников от подозрений, решили сыграть на любви эсеров к словопрениям. Утром 1 марта объявили, что весь гарнизон приглашается на митинг в клуб. Повестку дня придумали о VIII съезде Советов, о демобилизации армии. Пока нас эсеры громили на митинге с 4-х дня до 8-ми вечера, мы весь гарнизонный караул обезоружили, потом окружили клуб и тут же по одному, всех, кого надо, арестовали.

— А что случилось у вас?— спросил Филатов кокчетавца Шалимова, тот в ответ только покачал головой.

— За них мы отдувались,— сказал начальник Атбасарской уездной ЧК Владимир Бокша.— Почти полтора месяца вели непрерывные бои. Своих-то эсеров еще в октябре к рукам прибрали. Пришлось на кокчетавцев поработать.

После взаимного обмена мнениями пришли к выводу: ходатайствовать об укреплении органов ЧК коммунистами, для чего направить в аппараты уездов по 15—17 членов партии. После согласования примерного состава коллегии губчека, Филатов объявил, что до осени чекисты Акмолинской губернии будут подчиняться полномочному представителю ВЧК по Сибири, а затем перейдут под контроль руководства своей республики.

В конце апреля, когда был утвержден состав руководства губернской ЧК, петропавловские чекисты проводили в Омск Виктора Ивановича Дьяконова. В последний день своего пребывания в городе он в присутствии заместителя председателя губчека Владимира Бокши побеседовал с Поплевко и Шаповаловым.

— У меня к вам одна просьба,— сказал Дьяконов.— Разберитесь, как погибли Дульский и Соленик. Кто их выдал, кто казнил? Обо всем сообщите мне. Действуйте с пользой для революции прежде всего. Вот и все. До свидания, хлопцы.

Дьяконов, по очереди обняв сослуживцев, в сопровождении Бокши отправился на вокзал.

НЕ УШЕЛ ОТ РАСПЛАТЫ

Через два дня после отъезда Дьяконова Поплевко перевели работать в транспортную ЧК станции Петропавловск. На новом месте он не рассчитывал на то, что сумеет выполнить наказ Виктора Ивановича и в течение недели подал два рапорта с просьбой о возвращении на прежнее место. Ответа не последовало. 7 мая 1921 года, перед сдачей дежурства, Поплевко написал очередной рапорт и уже было собрался послать его по инстанции, как в дежурную комнату вбежал запыхавшийся железнодорожник. Это был политконтролер телеграфа станции Мамлютка Петр Голованов. Из сбивчивого рассказа Поплевко с трудом понял, что несколько минут назад политконтролер видел бывшего начальника боевого участка мятежников. Голованов узнал его по небольшим черным пятнам на носу и правом виске. Ни имени, ни фамилии, ни каких-либо других примет не помнит. Видел только эти пятна. Поплевко же по оперативным документам, поступавшим ранее, знал, что комендантом в Мамлютке был Григорий Стрельников, который лично уничтожил много коммунистов и красноармейцев. Сейчас его разыскивают чекисты трех губерний. Медлить нельзя!

Поплевко тотчас прибыл на вокзал, обошел вокруг здания, но ничего подозрительного не заметил. Тогда он попросил дежурного милиционера сообщить начальнику ЧК о появлении на станции опасного преступника. Вскоре подошел поезд Омск — Москва. В сутолоке Поплевко чувствовал себя не совсем уверенно. И опасался, что не сумеет найти подозреваемого. Но вот толпа схлынула, прозвучали удары колокола. Поезд тронулся. Мимо замелькали окна вагонов. «Неужели Голованов обознался?»— подумал Поплевко.

Решение об осмотре поезда пришло в тот момент, когда приблизился последний вагон. Поплевко на ходу прыгнул на ступеньки и, растолкав находившихся в тамбуре людей, прошел к проводникам. Но осматривать вагоны никто из них не согласился. Николай решил провести эту операцию сам.

Состав был переполнен. В полутьме вагонов со всех сторон неслись злые выкрики, ругань, плач детей. Вдыхая спертый воздух, Поплевко пробирался по узким коридорам, внимательно приглядываясь к пассажирам. К концу обхода у Поплевко от шума и духоты закружилась голова, он решил выйти на первой же остановке. «Телеграфист явно ошиб-

ся»,— подумал Николай и, запнувшись о чьи-то ноги, больно ударился о стойку вагона. Потирая ушибленное место, чекист, в ожидании остановки, присел на край нижней полки. Постепенно боль утихла, и Поплевко осмотрелся. В углу, облокотившись правой рукой о столик, сидел какой-то мужчина и напряженно смотрел в проплывающую за окном темноту. Напротив него двое крестьян вели между собой неторопливую беседу. Временами их лица освещали огоньки цигарок. Пучок света упал и на пассажира, сидевшего возле окна. На его виске четко обозначилось темное пятно, о котором знал Поплевко.

На очередной станции Поплевко представился дежурному сотруднику милиции и попросил его помочь задержать подозреваемого.

В комнате милиции пассажир предъявил документы на имя Морозова Григория Савельевича, техника Петроградского театрального управления, командированного по делам службы в Сибирь. При обыске же в подкладке френча было найдено удостоверение старшего милиционера Шацкого уезда Тамбовской губернии, выданное... Стрельникову Григорию Савельевичу.

В Петропавловске телеграфист Голованов и его жена опознали Стрельникова как коменданта боевого участка мятежников. В ходе следствия выяснилось, что на совести этого матерого бандита десятки загубленных жизней. Стрельников-Морозов, сознавая всю тяжесть преступлений, путал следствие, давал противоречивые показания, стремился поставить под сомнение рассказы свидетелей. И только после очной ставки с шестнадцатилетним Гришей Савельевым перестал изворачиваться. Совершенно седой от пережитого, юноша назвал имена людей, которых казнил Стрельников. В памятный для Гриши день, когда он лишился матери, сестры, брата, убитых по личному приказу Стрельникова, последний распорядился о расстреле еще четырнадцати коммунистов и членов их семей. Гриша спрятался в заброшенном сарае местного богача и остался жив. Во дворе, на его глазах, совершалась дикая расправа.

Стрельников прибыл в Сибирь в августе 1920 года и поселился в селе Белое Петропавловского уезда. Через некоторое время он стал активистом местной организации заговорщиков. 10 февраля 1921 года, когда в селе хозяйничали мятежники, его избрали в новый волисполком, затем назначили комендантом района. Стрельников развил бурную деятельность. По его инициативе 20 февраля против частей

Красной Армии выступил мятежный полк, которым командовал офицер Шевчук.

На одном из допросов Стрельников показал, что, по дошедшим до него слухам, Соленик и Дульский были казнены в Петухово по приказу руководителя следственной комиссии Кармацкого. Желая спасти свою жизнь, Стрельников сообщил, что Кармацкий в настоящее время скрывается в селе Юдино. По решению трибунала Стрельников был расстрелян.

ДЕЛО ЗОЛОТИЛИНА

Найти Кармацкого в Юдино удалось не сразу. Место, где он скрывался, указал новый сотрудник губернской ЧК Иван Ершов, откомандированный в Петропавловск из Акмолинска.

Свое первое задание Ершов получил от Бокши. Тогда же он подумал, что увидать брата Михаила, приехавшего из Оренбурга на конференцию, не удастся. А как хотелось встретиться, поговорить о житье-бытье, о домашних делах.

Бокша тем временем поднялся из-за стола, вышел на середину кабинета.

— Мы решили поручить вам доследование дела на мятежников Донских и Золотилина. Товарищ Айтиев, настаивая на вашем переводе из Акмолинска сюда, говорил, что вы умеете доводить начатое до логического конца. На этом спотыкаются другие.

— Пожалуй, меня переоценили,— улыбнулся Ершов.

— Не думаю! Наш председатель губревкома умеет разбираться в людях. Кстати, вы знаете, что он одно время тоже работал в ЧК?

— Не слышал.

— В Уральске, два года. Так вот о деле. Работники особого отдела кавбригады узнали, что Андрей Золотилин и Матвей Донских были в следственной комиссии мятежников. Вам наверняка известно, что это такое?

— Конечно.

— К сожалению, свидетели, а их пятеро, попались никудышние. Сами почти ничего не видели. А на одних слухах обвинение не построишь.

Бокша сел на свое рабочее место и, заканчивая беседу, заметил:

— У этих мерзавцев, видимо, опыт порядочный. Трупы казненных под лед Ишима упрятали. Так что, ищи ветра в поле. Других улик пока нет. Ну да прибудешь на место — разберешься.

Но разобраться было не так-то просто. Прошла неделя, а сдвигов в деле Донских и Золотилина не наблюдалось. Бокша спокойно выслушал Ершова, достал из сейфа журнал с текстом расшифрованных телеграмм и, найдя нужную запись, дал с ней ознакомиться Ивану.

Думаю, это немного тебе поможет.

На запрос Бокши из особого отдела кавбригады сообщали, что по их данным мятежник Донских в 1920 году был арестован петропавловскими чекистами за принадлежность к нелегальной офицерской организации.

Положив журнал обратно в сейф, Бокша предложил Ершову поговорить с теми, кто раньше работал в Петропавловской уездной ЧК. Иван Вагаев, узнав об этом, упрекнул Ершова, что тот не обратился к нему.

— Я же этого бандюгу в сентябре прошлого года еще ловил. После боя с шайкой Новикова, бывшим анархистом, что в марте с подполковником Токаревым сбежал в Монголию, я и Иван Спиридонович Порфирьев возвратились в станицу Боголюбовскую. По пути встретили одиночного всадника, который открыл огонь из маузера. Красноармейцы убили под ним лошадь, его взяли в плен. При обыске я нашел у задержанного пакет с секретными материалами какой-то нелегальной офицерской организации. Он его вез из Омска. Один красноармеец опознал в пленнике боголюбовского кулака Матвея Донских.

Вагаева вскоре вызвали к председателю губчека. Ершов закрылся у себя в кабинете, стал изучать прошлогодние дела. В папке с материалами на кулака Донских было подшито всего три листа. Резолюция на одном из них гласила, что Донских бежал из-под стражи, и в связи с этим следствие решено приостановить.

Ершов, ознакомив Вагаева с содержанием папки, спросил:

— Что же вы протокол допроса не оформили?

Вагаев ответил:

— Да мы его и допросить-то как следует не успели. Приехали в Боголюбовку поздно вечером. Порфирьев тогда прихварывал, у меня же правая рука на перевязи висела: анархисты прострелили. Красноармейцы, сам знаешь, ка-

кие грамотеи. Весточку домой других просят написать. Так что не до протокола было.

— Но разговор все же состоялся?— не отступал Ершов.

— Конечно,— согласился Вагаев.— Боголюбовские исполкомовцы рассказали, что Донских при Колчаке был в контрразведке сыщиком. Он и не стал запираться. Вел себя так дерзко, что вроде бы не он у нас, а мы у него в плену находимся. Решили отложить допрос до утра. А ночью он задушил часового и сбежал. Сколько не искали, найти нигде не могли. Как сквозь землю провалился!

— Значит, он боголюбовский?

— Да, там его многие помнят.

В Боголюбовской Ершову рассказали, что через несколько дней после начала восстания Донских привел в село казачий отряд. Есаул Иванов, который стал у бандитов комендантом боевого участка, зачитал на сельском сходе приказ о мобилизации пятнадцати возрастов в «Народную армию». Донских обратился к присутствующим с призывом: «Да здравствует Советская власть и свобода! Долой коммуну!»

Председатель боголюбовской комячейки предложил Ершову побеседовать с Марией Медведевой, вдовой убитого бандитами члена исполкома А. Медведева.

— О какой власти и свободе кричал с крыльца этот палач, мы поняли только через несколько дней, когда бандиты схватили пятнадцать членов волисполкома. После ареста их жестоко избили и живыми столкнули в прорубь,— сказала она.

— Вы помните фамилии погибших?— спросил Ершов.

— Они работали вместе с мужем. Можете записать: Михаил Артамонов, Петр Быков, Михаил Гончар, Николай Докучаев, Кирилл Васин, Иван Звягин, Андрей и Матвей Лепехины, Иван Коловесь, мой муж Антон Медведев, Тимофей Матаев, Сергей Румянцев, Солдатов, кажется его звали Сергеем, затем Григорий Свиридов... Все они бывшие партизаны.

Не сумев побороть минутную слабость, женщина расплакалась. Но перед уходом посоветовала Ершову разыскать Федосью Новикову.

— Это она говорила, что Донских вместе с нашим хуторским казаком Золотилиным гонял ее целую ночь босиком по снегу.

Новикова уехала косить сено на дальнюю заимку, и увидеть ее Ершову удалось только через неделю. В сельсо-

вет она пришла в сопровождении свекра, белого, как лунь, старика, который во время ее рассказа несколько раз нетерпеливо стучал палкой об пол, как бы требуя не останавливаться, не поддаваться горю.

— Я не видела, когда арестовали моего мужа,—рассказывала женщина.— Он собирался вместе с членами исполкома ехать в Пресногорьковскую. За день до этого мы с папаней на заимку поехали за сеном и картошкой. Ночью сюда нагрянули бандиты.

— Яшка Золотилин был, его двоюродный брат Андрей и Матвей Донских,— пояснил старик.

— Яшка все время ругался,— продолжила свой рассказ Новикова.— Тыкал в меня стволом винтовки, грозился, что застрелит, если не отдам ему партийные бумаги мужа. Потом Донских приказал Золотилину связать мне руки и босиком погонять по снегу. Бандиты перед тем где-то достали самогонки. Выпили изрядно. Под утро в лесу послышалась стрельба, и они ускакали, погрозив на прощание винтовками.

Материалы, собранные Ершовым в Боголюбовской, приперли бывших бандитов к стенке. Они стали выдавать друг друга, выгораживая себя. Особенно усердствовал Донских. Оказалось, что пытки и расстрелы он, как правило, поручал Андрею Золотилину, неграмотному, но преданному белогвардейской верхушке казаку.

— Андрей с охотой брался за это,— пояснил Донских.— Наверное, нравилась власть над людьми. Его еще при царе за избиение кочевников-казахов судили.

— Вот как! Что же вы ни разу не остановили его?— спросил присутствующий на допросе Шаповалов.

Донских промолчал.

— Видимо, и вам это нравилось,— добавил Захар.— Скажите, вам знаком Андрей Кармацкий?

— Да, я знаю этого купца.

— Только как купца? А кем он был в феврале и марте этого года?

— Председателем следственной комиссии Петуховского райштаба.

— А где он сейчас?

— Там же, где был. В Юдино.

— Не напускайте туману, Донских.

— Если жизнь мне сохранят, я его сразу найду.

— Вашу просьбу решит трибунал. И здесь ничье заступничество не поможет,— заявил Ершов.

— Тогда вам не отыскать Кармацкого! Он еще отомстит за меня!— крикнул Донских, вскочил со стула и кинулся на Ершова. Шаповалов и караульный с трудом оттащили бандита.

— Все ясно,— сказал Ершов после того, как арестованного увели в камеру. Кармацкий скрывается на какой-нибудь заимке близ села.

— Ты в этом уверен?— спросил Шаповалов.

— Абсолютно! Донских специально не назвал место, где укрыт Кармацкий. Но сказав: «Я его сразу найду», выдал сокровенную тайну.

Ершов не ошибся. Через несколько дней удалось установить, что Кармацкий прячется на заимке местного богача. Купец рассчитывал продержаться там до осени, а затем перебраться за кардон. Однако судьба распорядилась иначе.

На задержание Кармацкого Ершов выехал сам. В напарники, на всякий случай, взял работника волостной милиции. В Михайловском исполкоме им выделили бричку. Возница, молодой парнишка лет пятнадцати, набросал в нее побольше свежего сена, и Ершов, полулежа, даже немного вздремнул. К заимке добрались под вечер. Несмотря на свою привязанность к акмолинским степям, Ершов не переставал восхищаться красотами здешних мест. Березовые колки, словно острова, возвышались среди ровной, как стол, степи. Местами дорога почти вплотную подходила к березняку, и жирные, тяжелые от насевшей пыли листья цеплялись за бричку. Откуда-то из зелени слышалось попискивание бодрствующих пичуг. Непоседа дятел усердно обрабатывал своим крепким и длинным носом высохший ствол осины.

Кармацкого взяли сонным. Купец настолько был уверен в своей безопасности, что спал прямо на земле у завалинки. Спросонья долго не мог сообразить, зачем его подняли. Но позднее, уже со связанными руками, стал отбиваться, поносить нецензурными словами большевиков.

Пока допросы вел Ершов, Кармацкий категорически отрицал свое участие в следственной комиссии мятежников. Как-то в кабинет следователя зашел Шаповалов. Кармацкий, встретившись с ним взглядом, сразу обмяк, затем признался, что действительно работал у мятежников и допрашивал этого человека.

— Давно бы так,— сказал Шаповалов.— Зря вы, Андрей Авдеевич, ягненочком прикидываетесь.— Людям вашего

возраста юлить неприлично. Ведь шестой десяток уже идёт, не так ли?

— Ну и что? Жить-то все равно хочется.

— Но вы по-прежнему не говорите о главном,— заметил Ершов.— Я вынужден устроить очную ставку с Меньшиковым, Тухватшиным, Авдониным, Шарипковым.

— Ты не оговорился насчет Шарипкова,— спросил Захар после того, как Кармацкого увели.— За что его взяли?

- Армейские чекисты взяли Шарипкова в бою за станцию Петухово. Прямо в штабе мятежников. Правда, под арестом этот человек был недолго, большая группа коммунистов подтвердила, что бандиты мобилизовали его как офицера. Работал в штабе писарем и кое-кому из наших крепко помог.

— Верно!— подтвердил Шаповалов.

— Но вскоре на него поступило заявление Брюховецкого — есть такой у нас, в губземотделе. Этот знаток земельного вопроса готов обвинить всю беспартийную интеллигенцию. Шарипков ему и попался. Конечно, бывший учитель мог бежать из штаба, но струсил, а так как он работник штабного ранга, то особый отдел возбудил ходатайство о расстреле. Мы иного мнения. Подготовили письмо в президиум ВЧК. Вопрос остался открытым. Если ты против расстрела, иди подписывайся.

— Я подпишусь,— согласился Захар.— Но ты, Иван, прав. Шарипков мог бежать хотя бы со мной. Но струсил, остался в штабе и в чем-то помог бандитам.

— Вот, вот! Я так же ему объяснил. Сейчас кается...

Меньшиков на очной ставке с Кармацким подробно рассказал о казни Соленика.

— А ведь ты, Андрей Авдеевич,— говорил Меньшиков,— оказывается, давно знал Василия Соленика. Перед расстрелом кричал чекисту в лицо, что он погибает, как падаль, и об этом никто не узнает. Зачем ты от нас скрывал, что чекист твои магазины для общего дела забирал?

— Ни тебе, бухваловскому добровольцу, меня судить,—огрызнулся Кармацкий.

— Это верно, что ни мне. Но из-за вас, стервецов, и мы, дурни, в драку полезли. Пиши, начальник, все пиши. Он — купец. Но у Родина сам просился в следственную комиссию. И нас отбирал туда. Меня поймал на том, что продотрядчики хлеб весь выгребли, а жену нагайками посекли. Злой я был и не знал в ту пору, куда податься. Потом только подробности об обидчике своем узнал. Начальником кара-

тельного отряда, оказывается, был при Колчаке Золотухин Василий Ильич. Когда пришли красные, он потихоньку в продком пристроился. Нарошно нас грабил, чтобы, значит, поднять против Советской власти. А мы, темнота, и поверили, что коммунисты во всем виноваты...

— Вы о Кармацком расскажите,— напомнил Ершов.

— О купце не забуду я. Не бойся, гражданин следователь. Если его пожалеете, мужики не простят. Много на нем крови народной. А Дульского Луку он у изменника Окулича выпросил. Тот все-таки пожалел больного, а этот — нет. Чекиста-то они хворым взяли. Тот после тифу слабый был. На станцию приехал и красноармейцев стал совестить: «Что же это вы, братцы,— говорит,— опять Колчака захотели. Аль забыли вкус казачьей плетки?» Окулич приказал скрутить Дульского и в казарму утащить. А Кармацкий его больного забрал, бить начал. Рука у купца тяжелая, так он кулаком Дульского прикончил. Потом, для пущей верности, из пистолета в упор выстрелил.

Показания Меньшикова подтвердили другие свидетели, в том числе и Шарипков. Кстати, он же рассказал о том, как Кармацкий глумился над взятыми в плен красноармейцами из группы Ильина, наступавшей на станцию Петухово.

— Ну, с купцом ясно,— заметил Ершов.— А почему вы, грамотный, интеллигентный человек, к бандитам пошли?

— Семья, гражданин следователь,— потупил взор Шарипков.— А потом наша интеллигентская бесхребетность сказалась. Думал о себе, как о пупе вселенной. А на поверку вон что получилось. Приказали погрубее, с матом, и пошел...

— Счастье ваше, что кое-кто из коммунистов, чекист Шаповалов, например, согласились подтвердить ваши показания. А то бы не миновать вам расстрела, Шарипков,— сказал Ершов, подавая на подпись протокол допроса*.

Вскоре после выяснения обстоятельств гибели чекиста Дульского удалось задержать Окулича. А через несколько дней, при разгроме одной из мелких банд, красноармейцы поймали Шантурова и братьев Севастьяновых. На допросах в ЧК бывшие главари нелегальной эсеровско-белогвардейской организации сознались, что готовили к мятежу 253-й полк, намереваясь овладеть городом без боя, сделать его

* 16 сентября 1921 года по ходатайству Акмолинской губчека комиссия ВЧК заменила Шарипкову расстрел на один год исправительно-трудовых лагерей (автор).

базой мятежников. Неожиданный арест сорвал все их планы. Шантуров паказал на допросе, что Кудрявцев и Токарев входили в офицерскую антисоветскую организацию, но не успели наладить прочную связь с шантуровцами, тат как потеряли Пяткова и Воротова. В октябре 1920 года их связной Матвей Донских был задержан чекистами. Но ему удалось сбежать из-под стражи.

— Ты смотри! Верно тогда Порфирьев говорил, что Донских не простой связной,— воскликнул Вагаев, когда Шаповалов и Ершов рассказали ему о роли колчаковского сыщика.— Очень сильно горевал Иван Спиридонович, узнав о побеге Донских. Важное звено, говорит, упустили.

В начале июня стали известны некоторые подробности Каркаралинской трагедии. Бокша ознакомил с ними работников губчека.

— Немногим больше двух месяцев назад,— сказал он,— Виктор Иванович Дьяконов отбивал в Акмолинск, Каркаралинск и Семипалатинск тревожные телеграммы. Волновался он не зря. Есаул Токарев собрал вокруг себя остатки разбитых частей мятежников, почти три тысячи бандитов. Все они направились к Анненкову и Дутову, расстреливая на пути коммунистов, красноармейцев, сжигая семенное зерно. Внезапным ударом банда взяла Каркаралинск. Погибла вся городская партийная организация.

— Как же так, Владимир Викентьевич?— вскочил с места Михаил Крупинин.— Ведь вы сами только что говорили об отправленных телеграммах.

— К сожалению, мне тоже не все ясно. Знаю одно — банда после Каркаралинска обошла выставленные 13-й кавалерийской дивизией заставы и, после ожесточенного боя у границы, прорвалась за кардон. Думаю, что разобраться в причинах Каркаралинской трагедии будет нелегко. Придется собирать материал по крупицам. Всем, кто будет допрашивать мятежников, необходимо напомнить и о Каркаралинске.

ГОД СПУСТЯ

Проездом в Москву в Петропавловске побывал Дьяконов. В губернском отделе ГПУ он не застал многих, с кем вместе трудился в суровую зиму 1921 года. Владимир Бокша встретил его в том самом кабинете, где Дьяконов с

Порфирьевым разрабатывали планы ликвидации эсеровско-белогвардейской организации Шантурова.

— Далеко ли едешь, Виктор Иванович?— спросил Бокша.

— В Москву. Назначен в транспортный отдел ГПУ. Феликс Эдмундович, когда в Омск приезжал, сказал, что я нужен там. Ну, а как здесь, у вас?

— Трудимся помаленьку. Люди в основном новые. Твои питомцы ушли на партийную, советскую работу. Молодые учатся: такая возможность появилась. Виктор Иванович, говорят, ты был на процессе Бакича в Красноярске.

— Да, а что?

— Ведь там же Токарева судили, и наверняка всплыли какие-то подробности о подготовке заговора, о трагедии в Каркаралинске.

— Очень немного. Токареву, по-моему, помогли изнутри. Эти же люди с ним потом и ушли. Трагедия для наших товарищей, видимо, заключалась в том, что заговорщики поставили под свой контроль военкомат и телеграф. Не случайно же с бандой добровольно ушло большинство сотрудников военкомата, юстиции, телеграфа. Мне как-то Порфирьев говорил о бедах Альфреда, там почти две трети аппарата уездных учреждений составили дутовцы и анненковцы. Естественно, они проникли в военкомат и милицию.

— Так ты, Виктор Иванович, думаешь, причина трагедии заключается в многочисленности заговорщиков и в том, что они имели возможность вводить в заблуждение уездных руководителей?

— Вот именно. Предатели подали мысль вывести из города коммунистический отряд особого назначения, направить его из Бугрового в Сенное. Они же просили Ляпина, Малашкина, Базилевича не верить гонцам Семененко о приближении врага. Чигович арестовал головку заговорщиков, но не успел добраться до тех, кто пристроился в военкомате. Вполне возможно, что они принадлежали к другой организации заговорщиков, например, Семипалатинской.

— Да, могло быть и такое. А Токарева где взяли?

— В Монголии. Свою дивизию он привел сначала в район Чугучака. Недавно я одну книжонку прочитал, так в ней о прибытии банды Токарева в расположение войск дутовского генерала Бакича вот что говорится: «Красный

флаг, с которым явились пришельцы, поверг штаб отряда в большое смущение. Но у «токаревцев» имелось оружие, их было более двух тысяч и надо было поладить. Больших затруднений не встретилось. Здесь на Эмильхо были готовые формы, распростертые объятия, и «токаревцы» (что-то вроде эсеров), признав над собой командование Бакича, влились в корпус». Вот тебе и борцы за народную Советскую власть без коммунистов. В июле прошлого года Бакич и Токарев по приказу Унгерна стали готовиться к вторжению в нашу страну. Токарев подсказал генералу, что нужно сменить лозунги. Бакич отдал приказ по корпусу, в котором объявил, что все части должны иметь красные знамена.

— Забавно! Крепко он решил перекраситься.

— Ну, не совсем. Левый верхний угол знамен оставили трехцветным. Подготовку вели под наблюдением японцев. Сначала, конечно, ограбили местных, разоружили крепость Шара-Сумэ. Местные власти перепугались, губернатор обратился к представителю реввоенсовета Сибири с просьбой помочь разгромить Бакича. Семипалатинская группа войск выделила 1400 человек, и они разбили десятитысячную группировку Бакича. Он, правда, вместе с Токаревым и своим атаманским полком удрал в Западную Монголию. В районе озера Толбонур ему удалось окружить экспедиционный отряд Байкалова, но местные казахи сообщили об этом в Семипалатинск. Прибыла помощь, и Бакича снова разбили. Так он, старый хитрец, снял с себя оружие, нацепил на грудь крест, взял в руки посох и под видом бродячего монаха вновь улизнул. Однако монгольские друзья его поймали и передали нашим властям. Вместе с ним на скамье подсудимых оказался и Токарев.

— Конец закономерен,— заметил Бокша.— К этому все и шло. Жаль только, что не дожили до этого дня Чигович, Порфирьев, Дульский...

— Да,— задумчиво сказал Дьяконов.— Нашего брата — чекистов — во время мятежа погибло много. Иногда вот думаю о себе, товарищах, таких, как Порфирьев, Чигович. Революция возложила на чекистов величайшую ответственность за судьбы десятков и сотен тысяч людей, которые здесь, в степных просторах, по зову партии, строили новую жизнь. Опыта, особенно первое время, было мало. И чтобы ростки новой счастливой жизни не растоптал враг, они делали все возможное, отдавали делу победы все, что имели. А имели подчас только собственную жизнь и,

не задумываясь, жертвовали ею во имя торжества революции. Только поэтому и выдержали трудное испытание, победили!

Ю. КИСЛОВСКИЙ

В ОГНЕ

Очерк о работе органов ОГПУ по ликвидации политического бандитизма на территории Казахстана и, в частности, банды Серова, действовавшей в 1921—1922 годах на западе республики и сопредельных Самарской и Саратовской губерниях, освещает лишь отдельные эпизоды сложной и опасной чекистско-воинской операции.

Из здания Киробкома полпред ОГПУ Даниловский и командующий войсками ЧОН Воротков вышли вместе.

— Ты куда сейчас, Степан Ильич? — спросил Даниловский.

— К себе, в штаб,— ответил Воротков, принимая лошадь от коновода и готовясь вскочить в седло. — А что, Иван Кондратьевич?

— Сводку не забудь мне прислать.

— Не забуду!

Воротков ловко вскочил на коня и пропал в темноте ночи. Даниловский постоял, пока был слышен цокот копыт, затем подошел к фаэтону и сказал кучеру, чтобы тот возвращался в полпредство один.

В Киробкоме на заседании президиума Даниловский делал доклад о борьбе с политическим бандитизмом в Киргизской республике. И теперь, после многочасового напряжения, ему хотелось побыть на свежем воздухе одному, подумать, собраться с мыслями.

Осень 1921 года в Оренбуржье выдалась солнечной и теплой. Лишь редкие порывы ветра да падающие с деревьев пожелтевшие листья напоминали о том, что лето уже прошло.

— Не первое лето с начала революции,— вслух сказал Иван Кондратьевич.— Еще немного, и наступит мир для нас, чекистов.

...Экономические трудности, вызванные прошедшими войнами и неурожаем, резко осложнили политическую обстановку в республике и особенно в областях, прилегающих к Оренбургу. С каждым днем росло число голодающих. Недобитые в гражданскую войну эсеро-кулацкое охвостье и контрреволюционные элементы из мелкобуржуазных слоев поднимали голову. Одна за другой образовывались банды. Террористы убивали партийно-советских работников, грабили заготовительные конторы, вывозили и прятали хлеб, уничтожали скот.

Обдумывая план по организации более активной борьбы с шайками бандитов, полпред не заметил, как подошел к зданию ОГПУ и, привычно отдав честь часовому, направился в свой кабинет. На столе его ждала оперативная сводка. Прочитав ее, Даниловский подошел к висевшей на стене карте, отметил расположение войск ОГПУ, ЧОН, Красной Армии. Затем вызвал начальника военного отдела Клейменова.

— Дмитрий Иванович! Доложите о работе разведотрядов.

Когда на карте были отмечены места расположения банд, полпред поинтересовался работой разведотрядов, созданных из казахов-добровольцев, их нуждами, организаторскими способностями командиров. Это была надежная и весьма эффективная сила. С помощью разведотрядов органы ОГПУ получали точную информацию не только о передвижении банд, но и об их численном составе, вооружении.

— Обком партии,— сказал Даниловский, переходя к следующему вопросу,— поставил перед чекистами задачу ускорить ликвидацию банд, и в первую очередь банды Серова, как наиболее крупной и опасной. Опасной потому, что к ней тянутся мелкие бандитские шайки, примыкают кулаки. Наряду с чекистско-воинскими операциями следует организовать через наших разведчиков работу по отрыву от банд случайно попавших туда людей. Мы должны наперед знать о всех намерениях их главарей и своевременно применять силу. Ищите людей, способных войти в доверие к атаманам, их ближайшим помощникам. Мобилизуйте сотрудников своего отдела на решение этой неотложной задачи. Всем органам на периферии дайте по этому вопросу исчерпывающие указания.

Полпред немного подумал и сказал:

— Кстати, есть у нас полные биографические данные на Серова? Кто он такой, этот атаман?

— Серов Василий Алексеевич, как мне помнится,— ответил Клейменов,— дезертировал из Красной Армии, а затем принимал активное участие в контрреволюционной мятежной авантюре Сапожкова, который возглавлял эсеровский мятеж в Уральской губернии в 1920 году. До мая следующего года скрывался у себя на родине. Затем занялся политическим бандитизмом.

* * *

Около двухэтажного здания ОГПУ, щурясь от яркого солнечного света, взад-вперед прохаживался часовой. Он был в буденовке, поношенной шинели. На смуглом молодом лице играла вызванная теплом и солнцем улыбка. Мимо него прошел коренастый, лет двадцати, боец в дубленом полушубке. Можно было заметить, что он чем-то обеспокоен.

— Здравствуй, Семен! Ты что же, своих не узнаешь?— сказал часовой, нарочито загораживая бойцу дорогу.

— Прости, брат. Задумался...

— О чем, если не секрет?

Мысли Семена в эту минуту унеслись к небольшому домику с чистыми уютными комнатами, в котором жила его Маша.

Все началось с того зимнего вечера. Ему, Семену Бредихину, поручили встретить местных комсомольцев, приглашенных на трехлетний юбилей ВЧК. Маша была не единственной девушкой среди гостей. Но когда Семен увидел ее, то уже не мог оторвать взгляда. После доклада выступала самодеятельность. Маша пела старую казачью песню. В ее чистом голосе было что-то свое, родное, запавшее в Семенову душу. Зал аплодировал. Долго и страстно. Но Маша так и не вышла на сцену.

В перерыве заиграла гармошка. Образовался круг. Семен пустился в пляс. Еще раньше он заметил, что Маша внимательно наблюдает за ним, и старался вовсю. Уже гармонист устал, но Семен не выходил из круга. Он, как завороженный, без устали отплясывал коленца. И тогда в круг вышла Маша.

Пляску закончили под общий хохот и, взявшись за руки, отошли в сторону. Отдышались, вышли во двор. Поговорили. Когда закончился вечер, Семен проводил девушку. Дорогой рассказывали друг другу о своей жизни. Смеялись.

— А вот и мой дом,— сказала Маша, останавливаясь.

Семен стал прощаться, но девушка вдруг предложила:

— Прошу, гостем будешь.

Их встретила женщина средних лет, очень похожая на Машу. В небольшой комнате было тихо, уютно. Но Семен чувствовал себя как-то неловко. Он не находил слов для беседы, а когда ему предложили чашку чая, отказался и, сославшись на занятость, распрощался и ушел.

Однако с тех пор Семен стал часто заходить на Форштадскую улицу, где жила Маша. Познакомился с ее отцом, участником империалистической войны, пулеметчиком Чапаевской дивизии. Иван Максимович Степанов оказался добрейшим человеком, они быстро подружились. Семен стал приходить к Степановым как домой.

А вчера? Но не только это волновало Семена. Едва он зашел в казарму, как дежурный по эскадрону крикнул:

— Бредихин, к командиру!

У комэска сидели двое. В одном Семен узнал Клейменова. Повернувшись к Бредихину, тот попросил его рассказать свою биографию. Затем спросил:

— Кого вы помните из соседей в селе?

Бредихин назвал несколько фамилий и среди них Матцева. Клейменов тотчас достал из папки фотографию, показал ее.

— Да это же Тихон Матцев, лавошника сын! — воскликнул Семен.

— А вы знаете, где он сейчас?

— Нет. Он приезжал еще в империалистическую на побывку. С тех пор его не видел.

— Ваш земляк сейчас в банде Серова, его правая рука,— пояснил Клейменов. — Возглавляет карательный отдел, руководит расстрелами коммунистов и комсомольцев. А сколько от него пострадало ни в чем не повинных жителей...

Клейменов умолк, свел над переносицей густые, слегка выцветшие брови. Затем продолжил свою мысль:

— Мы посоветовались с вашим командиром и пришли к выводу: вам нужно вступить в банду Серова. Да, да, в банду! Думаем, что Тихон Матцев поверит вам. Подумайте хорошенько. Задание ответственное, трудное и разглашению не подлежит. Завтра зайдете с ответом. А сейчас — отдыхать!

Бредихин вышел в коридор и чуть было не столкнулся

с девушкой, которая вышла из кабинета командира эскадрона. Это была Маша. Спросила:

— Что с тобой, Семен? Чем-то расстроен?

Бредихин не успел собраться с мыслями, как Маша, наклонившись к нему, зашептала:

— Приходи сегодня. Маманя пироги печь будет.

И выпорхнула во двор.

Бредихин зашел в конюшню, задал гнедому корм, похлопал его по шее и направился в казарму.

Вечером Бредихин вновь был у Степановых. Хозяйка радушно встретила гостя, извинилась и ушла на кухню готовить ужин. Маша тотчас подбежала к Семену, поцеловала его в щеку, помогла скинуть шинель.

— Ух, какой ты весь холодный! — сказала девушка. — Иди к печке, погрейся.

Семен зарделся от поцелуя и растерянно стоял на середине комнаты. Он чувствовал, что в их отношениях что-то изменилось. Его тревожила предстоящая разлука, ибо он согласился с предложением Клейменова.

Маша угадала состояние Бредихина и старалась помочь ему преодолеть скованность. Вскоре к Семену вернулась прежняя уверенность. Он шагнул к девушке, положил на ее плечо свою озябшую руку. Маша не отстранила Семена. Она на какой-то миг прижалась к нему, обняла и закружила по комнате. Бредихину передалось ее веселье. Он забыл все на свете.

В горницу вошла мать Маши. Молодые люди, словно провинившиеся школьники, низко опустили головы.

— Вот и пироги поспели,— как ни в чем не бывало сказала Наталья Ксенофонтовна. — Кушайте, дети, поправляйтесь.

Поставив на стол тарелку с пирогами, вышла. Как ни трудно было с хлебом, Наталья Ксенофонтовна умудрялась выкраивать из скудных пайков мужа и дочери и этим удивляла близких и знакомых.

В эскадрон Бредихин возвратился поздно ночью. Тихо, чтобы не разбудить товарищей, Семен пробрался к своей койке, разделся и лег. Долго лежал с открытыми глазами и только под утро уснул.

* * *

В кабинете начальника войск ВЧК висела карта Казахстана. На ней синими кружками были обозначены места, где орудовали бандиты.

За большим письменным столом сидели Воротков, комиссар войск ЧОН Башилов и Клейменов. Вскоре в кабинет вошел Бредихин. Ему предложили стул. Наступила пауза. Понимая, что от него ждут ответа, Семен сказал:

— Товарищи! Я готов идти на любое задание и выполнить его.

— В этом мы не сомневались,— заметил Башилов. — Знаем тебя, Семен, как активного комсомольца, преданного товарища. О брате твоем, краснознаменце, понаслышаны.

— Но одной смелости для чекиста мало,— сказал Клейменов. — Нужна выдержка и еще раз выдержка. Какой бы враг ни был, его надо обхитрить. В своей работе чекисту приходится часто рисковать. Но риск должен быть оправданным.

— Я понимаю, что иду в логово врага,— ответил Семен. — Иду сознательно. Можете на меня положиться.

— Товарищ Клейменов вас проинструктирует перед выездом,— сказал Воротков.

Он поднялся из-за стола, подошел к Бредихину, крепко, по-товарищески, пожал ему руку.

— Желаю удачи, Семен. Будь осторожен...

Когда Клейменов доложил полпреду о выезде Бредихина из Оренбурга, о способах связи с ним, Даниловский заметил:

— Это все хорошо. Но один Бредихин не сможет до конца выполнить столь сложную задачу. Ему нужны помощники.

— Мы обсудили и этот вопрос. Подобрали еще несколько кандидатов,— доложил Клейменов.

— А нет ли среди наших сотрудников человека, который бы лично знал Серова?

— Как же, как же! Есть такой товарищ. Переверзенцев Иосиф Ефимович. Еще в империалистическую служил в одном взводе с Серовым. Он-то и подобрал еще двух кандидатов. Одного из них думаем забросить в банду Серова.

— Ну что же, неплохо. А что вы думаете о самом Переверзенцеве? Как давно он в чекистских органах?

— Иосиф Ефимович мой близкий товарищ,— не задумываясь, ответил Клейменов. — Вместе кормили вшей в окопах Галиции. Работая уполномоченным по борьбе с бандитизмом, он все задания выполняет беспрекословно, точно и в срок.

— Достаточно! Поручите Переверзенцеву подготовиться

к беседе со мною. Завтра в 10 утра. Пусть расскажет о Серове.

— Иосиф Ефимович рассказчик неплохой и лишнего времени у вас не отнимет,— заметил Клейменов.

— Ну вот и хорошо,— задумчиво произнес Даниловский.

Ему почему-то вспомнились первые послеоктябрьские месяцы. Но, отогнав нахлынувшие воспоминания, он сказал:

— Приходите и вы, Дмитрий Иванович, вместе с ним.

На следующий день утром Переверзенцев был у Даниловского. Сюда же пришел Клейменов.

... Задача была не из легких. Ефрейтор Серов, солдаты Переверзенцев и Сдобнов получили приказ добыть «языка». Двое суток разведчики изучали передний край обороны немцев. Начавшаяся метель помешала им как следует организовать наблюдение. И тогда солдаты решили скрытно выдвинуться к вражеской траншее и во время смены полевого поста захватить «языка». Минные поля и заграждения преодолели быстро. Затем около двух часов пролежали в воронке: наблюдали за местностью. Вскоре подошла смена. Вражеские солдаты потоптались на месте, покурили, и отстоявший свою смену караул ушел. Недолго маячила каска нового часового. Густой снег, ограничивающий обзор, и пронизывающий холод заставили его спуститься в землянку. Этого только и ждали разведчики. Они подползли к двери землянки, притаились. Через некоторое время открылась дверь. Запахло жареной свининой. На порог шагнул рослый солдат, закутанный не то в женский платок, не то в лоскут ткани. Не ожидая нападения, он, что-то мурлыча себе под нос, вышел на бруствер окопа, отвернул лицо от ветра. И тут Сдобнов ударил его по голове. Вражеский солдат, точно сноп, упал на руки подоспевших Серова и Переверзенцева. Разведчики, захватив «языка», стали отходить. Преодолев заграждения, они вышли на нейтральную полосу. Опасность, казалось, миновала. Но вдруг раздался взрыв. Сдобнов, не приходя в себя, тут же скончался. Тяжело ранило Серова. Пленный вражеский солдат и ползший следом за ним Переверзенцев были невредимы.

Взрыв насторожил неприятеля. Затрещали пулеметы, ударила артиллерия. Били вслепую, так как густой снег закрывал обзор, слепил глаза. Пули и снаряды пролетали мимо.

Переверзенцев, взвалив на плечи Серова, приказал пленному ползти впереди себя. Вскоре показались окопы

русских. Сдав Серова санитарам, Переверзенцев доставил пленного солдата в штаб.

Долго пришлось Серову проваляться по госпиталям. Потом его назначили в другую часть. До октября 1917 года так и не удалось встретиться сослуживцам. И только позднее, на солдатском собрании полка, делегат от корпуса Переверзенцев повстречал Серова.

Рядом с трибуной стояли офицеры. Среди них — Серов. Увидев его, Переверзенцев бросился к старому фронтовому другу:

— Здравствуй, Василий! Не ожидал тебя здесь увидеть. Ты уже старшим унтером стал, второй крест получил?! Вот здорово!

И, обняв Серова, Иосиф по-мужски облобызал его.

Растрогался и Серов. Сказал:

— Спасибо, Иосиф. Ты мне жизнь спас, родным братом, можно сказать, навеки стал. Если бы не вынес тогда, в шестнадцатом, кормить бы мне червей в галицийской земле. Спасибо...

Долго беседовали старые фронтовые друзья. Переверзенцев уловил в словах Серова какую-то обеспокоенность, недопонимание происходящих событий. Стремление во что бы то ни стало вернуться домой не батраком, который бы носил рваные штаны, а в офицерском мундире, видно, прочно завладело Серовым. Он почти не слушал Иосифа. «Мир», «земля», «свобода», «большевики», «равенство». Серову же хотелось быть полновластным хозяином.

— Вскоре, в начале октября, Серов выехал домой и в старую царскую армию уже не вернулся,— закончил свой рассказ Переверзенцев.

Он глубоко вздохнул, хотел еще что-то добавить, но Даниловский заметил:

— Да, психология атамана давно сложилась. А тебе, Иосиф Ефимович, больше не приходилось встречаться с Серовым?

— Нет, не приходилось. Но многие страницы из его атаманской жизни мне известны.

— Так, так... Ну что ж, продолжайте изучать руководителей банды. Свяжитесь с Саратовским и Самарским губотделами. Уточняйте сведения, которые будут поступать от наших разведчиков. А сейчас обсудим мероприятия по комплектованию разведгруппы, план заброски ее в банду Серова...

Чекисты разошлись поздно вечером.

* * *

Получив через связного первое сообщение от Бредихина, Дмитрий Иванович Клейменов сразу же доложил о нем полпреду.

В Джамбейты Бредихин приехал вовремя. Серовцы готовили налет на село и были где-то поблизости.

Остановившись в доме Галиева, добровольца разведотряда, Семен ждал выступления бандитов. В первую же ночь во многих домах раздались крики, по улицам поскакали всадники. Бредихин тотчас выскочил во двор и, заметив верховых, направился к ним.

— Кто будешь? — остановил Семена скуластый парень, одетый в солдатскую шинель.

— Кто буду, не тебе знать, солдат. Веди к атаману.

Скуластый, уловив в голосе Бредихина властные нотки, указал ему на стоявших у забора людей, о чем-то горячо споривших. Семен подошел к ним.

— Что надо? — спросил тот, который был выше ростом, в офицерской бекеше.

— С кем имею честь говорить? Мне нужен Серов или кто-либо из его помощников,— тоном уверенного в себе человека произнес Бредихин.

— Это что еще за птица? — поинтересовался второй. — А не хотел бы ты познакомиться вот с этим?

И он поднес к лицу Бредихина револьвер.

— Постой, Овчинников. С этим никогда не поздно,— заметил первый.

Семен спокойно рассматривал стоящих перед ним бандитов. Его мысль усиленно работала над тем, как вести себя дальше. Вдруг он услышал:

— Я — Буржаковский, начальник штаба атаманской дивизии войск воли народа.

— А я — Бредихин, бывший командир из отряда Вакулина. Подался было на Тамбовщину, но там красные житья не дают. Ищу вас вторую неделю,— выпалил Семен.

— А как с документами? — спросил Овчинников.

— Кто им сейчас верит,— ответил Бредихин. — Документы любые можно представить. Бумага, она все стерпит.

— Ну, что ж, валяй вон в те сени. Приедет Матцев, разберется, кто ты такой!

«Наконец-то! — подумал Семен. — Матцев вроде бы свой человек».

Ехали долго. Только что выпавший глубокий снег пере-

мел дорогу. Кони проваливались, храпели. На санях вместе с Бредихиным примостились еще два бандита. «Караулят,— подумал Семен. — Ну и пусть, бежать не собираюсь». Закутавшись в предложенный возницей тулуп, он лежал на сене подремывая. Наконец, сани остановились.

— Пойдем,— сказал Буржаковский.

Вошли в небольшую крестьянскую избу. За столом, стоявшим посередине комнаты, сидел новоиспеченный командующий «армией воли народа». На полу валялись пустые бутылки. Один из бандитов держал в руках четверть.

Появление Бредихина не смутило сидящих за столом. Изрядно охмелевшие, они громко разговаривали между собой, старались перекричать друг друга. Буржаковский доложил атаману.

— Так, говоришь, у Вакулина был? — обратился к Бредихину сидящий справа невзрачный на вид человек с дергающейся при разговоре щекой.

«Серов»,— решил про себя Семен и ответил:

— Был. Вместе...

Но не успел закончить фразу, как из-за стола к нему бросился Матцев.

— Сеня! Ты ли это? Вот так встреча!

— А ты откуда его знаешь? — спросил Серов.

— Да как же не знать Семена Бредихина! Ведь это нашего писаря сын. Вместе в школу ходили, вместе росли. А как началась война, потерялись. Я старше его. Призвали на империалистическую. А он остался в селе учительствовать.

— Вот и бери его к себе в писаря,— пьяно ухмыльнулся Серов и, взяв со стола полный стакан, протянул Матцеву.— Угости своего земляка.

Матцев поднес стакан Семену. Чокнулись. Выпили. И потекла беседа. Вспоминали о родном селе, детстве, школьных годах. Потом заговорили о том, как идут дела в банде. И вдруг Семен понял, что Матцев что-то не договаривает, что-то скрывает.

— Жить будешь вместе со мной,— заявил в конце беседы Матцев. — А работа разная. Больше по бумажной части. Появится желание — назначим командиром.

— Нет, зачем же? — возразил Бредихин. — Мне лучше бумагами заниматься. С детства привык, сам знаешь...

Не сразу поверили Бредихину. По приказу Матцева, а может быть, его заместителей, к Семену был приставлен

Никифор, по прозвищу «Свинья». Он навязывался Бредихину в друзья, заискивал перед ним, часто приносил самогон, а подвыпив, заводил речь о житье-бытье. И как ни противно было Бредихину такое знакомство, приходилось «дружить» с Никифором.

Ежедневно в следственный отдел приводили захваченных в селах коммунистов, красноармейцев и просто местных жителей, не угодивших чем-то бандитам. Бредихин с трудом сдерживал себя. Он был свидетелем многочисленных расстрелов, зверских пыток над честными советскими людьми. Матцев лишь формально возглавлял следственный отдел, ибо всеми делами вершили Овчинников и его комендантская команда.

Семену вскоре удалось добиться расположения Овчинникова, который решил сколотить капитал и знал, что в сейфе следственного отдела собраны немалые ценности, изъятые у арестованных и расстрелянных граждан. Овчинников заискивал перед Семеном, под любым предлогом выпрашивал подачку. Бредихину это было выгодно, так как Овчинников, получая из сейфа некоторую долю, делился с Семеном секретами, военными планами Серова. Кое-что Бредихин узнавал от Матцева.

Прошло некоторое время, Семен стал «своим» человеком в банде. Он иногда выезжал в села, где встречался со связниками, а в городе вел «разведку» по заданию Матцева. Ему стали поручать расследование некоторых дел арестованных. И многие из советских граждан избежали смерти. Вскоре Бредихин освободился и от назойливого Никифора. Его убили в перестрелке с работниками милиции.

Прошло еще некоторое время, и чекисты Оренбурга стали получать подробную информацию о банде Серова, о ее планах, местонахождении. Все это позволило своевременно принять необходимые меры.

Первый серьезный удар по серовцам нанесли бойцы гарнизона поселка Калмыково, которым командовали секретарь уездного комитета партии Николай Иванович Попов и начальник уездного отдела ОГПУ Иван Чапурин. В конце ноября и начале декабря 1921 года банда потеряла около полтораста человек убитыми и ранеными, много лошадей. Крупное поражение потерпели серовцы под стенами Гурьева, куда направились после боев у Калмыково. В середине декабря банда была вынуждена отступить к поселку Тополи, откуда в начале января 1922 года планировалось совершить второй налет на Калмыково. В 50 верстах южнее Кал-

мыково, в поселке Гребенщики, серовцы были перехвачены частями Красной Армии и разбиты. Пехота вместе с обозом попала в плен. С остатками кавалерии Серов бежал в сторону Бухары, откуда намеревался двинуться на Уил.

... Телефонный звонок полпреда о движении серовцев к Уилу определил дальнейшие действия Авдеева, руководителя уильских чекистов, которые много сделали для обороны поселка. Был создан отряд самообороны, роздано оружие. И когда к Авдееву собрались чекисты, он уверенно и четко отдавал распоряжения. В частности, приказал, чтобы из Уила были эвакуированы семьи чоновцев и коммунистов. Для прикрытия решили оставить небольшой отряд.

Покончив с делами, Авдеев провел по лицу ладонью и вспомнил, что уже несколько дней не брился. Не до этого было! Постоянные тревоги, экстренные совещания. В поселке участились убийства из-за угла, поджоги. Авдеев направился в соседнюю комнату за бритвой и по пути еще несколько раз провел пальцами по курчавой бородке. Остановился.

— Да ведь борода-то кстати,— вслух сказал Авдеев.— Указание полпреда об установлении связи с Бредихиным надо выполнять. Пройдет еще несколько дней, и во мне трудно будет узнать всегда чисто выбритого чекиста. Как я сразу не догадался об этом?!

... У здания, где размещались чекисты, несмотря на трескучий мороз, суетились мальчишки, помогающие бойцам грузить железные ящики, мешки, другое имущество. Прохожие украдкой поглядывали на отъезжающих. С наступлением сумерек колонна саней, сопровождаемая всадниками, тронулась в путь. Тяжело вздыхали женщины, всхлипывали мальчишки, неразлучные друзья и активные помощники бойцов-чоновцев. Лишь из-под навеса над тесовыми воротами неслась отборная брань. Это местный старожил, сыновья которого были осуждены за бандитизм, слал проклятия вслед уходящим чекистам. Легкая поземка заметала следы саней. Отряд затерялся в сумерках.

А на другой день после короткого боя Уил был занят серовцами.

... Стояла темная ветреная ночь. Рваные облака закрыли пытавшуюся прорваться сквозь них луну, а резкие порывы ветра поднимали снежную пыль, надежно маскируя следы идущих по целине людей. Ноги то и дело проваливались в глубокий снег, сугробы мешали движению. Через несколько верст путники спустились в неглубокий овраг и

по нему подошли к окраине степного поселка. Остановились. Какая-то гнетущая и таинственная тишина обступила отряд со всех сторон. Где-то далеко, на северо-западной окраине села лаяла одинокая собака. Было за полночь.

Посовещавшись, путники по одному направились в поселок. Старший отряда в задумчивости постоял у глинобитного сарая и, прихрамывая, свернул в переулок, что вел к ближайшему дому. Послышался легкий стук. Дверь отворилась.

— Авдеич? Проходи! — пробасил человек в наброшенном на плечи полушубке. — Небось, замерз?

— Замерзнуть не замерз, а вот нога снова подвела. То ли оступился, то ли старую рану разбередил, когда шли. Бандитская пуля дает себя знать.

— Проходи. Ложись, коли так. Постель приготовлена в горнице.

— А как в поселке? — спросил Авдеев.

— Пока все спокойно. Серовцы не беспокоят...

* * *

... После захвата Уила бандой прошло две недели. Разгульная жизнь и пьянство захватили все лихое серовское воинство. Слышались выстрелы, крики, стоны. «Командующий» чуть ли не каждый день устраивал скачки. Пьяные бандиты носились наперегонки по улицам, орали песни. Затем наступило похмелье. Тогда-то и родился приказ по «Атаманской дивизии», в котором говорилось: «Отмечаю полный упадок дисциплины. Солдаты до сих пор не перестают бесчинствовать, для чего приказываю: комсоставу подтянуться и подтянуть своих подчиненных, прекратить пьянство и разные гулянья, катанья на скачках. Несмотря на занимаемые должности, буду расстреливать без суда».

Припоминая отрывки из приказа, Семен Бредихин вышел на людную центральную улицу, зашагал вдоль заборов. Через несколько десятков метров его догнал мужчина, тихо спросил:

— Мы с вами где-то раньше встречались?

Семен несколько замедлил шаг.

— Не припоминаю. Может быть, в Саратове?

— В Оренбурге,— был ответ.

Человек обогнал Бредихина, свернул за угол дома. Стараясь не отставать, Семен последовал за незнакомцем. «Кто бы это мог быть? — думал он, переступая через порог

калитки. — Ни на кого из наших не похож. Может, провокация?»

Бредихин, не вынимая руки из кармана, осторожно вошел во двор и увидел стоящего у двери дома человека. Он очень удивился, когда узнал в незнакомце Авдеева. Того самого Авдеева, что руководил облавой при поиске грабителей железнодорожных вагонов на станции Оренбург. В одежде крестьянина чекист был неузнаваем. На давно не бритом подбородке красовалась густая курчавая огненно-рыжая борода. Только проницательные глаза да сросшиеся над переносицей брови выдавали прежнего Степана Авдеева.

— Здравствуй, Семен,— шагнув навстречу Бредихину, сказал Авдеев.

Обнялись. Зашли в просторную теплую горницу. Сели на лавку. Помолчали. Первым заговорил Авдеев.

— Оренбург требует от нас более активной работы по разложению банды. Надо попытаться настроить массы против Серова. Нам помогут. Клейменов подготовил чекистов. Под видом бандитов они вольются в банду. Жди. Кто вошел в эту группу, полпред не сказал. Но, разговаривая со мной по телефону, дал понять, что ты их всех знаешь. Тебе, наверное, уже известно, что в междуречье Волги и Урала действуют 27-я Омская Краснознаменная стрелковая дивизия, 1-я Сибирская кавалерийская бригада, несколько бронепоездов. Войсками ОГПУ и ЧОН, частями Красной Армии уже разбиты многие банды. По существу остались недобитыми одни серовцы. Об этом надо распространять слухи, внушать бандитам всю безнадежность затеи Серова.

— Так-то оно так,— согласился Бредихин. — Но Серов снова взялся наводить порядок. Организовал занятия. Видно, к чему-то готовится.

— Вот и разузнай,— посоветовал Авдеев.

— Это не так легко, Степан. Раньше Матцев все мне рассказывал. А недавно его назначили командиром третьего эскадрона. Следственным отделом сейчас руководит сам Долматов, правая рука Серова. Боюсь, и меня переведут. Как-то заходит Долматов выпивши, говорит: «Ну что, писаришка, упекли мы твоего Матцева. Не будет язык распускать!»

— А за что Матцева перевели на эскадрон? — спросил Авдеев.

— Трудно сказать. Чего-то они не поделили с Долматовым. Да и Серову Матцев не очень нравился.

— Ты говоришь, Матцев к тебе относится хорошо. Делился с тобой секретами. А не использовать ли нам его против Серова?

— Очень трудно. Но попытаться можно.

— А часто ли к тебе он заходит?

— Вечерами. И всегда пьяный. Жалуется на жизнь, на Долматова, Серова.

— Нужно учесть. Но не забывай, Матцев колчаковский офицер-монархист, ярый враг Советской власти. Сколько людской крови пролито им, сколько принесено горя.

— Это я помню,— согласился Бредихин. — Об этом же говорил мне и Клейменов. Но вижу, Матцев хочет спасти свою шкуру, ищет выход из тупика. Поэтому пойдет на все.

— Нужно разобраться. И как следует,— посоветовал Авдеев.

Еще несколько часов обсуждали чекисты свой план работы. Расстались с наступлением сумерек, крепко пожав на прощанье друг другу руки. Авдеев достал из-за иконы пачку пахнущих типографской краской листков, отдал их Бредихину.

... В тот вечер Матцев не зашел в следственный отдел. Тогда Бредихин решил сам сходить к нему на квартиру. Стояла морозная ночь. Усыпанное звездами небо манило в бескрайнюю высь. Запахнув полушубок, Семен вышел за ворота и не спеша направился в третий эскадрон.

Матцев встретил своего земляка несколько необычно. Хмурый и злой, он расхаживал по комнате. Но, увидев Семена, обрадовался.

— Не ожидал, не ожидал. Спасибо, что наведался. Садись, гостем будешь.

Полез под стол, громыхнул пустыми бутылками. Крепко выругался.

— Хотел угостить, а нечем. Все вылакали, сволочи! И Пантелей ушел к соседке. Без него вряд ли чего отыщем...

— Не утруждай себя, Тихон,— сказал Бредихин и, достав из кармана бутылку самогона, поставил ее на стол. — Первач! Берег для тебя, Константиныч.

Матцев налил глиняные пиалы и, не дожидаясь Семена, выпил. Лицо его тотчас просветлело. Налив вторую пиалу, Тихон сказал: «Будем» и снова выпил.

Водка подействовала на обоих. Обнимая Бредихина, Матцев стал жаловаться на жизнь.

— Гложет меня все это, Семен. Ох, как гложет! Бессонница мучает. Как усну, родные края вижу. Стариков вспо-

минаю. Олечку свою. Дело наше, Сеня, пропащее. Дохлое, можно сказать. И Серов все понимает, но не хочет слушать об этом. Еще на что-то надеется. А чего ждать? Чего-о-о? Расплаты? Боится атаман Васько конца. Вот и затеял переговоры с комбригом Уваровым о сдаче. Хочет улизнуть из западни. Торгуется, время выигрывает. Троцкого на провод запросил. Но не верю я ему. Не собирается он сдаваться. Перед гибелью браваду разводит. Надоело все это. Пора кончать. Но где выход? Советская власть, Сеня, не простит нас. Да и войско наше ненадежное. Разбегаются солдаты. Вот и зверствует Серов.

Бредихин подлил первача, но Матцев резко отодвинул от себя пиалу:

— Хватит! От себя не уйдешь. Совесть в вине не утопишь.

— Ты прав, Константиныч. Водка сейчас не советчик. Но насчет выхода подумать надо,— заметил Бредихин.

— На что намекаешь, Семен? — привстал из-за стола Матцев.

— Видишь ли, Константиныч. Верные люди сказывают, будто амнистию продлили.

— Предателем я не был и не буду,— крикнул Матцев.— А тебе советую прикусить язык.

— Так-то оно так. Но разве Серов не предает нас, выговаривая для себя условия сдачи? Осечка выйдет, прикроется твоим же эскадроном, а сам убежит за границу. Ты, по-моему, говорил, что наша песенка спета. Но выход есть. Посоветуйся с бойцами эскадрона, они тебе подскажут.

— Ты на что намекаешь? — побагровел Матцев.

Потянулся рукой к револьверу, но никак не мог расстегнуть кобуру.

— Не горячись, успеешь! Лучше посмотри, что читают твои подчиненные. — Бредихин положил на стол несколько листовок. — Скажи спасибо, что ко мне попали, не то Долматов вмиг бы разогнал твой эскадрон. А тебя... к стенке.

Дрожащей рукой Матцев поднес к глазам небольшой листок с жирным текстом. Стал читать: «Бандит! Перед тобой две дороги: сложить оружие и зажить мирной жизнью или вечно скитаться по голодным степям Заволжья и ожидать удара с трех сторон: 1. От Красной Армии; 2. От местных жителей; 3. От своего атамана Серова.

Красная Армия будет уничтожать тебя за то, что ты мешаешь рабочим и крестьянам наладить жизнь. Местные

жители тебя ненавидят за то, что ты отбираешь у них последнюю скотину, разоряешь их хозяйство и приводишь сотни и тысячи крестьян к голодной смерти. А пуще всего берегись своего батьки Серова. Пойдешь по второй дороге, тебя ждет беспощадная смерть.

Задумайся и решай.

Больше надейся на самого себя. На Серова не надейся. Советская власть ему много раз предлагала сдаться, но он больше предпочитает грабеж, чем мирную жизнь. Ради того, чтобы побольше награбить, ему не жалко смерти сотен людей, таких как ты! В последний раз решай свою будущую судьбу.

На обратной стороне этого листка пропуск для тех, кто желает сдаться. Покажи пропуск и будешь помилован».

Прочитав листовку, Матцев как-то сразу обмяк, опустился на скамью. Долго и тупо смотрел в угол, где висели иконы. Потом схватил пиалу и на одном вздохе выпил ее содержимое до дна.

— Здорово мы запутались, Константиныч,— нарушил неловкое молчание Бредихин. — Но надо искать выход. Может быть, не такой, как в листовке. Но надо...

Семен оделся, вышел за дверь. Постоял прислушиваясь. В горнице стояла тишина. Бредихин чему-то улыбнулся и зашагал прочь.

... Прошло несколько дней. Бредихин сидел, как обычно, в избе следственного отдела, просматривал опись награбленных ценностей. Вдруг к нему вбежал Овчинников.

— Слыхал новость, Семен? Матцев с эскадроном хотел к большевикам уйти. Не вышло! Мефодий Тáрута успел предупредить атамана. А то бы ушли. Матцева в кутузку отправили. Видишь, что подлец задумал. В кармане у него нашли вот это.

Овчинников бросил на стол знакомую Бредихину листовку. И тут же переменил тему разговора.

— Выпить есть? А то башка трещит после вчерашнего. Опохмелиться бы надо.

— Чего нет, того нет,— ответил Бредихин. — Подожди минутку. Я мигом сбегаю. Тут недалеко.

— Валяй! Когда вернешься — позови.

Семен вышел, но не на центральную улицу, где жила шинкарка, а в переулок. Перемахнул через глиняный дувал, пробежал через сад и оказался у дома, в котором остановился Авдеев. Ворота и калитка были заперты. Чтобы не

поднимать шума, Бредихин, оглядевшись по сторонам, перелез через двухметровый забор.

Авдеев встретил Бредихина вопросом:

— Что случилось?

Семен рассказал, что Серов ведет переговоры с Уральском, оттягивая час расплаты и одновременно готовится к прорыву через Ташкентскую железную дорогу. Прорыв назначен через пять-шесть дней.

— Значит, через неделю,— уточнил Авдеев.

— Да. Так утверждает Матцев.

Бредихин подробно доложил о встрече с Матцевым. Но когда сообщил, что тот арестован и у него изъята листовка, Авдеев всплеснул руками:

— Как ты мог так опрометчиво поступить! На такой риск тебе никто санкции не давал. Ведь мы не знаем, как в данном случае поведет себя Матцев. Может, тебя уже разыскивают? Эх Семен, Семен!

— Матцева я знаю,— заупрямился Бредихин. — Кто-то должен рассказать о его гибели старикам. Он так дорожит своими родителями.

— Логика в твоих рассуждениях есть,— заметил Авдеев. — Но будь осторожен. От Матцева всего можно ожидать. Жди указаний. В случае опасности действуй по варианту номер один.

Бредихин, захватив у шинкарки бутыль самогону, вернулся к себе.

...На другой день к илецким чекистам пришла смертельно усталая девушка. Ее проводили в кабинет начальника Илецкого ОГПУ, с которым она познакомилась еще в Оренбурге.

— С чем пожаловала, Маша? — по-отечески ласково обратился к девушке Наумов. — Может, вначале отдохнешь?

Маша отрицательно покачала головой. Она рассказала о подготовке Серова к прорыву, передала сведения, добытые Авдеевым. На тонкой бумаге перечислялись силы бандитов и сроки прорыва. Записка заканчивалась словами «До встречи».

Но встреча не состоялась. За связь с Матцевым Семен Бредихин был арестован. Чекист Степан Авдеев в перестрелке с бандитами был ранен, захвачен в плен.

Маша об этом еще не знала и, облокотившись на стол, сладко спала.

* * *

Когда Марк Башилов вошел в кабинет полпреда, там уже сидели Воротков, Клейменов, Бадейнов, Ксенофонтов. Начальник политсекретариата поздоровался со всеми за руку, сел рядом с Даниловским.

— Товарищи! — обратился к присутствующим полпред. — Обком снова рассматривал вопрос о состоянии борьбы с бандитизмом. Расширенное заседание, созванное по решению Совета труда и обороны Киргизии, совместно с представителями крайвоенкомата и ОГПУ обсудило создавшееся положение и предложило ОГПУ направить действия всех войск на разгром банды Серова. С этой целью создана Восточная группа войск со штабом в Оренбурге. Ее возглавит начальник войск ВЧК Кирреспублики Воротков. Военкомом назначен Башилов.

Последнее сообщение Бредихина подтверждает сделанные нами выводы об истинных намерениях Серова. Своими переговорами атаман пытается ослабить нашу бдительность. Можно предположить, что в ближайшие дни бандиты начнут активные действия. Наши уильские товарищи во главе с Авдеевым расстреляны по приказу Серова. Бредихин арестован. В своем последнем донесении он сообщил, что Серов имеет намерение перерезать Ташкентскую железную дорогу, углубиться в тургайские степи. Этого допустить нельзя. Для обеспечения успешных действий войсковых частей нам необходимо иметь у серовцев своих людей. Не менее важной задачей остается работа по разложению банды. Думаем направить в логово врага новую группу чекистов. Каково ваше мнение, товарищи?

Некоторое время все молчали. Но вот поднялся Клейменов.

— Разрешите доложить...

Полпред, очевидно, знавший о чем пойдет речь, перебил Клейменова.

— Мы,— сказал он,— не можем в такой момент отпустить, пусть даже на короткое время, руководителя военного отдела.

Полпреда поддержал военком штаба Бадейнов. Но Клейменов не уступал:

— Основная задача отдела,— продолжал он свою мысль,— борьба с бандитизмом. Почему же мне не могут доверить эту операцию? Если сумеем войти в банду, то окажем большую помощь товарищу Вороткову, попытаемся

выяснить планы и намерения бандитов. При удобном случае сколотим группу внутри банды и нанесем ей удар с тыла.

— Я считаю предложение Дмитрия Ивановича обоснованным,— вмешался в разговор начальник политсекретариата. — Кто, как не он, знает повадки бандитов. Это при его активном участии были разгромлены банды Охранюка, Аистова, Петрова... Но нельзя не согласиться и с предложением Ивана Кондратьевича. Во главе группы надо поставить кого-то другого.

— Доложите, товарищ Клейменов, о составе оперативной группы,— попросил полпред.— Осталось двое: Иванов и Переверзенцев. Оба — сотрудники республиканского аппарата ОГПУ. Вы их хорошо знаете.

Уроженец Оренбурга, выходец из рабочих, Николай Терентьевич Иванов прошел большую школу политической борьбы. Моряк Балтийского флота, он вместе с революционными матросами участвовал в свержении царского правительства, а в дни Октября штурмовал Зимний, видел и слушал вождя революции В. И. Ленина. Затем вихри гражданской войны, бои в составе 24-й железной дивизии. В 1919 году Иванов — политкомиссар полевого штаба на Украине. Но родные места манили к себе, и Николай Терентьевич переехал в Оренбург. По рекомендации губкома его направляют на работу в губчека. Иванов как-то сразу вошел в среду чекистов, завоевал у них почет и уважение. Знали его как активного общественника, организатора политических мероприятий. К нему шли за советом, помощью.

Человеческая доброта сделала Иванова всеобщим любимцем. Иначе он выглядел в бою. Не щадил врагов и мародеров. Бандиты, прослышав, что против них действуют чекисты во главе с моряком, не решались принять открытый бой. В январе 1921 года Иванов был избран в состав Оренбургского горсовета.

— Такой не подведет, справится,— заметил Дмитрий Иванович.

Как нельзя лучше дополнял Иванова Иосиф Ефимович Переверзенцев. Крестьянин по происхождению, он хорошо знал состояние банд, их главарей, мог без подозрений примкнуть к серовцам.

— Какие будут мнения в отношении кандидатур, предложенных товарищем Клейменовым? — обратился к присутствующим Даниловский.

— Это лучшие наши кадры,— почти в один голос заявили Башилов и Бадейнов.

— Товарищ Иванов, думаю, возглавит группу, сумеет выполнить задание,— поддержал товарищей инспектор политкомиссариата Ксенофонтов. — Но им придется действовать в Илецком и соседних с ним районах. На мой взгляд, в состав группы необходимо включить хотя бы двух чекистов из Илецка. Они лучше знают местные условия, сложившуюся в районе обстановку, смогут поддерживать с нами бесперебойную связь.

Выбор пал на уполномоченных Илецкого ОГПУ Петра Авксентьевича Ткачука, в августе 1921 года окончившего Оренбургскую коммунистическую партийную школу, и Ефрема Филипповича Пятых, буденовца, направленного партийными органами на работу в ВЧК.

— Дмитрий Иванович, разрабатывайте подробный план проникновения группы в банду. Продумайте экипировку и необходимые реквизиты, проинструктируйте людей и через три дня будьте готовы к выполнению задания. Будете сопровождать группу до сводного отряда наших войск,— сказал в заключение Даниловский.

Три дня ушло на подготовку. Прибывшие из Илецка Ткачук и Пятых ознакомились с заданием, рассказали об обстановке в районе, помогли подобрать связников. Иванов в это время допрашивал захваченных бандитов, стараясь получить как можно больше сведений об одном из руководителей банды эсере Долматове.

Иосиф Ефимович Переверзенцев готовил обоз с подарками. Чтобы придать легенде больше достоверности, на одну из подвод погрузили двух баранов, несколько мешков муки, более ста аршин различной мануфактуры, якобы захваченной в разграбленной кооперации. Не забыли и о финансировании «бандитов». У «вожака» Иванова сто миллионов рублей наличными. Чекисты позаботились о вооружении. Каждый получил кроме винтовки еще и револьвер.

Доложив Даниловскому о готовности, Клейменов с разведчиками поздно вечером выехал из Оренбурга.

* * *

... Три недели держался трескучий мороз. И вдруг потеплело. Пошел снег. Густой и крупный, он валил целые сутки. Чистый воздух казался легким и невесомым.

Воспользовавшись снегопадом и временным потепле-

нием, серовцы активизировали свои действия. Под Красноярским, в других местах развернулись жаркие бои.

Используя численное превосходство, бандиты перешли в атаку, но сводный отряд чекистов и курсантов стойко отражал натиск врага, хотя и занимал невыгодные позиции. Под дружным натиском пехоты и кавалерийского эскадрона серовцы дрогнули и отступили. Это значительно улучшило положение отряда, и когда противник вновь попытался перейти в наступление, пехота, зарывшаяся в землю, сумела отразить его яростные атаки. Не добившись успеха, серовцы сосредоточили все свои силы на левом фланге, где оборонялись два взвода 18-й Оренбургской пехотной школы. Превосходство серовцев не испугало курсантов. Залповым огнем они прижали наступающих к земле, затем обратили их в бегство.

Бой длился более 12 часов. Поздно вечером бандиты, потеряв около трехсот убитыми и ранеными, 106 лошадей, знамя банды, под прикрытием темноты отступили от поселка Красноярское в юго-восточном и восточном направлениях. Часть банды Серова, численностью до 150 человек пехоты, при двух пулеметах направилась в сторону аула № 8.

11 марта группа разведчиков Иванова в сопровождении Клейменова спешила в район сводного отряда. Свежие лошади быстро бежали по плотному насту, припорошенному пушистым снегом. Иванов то и дело посматривал в бинокль в сторону Красноярского, откуда доносился шум боя.

Недалеко от аула № 8 чекисты нагнали обоз с боеприпасами и продовольствием для сводного отряда. Его сопровождали курсанты Оренбургских командных курсов и чоновцы. Среди сопровождающих был и работник Илецкого райкома партии Наумов.

Не успели чекисты обменяться мнениями, как со стороны аула на дороге показался конный отряд. Черное знамя, развевающееся на ветру, смешанные ряды конников выдавали серовцев. Клейменов поднял к глазам бинокль.

— В колонне более ста всадников,— сказал он.— На двадцати подводах столько же пеших бандитов. Вот некстати!

Клейменов некоторое время молчал, а его товарищи смотрели на своего командира, ожидая решения. Мысль Дмитрия Ивановича усиленно работала. «Как быть? Ввязаться в бой? Но это не входит в планы группы: может сорваться выполнение задания. Еще есть время отойти.

А что станет с курсантами? Они погибнут в перестрелке. Бандиты захватят обоз с продовольствием, боеприпасами. Сводный отряд окажется в тяжелом положении».

— Надо спасти обоз,— громко сказал Клейменов. — Чекисты и курсанты прикроют его отход.

Рассыпавшись в цепочку, чекисты спешились, стали обстреливать развернувшуюся для атаки конницу бандитов. Наумов с тремя чоновцами, яростно погоняя лошадей, развернулись и умчались по дороге на Соль-Илецк. Вырвавшиеся вперед бандиты с улюлюканьем скакали к обозу. Коротко, отрывисто щелкали выстрелы. Курсанты быстро, как на учениях, перезаряжали винтовки и посылали пулю за пулей. Несколько всадников вылетели из седел, но, запутавшись в стременах, волочились за разгоряченными, испуганными конями, оставляя на снежном насте красные полосы.

Дружный огонь курсантов поддержали залегшие справа, в лощине, чекисты. Они стреляли во фланг наступавшей конницы, нанося ей значительные потери. Прошло еще несколько минут, и налетевшие бандиты смяли курсантов. Чекисты дали залп, и еще три серовца слетели с лошадей. Остальные повернули вспять. Конная атака была отбита. Наступила короткая пауза. Но не успели чекисты дозарядить винтовки, как вражеская пехота, стреляя на ходу, приблизилась к горстке храбрецов, а конники, разбившись на группы, стали обходить их с флангов.

— Экономьте патроны, товарищи! — крикнул Клейменов. — Стреляйте только наверняка!

Еще несколько бандитов уткнулись в снег. Послышались крики, ругательства. Над полем боя прокатился пропитой бас: «Не стрелять! Взять живьем!»

Продолжая отстреливаться, чекисты не заметили, как кончились винтовочные патроны. Пришлось пустить в ход револьверы. Хладнокровно, с равными промежутками вел огонь Переверзенцев. Ни одна пуля, посланная им, не пропала даром.

С каким-то ребячьим озорством стрелял в надвигающихся бандитов Николай Иванов. После каждого удачного выстрела кричал: «Что, гады? Попало!»

Клейменов прицелился в пьяного верзилу, нажал на спусковой крючок. И... не услышал выстрела. «Неужели все?»— мелькнула мысль. Он оттянул затвор: патронов не было. На снегу валялись стреляные гильзы. «В горячке боя не заметил, как расстрелял все патроны?»— подумал Клей-

менов и в этот миг увидел перед собой разгоряченные бегом лошадиные морды. «Обошли, проклятые! Живым не дамся!» Схватив винтовку, Клейменов бросился на ближайшего всадника, вышиб его прикладом из седла, но тут же от удара по голове упал сам, потеряв сознание.

Израненных, оглушенных прикладами и нагайками, чекистов доставили в аул, завели в дом Кулумбека Уразбекова, где расположился штаб Серова. Начались пытки, истязания. Первым допрашивали Иванова. Когда рослый бандит попытался сорвать одежду, моряк, резко подавшись вперед, нанес ему удар головой в живот. Бандит, ойкнув, упал на пол. Серовцы схватились за оружие. Лицо красного военмора пылало гневом и ненавистью. Он был красив и страшен в эту минуту.

— Подходи, кто следующий? — крикнул Николай Терентьевич.

Но бандиты стояли оторопев. Не выдержал взгляда и Серов. Отвел глаза. Истерически крикнул:

— Расстрелять!

Иванова увели, закрыли в сарае. Бандиты с пристрастием допрашивали Клейменова, но, не добившись от него ни слова, полумертвого уволокли на улицу. Долго пытали Переверзенцева, других чекистов.

... Клейменов открыл глаза. Обвел взглядом потолок, посмотрел на стены. Нестерпимо болело простреленное в бою плечо, от потери крови кружилась голова. Рядом лежал избитый Иванов. Больше в сарае никого не было. «Где они? Что с ними? Где я?» — думал Клейменов. Но мысли путались, улетали куда-то в пустоту. Мутилось сознание.

В это время дверь со скрипом распахнулась, и двое бандитов швырнули в сарай окровавленного человека. Он застонал.

«Никак Переверзенцев»,— подумал Клейменов и, с трудом подняв голову, спросил:

— Что с тобой, Иосиф? Ты ли это?

— Я. Проклятые бандиты всего изметелили. А этот подлец хотел склонить к предательству. Но запомнит мой ответ!

Переверзенцев подполз к Клейменову, зашептал на ухо:

— Дмитрий Иванович! Серовцы чем-то всполошены, собираются. Об Илецке разговор ведут.

— Значит, будут снова прорываться в уральские степи. К Волге,— заметил Клейменов,— уйдут!

— Предупредить бы наших. Но как?

— Поручите это мне,— послышался голос Иванова. Он, наконец, пришел в себя.

— А сможешь? — усомнился Клейменов.

— Я ведь целехонький,— попробовал улыбнуться моряк. — Башка вот только трещит. Здорово ударили, гады!

Иванов встал, осмотрелся. Затем присел, стал осторожно разбирать стену. Полуистлевшие бревна осели. Образовалась дыра. Стена была тыльная, глухая. За ней простиралась ровная, как стол, необозримая степь.

— Ну, с богом,— сказал Клейменов. — Любой ценой доберись до наших. Передай, что Серов собирается прорваться через Илецк...

Иванов на прощание обнял товарищей, полез в дыру. Клейменов и Переверзенцев помогли ему выбраться на волю и тотчас завалили лаз сухим кизяком.

Еще не осела поднятая пыль, как дверь в сарай снова распахнулась и на пороге появился серовец. Щуря ослепленные искристым снегом глаза, он крикнул в темноту:

— Эй, клейменый, или как там тебя? Выходи!

Дмитрий Иванович поднялся, но острая боль чуть не сбила его с ног. Переверзенцев подхватил друга, и они вдвоем, обнявшись, подошли к светлому проему двери.

— Ты оставайся!

Бандит пнул ногой чекиста. Но Иосиф Ефимович устоял. Сдерживая гнев, сказал:

— Человек на ногах стоять не может. Помогу ему выйти, доведу до штаба. Назад опять же надо будет поддержать.

Бандит посмотрел на окровавленного Клейменова, на свои руки, презрительно сплюнул:

— Валяй, веди! Только назад вам не придется идти. Батька дюже злой...

Серовец закрыл дверь сарая на засов, пинком подтолкнул Переверзенцева.

— Поехали!

В сенцах дома, где чинили расправу, сидели старый казах, две-три женщины, несколько бритоголовых малышей.

— Стой! — сказал Переверзенцеву бандит. — А ты иди!

И, схватив Клейменова за ворот шинели, поволок его в открытую дверь.

Переверзенцев, мешая казахские слова с русскими, вполголоса заговорил с аксакалом. Тот в знак согласия кивал головой, прикладывая ладони рук к впалой груди.

Чекист хотел еще что-то сказать, но в этот миг в доме раздались выстрелы. На пороге появился пьяный Долматов.

— Входи! — закричал он. — Говорить будем...

Иосиф Ефимович шагнул через порог. Остановился. На глиняном полу лежал мертвый Клейменов. Из-под него вытекала тоненькая струйка горячей крови. В комнате находились уполномоченные Илецкого ОГПУ Петр Ткачук и Ефрем Пятых. Их также захватили серовцы.

Начались пытки. Затем Переверзенцева, Пятых и Ткачука вывели за дом, расстреляли. Когда пришли за Ивановым, сарай оказался пустым. Бандиты всполошились, подняли тревогу. На поиски сбежавшего во главе сотни выехал сам атаман.

Иванов уходил в сторону Красноярского. Но в степи, покрытой снегом, видно далеко. Николая Терентьевича вскоре заметили, догнали. Серов, вынув из ножен шашку, пытался зарубить чекиста. Но моряк уклонился от удара, стащил атамана с лошади. Завязалась борьба. Подоспевшие бандиты еле вырвали из крепких рук своего главаря. Николая Иванова изрубили шашками вдоль и поперек.

Напуганный нападением Иванова, а может быть, по другой причине, Серов отдал приказ собираться. Разграбив аул, бандиты ушли к поселку Покровскому, наказав местным жителям, чтобы те не хоронили убитых. Но как только стемнело, к избе Кулумбека Уразбекова, где останавливался Серов со штабом, потянулись и молодые казахи, и почтенные аксакалы. Недалеко от места, где были расстреляны Переверзенцев, Ткачук и Пятых, они вырыли яму, перенесли в нее погибших чекистов. Прибывшие на следующий день красноармейцы почтили их память винтовочными залпами. На могиле был поставлен скромный деревянный обелиск со звездой, старательно выкрашенной суриком.

* * *

... Разъезд кавалерийского дивизиона ГПУ вел разведку из Красноярского в сторону Соль-Илецка. Впереди скакали неразлучные друзья Иван Епифанцев и Сыздык Омыржанов. Вместе их связывала более чем двухлетняя совместная служба. В жарких боях часто приходилось выручать друг друга. Иногда сослуживцы то ли в шутку, то ли всерьез называли их братьями. Иван и Сыздык были уроженцами одного аула. Вместе росли, вместе были направлены по комсомольской мобилизации на работу в чекистские органы.

Вот и сейчас Омыржанов рассказывал Ивану о письме своего старшего брата, который учился в Москве. Он советовал, чтобы Сыздык обязательно шел в военную школу. Но Иван был против. Сам он любил родной аул, мечтал стать агрономом.

Увлекшись спором, Епифанцев и Омыржанов все дальше отрывались от разъезда. Вдруг Иван остановил коня.

— Смотри! — сказал он, протягивая руку в степь.

Вдали темнела фигура человека, быстро убегающего от дороги.

— Кто бы это мог быть? — спросил Сыздык.

Друзья пришпорили коней. Незнакомец, увидев скачущих всадников, побежал еще быстрее, но, заметив на головах бойцов буденовки, остановился.

Иван, подскакавший к незнакомцу, с трудом улавливал обрывки фраз. Старый человек очень торопился выполнить поручение расстрелянных серовцами чекистов. Из его слов Епифанцев и Омыржанов узнали о трагедии, которая разыгралась в ауле № 8.

Подъехал командир. Он поблагодарил аксакала за столь важное сообщение, предложил ему ехать вместе с бойцами. Старик отказался. В ауле его ждала большая семья. Дозор рысью направился к Красноярскому.

Получив новые данные, начальник объединенных войск Степан Ильич Воротков приказал усилить илецкое направление, перекрыть серовцам пути отхода. 23 марта в поселке Царевич, что в 65 верстах северо-западнее Илецкого городка, банда была обнаружена взводом разведчиков отдельного кавэскадрона ОГПУ. Завязался бой. Подоспевшие кавалерийские подразделения 1-го кавполка 27-й дивизии и 22-й илецкой роты ЧОН сходу атаковали бандитов и рассеяли их по степи. Но основные силы Серова прорвались и ушли в юго-западном направлении по границе Самарской и Уральской губерний. Только 3 апреля они были настигнуты в районе Шипово. После короткого боя банда разбежалась.

14 апреля в Сломихинском районе у Копан-Кусука сводный отряд чекистов и чоновцев разгромил остатки банды. Но Серову и на этот раз повезло. Бросив убитых, два пулемета, винтовки, шашки, он с небольшой группой единомышленников вырвался из окружения и убежал в северном направлении. Жена и сын атамана пришли в ЧК, попросили разрешения вернуться в родную Куриловку.

* * *

Третьи сутки небольшая группа всадников, избегая дорог и населенных пунктов, пробиралась на северо-запад. Впереди показался полноводный Урал. Подъехав к реке, конники спешились, бросились к воде. Утолив жажду, долго мыли руки, обветренные на сентябрьском солнце лица. Нехотя перебрасывались словами.

На берегу у самой воды сидели двое.

— Что будем дальше делать, Василий? — спросил наконец Долматов.

Серов не ответил. После недавнего боя, когда с трудом удалось выйти из-под огня преследовавшего бронеотряда, он думал об одном: как бы не попасть в руки чекистов, пробиться за Урал, в родные места. В нем еще теплилась надежда на благополучный исход.

Серов давно понял, что его «армия» таяла не только в жарких боях, но и от массового дезертирства. Никто не хотел умирать ради его идей. Страшно обозлился Серов, когда узнал, что два взвода увел Бредихин. Это его, писаря следственного отдела, Долматов просил расстрелять. Но он, атаман, помиловал парня и даже назначил его командиром взвода. А что вышло?

Но особенно больно было вспоминать добровольную сдачу чекистам жены Клавдии, сына. Этого атаман не мог простить никому. Но где взять силы, чтобы разбить большевиков и их отряды? Где?

Возвратившиеся дозорные доложили, в двух верстах, ниже по течению стоят несколько лодок. Серов поднялся с холодной земли.

На переправе всадников встретил старый перевозчик. Подошел к Серову, глухо спросил:

— Что за люди?

— А тебе какое дело?

Старик обиделся. Посопел малость, заметил:

— Мне оно, конечно, дела нету. Но течение коварное. Неровен час и лодку перевернуть может. Если хотите переехать на тот берег, то я сейчас Гришку, внучка мово, позову. Одному не справиться....

Серов подумал и сказал:

— Валяй, да побыстрей!

Дед Овсей, так звали перевозчика, нашел Гришку спящим. Разбудив внука, он зашептал: «Бандиты пожаловали, сынок. Зажигай хворост».

Сигнал увидели на противоположном берегу. Самарские чекисты приготовились к встрече бандитов.

Лодку, в которую сели Серов, Долматов и коноводы, вел сам Овсей. Овчинников и еще три бандита разместились в долбленке, которой управлял внук Гриша. Лошади плыли следом. Дед Овсей занятно рассказывал о походе казаков в Персию, о том, какие осетры попадают иногда в сети. Убаюканные байками старика, тихим шелестом волн, бандиты, не спавшие несколько дней кряду, задремали. Очнулись, когда лодки уткнулись в песчаный берег. Не успели подняться, как были окружены чекистами. Серов вынул из кобуры револьвер и протянул его красному командиру. Долматов, Овчинников и другие последовали примеру своего атамана.

— Прошу записать в протокол задержания, что мы сдались добровольно,— прохрипел Долматов.

Серов не мог говорить. Он плакал.

* * *

С тех пор прошло много лет. Но подвиги борцов за Советскую власть, их имена не забыты. На центральной усадьбе Джиреткупинского совхоза в тенистом парке поселка Ново-Алексеевка Хобдинского района Актюбинской области высится обелиск. На одной из мраморных плит золотом отливают слова: «Здесь похоронены чекисты Д. И. Клейменов, Н. Т. Иванов, И. Е. Переверзенцев, П. А. Ткачук, Е. Ф. Пятых — март 1922 г.».

На могиле, за железной оградой, много живых цветов. Их приносят пионеры и школьники, рабочие, все те, кому дорога память безвременно погибших героев.

10 лет ВЧК — ОГПУ шли от победы к победе над врагами Советской власти и во время гражданской войны, и в условиях НЭПа: кто бы ни стоял на пути пролетарской диктатуры — спекулянт, саботажник, бандит, белогвардеец, шпион, наконец, вчерашний товарищ, сегодня злейший предатель и враг, какую бы задачу ни ставила Коммунистическая партия чекистам, они беззаветно бросались в бой, очищая СССР от меньшевиков и эсеров, анархистов и бандитов, раскрывали хитрейшие заговоры иностранных шпионов, уничтожали белогвардейцев и террористов.

В. Р. МЕНЖИНСКИЙ

А. АБДУРАЗАКОВ

ОПЕРАЦИЯ «КОКАНДСКИЕ ЭМИССАРЫ»

Помощник уполномоченного Туркестанского отдела ОГПУ по Сузакскому району Джашпар Тныштыкбаев и председатель Сузакского аульного Совета Оспан Джусупов встретились в коридоре райисполкома. После взаимных приветствий Оспан отвел в сторонку друга и сказал:

— Хорошо, что увидел тебя. Дело есть.

— Для тебя, Оспан, время всегда найдется,— ответил Джашпар. — Пойдем ко мне домой. Выпьем чайку, поговорим...

Когда пришли в дом, где жил Джашпар, беседа возобновилась.

— Недавно,— сказал Оспан,— я был в отпуске. Когда ехал домой, то в поезде встретился с ишаном Сафой-ханом: ехал с ним в одном купе до самого Туркестана. Сафа-хан удобно расположился на нижней полке и стал неторопливо перебирать четки. «Святой» в такт вагона покачивался из стороны в сторону, и я, хорошо знавший попутчика, мог рассмотреть его. Борода и усы Сафы-хана, как мне показалось, стали длиннее, а поседевшие волосы придали его лицу важность и солидность. Желая прервать длительную паузу, я сказал, что виделся с ним в сарае Далабазара, недалеко от мечети Канака, и спросил, куда, если не секрет, едет таксыр?

— То дело прошлое,— ответил Сафа-хан. — Что было,

ушло. Другие сейчас времена наступили. К родственникам еду, в Туркестан. Несчастье у них.

Неправду говорит «святой», отметил я про себя, ибо знал, что Сафа-хан каждую осень навещает свои бывшие владения в урочище Конур, что раскинулось в долине Сарысу. Он подолгу гостит у животноводов двенадцатого, тринадцатого и четырнадцатого аулов. Туда, вероятно, ехал и сейчас...

В тот же день Джашпар доложил о разговоре с Оспаном Джусуповым своему непосредственному начальнику. Вскоре пришло письмо от уполномоченного Туркестанского отдела ОГПУ Петра Николаевича Абрамука.

«В указанное вами время,— сообщал он,— ишан Сафа-хан действительно был в Туркестане. До поздней ночи сидел за дастарханом в доме одного из своих мюридов, прощупывал сложившуюся обстановку. На следующий день, а это была пятница, он читал молитву в медресе «Ички-базара», затем посетил мавзолей Ходжи-Ахмеда Ясави. Так поступает он каждый раз, когда приезжает в Туркестан. Верующие видят в Сафе-хане «святого» и через мюридов преподносят ему пожертвования. В субботу утром, в сопровождении двух мюридов, Сафа-хан отбыл в урочище Конур. Эта его поездка на джайлау двенадцатого, тринадцатого и четырнадцатого аулов вызвана, очевидно, не сбором пожертвований, а чем-то другим».

— Нужно немедленно ехать в урочище Конур и на месте проверить, зачем приезжал туда Сафа-хан,— решил Тныштыкбаев, ознакомившись с письмом Абрамука. — Попутно займусь делом банды Арстанбека Ондыбаева.

И в это время в дверь осторожно постучали. «Кто бы это мог быть?»— подумал Джашпар.

— Войдите! А-а-а. Здравствуй, Акберды! Что тебя привело в такой поздний час?

— Большая причина есть на то, тамыр,— чем-то озабоченный, ответил на приветствие гость. — Трое суток пробирался глухими тропками, чтобы попасть к тебе.

Тныштыкбаев хорошо знал этого человека. Сын кочевника Акберды с нескрываемой радостью встретил весть о революции в Петрограде. Он одним из первых вступил в союз крестьянской бедноты. После первой встречи Джашпар поверил в Акберды, в его искренние симпатии к Советской власти. И потом, не раз встречаясь с Акберды, он лишний раз убеждался в его высокой сознательности, честности.

— Да, тамыр,— снимая бешмет, сказал Акберды. —

Черное дело затевают баи. А всему виной ишан Сафа-хан, что живет в Коканде. Ты его знаешь. Так вот этот «святой» еще в мае был на джайлау. Как всегда, его встретили с большим почетом. Особенно старались баи и духовенство. За бесбармаком, за пиалами свежего кумыса шел большой и оживленный разговор. Самая продолжительная беседа, рассказывают люди, состоялась в юрте бая Султанбека, бывшего волостного правителя, пользующегося у богатеев большим авторитетом. Разошлись далеко за полночь, после молитвы ишана. А она закончилась словами: «Пошли аллах на землю, обитаемую мусульманами, мир и единство, спаси их от нашествия кафиров». Слова эти пришлись по душе Султанбеку, и он заметил: «Да, единство мусульман сейчас необходимо, как никогда».

Среди тех, кто не преминул поддержать Султанбека, был знахарь Асадулла, выдающий себя за афганца. Он так и сказал: «Верно, ага! Пришло время встать нам, мусульманам, на защиту ислама». Сафа-хан тотчас повернул голову на эти слова и, увидев среди гостей Асадуллу, едва заметным наклоном головы поприветствовал его. Потом Султанбек говорил о каких-то людях в самом Сузаке, других местах, которые в любую минуту готовы встать на защиту ислама, на борьбу с «неверными». Он просил ишана благословить их на эту борьбу, что тот и сделал. В конце беседы было принято обращение к верующим мусульманам — фатва.

После отъезда ишана Султанбек и знахарь Асадулла направились в аул Баба-Ата к мулле Сапар-ходже. Вскоре сюда же приехали Утамыш, Мурзахмет, Сагындык, Устрак, Иманбек, Ибрай — бывшие богатеи сузакских аулов. На своем нелегальном собрании, председателем которого был Султанбек, они приняли решение: начать выступление против Советской власти в дни уразы*. Затем разъехались по домам, чтобы довести до верных людей принятые решения. В двенадцатом ауле заговорщики собирались у бая Али Шагирова, в тринадцатом — у бая Уткембаева, в четырнадцатом их встречал бай Кекжегары Турсынбаев.

Обращение к верующим мусульманам было размножено и разослано авторитетным ишанам и муллам Сузака, Карнака, Сары-Су, в другие районы. Из Сары-Су уже пришло ответное письмо, в котором выражается готовность присоединиться к выступлению сузакских баев.

---

* Ураза — пост (каз.).

Закончив рассказ, Акберды шумно вздохнул, положил свои большие мозолистые руки на стол.

— Значит, на религиозных чувствах хотят сыграть? — спросил Джашпар и, не дожидаясь ответа, предложил: — Пойдем ко мне домой, Акберды. Покушаем, отдохнем. Там дождешься вечера и под покровом темноты поедешь к себе в аул. Баи могут использовать нашу встречу в своих корыстных целях.

Вечером Джашпар проводил Акберды до калитки и, вернувшись к себе в кабинет, стал составлять докладную записку о положении дел в отдаленных от Сузака аулах, граничащих с Сары-Суйским районом. Писал и думал: «Эти бандитские шайки Ондыбаева, братьев Умара и Мурзахмета Ромодановых, Каргалиева созданы не без участия Султанбека и Сафы-хана. Надо с ними поскорее кончать».

Остаток лета и осень Джашпар и оперативный работник Ветров, присланный Абрамуком, занимались расследованием дел, касающихся бандитских шаек. Им удалось установить, что оба брата Ромодановых когда-то занимались конокрадством. Недавно Умар, хорошо известный за пределами двенадцатого аула своими похождениями, стал подстрекать земляков против Советской власти. Его брат Мурзахмет, по натуре более аполитичный, организовал шайку, которая совершает разбойные налеты на кооперативы, поджигает склады с семенным зерном. Бандиты пытались убить двух активистов.

Джашпар Тныштыкбаев и Ветров собрали неопровержимые улики против братьев Ромодановых и, получив санкцию прокурора, арестовали их вместе с соучастниками.

На допросах братья вели себя нагло, высокомерно. Умар выкрикивал: «Подождите, еще не то будет. Всех чекистов и большевиков перевешаем!» Мурзахмет на одном из допросов проговорился о действиях шайки Масжана Каргалиева, который жил во втором ауле.

Много тревожных минут пережили Джашпар и его товарищи, прежде чем однажды ночью, а это было уже в конце января, настигли шайку Каргалиева далеко в степи, в затерянной юрте старого кочевника. Был сильный буран и бандиты не оказали организованного сопротивления.

На следующий день, так и не отдохнув, Джашпар вел допрос задержанных. В это время поступил новый сигнал: бывший волостной правитель Арыстанбек Ондыбаев активизировал свои действия. Брат известного на всю округу

бая Ондыбая, Арыстанбек был близким другом Султанбека и раньше слыл ярым врагом новой власти.

Арыстанбека арестовали в его собственном доме. Он встретил чекистов с наигранным недоумением, затем махнул рукой: ничего, мол, у вас не выйдет. Когда зашел в соседнюю комнату переодеться, что-то шепнул жене. Джашпар уловил всего одно слово: «Султаке». «Это Султанбек из двенадцатого аула,— решил Джашпар. — Они друзья с Ондыбаевым и, возможно, что-то замышляли вместе. Надо разобраться».

Хотя была глубокая полночь, Тныштыкбаев сел за стол. Все тело ныло от усталости и перенапряжения. Покрасневшие от бессонницы веки смыкались. Сполоснув лицо холодной водой, Джашпар стал перелистывать страницы «Ромодановского дела». Тусклый свет керосиновой лампы падал на неровные строчки протоколов, то ярко освещая их, то погружая в полумрак: давал себя знать ветер, проникавший сквозь щели оконной рамы в комнату. На улице, как и вчера, бесновалась и завывала метель, обычная в конце января для здешних мест.

Как ни силился Тныштыкбаев пересилить себя, напряжение последних дней взяло верх. Чекист уронил голову на руки и уснул. Не заметил, как в комнату вошел одетый в шубу Ветров. Он, как и договорились с Абрамуком, должен был на рассвете уехать к себе в Туркестан.

— Ну, что ж, дорогой товарищ,— сказал Тныштыкбаев. — Большой тебе рахмет за помощь, советы. Буду очень рад, если еще приедешь, подучишь. Опыта у меня еще маловато.

Выйдя вместе с Ветровым на улицу, Джашпар помог ему сесть на лошадь, крепко пожал на прощание руку, пожелал счастливого пути. Потом долго стоял у калитки, вглядываясь в густую круговерть, в которой пропал всадник, думал: «А может, напрасно отпустил его в такую метель. Заблудиться недолго». Тныштыкбаев вернулся в кабинет, чтобы снова сесть за «Ромодановское дело». Но тут в коридоре раздался топот сапог. Дверь отворилась, и в комнату вошел... Ветров.

— Ты что, вернулся из-за погоды? — спросил Джашпар.

— Да нет, за аулом встретился с Акберды. Сейчас зайдет. Говорит — много интересного узнал. Вот и вернулся, чтобы послушать.

Вошел Акберды. Завязалась непринужденная беседа. Ранний гость рассказал, что Султанбек сколотил вокруг

себя недовольных Советской властью людей, организовал повстанческие группы, которые возглавили баи и их родственники, те, что были высланы в другие районы, а теперь тайно вернулись в аулы. У Султанбека побывал афган-табиб Асадулла. В конце беседы Акберды сказал:

— Пусть аллах проклянет меня, но чувствую, черное зло готовят баи. Действовать надо, тамыр. Действовать немедленно!

Проводив Ветрова и Акберды до окраины Сузака, Тныштыкбаев пошел в районный комитет партии. Секретарь Кудербек Джунисбеков, человек уравновешенный, спокойный, тепло встретил чекиста. Он уважал Джашпара за неугомонность и страсть в работе, за высокую партийную ответственность при исполнении своих служебных обязанностей. Заметив омраченное лицо Джашпара, Кудербек спросил:

— Что случилось, товарищ начальник? Садись, выкладывай.

Тныштыкбаев доложил секретарю райкома и вошедшему председателю райисполкома Дауэну Канлыбаеву обо всем, что рассказал Акберды, о своих соображениях. Сказал, что нужно съездить в Туркестан для согласования дальнейших действий. Возможно, потребуется помощь.

— Обязательно нужна помощь,— заметил Джунисбеков. — Ехать в Туркестан надо немедленно. Не следовало отпускать Ветрова. Как смотришь, Дауке?

— Только так,— согласился Канлыбаев. — Сейчас я дам команду Оспану Джакупову, чтобы подготовил коня, дал двух сопровождающих. В дороге все может быть...

Было за полдень, когда Джашпар и сопровождающие выехали из Сузака. Через сутки он, пошатываясь от усталости, не сбросив с себя затвердевшую на морозе старенькую шинель, подошел к столу, за которым сидел уполномоченный ОГПУ по Туркестанскому и Сузакскому районам Петр Николаевич Абрамук. Он очень удивился, так как не ждал Тныштыкбаева: Ветров еще утром доложил ему обстановку в Сузаке. Приезд Джашпара, смертельно уставшего, промерзшего до костей, насторожил опытного чекиста. Абрамук тотчас вышел из-за стола, помог Джашпару стащить с себя шинель, усадил его около жарко натопленной печки, предложил чаю и только тогда сказал:

— Ну что там у вас, рассказывай?

— Плохо, Петр Николаевич. Очень плохо. Вот тут все написано.

Тныштыкбаев положил на стол записку. Быстро прочитав ее, Абрамук, как бы про себя, заметил:

— Да-а, дела. А что мы еще имеем по этому... Султанбеку, по организованным им группам?

— Султанбек,— прервал Абрамука Джашпар,— сын известного на всю округу, но давно умершего бая Шанака. От отца он получил не только огромное состояние, но и унаследовал жгучую ненависть к трудовому люду. В штыки, как говорится, встретил Советскую власть, но некоторое время заигрывал с партийными и советскими работниками. Потом показал зубы. Арестованные нами главари бандитских шаек, как показало расследование, были тесно связаны с Султанбеком. Ондыбаев, Каргалиев, братья Ромодановы знают о том, что Султанбек занимается подготовкой крупного антисоветского выступления. Мне также удалось узнать, что большое количество пороха и дроби, завозимых в райпотребсоюз для охотников, под разными предлогами скупили люди из аула, где живет Султанбек. К нему доставляются оружие, боеприпасы, припрятанные в свое время басмачами. Все это делается скрытно: Султанбек и знахарь Асадулла, под угрозой смерти, предупредили приближенных к ним людей, их родственников о сохранении тайны.

— Что нового узнали о Сафе-хане и Асадулле? — спросил Абрамук.

— Сам Сафа-хан больше не появлялся в Сузакском районе. Но в октябре приезжал его сын. Кочевники как раз возвращались к местам зимовки, гнали отары вдоль реки Чу в степи Муюнкумов. Сюда-то и пожаловал сын ишана в сопровождении мюрида ишана Макан-софи. Они побывали у Султанбека, других баев. Как и весной, когда приезжал сам Сафа-хан, в честь его сына и мюрида Макан-софи устраивались торжества.

— Из материалов,— продолжал Джашпар,— собранных мной и Ветровым, можно сделать вывод: ишан Сафа-хан и знахарь Асадулла действуют сообща. Замечено, что ишан, на людях не делающий предпочтения знахарю, на самом деле преклоняется перед ним, прислушивается к каждому его слову.

Афган-табиб Асадулла очень осторожный человек, нам долгое время не удавалось подобрать к нему ключи. Но недавно стало известно, что в действительности он является Ибрагимовым Сафар-Али Асадуллой, уроженцем города Бадахшан, в Афганистане. Выдает себя за афганца, отсюда и кличка — Афган. Имеет духовное образование. Никто

в степях Сузака не может похвастаться этим. В Коканде появился незадолго до создания в 1918 году буржуазными националистами Кокандского автономного контрреволюционного националистического «правительства», которое стремилось отторгнуть от Советской России Среднюю Азию и превратить ее в колонию английского империализма. В годы гражданской войны, когда банды басмачей свирепствовали во многих уездах Южного Казахстана, Асадулла, выдавая себя за знахаря, бывал в аулах, временно захваченных басмачами, в местах, где басмачей никогда не было. В Сузакском районе появлялся периодически начиная с девятнадцатого года. Прижился здесь, даже советское гражданство принял.

Абрамук закурил, встал из-за стола, подошел к окну, за которым уже давно стояла темная ночь. Он старался представить себе всю картину событий, наметить пути дальнейших действий. Джашпар Тныштыкбаев продолжал свой рассказ:

— С той поры, с девятнадцатого года, Асадуллу знают у нас как лекаря. Мы не знаем, образованный ли он доктор. Но авторитетом в аулах пользуется. Здесь немаловажную роль играет и то, что Асадулла выдает себя за очень религиозного человека, близкого к духовенству. Семейный, имеет двух жен: обе казашки. По два, а то и три раза в году бывает в Ташкенте, мотивируя это необходимостью приобрести лекарственные травы, медикаменты. Иногда выезжает вместе с больными. По пути гостит у ишана Сафы-хана в Коканде. Его очень часто видят в кругу местной родовой знати, баев. Без него не обходятся религиозные праздники, отправления разных обрядов. Так что крепкий орешек, этот Асадулла. Расколоть его будет нелегко.

Петр Николаевич Абрамук все стоял у окна, мысленно рисуя портрет Афгана. Но вот он резко повернулся и зашагал по комнате. Потом остановился около Тныштыкбаева, положил руку на его плечо.

— Молодец, Джашпар! Рассуждаешь правильно. Но одному змеиный клубок не распутать. Трудное это дело. И очень опасное.

Абрамуку в ту минуту хотелось обнять Джашпара, по-отечески приласкать. Но на службе этого делать не полагалось. И Петр Николаевич молча смотрел на своего помощника. Впервые обратил внимание на слегка припухшие, обветренные губы, над которыми едва угадывалась черная полоска усиков, на короткий прямой нос, впалые щеки.

«Эх, Джашпар, Джашпар! — думал Абрамук. — Не в такой бы обстановке молодость тебе проводить. Ни отдыха-то ты не знаешь, ни покоя. Сколько мужества и стойкости требуется для этого».

Петр Николаевич тряхнул головой, отгоняя невеселые мысли, сказал:

— Ну-ка давай по карте проверим свои действия.

Продолжая беседовать с Джашпаром, уточняя детали, Абрамук делал пометки на карте: у населенных пунктов, на дорогах, горных тропах...

Рассвет они встретили здесь же, за письменным столом. В начале рабочего дня по телефону проинформировали обо всем начальника Сыр-Дарьинского окружного отдела ОГПУ Журавлева. Тот дал указание подготовить группу во главе с Тныштыкбаевым, направить ее в Сузак.

— Мы со своей стороны,— сказал Журавлев,— примем все необходимые меры. Надо действовать. Смело, решительно, инициативно!

Днем Абрамук и Тныштыкбаев зашли в Туркестанский райком партии. А когда вернулись к себе, то от дежурного узнали, что звонил Журавлев и приказал им обоим утром быть в окротделе ОГПУ.

... Мерно постукивая колесами, поезд шел из Чимкента в Туркестан. Не выспавшись в прошлую ночь, Джашпар и сейчас, как ни силился, уснуть не мог. Стоило закрыть глаза, как перед взором вырастал образ Журавлева. Вот он вошел в кабинет — высокий, широкоплечий, с озабоченным лицом. Поздоровался, снял с себя длинную, изрядно поношенную шинель, обвел собравшихся испытывающим взглядом. Потом сказал:

— Только что закончилось заседание окружкома партии и окрисполкома. Обсуждался вопрос о ходе коллективизации в районах округа. Было указано на отдельные недоработки в борьбе с чуждыми элементами, саботирующими политику партии...

Открыв совещание, Журавлев предоставил слово своему заместителю Бурдакову, недавно прибывшему в Чимкент. Молодой чекист, привыкший к оперативной деятельности, а не к речам, лаконично обрисовал общее положение в округе.

— Мы не имеем права,— сказал Семен Николаевич,— проходить мимо провокационных вылазок врагов, мимо тревожных сигналов, поступающих в первую очередь из Сузакского района...

Раздумья Джашпара, по-прежнему сидевшего у вагонного окна, прервал вошедший Абрамук, до этого беседовавший в тамбуре со своим старым другом-однокашником.

— Ну что, хлопче, собираемся? Вон уже и Ходжи-Ахмед Ясави показался...

Поезд подходил к Туркестану. На бледном фоне утренней зари виднелся отливающий синевой древний мавзолей. Когда состав остановился, чекисты быстро вышли из вагона и, негромко беседуя меж собой, направились от вокзала в сторону города.

* * *

Пятого февраля, когда окоченевшие от холода, едва не падавшие от усталости с ног, Джашпар и сопровождавшие его два сузакца остановились на ночлег в ущелье Когашик, в двенадцатом ауле, в доме влиятельного аксакала Кенгельды Макапова состоялось сборище широко известных в здешних местах баев, мулл, состоятельных казахов. Всего из близлежащих и отдаленных аулов, как выяснилось позднее на следствии, приехало около пятидесяти человек. Они собрались в канун мусульманского праздника уразы. Оказавшийся в центре внимания афган-табиб рассказывал присутствующим о том, как в прежние добрые времена проводили пост, обходились без этих ненавистных слов «коммунисты», «аулсоветы», «равноправие»...

После традиционного бесбармака самый именитый из участников собрания, Ахмет, прикрыв веками глубоко посаженные глаза, стал благодарить аллаха за столь щедрый дастархан. Его примеру последовали остальные. Дом, где происходило все это, был наглухо закрыт, охранялся джигитами.

Султанбек хлопками рук притушил разговоры, сказал, что настало время послушать аксакалов. Первым выступил Ибрай Унгырбеков, потом слово взял афган-табиб Асадулла. Они говорили об одном и том же: о начале вооруженного выступления против Советской власти.

— Для нас,— говорил Асадулла,— самый подходящий момент — пятница. Это день поминок и воспоминаний о святых, аллахе. Даже если кто-нибудь из нас и погибнет в борьбе за нашу великую веру в пятницу, то душа займет почетное место в раю. Я предлагаю начать выступление рано утром.

— А накануне шестого февраля, завтра значит,— дополнил табиба Султанбек,— нужно собрать всех наших на

общий сход. Итак, до завтра, аксакалы. Встречаемся рано утром.

Раскланявшись, участники встречи покинули гостеприимный дом. В комнате остались Ибрай, Султанбек, афган-табиб. Они продолжали обсуждать намеченный план.

— Все нужно провести организованно,— говорил Султанбек, обращаясь к Асадулле. — Я представлю вас, как лицо, имеющее связь с мусульманским миром, направляющее священную борьбу против власти большевиков. Это поднимет наш авторитет среди людей, вселит в них уверенность в нашу силу.

Перед заходом солнца у колодца «Сарт-Саурбай», что в полудне езды от Сузака, собралось более 400 человек. Приехали старейшины и руководители родовых групп.

— Соотечественники,— сказал Султанбек. — Мы собрались, чтобы договориться о выполнении святой миссии, о которой говорится в нашей фатве.

Он окинул испытывающим взором толпу и продолжал:

— Сузакцы не одиноки. Поднимаются мусульмане в Сары-Су, в Туркестане, других местах. Против кафиров, против неверных. У нас есть связи. Мы всегда можем получить поддержку от братьев из-за границы. Наш многоуважаемый афган-табиб Асадулла имеет сведения, что из Англии движутся войска, а в Средней Азии под зеленым знаменем пророка сплачиваются басмачи. Не сегодня-завтра они подойдут к Ташкенту. Мы свое выступление начнем с налета на Сузак. Неверные и кафиры должны погибнуть!

Участники сборища не выразили особого восторга. После краткой речи Асадуллы начались выборы. Султанбека объявили ханом. Его заместителем избрали афган-табиба Сафар-Али Асадуллу. Визирями и казиями стали Сагындык Шильмамбетов, Утамыш Дощанов, Мурзахмет Базикеев, Ултарак Уразбаев, Иманбек Алиппаев.

Выступили поздно вечером. Сев на лошадей, заговорщики, назвавшие себя по имени реки Сары-боз «сарыбозами», двинулись на Сузак.

Обычно спокойный и сдержанный сузакский мулла Муса-Али утром шестого февраля проявлял нервозность. Он часто выходил во двор, прислушивался к каждому шороху. Когда в калитку осторожно постучали, бросился открывать дверь. Пришел сын ишана Ташмат-ака Нурметов. Тот самый Ташмат, что на дороге в Туркестан, в Балыкчах, содержал чайхану, в которой останавливались проезжие.

Он сообщил Мусе, что вчера, пятого февраля, мимо Балыкчей проехал молодой чекист Тныштыкбаев.

— Наверное, с донесением каким? — предположил Муса-Али. — Надо сообщить Султаке...

Вечером того же дня к Сузаку на гнедом коне проехал всадник, одетый в длинную шубу. Стараясь остаться незамеченным, поздний путник приблизился к невзрачному домику в глухой улочке, спешился, постучал в окно. Вышедший на стук Кенджегеры Асимов приветливо поздоровался с гостем, ввел его в низкую прокопченную комнату.

Приезжий был своим человеком, но неписаный закон степей удержал Кенджегеры от расспросов.

Отведав подогретую баранину, поговорив с хозяином о том, о сем, гость с пиалой в руках полуприлег на подушку.

Рустамбек Джабаев, а это был он, прожил на свете тридцать четыре года. Сын середняка, он получил образование, овладел русским и узбекским языками. Некоторое время служил переводчиком в уездном управлении в Джизаке. После революции переехал в Туркестан. Быстро вошел в доверие к местным властям. Работал в исполкоме, возглавлял потребкооперацию, был следователем районной прокуратуры. В настоящее время заведует факторией от «Окрживотноводсоюза» по Сузакскому району. Рустамбека хорошо знают местные чабаны: у них он скупает шерсть и кожи. Но почти никто не догадывался о его связях с Султанбеком.

Немного отдохнув у Кенджегеры, Джабаев уехал в аул и вернулся лишь к полуночи. На рассвете, бросив хозяину короткое: «Кош болынгыз», вскочил на гнедого и пропал в темноте. «В сторону колодца «Сарт-Саурбай» поехал,— решил Кенджегеры и шумно вздохнул.

Мулла Муса-Али, содержатель чайханы Ташмат-ака Нурметов, заготовитель Кенджегеры Асимов были теми людьми, на которых опирался Султанбек. Они доносили обо всем, что творилось вокруг.

В организации разведки Султанбеку помог афган-табиб Асадулла. Находясь постоянно в разъездах, он нередко сам встречался с ними, учил их добывать нужные разведданные.

* * *

До полуночи не гас свет в кабинете секретаря Сузакского райкома партии Джунисбекова. Здесь шел разговор. И довольно острый. Он начался еще в полдень, когда на заседание бюро райкома съехались председатели аульных

Советов, уполномоченные. Обсуждался вопрос об организационных недостатках в работе по созданию колхозов, о заготовке семенного фонда, подготовке к весеннему севу.

После заседания, которое закончилось в полночь, председатели аулсоветов, уполномоченные разъехались по аулам. В кабинете остались трое: Джунисбеков, председатель райисполкома Канлыбаев, председатель местного аулсовета Джусупов.

— Беспокойное время настало,— заметил Канлыбаев.— Каждый день новости.

— Меня другое смущает: Джашпара нет до сих пор,— вступил в разговор стоявший у печки Оспан Джусупов. — Сам попросил найти хорошего коня, чтобы за сутки обернуться. Уже второй день на исходе, а парня все нет. Может, завтра с утра выслать нарочного в Туркестан?

... В полдень восьмого февраля Джашпар Тныштыкбаев во главе небольшого отряда выехал из Туркестана. За городом конники свернули с проселка и направились в укрытую бескрайним белым саваном сузакскую степь. Не знал Джашпар, что в эти часы по улицам Сузака уже разъезжали поднявшие голову бандиты.

Навстречу дул не сильный, но холодный ветер, гнавший в сторону гор Кара-Тау косматые, набухшие влагой тучи. Поеживаясь от сырости, Джашпар то и дело поглядывал на ехавших сбоку двух сузакцев. Их поведение настораживало. Молчаливые, с пасмурными лицами, они частенько озирались по сторонам. Ехавшие следом коммунары о чем-то оживленно переговаривались между собой, громко смеялись. Джашпар, погруженный в свои раздумья, не мог их поддержать.

«Что-то происходит сейчас там, в Сузаке? — думал Тныштыкбаев, подхлестывая нагайкой коня. — Может, баи все же не рискнули пойти в открытую, еще копошатся? Тогда он успеет с отрядом обезвредить Султанбека, его сообщников».

К вечеру ветер усилился. С далеких заснеженных гор надвигалась темная зловещая туча. Лошади выбивались из сил и, когда вдали показалась темная полоска ущелья Когашик, Джашпар решил про себя: «Не дотянуть сегодня до Сузака. Коням и людям нужен отдых». У самого ущелья Тныштыкбаев остановил отряд.

— Придется нам, товарищи, здесь, в Когашике заночевать. Лошадей надо покормить, да и мы измучились. На рассвете со свежими силами продолжим путь.

Поздним вечером отряд подошел к караван-сараю. С разрешения хозяина Джашпар и его товарищи завели лошадей в конюшню, поужинали, прилегли отдохнуть. Два человека, взяв оружие, вышли на улицу. Расставив посты, Тныштыкбаев вернулся в комнату, уселся на кошму и стал прислушиваться к рассказу чайханщика. Он говорил о том, что в караван-сарае побывали сотни, тысячи людей. Не обходили его и знатные купцы, привозившие в степь европейские и восточные товары, а увозившие к себе шерсть и кожу. Особенно много было именитых гостей из Коканда, Ферганы, Бухары...

Дремал Джашпар настороженно. То и дело вставал, будил товарищей, чтобы они могли сменить тех, кто стоял на посту. На улице бесновалась вьюга, завывал ветер.

Где-то перед рассветом Тныштыкбаев согнал с себя остаток дремы, резко встал и, бросив взгляд на спящих товарищей и возившегося у пузатого самовара чайханщика, вышел во двор. Ветер несколько стих. Мела поземка.

А в это время за десяток километров от караван-сарая в урочище Балыкчи притаилась засада. Люди хана Султанбека, вооруженные винтовками, охотничьими ружьями, дробовиками, вторые сутки задерживали всех, кто ехал из Сузака или обратно. Выясняли, кто они, куда и зачем следуют. Засаду возглавил известный в этих местах бай Салыкбай. Он расставил бандитов так, чтобы они держали под наблюдением не только дорогу, но и прилегающую к ней местность. Сам Салыкбай все это время чаевал в гостиной чайханщика Ташмат-аки.

Утром, когда Салыкбай уже было собрался пить чай, в чайхану ворвался запыхавшийся связной от дозорной группы, что стояла на выходе из ущелья.

— Жаке! Какие-то всадники движутся в нашу сторону. Наверно, из Туркестана.

— Сколько их, далеко ли они? — спросил Салыкбай, отодвигая пиалу с душистым чаем.

— Группа маленькая. До ущелья версты три осталось.

Через несколько минут Салыкбай, забросив за спину винтовку, вскочил на черного жеребца, поскакал во главе небольшого отряда в сторону Туркестана. Не выезжая из низины, он, приподнявшись в седле, осмотрел проселок. По узкой, припорошенной снегом дороге, к ущелью двигались всадники. Салыкбай насчитал тринадцать человек. Вот они скрылись за пригорком, вновь показались, но уже по другую сторону. В одном из всадников Салыкбай не без

труда узнал Джашпара Тныштыкбаева, одетого, как всегда, в свою поношенную шинель, в краснозвездную буденовку.

— О-о, шайтан! — воскликнул Салыкбай и, не сдерживая нахлынувшей радости, беззвучно засмеялся.

Это была добрая добыча! Он давно мечтал встретиться с этим кафиром, «поиграть» с ним. Случай такой представился. Султаке оплатит щедро.

— Это тот самый,— обернулся к бандитам Салыкбай, показывая камчой на всадника в солдатской шинели. — Это он арестовывал и высылал наших родных, наших уважаемых аксакалов. Его надо захватить живым.

И Салыкбай приказал:

— Взять на мушку каждого всадника. Джашпара я беру на себя. Стрелять по моему сигналу!

Да, это был небольшой отряд Тныштыкбаева. Всадники покинули Когашик рано утром и по заметенной пургой, едва заметной дороге, петляющей меж пригорков, направились в Сузак. Они проехали Куйген-рабат, когда-то служивший для купцов перевалочной базой, небольшую низину. Потом показались заваленные сугробами домики караван-сарая, что в Балыкчах. Здесь у Ташмат-аки Джашпар решил сделать кратковременную остановку.

Перед самым входом в ущелье Джашпару показалось, что где-то рядом заржала лошадь. Он насторожился, остановил отряд. Впереди, на белом поле, темными силуэтами маячили верховые. Джашпар различал их одежду, высокие сапоги, какие носили здесь, как правило, жители Бетпак-Далы, тонкие стволы ружей. «Неужели Султанбек взял Сузак и идет в сторону Туркестана?»— мелькнула тревожная мысль.

Через минуту у Тныштыкбаева не оставалось сомнения в том, что его отряд вышел на бандитов. Нужно было что-то предпринять.

По команде Джашпара бойцы спешились, заняли круговую оборону. Со стороны ущелья уже во весь опор неслись бандиты. Салыкбай, разгоряченный скачкой, кричал:

— Брать только живым!

«Это, наверно, ко мне относится,— подумал Джашпар. — Нет, не выйдет, сволочи. Не выйдет! Большевики в плен не сдаются!»

Над головой засвистели пули. Придерживая коня, Джашпар медленно поднял маузер, сделал несколько выстрелов. Два всадника рухнули наземь. По команде открыли огонь бойцы. Среди бандитов наступило замешательство.

Некоторые из них падали замертво, были ранены, другие, стреляя на ходу, с разных сторон приближались к высотке, на которой занял оборону маленький отряд Тныштыкбаева. Быстро оценив обстановку, Джашпар на клочке бумаги набросал записку Абрамуку: «В Балыкчах наткнулись на бандитов, ведем неравный бой. Двое сузакцев, что приезжали со мной, перешли на сторону врага. У нас трое убиты. Есть раненые. В Сузаке, наверно, бандиты. Бьемся до последнего».

Тныштыкбаев подозвал Абдуллу Агаева, которого знал давно как преданного Советской власти работника и отличного наездника, вручил ему записку:

— Скачи в Туркестан, в ОГПУ. Живым не сдавайся!

После того как связной ускакал, Джашпар продолжал отстреливаться от наседавших бандитов. Метким выстрелом сразил одного из них, под вторым упал раненый конь. Тныштыкбаев вскочил на лошадь, бросился к оставшимся в живых двум товарищам, но, не доехав до них, вместе с конем упал. Легко раненный острым камнем, он, превозмогая сильную боль во всем теле, приподнялся, отполз в сторону и, присев, сделал еще несколько выстрелов. Две пули попали в цель. Две другие пролетели мимо. Джашпар почувствовал, что теряет сознание. На какой-то миг вспомнил Абрамука, Абдуллу Агаева, скакавшего в Туркестан, и впал в беспамятство. Не знал, сколько длилось оно. Когда очнулся, увидел, что лежит возле серого валуна, а рядом стоит, играя камчой, Салыкбай.

— Живой, собака! — сказал бандит и сплюнул на снег сгусток крови. — Стреляешь неплохо. Но меня, Салыкбая, большевистская пуля не берет.

Помолчал немного, спросил:

— Ты мусульманин? Признаешь бога?

С трудом разомкнув побелевшие губы, Тныштыкбаев ответил:

— Нет, бога не признаю! Я большевик, чекист...

Салыкбай что-то крикнул, и два бандита подхватили Джашпара под руки, поволокли к дороге. Там они привязали чекиста арканом к хвосту лошади и поволокли его в сторону гробницы «Святой Балыкчи». Ярко-красная полоса прорезала белоснежную скатерть степи, отмечая последний путь Джашпара Тныштыкбаева.

Вскоре остановились. Салыкбай стоял над умиравшим Джашпаром, вел допрос.

— Зачем ездил в Туркестан? Что готовится против нас? Говори правду!

И бил чекиста камчой по ранам, по рукам и ногам, пинал его сапогами, целя в голову.

Чувствуя, что уходят последние силы, Джашпар неимоверными усилиями воли заставил себя приподняться. С трудом раскрыл залитые кровью глаза и плюнул в лицо Салыкбая.

— Вы, баи и прихвостни байские! Народ не пойдет за вами! Сегодня умру я, но завтра придет конец вам всем. Народ, большевики победят!

Джашпара зверски добили здесь же, на «святой могиле». Остывшее тело оттащили подальше в степь, забросали снегом.

... О схватке в ущелье «Балыкчи» Салыкбай сообщил Султанбеку с посланным в Сузак гонцом. Несколько часов спустя тот привез ответ. Хан приказывал Салыкбаю с имеющимися силами двигаться на Когашик, в сторону Туркестана, а их место в Балыкчах должен занять усиленный отряд во главе с Бильбеком Урпековым...

* * *

— Да, да, Иван Иринархович,— говорил сидевшему напротив у стола плотному, уже немолодому человеку, Ананий Моисеевич Журавлев. — Медлить нельзя. Надо выступать!

С улыбкой, в которой сквозила присущая ему доброта и требовательность, Ананий Моисеевич подошел к Никитенко, положил ему руку на плечо.

— И еще, скажу прямо, знаем тебя, Ваня. Знаем — не подведешь!

Журавлев говорил правду. Он и другие работники ОГПУ хорошо знали Ивана Иринарховича Никитенко. Вернувшись с мировой войны, он не выпустил из рук оружия: еще много врагов оставалось у Советской республики. Никитенко прошел суровую школу гражданской войны. С винтовкой в руках ходил в атаки против белоказаков в Верном, бил банды Анненкова, в двадцать девятом громил басмачей в Бостандыке. И вот — новое задание.

— Раз надо, так надо,— сказал Никитенко. — Только вот домочадцев предупрежу. До вокзала, если не трудно, подбрось.

— Это можно,— кивнул головой Журавлев.

На перроне в Туркестане Никитенко встретил Абрамук.

— Журавлев не на шутку встревожен информацией Тныштыкбаева,— вместо приветствия сказал Петр Николаевич. — Дело, видать, серьезное. Что делать-то будем? Тут Ананий Моисеевич кое-что посоветовал. Давай обсудим...

В это время к зданию Туркестанского ОГПУ подъехал Абдулла Агаев. Резко осадив взмыленную лошадь, он спешился и бегом направился к Абрамуку. Прочитав записку Джашпара, Петр Николаевич передал ее Никитенко, пока тот читал, несколько раз прошелся взад-вперед по кабинету.

Их размышления прервал телефонный звонок. Секретарь Туркестанского райкома партии приглашал их к себе. Когда Абрамук с Никитенко вошли в кабинет, там уже сидели все члены бюро райкома. Секретарь подошел к двери, пригласил из приемной немолодого казаха.

— Знакомьтесь, товарищи. Это лесничий Кокубас, секретарь партячейки. Ему удалось прорваться из Сузака в Туркестан. Послушаем его.

— Из дому я вышел на рассвете,— сказал Кокубас. — Оседлал коня и поехал по делам службы. На выезде из Сузака услышал отдаленный глухой топот. Остановился, прислушался. Топот нарастал. Мне вначале показалось, что это пастухи гонят большой косяк лошадей. Но вскоре я увидел, примерно в километре от кишлака, у небольшого пригорка, всадников. Они остановились, вокруг стало на редкость тихо. Вдруг послышался протяжный свист. Он летел из Сузака. В ответ тоже засвистели. И тут я заметил верхового, быстро скакавшего по окраине кишлака в сторону конников. Я напряг зрение и опознал вначале гнедого коня, потом его хозяина. Это был заготовитель кожсырья Рустамбек Джабаев. Когда он стал приближаться, навстречу выехали двое. Не слезая с лошадей, они о чем-то посовещались. Затем один из подъехавших, одетый в белый халат, позднее я узнал, что это был бай Султанбек, взмахнул камчой. Следом за ним двинулись остальные. Тут только я сообразил, что это банда. Повернув коня и погоняя его камчой, поскакал к себе домой.

... В Сузак бандиты ворвались с яростным криком, стрельбой. Вскоре в центре начались пожары: горели подожженные бандитами здания райкома партии и райисполкома. Чуть позднее вспыхнули дома партийных и советских работников, руководителей союза «Кошчи». Бандиты метались из стороны в сторону, рубили вывески, срывали лозун-

ги, стреляли в окна домов, в воздух, создавая неумолчный гул боя, сея панику. Кто-то из них выволок на дымящееся крыльцо двух избитых, в изорванной в клочья одежде немолодых казахов. Это были местные коммунисты, прошедшие пламя гражданской войны. Застигнутые врасплох, они мужественно сопротивлялись, но не сумели противостоять чуть ли не десятку вооруженных бандитов. Минуту спустя вокруг их бездыханных тел расползлась по снегу алая лужа крови. В поисках спасения из домов выскакивали старики, дети, женщины, девушки. Но всех их настигали бандитские пули.

Группа местных активистов вступила в неравную схватку с полусотней бандитов. Уполномоченный округа по проведению коллективизации Шиявцев вскочил на коня, попытался прорваться через огненное кольцо, чтобы сообщить о случившемся. И уже было достиг цели. Но бросившиеся в погоню бандиты за окраиной аула подстрелили его, приволокли на аркане к догорающему зданию райисполкома. Повсюду виднелись трупы убитых бандитами людей. Неподалеку от школы лежал с разрубленной головой председатель райисполкома Даулен Қанлыбаев, который, как рассказывали позднее очевидцы, отстреливался до последнего патрона. Рядом с ним уткнулся в красный от крови снег нарсудья Темирбаев.

Еще до гибели Қанлыбаева другая группа бандитов бросилась к дому, в котором жил секретарь райкома партии Джунисбеков. Проснувшись от шума и стрельбы, Джунисбеков выскочил во двор, где лицом к лицу встретился с военным делопроизводителем райисполкома Батырбеком. Увидев его среди врагов, секретарь райкома сказал:

— Среди нас работал, гад! Плохо мы знали тебя. Не разглядели вовремя...

Батырбек сказал стоявшим рядом бандитам:

— Это и есть главный большевик. Убейте его.

В ту же секунду раздались выстрелы. На упавшего, но еще живого Джунисбекова кинулись бандиты.

Председатель Сузакского сельского Совета Оспан Джусупов был избит до потери сознания. Его вытащили из квартиры на проезжую часть улицы, плевали в лицо, пинали ногами, затем бросили вместе с другими, кто еще подавал признаки жизни, в сарай и закрыли на замок...

— Я видел,— продолжал Қокубас,— как в дом известного в Сузаке бая Таштанбека, где хан Султанбек разместил свой штаб, зашел мулла Муса-Али. Вместе с ним были

сын бывшего старшины Бабахан, торговец Кульдан, другие местные богатеи. Вскоре они вышли вместе с Султанбеком и направились к зданию райкома партии. Дома уже не было. На его месте пылал огромный костер, в который бандиты бросали трупы убитых.

Самодовольно потирая руки, Султанбек резко повернулся к Асадулле, стоявшему рядом, спросил:

— А где тот, что задержали перед Сузаком?

— В сарае он,— отозвался знахарь. — Привести?

— Веди!

Асадулла отдал распоряжение.

Через несколько минут перед ханом в изорванной одежде, с обезображенным до неузнаваемости лицом, предстал Акберды. Тот самый, который ночью четвертого февраля информировал Тныштыкбаева о подозрительных действиях баев и мулл двенадцатого аула. На рассвете пятого февраля Акберды выехал из Сузака. В дороге от встречных путников узнал о сборище в районе колодца «Сарт-Саурбай». С этим известием он попытался пробраться в Туркестан кружным путем, но, наткнувшись на выставленный Султанбеком разъезд, вернулся в Сузак и в полночь седьмого был схвачен бандитами. Допрошенный табибом в присутствии «военного делопроизводителя», Акберды так ничего и не сказал, за что был избит до полусмерти. И вот снова допрос.

— Ну, как? — с издевкой спросил Султанбек. — Будешь говорить, где гепеушники, другие кафиры-большевики? Молчишь! К дувалу его! Потом сюда, в огонь. Пусть горит на радость всевышнему аллаху нашему...

Кровавая расправа продолжалась и вечером, когда потный, разгоряченный вином Султанбек пожирал бесбармак. Костры не гасли и ночью.

Свой печальный рассказ Кокубас закончил словами:

— Мне и еще двум землякам удалось незаметно выбраться за пределы кишлака. В небольшой низине остановились. Я знал, что еще днем Султанбек послал группу бандитов на Балыкчи, чтобы перекрыть дорогу. Решили так: я еду через Кара-Тау в Туркестан, а два товарища пробираются к Яны-Кургану. В степи бандиты заметили меня, бросились догонять. Но я был уже далеко и ушел от погони.

После того как Кокубас сел на предложенный ему стул, слово взял Петр Николаевич Абрамук. Ознакомив членов бюро с запиской Тныштыкбаева, сказал:

— Мы только что получили эту записку. Ее передал посланный Джашпаром наш сотрудник Абдулла Агаев. Ясно, что небольшой отряд, направленный в Сузак для оказания помощи, не достиг цели и, возможно, все бойцы погибли от рук бандитов.

— Откуда пришла банда? — спросил секретарь райкома.

— По нашим данным, это одна из групп, сколоченных Султанбеком,— ответил Абрамук.

— А что с отрядом, посланным на Ачисай одновременно с группой Тныштыкбаева?

— Он благополучно прибыл на рудник. Вместе с дружиной, созданной на месте, бойцы контролируют Турланские ворота, через которые бандиты могут прорваться к руднику.

Зазвонил телефон. Секретарь поднял трубку. Время от времени он говорил: «Да-да. Куда? Понятно». Из его реплик присутствовавшие не могли понять, о чем идет речь. Повесив, наконец, трубку, секретарь сказал:

— Из Яны-Курганского ОГПУ Батюков звонил. По поводу событий в Сузаке. Сообщил, что бежавшие от расправы земляки Кокубаса Тастыбаева прибыли на железнодорожный телеграф станции Яны-Курган, где по их требованию телеграфист Сикирчан отправил две телеграммы: окрисполкому в Чимкент и в адрес Туркестанского РИКа. Узнав об этом, Батюков пригласил их к себе и они сообщили о налете на Сузак банды Султанбекова. Об этом нам только что поведал Кокубас.

После подробного обсуждения сложившейся обстановки 11 февраля против банды Султанбека из Туркестана были направлены два коммунистических отряда. Один из них, сформированный по решению окружкома партии в Чимкенте, прибыл в Туркестан во время заседания бюро райкома. Командовал отрядом коммунист Исаев, активный участник гражданской войны. Командиром второго был назначен ответственный сотрудник окротдела ОГПУ Иван Иринархович Никитенко. Этот отряд направлялся в Чулак-Курган, где, по полученным сведениям, также появились бандиты Султанбека.

— Ну, что ж, Иван Иринархович, как говорят казахи: «Жол болсын, счастливого пути тебе»,— напутствовал Абрамук Никитенко после того как кончилось заседание бюро. — Встретимся, как договорились, в Сузаке. Мы тоже вскоре отправляемся.

Подав команду отряду, Никитенко ловко вскочил в седло и, махнув Петру Николаевичу на прощание рукой, выехал со двора. Застоявшиеся кони с места взяли в карьер и унесли вооруженных бойцов в бескрайнюю, припорошенную снегом степь.

После отъезда Никитенко в кабинет к Абрамуку зашли прибывший накануне Журавлев и командир коммунистического отряда Исаев. Тусклый свет керосиновой лампы слабо освещал их строгие, сосредоточенные лица. Прохаживаясь по кабинету из угла в угол, Ананий Моисеевич долго молчал, затем, остановившись перед сидевшим у стола Исаевым, спросил:

— Как у вас, товарищ Исаев, все готово?

— Думаю, да. Люди знают, на что идут, проверены. Многих не знаю, конечно. Но костяк здоровый, надежный. — Журавлев посмотрел на часы.

— Сейчас семь. Через полчаса выступайте. С вами едет Петр Николаевич Абрамук. Обстановку он знает, будет заниматься оперативной частью. Все согласовывайте с ним. Словом, действуйте!

Отряд чимкентцев во главе с Исаевым и Абрамуком оставил Туркестан. Ему предстояло разгромить основные силы Султанбека и утром тринадцатого февраля занять Сузак...

Ехали молча. Исаев и Абрамук, трусившие впереди, тихо переговаривались между собой.

— Хороший хлопец был Джашпар,— рассказывал Исаеву Петр Николаевич. — Настоящий чекист. Любили мы его.

Помолчали. Исаев спросил:

— До Когашика сколько отсюда?

— Верст шестьдесят осталось. Пора разведку организовать. Люди подобраны. Семь человек. Коммунисты. Старшим думаю Клокова назначить.

Федора Васильевича Клокова Исаев знал хорошо. Много рассказывали о нем и в окружкоме партии, когда формировался отряд. Из рабочих, коммунист ленинского призыва. Был военным инструктором в Чимкенте, в губернском наробразе, затем возглавил школу. Человек исполнительный, преданный партии, народу.

Вскоре разведчики во главе с Клоковым, с подобранным в Туркестане проводником, ушли вперед. Отряд двигался следом. Вглядываясь в бесконечную даль, Исаев почему-то вспомнил беседу с секретарем окружкома Кулсартовым, направлявшим его на задание.

— Действуй смело, решительно. Опирайся на массы, на трудящихся. В них — наша сила,— говорил на прощанье Кулсартов. — Но на рожон не лезь. Береги людей...

Время перевалило за полдень, когда вернулись высланные вперед разведчики.

— В Когашике никого нет,— доложил Клоков. — Но свежие следы говорят о том, что в сторону Сузака недавно ушла группа всадников...

После того как бойцы вступили в Когашик, расположились на короткий отдых, Абрамук встретился с разведчиком Урайхановым, направленным сюда из Туркестана. Он проинформировал Петра Николаевича о том, что до прибытия отряда здесь, в Когашике, находилась группа бандитов во главе с Салыкбаем. Из бесед с жителями, чайханщиком удалось узнать о намерении хана Султанбека разгромить отряды красных по дороге на Туркестан и уже в пятницу, заняв город, читать молитву в мавзолее.

— Позавчера,— рассказывал Урайханов,— в чайхане ночевал старик-узбек из Сузака по имени Муса-Али, который утром уехал в Туркестан.

Узнав об этом, Абрамук тотчас послал в Туркестан бойца с приказом задержать Мусу-Али. Он был арестован около хильвата — темницы, куда обычно собираются прибывшие к мавзолею паломники. На допросе показал, что намеревался побеседовать в хильвате с прибывшими туда мусульманами, сообщить им о том, что бай Султанбек стал ханом, занял Сузак, а в пятницу прибудет в Туркестан. Все мусульмане должны встретить его с почестями, приготовить богатые подарки.

Разведчики, посланные на рассвете двенадцатого февраля к Джамантасу, бандитов в селе не застали, но обнаружили их следы: еще тлевшие в потухших кострах головешки. Туда, к Джамантасу, и двинулся утром отряд. Вскоре стало известно, что километрах в двенадцати от села, в урочище Балыкчи, расположились основные силы Султанбека.

Второй коммунистический отряд, направленный в Чулак-Курган, должен был очистить кишлак от бандитов. Задача оказалась не из легких. В отряде Никитенко насчитывалось всего 23 человека. Его нужно было пополнять за счет местного населения. В Ачисае коммунисты и активисты-горняки горячо откликнулись на призыв окружной парторганизации, стали добровольно вступать в отряд. Нашлись оружие, лошади.

Из Ачисая выступили с песней. Бойцы рвались в бой. На коротких привалах Никитенко рассказывал им о создавшейся обстановке, доводил поставленную задачу. Утром тринадцатого февраля отряд должен был подойти к Сузаку и встретиться с бойцами Исаева. Все спешили.

В ауле Турлан отряд Никитенко вступил в бой с небольшой бандой, которую Султанбек оставил здесь. Вначале мятежники оказали отчаянное сопротивление и даже попытались атаковать комотрядников. Но, потеряв несколько человек убитыми, отступили.

Не задерживаясь в ауле, отряд двинулся дальше и на рассвете четырнадцатого февраля атаковал бандитов, засевших в Чулак-Кургане. Вскоре населенный пункт был освобожден.

Вечером, когда кишлак был полностью очищен от бандитов, Никитенко направил докладную записку прибывшему в Туркестан Журавлеву, возглавлявшему всю операцию.

Утром следующего дня Никитенко, посоветовавшись со своим помощником ачисайцем Якуниным и Шакиром Балтабаевым, представителем Туркестанского райкома партии, повел отряд на Сузак.

Путь был не из легких. Начавшаяся пурга заносила сугробами дорогу, бросала колючим снегом в лица. Комотрядники могли заблудиться. Но проводник, аптекарь по профессии, давно живший в этих местах, точно указывал дорогу. Вечером добрались до урочища Мардан-Тал, расположились в небольшом поселке. Отсюда Иван Иринархович направил в Сузак для выяснения обстановки разведчиков.

На задание были посланы опытный боец и один парень, работавший помощником у здешнего мельника. С мешком муки, якобы предназначенной для сузакского жителя, они уехали. Ночью благополучно возвратились и доложили о том, что Султанбек, оставив большую группу своих людей, с основными силами ушел в сторону Балыкчи. «Значит,— подумал Никитенко,— метит все-таки на Туркестан пойти. Надо этому помешать!»

«Ночью идем на Сузак. Самозванный хан с бандой двинулся на Балыкчи, очевидно, держит курс на Туркестан,— писал Никитенко в докладной на имя Журавлева. — В отряд прибывают новые люди. Не хватает оружия».

Отряд, как и раньше, двигался по бездорожью. На рассвете тринадцатого февраля достиг окрестностей Сузака. В темноте дозор отряда не заметил бандитов, притаившихся

за домами, и те подняли шум. Никитенко, рассчитывавший на внезапность, вынужден был отдать приказ на открытие огня. После короткого боя отряд занял Сузак.

* * *

Пробыв в Сузаке трое суток и оставив для прикрытия небольшие группы, которые были разгромлены отрядом Никитенко, Султанбек с отрядом, насчитывающим не менее тысячи всадников, ушел на Балыкчи. Вернувшаяся из Таш-сарая разведка донесла хану: «Со стороны Туркестана движутся войска неверных». Султанбек потерял покой. Не поделившись печальными известиями с приближенными, он сидел у сандала в чайхане Ташмет-ака и долго размышлял, как поступить дальше. Вошедший в комнату табиб Асадулла, заметив на лице хана тревогу, осторожно спросил:

— Что приуныли, ардакты хан?

— Как дальше действовать будем, Асаке? Слышал, что рассказывал мне Салыкбай, который прикончил молодого чекиста Тныштыкбаева в Когашике, потом, узнав, что красные подходят, удрал к нам. Вот и думаю: идти нам дальше на Туркестан, или...

— Насчет неверных слышал и я,— заметил Асадулла.

— Давай сделаем так,— решил Султанбек. — Мне донесли, что в Сузаке находится маленькая группа чекистов. Их мы разобьем. Отзовем туда и Мадияра из Чулака, других верных людей. Основные силы соберем в Сузаке. Превратим его в крепость. В районе Балыкчи оставим до четырехсот человек во главе с начальником передового поста в Таш-сарае.

Их беседу прервал взволнованный голос Оспанбека:

— Красные подходят к сараю, что делать?

— Что делать? — переспросил Султанбек. Его лицо налилось гневом. — Бить их надо! Созывай людей, табиб!

Через полтора часа, в полдень двенадцатого февраля, бандиты, возглавляемые Султанбеком, завязали бой с отрядом Исаева. Хан определил, что красных было не так уж много, но дрались они упорно, с каким-то ожесточением. Их меткие выстрелы сражали бандитов наповал. Заняв выгодную позицию, бойцы Исаева вели прицельный огонь, расстреливая почти в упор метавшихся взад и вперед всадников.

Ночью Султанбек дал людям немного передохнуть, а утром повел их в атаку на красных. Но тех на прежних

позициях не оказалось. Тогда Султанбек разбил свой отряд на группы, начал поиск. И снова завязался бой — уже несколько в стороне. Пока шла перестрелка, Султанбек встретился с табибом, который сообщил ему о новых разведданных, полученных от своих людей: к красным подходит подкрепление.

— Может, действительно уйти в Сузак? — спросил Асадулла.

— Так и сделаем,— согласился Султанбек. — Оставим здесь человек четыреста во главе с Абильбеком. Пусть сдерживают неверных, бьют до последнего патрона. Мы же уйдем в Сузак, там укрепимся... Посмотрим, кто кого! Посмотрим!

Позднее, на следствии, Асадулла говорил, что Султанбеком еще в чайхане Ташмет-ака овладел страх. Тогда он еще не знал, что к отряду Исаева присоединились бойцы, присланные из Кзыл-Орды.

В Сузаке Султанбек не встретил сопротивления, так как отряд Никитенко еще раньше покинул кишлак. Это еще больше расстроило хана.

... В районе между Балыкчами, Таш-сараем и Джамантасом продолжались упорные бои. В одном из них, во время яростного натиска бандитов, пулей ранило Исаева. Наскоро перевязав рану, он продолжал командовать бойцами.

Кзыл-ординский отряд возглавлял Поляков. Вместе с ним Абрамук и Исаев перегруппировали силы и на следующий день совершили внезапный бросок на позиции бандитов. Этим боем руководил Абрамук, так как тяжелораненый Исаев потерял много крови и был отправлен в Туркестан, а затем госпитализирован в Ташкенте.

В последующие дни бои шли с небольшими перерывами. Захваченные в плен бандиты рассказывали о подавленном настроении в группах, руководимых Урпековым, о недоверии к Султанбеку, который обещал мятежникам привольную жизнь.

Пятнадцатого февраля бойцы из отряда Абрамука, в основном чимкентцы и кзылординцы, продолжали теснить бандитов. Петр Николаевич на поле боя с радостью встречал молодых, одетых в красноармейскую форму, младших командиров. Это были посланцы Ташкентского пехотного училища имени В. И. Ленина. Подразделением курсантов командовал стройный с обветренным мужественным лицом коммунист Малышев.

После короткого совещания, проведенного Абрамуком, Малышевым, Поляковым и политкомиссаром Султановым, объединенный отряд пошел в наступление и, смяв отступавшие за святое место «Жылтырак-ата» группы Абильбека, взял курс на Сузак.

В пути Петр Николаевич рассказал Малышеву о последних боях, о мужестве комотрядника Андреева, об активном участнике гражданской войны Андрее Леонтьеве, боевом чоновце, храбром вожаке чимкентской милиции Иване Трегубове, комиссаре Ефиме Захарове, бывшем политработнике латыше Августе Ауезене...

— Настоящие солдаты партии и революции,— закончил свой рассказ Абрамук. — Все они пали смертью храбрых в эти трудные дни.

— Жалко товарищей,— согласился Малышев.— Но что поделаешь. Борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Комотрядники без выстрела прошли ущелье Балыкчи, преодолели Кыз-Токкен, Сувиндыкский перевал, выехали на равнину. Уже виднелись отдельные дома, темная пелена дыма, стлавшаяся над древним Сузаком. На сопке Актюбе по приказу Абрамука было установлено орудие. Расчет изготовился к открытию огня, а отряд двинулся к Сузаку. Его сопровождал житель кишлака Жакуп Искаков.

Артиллеристы открыли огонь, когда бойцы были в километре от кишлака. Два снаряда со свистом пронеслись над домами, разорвались в центре Сузака. Малышев пустил в небо красную ракету, громко скомандовал:

— В атаку — вперед!

Рассредоточившись, бойцы и курсанты с криком «Ура!» ворвались на улицы Сузака, вступили в бой с подготовившимися к отпору бандитами. Взводы объединенного отряда захватывали одну позицию за другой. Султанбек пришел в ярость.

— Ни шагу назад! Вера аллаха с нами! — истерически кричал он. — Бей неверных!

Двух бандитов, повернувших вспять, Султанбек пристрелил сам. Остальные, чувствуя обреченность, бросились навстречу шквальному огню и были сражены пулями. Султанбек обернулся, чтобы приказать стоявшему рядом Асадулле поехать на левый фланг, привести с собой верных людей. Но того и след простыл. Как выяснилось позднее, Асадулла, увидев приближающихся красных бойцов, поспешил скрыться.

— У, шайтан! — процедил сквозь зубы Султанбек.

Через Арыстанбека он передал Сагындыку, Мурзахмету, другим приближенным, чтобы те отходили к сараю Дала-базару, стоявшему неподалеку от Сузака. Засев там, бандиты еще долго отстреливались.

Окружив сарай Дала-базар, бойцы объединенного отряда вели непрерывный огонь. Через некоторое время они ворвались в Дала-базар, усеянный трупами мятежников. Отстреливались те, кто еще мог держать в руках оружие. Многие бросали винтовки, топоры на землю и с поднятыми руками пятились к стенам. Подтянутый к входу в сарай пулемет короткой очередью прошил сопротивляющуюся небольшую группу бандитов. И когда, сраженный пулями, упал высокий широкоплечий в белом халате пожилой человек, лежавший рядом с Абрамуком боец Жакуп радостно воскликнул:

— Вот он, Султанбек! Пришел конец и этому зверю...

* * *

С тех пор, как произошли описанные выше события, связанные с ликвидацией контрреволюционного выступления в Сузакском районе, прошло много лет. Но народ не забыл своих героев, тех, кто отдал жизнь за наше правое дело. На привокзальной площади в Туркестане высится обелиск. Под ним покоятся воины, чекисты, павшие в борьбе с бандитами Султанбека.

О жарких схватках напоминает и памятник, установленный в центре совхоза «Сузакский». На нем, рядом с изображением красноармейского шлема, высечена надпись: «Группе партийных, советских и комсомольских работников, павших в борьбе с врагами Советской власти в феврале 1930 года».

Помнят о бесстрашных своих сынах и в Чимкенте. В центре города, в парке культуры и отдыха, окруженный со всех сторон живыми цветами, днем и ночью горит вечный огонь. Рядом с ним в братской могиле захоронены Клоков Федор Васильевич, Григоренко Александр Георгиевич, Леонтьев Андрей Владимирович, Ауезен Август Иванович, Андреев Сергей Федорович, Тригубов Иван Иванович, Захаров Ефим Алексеевич.

Память героев нетленна!

В. ИСМАМБЕТОВ

НА ЗВЕРИНОЙ ТРОПЕ

Поздним январским вечером Ибраим ушел из Карагуля. Боясь преследования, он пробирался через непроходимые заросли камыша и шенгеля, крался звериными тропами, которые знал только он. В опасном многодневном пути Ибраиму помогал долголетний опыт батрака. С детских лет он пас в этих местах скот бая Карамысова, известного далеко за пределами Куйганской глухой окраины Балхашского района. Ибраим шел вперед, не выпуская из рук охотничьего ножа — единственную надежду на спасение в случае нападения дикого зверя.

«Теперь недалеко и Акколь»,— решил Ибраим, переходя по льду Джедели, одну из проток, образовавшуюся при впадении реки Или в озеро Балхаш.

... Акколь. Тогда, в 1930 году, здесь гремели выстрелы, лилась кровь. Он, Ибраим, поддавшись агитации бая Карамысова, участвовал в налете на аул. «Как я мог допустить такое? — думал сейчас Ибраим. — Примут ли меня? А вдруг узнает кто-нибудь. Тогда пропал. Не смогу доказать чекистам, что сам иду к ним. Пусть арестуют. Но прежде я хочу, чтобы люди поняли меня. Не по своей воле я пошел на грязное дело».

Во второй половине дня Ибраим пришел в Акколь. Но никто не спросил его, кто он, куда идет? У подслеповатой глинобитной избушки Ибраим остановился, постучал в окно. Тотчас к стеклу прильнула детская мордашка с раскосыми глазами.

— Есть! Есть хочу,— выдохнул Ибраим и, боясь, что его могут не услышать, положил в рот большой палец, зашлепал губами. Через минуту на улицу вышел подросток и подал незнакомцу бычье ребро с остатком мяса, маленький кусочек лепешки.

— Пить! — попросил Ибраим.

— Сейчас принесу.

И пока мальчик ходил за водой, съел мясо и хлеб. В благодарность за угощенье Ибраим склонился перед подростком и увидел свою длинную тень. Оглянулся. У самого горизонта ярким красным шаром горело солнце. Надвигалась третья ночь. Идти дальше Ибраим уже не мог. Хотелось спать.

Вечером следующего дня Ибраим постучался в дверь районного отделения ОГПУ. Его впустили. Перед изумленными чекистами стоял оборванный истощенный человек. Он с трудом держался на ногах, кто-то пододвинул табурет. Но Ибраим не сел на него, а медленно, словно после ранения, опустился на корточки, привалился спиной к стене.

— Пусть отдохнет, придет в себя, тогда и расспросим, зачем к нам пожаловал,— сказал начальник отделения Николай Иванович Разумовский.

И, обращаясь к фельдъегерю Калиеву, добавил:— Накормите его хорошенько, покажите врачу. Не болеет ли? Пусть отоспится.

На вид Ибраиму можно было дать лет тридцать. Неширокие черные усы, свисавшие по углам рта, глубоко запавшие глаза, длинные пряди давно не стриженных волос подчеркивали его истощенность. Позднее в кабинете Разумовского Ибраим от волнения не знал, куда положить свои руки, и не сразу смог ответить на вопросы начальника, в совершенстве владевшего казахским языком. Но прошло время и он успокоился.

— Кто вы? Зачем пришли к нам? — спросил Разумовский.

— Я из банды бая Карамысова,— глухо ответил Ибраим. — Пять лет ссылки дал мне суд за участие в налетах. И это правильно. Но я снова совершил преступление — бежал с места ссылки к себе в аул. Когда появился в Карагуле, бай Нуржан Тынышпаев и его близкий друг Абдильда Чубутов пригласили к себе и после недолгих расспросов о побеге предложили принять участие в готовящемся мятеже против Советской власти. Я долго колебался, так как не мог сообразить, что мне делать, вернее, как отвертеться от них. Заметив это, Тынышпаев сказал, если я не соглашусь, он через председателя аулсовета сообщит в ОГПУ, и меня арестуют. «Зачем,— подумал я,— он будет доносить на меня. Я сам пойду и расскажу все о себе». Так и сделал. Но помогать Тынышпаеву согласился. Для отвода глаз. Находясь в тюрьме, а потом в ссылке, я встречался с грамотными людьми, беседовал с ними. Узнал, что народ мутят баи, потому что им снова хочется быть у власти. Меня же решили использовать как глупого барана, чтобы потом сказать: «Вот смотрите, хотя и батрак, а стоит за нас, за баев».

Когда начнется выступление, кто будет в нем участвовать, Ибраим не знал. Ему были неизвестны также подробности готовящейся авантюры.

Когда Ибраим вышел из кабинета, Разумовский сказал:

— Тынышпаев и Чубутов числятся в списках бывших баев. Их имущество и скот действительно конфискованы. Но вначале нужно обо всем проинформировать секретаря райкома партии, доложить прокурору о явке с повинной Ибраима. Затем, с учетом их советов и указаний, продолжим наш разговор...

От прокурора вскоре было получено указание: до получения результатов проверки, действительно ли Ибраим был осужден и бежал с места ссылки, задержанного отпустить под подписку о невыезде из аула Карагуль.

Когда подписка была оформлена и ее содержание переведено на казахский язык, Ибраим поблагодарил за доверие, сказал, что если станет известно что-либо о заговоре баев, он снова придет к чекистам, скажет им.

Еще не затихли шаги уходившего со двора Ибраима, а Разумовский уже пригласил в кабинет на оперативное совещание всех сотрудников отделения.

— Издавна в этих местах,— сказал он,— кочевали несколько родов казахов, занимавшихся в основном животноводством. Байско-феодальные пережитки сохранились и в наши дни. Многие казахи-бедняки все еще зависят от баев, мулл. О Советской власти они чаще судят по слухам, которые распространяются теми же муллами и баями в выгодном для них направлении.

Разумовский подчеркнул, что даже завоз сельхозинвентаря для колхозов баи пытаются повернуть против Советов. Они говорят: «Большевики везут в аулы плуги, бороны. Значит, весь скот отберут, а вас, казахов, заставят пахать землю, растить пшеницу для урусов. Наши же отцы и деды занимались только скотоводством. И жили хорошо...»

Байские элементы и так называемые лжеактивисты, которыми засорены местные советские и хозяйственные органы, насильственно обобществляют весь мелкий и крупный рогатый скот, создавая тем самым недовольство среди населения. Некоторые семьи снимаются с мест, уезжают из районов. Первые сигналы об этом поступили из второго аула, где председателем аулсовета был Муса Абдрахманов — сын крупного бая. Его отец, Абдрахман, двенадцать лет работал волостным управителем, но с приходом Советской власти был устранен от политической деятельности.

В волости у Абдрахмана много родственников. Поэтому никто не удивился, когда на пост председателя организо-

ванного колхоза был избран племянник бая — Иса. Он отобрал у бедняков и середняков весь скот, согнал его в колхозный двор и стал раздавать своим родственникам. Колхозникам Иса говорил: «Я — Советская власть и делаю так, как приказывают мне свыше». Все это привело к тому, что многие середняки и особенно бедняки ушли из колхоза, выехали за пределы волости. Стало ясно, что Абдрахманов дискредитирует колхозное строительство, настраивает людей против Советской власти. Пришлось его снять с поста председателя. На руководящую должность выдвинули бывшего батрака Ибрая. Дело пошло на лад.

Такие же мероприятия райком партии и райисполком провели в десятом, четырнадцатом, других аулсоветах. Байские элементы, почувствовав, что власть переходит в руки бедняков и середняков, решили свергнуть в районе Советы. Но колхозное крестьянство не пошло на это. Дело закончилось тем, что банда Карамысова совершила налет на Акколь и ушла в степь.

* * *

... Сигнал Ибраима говорил о том, что в дельте реки продолжала действовать банда «неуловимого Культая», которую в любой момент могут использовать чуждые Советской власти элементы, такие, как Тынышпаев. Это осложняло оперативную обстановку в районе.

Определив задачи каждого оперативного работника, а также переведенного на казарменное положение комотряда, Разумовский подготовил обстоятельную записку в областное управление ОГПУ, а затем вместе с оперуполномоченным, автором этого очерка, выехал на Куйганский участок. Нужно было немедленно проверить сигнал Ибраима, организовать на месте работу по выявлению всех участников антисоветского повстанческого подполья.

В Карагуль приехали под видом охотников. По дороге настреляли фазанов, зайцев. Оставив всю дичь в доме председателя колхоза Кужалака Толегенова, энергичного и волевого человека, в недавнем прошлом батрачившего у местных баев, Разумовский и оперуполномоченный направились в контору аулсовета, где надеялись встретиться с Толегеновым. Но последнего на месте не оказалось: ушел на заседание правления колхоза. Разумовский завязал беседу с коммунистом Оразимбеком Тышкенбаевым, контролером местной трудсберкассы, человеком грамотным и объективным.

Оразимбек спросил, удачной ли была охота. И когда Разумовский выразил свое удовлетворение, заметил:

— Здесь еще не перевелась и более крупная дичь.

— Кого вы имеете в виду? — спросил Разумовский.

— Двуногих млекопитающих,— с горечью заметил Тышкенбаев. — Недавно я был свидетелем сборища бывших богатеев. Вечером направился к своей знакомой Атипе, но ее не оказалось дома. Я решил подождать, зашел за угол дома, присел на скамейку. Вечером, часов около восьми, у избушки Кочербаева, примерно в десяти метрах от меня, появилось четверо мужчин. Это были Нуржан Тынышпаев, Токатай Сатыбалдыев, Чимырбай Килибаев и Сатымбай Токжарыков. Они присели на корточки, образовав небольшой круг, повели беседу. Больше говорил Нуржан Тынышпаев, который, как я понял из отрывочных фраз, только что приехал из четырнадцатого аула, где встречался с Абдильдой Чубутовым. «Абдильде Чубутову,— говорил Тынышпаев,— было поручено связаться с «неуловимым Культаем» и заготовителем охотсоюза Кочкомбаевым, у которых имеется оружие. У Кочкомбаева как будто даже есть трехлинейка. Абдильда послал к ним своего друга Абдрахманова. Тот связался с Культаем и Кочкомбаевым, которые сказали, что лошадей и оружие достанут. Мы же с вами должны навербовать побольше людей, чтобы не получилось так, как это было в прошлый раз».

«Тынышпаев,— продолжал свой рассказ Оразимбек,— умолк, и я подумал, не идет ли кто? Прислушался. Но по-прежнему было тихо. После длительной паузы Тынышпаев сказал: «К нам присоединились еще два человека, сын Койчиева — Койчиев Увелкасым и сбежавший из ссылки Касенов Ибраим». В разговор вступил Токатай Сатыбалдыев. Он заметил: «Этим двум верить нельзя. Увелкасым не пожалел даже своего отца, когда выступал свидетелем на суде. Ибраим был участником прошлого восстания, многое за это время пережил. Едва ли он на самом деле решится пойти с нами». «Зачем так говоришь,— прервал Сатыбалдыева Нуржан Тынышпаев. — Я же знаю. Все население присоединится к нам».

— Возможно, они и дальше продолжали бы свою беседу,— сказал в заключение Оразимбек,— но в конце аула показалась группа всадников, заговорщики поспешно разошлись. Всадниками же оказались члены бригады по мобилизации средств, приехавшие в аул из районного центра.

Разумовский и оперуполномоченный внимательно вы-

слушали Тышкенбаева. Его спокойный рассказ не оставил сомнений в правильности сигнала Ибраима.

— Все, что вы поведали нам,— заметил Разумовский,— представляет большой интерес для ОГПУ. А теперь я попрошу вас свой рассказ в той же последовательности изложить на бумаге. В форме, так сказать, заявления.

— А я уже это сделал,— оживился Тышкенбаев.— Хотел отправить вам почтой, да задержался в связи с участием в работе бригады по мобилизации средств. Вот, пожалуйста.

Оразимбек открыл сейф, достал самодельный конверт с вложенным в него заявлением и, передавая Разумовскому, сказал:

— Я обязан был это сделать. Многие здесь высказывали сожаление по поводу того, что в 1930 году вовремя не предупредили органы ОГПУ о возникновении банды Карамысова.

Весь остаток дня Разумовский и оперуполномоченный прождали Толегенова. Он освободился от колхозных и аулсоветовских дел поздно вечером и пришел домой усталым. В ту пору Толегенов исполнял еще и обязанности председателя исполкома десятого аулсовета. Разговор с ним, как и ожидалось, был очень полезным.

Войдя в переднюю, Кужалак Толегенов не торопясь разделся, вымыл руки и только тогда вошел в комнату, где сидели гости. Поздоровался, устало опустился на земляной пол, застланный большой цветной кошмой, спросил:

— Ну как Копбосун? Что рассказывает?

— Какой Копбосун?— удивился Разумовский.

— Тынышпаев. Разве не знаете? Мы его и Мукатая Мулдазакова отправили четвертого февраля в милицию.

— За что задержали?

— За грабеж. Третьего февраля шло общее собрание колхозников. Вдруг около пяти часов вечера неподалеку от конторы правления послышался крик. Все бросились на улицу. Выбежал и я. Побежал вместе с другими колхозниками в сторону, где кричал человек. За аулом встретили старика Есенкара, который, увидев нас, остановился, перестал кричать. Он рассказал, что двое неизвестных только что напали на него, избили, отобрали верблюда и ружье. Кто-то спросил: «Куда поехали грабители?» Старик указал направление. Мы вернулись в аул, сели на лошадей и вскоре настигли бандитов. Ими оказались Копбосун Тынышпаев и житель тринадцатого аула Мукаш Мулдазаков.

Я первый их настиг. Увидев меня, они спрятались в кустах чингиля. Копбосун вскинул ружье. Но в этот момент с другой стороны подскакал Исабек Асимбеков, агент «Кендырьтреста». Вскоре примчались остальные. Бандитов обезоружили, увезли в аул.

— Правильно поступили. Но мне об этом начальник милиции пока не докладывал,— сказал Разумовский.

— Жаль. А надо бы. Ой, как надо!

— А что, за ними еще что-нибудь есть?

— Да, есть и другие факты, о которых Копбосун должен знать.

В комнату вошла жена Кужалака. Накрыла на стол, пригласила отведать жаркое из убитой в дороге птицы. За обедом Кужалак продолжил свой рассказ.

— Еще в январе, числа этак 18—19, в контору колхоза ворвались братья Телекпаевы. Оба с топорами. Набросились на меня, требуя, чтобы я вышел во двор, где стоял меньший брат Копбосуна — Тынышпаев Нуржан. Я схватил ружье и предложил братьям покинуть контору. В это время зашли наши активисты. Мы отобрали у парней топоры и выгнали их из конторы...

— И Телекпаевых отправили в Баканас?

— Нет, они еще здесь. Об их проделках я сообщил в милицию,— ответил Кужалак и продолжил свой рассказ:

— Дней за пять до этого случая, в ночь на 15 января, я заметил около колхозного амбара, где хранится около тысячи пудов хлеба, трех человек. Пришлось направить туда активистов Кочембая Койчиева и Джакупа Тугамбаева. Вскоре они вернулись и доложили, что у амбара слонялись братья Телекпаевы и Копбосун Тынышпаев. Они якобы хотели сдать пять заячьих шкурок на пункт заготживсырья, который, как вам известно, находится в десяти километрах от колхоза. К тому же была ночь. А кто в это время принимает кожсырье?

Все это, естественно, насторожило меня, и я решил понаблюдать за ними. Вскоре пришел к выводу: Нуржан Тынышпаев поддерживает близкие связи с бывшими баями Токатаем Сатыбалдыевым, Чемырбаем Телекпаевым, Килибаевым и другими. Их поведение очень напоминало маскировку прошлого года, когда Карамысов и другие готовились к выступлению против Советской власти. Это они подговорили сыновей бая Телекпаева и Джанибека напасть на меня в конторе, организовать в колхозе беспорядки.

Перед тем как ложиться спать, Кужалак, уже снявший

с себя верхнюю рубашку, вдруг вскочил с кровати и, обращаясь к Разумовскому, сказал:

— Да, чуть не забыл. В ауле скрывается один человек, сбежавший из ссылки. Ибраим Касеинов. Был осужден в 1930 году на пять лет по делу банды Карамысова. Как с ним быть? Прошу разобраться...

Толегенов сел на край кровати и, не ожидая ответа, стал рассказывать о Касеинове.

— Он батрак из батраков. Как его угораздило попасть на удочку Карамысова, до сих пор не могу понять...

Разумовский переглянулся с оперуполномоченным.

— Давайте сделаем так. Завтра, после того как мы вернемся с охоты, пришлите Ибраима в контору исполкома аулсовета. Там сейчас мало кто бывает, и мы сможем спокойно поговорить с ним.

Ранним утром чекисты отправились на охоту. Там, в безбрежной степи, они могли обменяться мнениями, наметить дальнейшие планы.

— Информация, которую мы получили от Оразимбека Тышкенбаева и Кужалака Толегенова,— сказал Разумовский,— свидетельствует о том, что в районе вновь формируется антисоветская повстанческая организация. Ее участники приступили к обработке местного населения и сбору оружия. Они установили контакт с «неуловимым Культаем». Надо и нам поторапливаться...

— Что будем делать с Ибраимом? — спросил оперуполномоченный.

— Поговорим начистоту. Теперь он открыто может сказать, что освобожден под подписку. У нас, в Баканасе, он побывал инкогнито. Сегодня его на виду у всех людей приведут активисты Кужалака. Слух об этом дойдет и до бывших баев.

В контору аулсовета чекисты вернулись к полудню. Ибраим Касеинов уже ждал их в передней комнате. Здесь же находился активист, исполняющий роль охранника. Николай Иванович Разумовский пригласил «задержанного» в кабинет председателя исполкома. Туда же вошел оперуполномоченный. Все, что интересовало чекистов, они выяснили в беседе с Ибраимом в Баканасе. Сейчас же спросили, как он добрался обратно в аул, и знает ли кто о его пребывании в Баканасе?

— Нет,— ответил Ибраим. — Мое отсутствие осталось незамеченным. Разрешите доложить еще об одной новости.

— Какой? — спросил Разумовский.

— Когда я возвращался в аул, около сельпо встретился с Нуржаном Тынышпаевым. Он велел мне тринадцатого февраля, как только стемнеет, прийти в джигидовую рощу, в зарослях которой стоит одинокая старая глинобитная избушка, принадлежащая такой же одинокой и старой вдове Акчобале Кокбасовой. «К ней редко кто ходит,— заметил Нуржан,— и мы спокойно проведем там совещание. Кроме тебя будет еще восемь человек из нашего и других аулов».

— Кто именно придет? — спросил Разумовский.

— Тынышпаев не назвал фамилии людей.

— Ну, а как вы сами-то смотрите на это?

— Не знаю, что и делать. Наверное, надо пойти. Иначе попадешь под подозрение. А это в нашей глухомани очень опасно. Могут и убить. Были случаи — исчезали люди. Раньше на тигров сваливали, теперь их не стало. Но люди нет-нет, да и пропадают. Куда деваются, аллах один ведает...

— Да, пожалуй, вы правы,— заметил Николай Иванович. — Надо идти. Ведь вас они считают своим человеком, участником организации. Послушайте, о чем будут говорить. Нас не ищите. Если понадобитесь, свяжемся с вами. А то, чего доброго, попадете в беду.

К вечеру того же дня чекисты под предлогом охоты, осмотрев все подходы к избушке, выехали из Карагуля в Баканас. Желая опередить надвигавшиеся события, они погоняли своих лошадей. Вскоре показался аул Аралтюбе. Чекисты переправились по льду на правый берег реки Или и въехали в Акколь. Здесь они провели остаток ночи, покормили лошадей и поехали дальше. К обеду были в Баканасе.

... Не заходя к себе в кабинет, Разумовский направился в райком партии к секретарю. Надо было доложить о результатах проверки сигнала Ибраима, попросить совета, помощи.

На другой день в Карагуль выехала оперативная группа, которую возглавил Белял Каюмов, окончивший в 1931 году школу ОГПУ в Москве. В его задачу входило: проверить сообщение Ибраима Касеинова о сборище участников антисоветского заговора в избушке Кокбасовой, организовать приезд в Баканас для беседы одного из участников организации Садымбая Токжарыкова.

Для оказания практической помощи из особого отдела ПП ОГПУ приехал ответственный сотрудник Радченко.

К месту назначения группа Каюмова прибыла глубокой ночью 12 февраля. Лошадей оставили в надежном укрытии

в двух километрах от джигидовой рощи с фельдъегерем Туякпаем. Два секретных поста Разумовским были выставлены так, что с их позиций хорошо просматривались обе тропинки, ведущие к избушке Кокбасовой. Когда наступил вечер 13 февраля, Каюмов, раньше бывавший в этих местах и знавший многих жителей десятого аула, увидел двух мужчин, шедших по тропинке. Заметил их и фельдъегерь Калиев, лежавший в кустах с другой стороны мазанки. Ничего не подозревая, мужчины зашли в избушку. Вскоре по второй тропе через неодинаковые промежутки времени подошли еще четыре человека. Затем появились вдвоем Чубутов и Тынышпаев. Они разговаривали, и Каюмов, много раз беседовавший с ними раньше, опознал их по голосам.

Заговорщики просидели в избушке около 5 часов. Расходились по одному. Когда последний бандит потушил свет и, закрыв за собою дверь, направился в аул, Каюмов и Калиев вышли из укрытий.

Утром чекисты и сопровождавшие их лица прибыли в Караголь. Каюмов разыскал у колхозного амбара, где шла очистка семян к весенней посевной, Кужалака Толегенова, отозвал его в сторону, сказал:

— Николай Иванович Разумовский просил завтра направить в райцентр Садымбая Токжарыкова. Знаешь такого?

— Как не знать! Это из шайки, о которой я недавно рассказывал. Его что, прямо к вам в ОГПУ направить?

— Нет, нет! Пусть едет в Баканас с каким-нибудь вашим поручением. Об остальном мы позаботимся сами.

— Все ясно! Постараюсь выполнить вашу просьбу,— ответил Кужалак.

— Желаю удачи.

Вечером оперативная группа Каюмова была в ауле Аралтюбе. Остановились на ночь.

... Токжарыков ехал и пел. Ему не было еще тридцати. Высокий, статный, он ловко сидел в седле. Его путь пролегал по левому берегу Топара, что впадает в полноводную Или, через песчаную пустыню Моюнкум. Этот путь был намного короче большой дороги, и потому Токжарыков к исходу дня уже был в Аралтюбе. На следующее утро поехал дальше и где-то вечером, у самого Баканаса, встретился с чекистами. Одного из них, Каюмова, Токжарыков сразу узнал, поздоровался с ним, завел беседу. Не заметили, как подъехали к зданию ОГПУ. Токжарыков было направился дальше, но Каюмов предложил:

— Зайдите к нам. Надо поговорить.

Был вечер, и никто из редких прохожих не обратил внимания на то, как был задержан Садымбай.

Застигнутый врасплох, Токжарыков долгое время не мог придти в себя. Он думал о том, как вести себя перед чекистами. Сказать всю правду или прикинуться человеком, которому ничего не известно о заговоре? А вдруг у них уже есть какие-то сведения об организации? Что тогда будет?

Пока эти лихорадочные мысли лезли в голову и не находили ответа, Токжарыков молчал. Потом он стал твердить одно и то же:

— Нет, не знаю. Мне ничего не известно... Хватает своих дел. Некогда шляться по аулу, подслушивать других...

Выбрав момент, когда на лице Токжарыкова появились растерянность и смятение, Разумовский спросил:

— Вы были вечером третьего февраля у Алибая Кочербаева?

Вопрос был задан так неожиданно, что Токжарыков вздрогнул, резко повернулся в сторону Разумовского, который стоял у окна. На лице задержанного проступили багровые пятна.

— Да, был...

— С кем?

— Нас было четверо: Нуржан Тынышпаев, Токатай Сатыбалдыев, Чимырбай Килибаев и я,— глухо сказал Токжарыков и подумал: «Как чекисты узнали об этом?»

— О том, чем занимались этим вечером у избы Кочербаева, расскажете нам позже,— заметил Разумовский. — Сейчас ответьте на вопрос: в каких взаимоотношениях находитесь с Нуржаном Тынышпаевым?

Токжарыков заерзал на стуле, поминутно переставляя ноги. Он то и дело вытирал о брюки вспотевшие ладони рук. Но никак не решался сказать правду. Наконец, попросил разрешения закурить и, сделав несколько глубоких затяжек, тяжело вздохнул.

— Нуржан мой друг,— сказал Токжарыков. — Но примерно с января этого года он и Абдильда Чубутов из четырнадцатого аула стали главарями заговора против Советской власти, всех коммунистов. Они призывают к восстановлению байского правительства.

— Когда вы узнали о заговоре и от кого?

— Меня лично ввел в курс дела Нуржан Тынышпаев. Это случилось во второй половине января тысяча девятьсот тридцать второго года в моей юрте. Нуржан говорил, что

новое выступление будет не таким, как в тридцатом году, а более организованным. Он говорил: «Мы подготовим пятьсот верных джигитов и окончательно разобьем районные Советы». Он выразил надежду, что после этого поднимется народ. На мой взгляд, пустые слова. На самом деле, как я думаю, никаких связей с другими районами у них нет.

Токжарыков не отрицал своего участия в сборищах заговорщиков. Самое большое и самое секретное, сказал он, было 13 февраля в джигидовой роще, в избушке вдовы Кокбасовой. На «совет» пришло восемь человек. Все они, прежде чем приступить к делу, поклялись на Коране хранить тайну. Первым выступил Нуржан Тынышпаев. Назвав всех присутствующих «агаиндер», то есть людьми единой крови, он подчеркнул, что выступление, получившее название «Абдильды и Нуржан», должно быть решительным, быстрым. «В первую очередь,— говорил Тынышпаев,— надо захватить ОГПУ». В конце речи он обратил внимание присутствующих на необходимость развертывания агитации среди населения.

Затем слово взял Абдильда Чубутов. Он согласился с планом Тынышпаева об окружении и захвате здания ОГПУ, отметил, что в тридцатом году многие участники выступления после первых выстрелов разбежались. «Все это,— сказал Абдильда,— надо учесть и расстреливать бегущих».

Своими мнениями поделились остальные. Например, Токатай Сатыбалдыев заявил о том, что если ему дадут револьвер, он сам пойдет и застрелит часового. В это время нагрянут остальные, и ОГПУ будет захвачено. Чубутов поддержал эту мысль, но Тынышпаев предложил организовать нападение на сотрудников ОГПУ во время охоты, на которую они кое-когда выезжают. Одновременно начать нападение на районный центр.

Далее, по предложению Тынышпаева и Чубутова, было принято решение о захвате и уничтожении всех сотрудников ОГПУ, об аресте коммунистов и советских работников, о грабеже кооперативных и хозяйственных организаций.

В постановление заговорщики включили предложение Чубутова о том, что в Баканас не позднее 14 февраля поедет Токатай Сатыбалдыев. Он должен разведать подходы к помещениям, занимаемым ОГПУ, уточнить количество сотрудников, их вооружение, взять на заметку охрану у склада с боеприпасами.

По предложению Тынышпаева, Чубутова, Сатыбалдые-

ва заговорщики поклялись, что принятые решения будут выполнены не позднее 2 марта 1932 года. Если же кто из присутствующих выдаст священную тайну, тому отрежут голову.

Постановление решили размножить и раздать всем участникам заговора, но Килибаев сказал, что во избежание провала этого не следует делать. Он, видать, не надеялся на своих единомышленников. Постановление подписали все участники «совета».

Выполняя волю старших, Токатай Сатыбалдыев 15 февраля был уже в Баканасе. Он поселился неподалеку от ОГПУ в специально поставленной юрте. Через несколько дней Токатай встретился с Тынышпаевым, приехавшим в Баканас для связи с ним.

... После внимательного изучения сложившейся обстановки, областное управление ОГПУ приняло решение: арестовать заговорщиков, предупредить надвигающиеся события.

После Токжарыкова был задержан Токатай Сатыбалдыев. На допросе он сознался в своей принадлежности к антисоветскому подполью и подробно рассказал, с какой целью поселился рядом со зданием ОГПУ. Чекисты арестовали и остальных руководящих участников повстанческой организации.

При обыске в доме Абдильды Чубутова чекисты обнаружили постановление сторонников восстановления байского правительства, о котором упоминал Токжарыков. В нем говорилось, что 2 марта 1932 года должно начаться большое выступление против Советов.

Прошло еще некоторое время, и чекисты напали на след «неуловимого Культая». Бойцы комотряда нанесли банде большой урон. Вначале были схвачены все головорезы Культая Джалобаева, затем удалось обезоружить его самого. На следствии Культай признал свою связь с антисоветской повстанческой организацией «Абдильды-Нуржан», заявил, что он и его банда были готовы принять участие в совместном антисоветском вооруженном восстании.

Заявителя Ибраима Косаинова суду не предали. В процессе предварительного следствия выяснилось: Ибраим антисоветской пропагандой не занимался, активного участия в антисоветской авантюре не принимал.

В камере и на допросах Тынышпаев пытался выяснить, кто и когда выдал органам Советской власти организацию «Абдильды-Нуржан».

— Народ! Вас разоблачили простые советские люди,— говорил следователь. — Они не хотят кровопролития. И никто не помешает им строить новую счастливую жизнь.

Ф. ИВАНОВ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В УРОЧИЩЕ ЧУРУК

I

Джунуспек и Суванкул люди местные, семиреченские. Оба родились в Талды-Курганском районе. Здесь росли, учились. Знали каждое урочище в горах, долины рек Коксу и Каратала. Почти каждое лето проводили на джайлау в предгорьях Алтын-Эмеля.

— Да, все это теперь не наше,— зло сплюнув, сказал Суванкул. — Будет ли сопутствовать нам удача?

— Почему же нет? — отозвался Джунуспек. — Только не следует торопиться, иначе можно погубить и себя, и начатое большое дело.

Миновав пограничные посты, небольшие заставы, они ехали теперь по узкой тропинке, петлявшей по правому восточному берегу реки Коксу. Где-то там, за Коксуйским перевалом, лежит широкая Талды-Курганская долина. Они часто останавливались, смотрели по сторонам и ехали дальше. К вечеру расстояние между всадниками и стоянкой банды Кундакбая увеличилось до ста километров.

— Кундакбай, по-моему, умело распределил нас по аулам. А это очень важно,— возобновил разговор Суванкул.

— Он с головой. У Кундакбая есть чему поучиться,— отозвался Джунуспек и, немного помолчав, заметил: — Он же бывший сотрудник милиции. Разве наши в Кульдже доверили бы такое ответственное дело непроверенному человеку. Кундакбай будет до гроба служить нам. Незадолго до нашего отъезда в Семиречье я слышал, как Абдрахман Канабеков наставлял его... Абдрахман, говорят, тоже не дурак. Еще при Анненкове был начальником пограничной охраны от Капала до Маканчей. Теперь руководит отделом в нашей крестьянской партии.

— Да-а, на самом деле человек большой. Сколько надо терпения, выдержки. В комитете партии занимает ответственный пост и одновременно руководит боевыми операциями. Из штаба почти не выходит.

Суванкул гордо посмотрел на Джунуспека, желая подчеркнуть, что и он кое в чем разбирается. Сославшись на усталость коней, предложил сделать небольшой привал. Джунуспек не возражал. Оглядевшись, они свернули с тропы, въехали в заросли тала и барбариса. Не спеша разнуздали лошадей, пустили их на лужайку, а сами, напившись из реки воды, уселись на траву. Забросили за губы насвай и некоторое время молчали, сплевывая горечь табака. Суванкул сказал:

— Я что-то не совсем хорошо представляю, с чего мы будем начинать свои беседы с колхозниками Алгабаса.

— Ну как же так! — воскликнул Джунуспек. — Все понятно. Вначале надо присмотреться к руководству колхоза, аулсовета. Там наверняка должны быть наши единородцы. Расспросим их, как идут дела, какие виды на урожай, продолжается ли раскулачивание... Потом будет видно, с чего начинать. А поначалу ты положись на меня. Я буду тебе подсказывать. Все надо клонить к тому, чтобы у колхозников вызвать недоверие к Советской власти, поднять их против большевиков. Торопиться с этим не следует, но и медлить нельзя. Все надо делать так, как учил Кундакбай.

— Хорошо, я понял,— сказал Суванкул. — Ну что, поехали?

— Нет! Давай дождемся вечера. Тут неподалеку есть одна старая казахская зимовка. На ней живет мой родственник. Когда мы уходили за кордон, он остался. Вот у него и заночуем. Отдадим охотничье ружье: нам оно ни к чему. Ему же, охотнику, пригодится. Да и у нас на одного вооруженного человека будет больше.

Суванкул согласно тряхнул головой.

— Так и сделаем...

II

О появлении Джунуспека и Суванкула на советской земле чекисты Талды-Кургана узнали еще до того, как пришло известие о прибытии в верховья Алтын-Эмельских гор банды Кундакбая. Первое сообщение о незваных гостях принес продавец сельпо Джангиз-Агачского аулсовета комму-

нист Сапаргали Алипов. Его, избитого, в бессознательном состоянии, привезли в районную больницу. Несколько часов Алипов не приходил в себя, а когда, наконец, открыл глаза, рассказал комотряднику Балабекову, дежурившему у постели, следующее:

— Они напали на меня внезапно, из-за кустов барбариса. Стащили с лошади, отобрали ружье, заставили раздеться. Не успел снять брюки, как один из них нанес несколько ударов ногой. Я упал. Они навалились на меня, приказали:

— Говори, кто тебя послал в горы и зачем? И не вздумай увиливать!

Я ответил, что еду собирать паевые взносы по поручению председателя сельпо.

Они не поверили и снова стали бить меня ногами. Потом высокий выхватил из-за пояса нож и сказал:

— Ты по заданию ГПУ приехал сюда в горы! Если не скажешь правду — зарежу!

Я молчал. Тогда он подскочил ко мне и нанес несколько ударов ножом. Я потерял сознание. Когда очнулся, увидел, как мою одежду и ружье бандиты привязывали к седлу. Они забрали мою лошадь и уехали. Мне снова стало плохо... Очнулся я в больнице.

На вопрос Беляева, сможет ли Алипов опознать этих лиц и сколько их было, ответил:

— Да, смогу. Их было двое. Тот, который нанес мне ножевые раны, высокого роста, в черном суконном широком пальто, стянутом в талии зеленым кушаком. Шапка на нем вельветовая, голубая, отороченная лисьим мехом. Второй же ростом пониже и одет победнее. На нем стеганый бешмет, тоже стянутый кушаком, но синего цвета. На голове — войлочная шляпа.

Весть о появлении в горах бандитов уже на следующий день подтвердилась. Вызванный из оперативной командировки уполномоченный Иван Степанович Чухнов, не заезжая домой, направился в кабинет своего начальника с докладом.

— Налеты бандитских групп численностью в два-три человека,— сказал он,— наблюдаются почти во всех аулах, селах и станицах района. Их совершают бывшие баи и кулаки, бежавшие после революции в Китай. Сейчас они возвращаются на нашу землю с заданием склонить на свою сторону народ. Но это не всегда удается. Вот они и зверствуют.

— Товарищ Ботвинов, выезжавший на днях в разведку, тоже получил сигнал о появлении в Чаганских горах двух бандитов,— заметил находившийся в кабинете начальника старший уполномоченный Дутов.

В тот же день Дутов, уполномоченные Ошакбаев, Чухнов и Ботвинов с оперативными группами выехали в аулы, села и станицы. Задача была одна: выявить лазутчиков из-за кордона, установить контроль за их действиями, узнать их намерения и быть готовыми к проведению операции по задержанию и аресту. Были приняты меры к приведению в боевую готовность коммунистического отряда. В областное управление ОГПУ с подробной информацией поехал фельдъегерь. Ему дали свежего коня и он быстро выполнил задание.

По данным полпредства ОГПУ, на которое ссылалось в своем ответном письме областное управление, в верховья Алтын-Эмельских гор была заслана банда Кундакбая, сформированная в Кульдже. За ее действия отвечал комитет закордонной антисоветской крестьянской партии, которую возглавили белогвардейские офицеры. Банда перебрасывалась на территорию Талды-Курганского района еще в 1930 году, но, потерпев поражение в боях с комотрядом и пограничниками, ушла обратно. В 1931 году во все пограничные районы Семиречья были направлены представители крестьянской партии, имеющие задачу создать повстанческие отряды, которые впоследствии влились бы в банду Кундакбая.

Но хорошо продуманный белогвардейцами и буржуазными националистами план был сорван чекистами. Многие организаторы восстания, прибывшие из Кульджи, были выслежены и арестованы.

По следам банды Кундакбая был направлен отряд Беляева. В исключительно тяжелых, невыгодных в военном отношении условиях, отряд выдержал два боя и в третьем жарком сражении на перевале разгромил бандитов. Кундакбаю, еще нескольким его приближенным удалось бежать.

Внезапный удар чекистов лишил Кундакбая возможности отозвать из аулов своих лазутчиков, и Джунуспек с Суванкулом еще долго оставались на свободе. Они исподволь велк антисоветскую пропаганду, совершили террористический акт против партийных и советских работников. В этом им помогали отдельные лица, недовольные Советской властью.

III

Оперативная группа Ботвинова, выехавшая из Талды-Кургана раньше других, во второй половине дня была уже в Алгабасе. Накануне прошел дождь и напоенная влагой земля требовала ухода. Но в поле никто не работал. «Почему бы это? — подумал Ботвинов. — Праздник какой справляют или несчастье стряслось?»

Первым, с кем довелось побеседовать Ботвинову, был секретарь комячейки одиннадцатого аула Тайкенов. Он сказал:

— Из райкома партии уже поступила директива по вопросу борьбы с бандитизмом. Документ хороший, важный, но нас не касается. В одиннадцатом ауле бандиты не появлялись.

Ботвинов уловил в словах секретаря нотки тревоги и понял, что Тайкенов пытается скрыть от него действительное положение дел. Тут же решил поговорить с председателем исполкома аулсовета Джубановым. Но он, как и Тайкенов, заявил, что в ауле нет посторонних лиц. «Неужели сведения, поступившие в ОГПУ, оказались ложными,- думал Ботвинов. — Надо побеседовать с народом. Но как это сделать?»

Тем временем наступил вечер. Почти все, кто не был связан с животноводством, находились дома. Ботвинов, прогуливаясь, незаметно вышел за аул, рассчитывая на встречу с рядовыми колхозниками. Но его надежды не оправдались. Люди, возвращавшиеся в аул, обходили Ботвинова стороной не останавливаясь. Опыт подсказывал, что в таких делах надо быть терпеливым и осторожным. Ботвинов верил в честность советских людей, в их прямоту. И чувствовал, что кто-то мешает им подойти к нему, рассказать всю правду.

Уже стемнело, когда Ботвинов вернулся в аул.

— Ну, что нового? — спросил он у сотрудника Серикпаева.

— Ничего пока нет. Люди нас сторонятся. Не хотят разговаривать.

— Да, это верно,— согласился Ботвинов и спросил: — Лошадей куда поставили?

— Здесь они, рядом. В сарае. Мы с Виктором накосили травы. Себе постель приготовили на крыше конюшни. На улице спать сподручнее...

— Хорошо придумали, молодцы! А хозяин не вернулся?

— Нет еще. Хозяйка говорит, будет только завтра.

В это время из дома вышла Зайнеп — жена хозяина — и пригласила всех на ужин.

Дом, в котором остановились чекисты, указал председатель исполкома аулсовета. Раньше никто из них в этом доме не был, и поэтому все чувствовали себя несколько стесненно. Зайнеп молча разливала в пиалы чай, а когда ужин закончился, быстро убрала посуду и ушла в другую комнату, где спали дети и отец ее мужа.

Серикпаев и Виктор, молодой, недавно демобилизованный из армии, уже крепко спали, когда дремавший Ботвинов услышал тихий шорох. Сначала подумал, что у какой-то лошади сползло с ясель сено. Но, подняв голову, различил силуэт согнувшегося человека, медленно пробиравшегося к конюшне.

— Кто идет? — негромко, но строго спросил Ботвинов, нащупывая под подушкой револьвер.

— Это я... колхозник. Здравствуйте. Мне надо срочно поговорить с вами.

— Я вас слушаю,— сказал Ботвинов и быстро спустился по лестнице на землю.

Познакомились. Колхозник, а им оказался Сураганов Ахмедкали, бывший солдат-пограничник, сказал:

— В ауле скрываются вооруженные перебежчики из Китая. Когда приехали, остановились у сына бая Камаева. Он живет на старой зимовке, там за речкой, у Коксуйского перевала. Вчера перебежчики были здесь, в ауле, в доме бая Сатыбалды Камаева. Но испугались вас и с наступлением темноты уехали. Куда — не знаю.

— А их фамилий не помнишь?

— Нет. По слухам они местные. Одного звать Джунуспек, второго — Суванкул. Раньше, до коллективизации, якобы проживали неподалеку, в соседнем ауле.

— Как одеты?

— Джунуспек высокий, в суконном черном пальто. На нем зеленый кушак, шапка, отделанная лисьим мехом. Суванкул пониже ростом. В стеганом бешмете, в войлочной шляпе.

«Об этом же говорил продавец сельпо Алипов,— отметил про себя Ботвинов. — Приметы совпадают».

— Что еще вы знаете о них?

— Когда они появились, то к Мажиту на зимовку несколько раз ездили Камаев и заведующий сельпо Кожаберды Тохтыбаев. Оба закадычные друзья нашего председа-

теля исполкома аулсовета Нургали Джубанова и его секретаря Садвакаса Бейгалина. Торгаш Тохтыбаев и секретарь комячейки Тайкенов являются сыновьями баев и открыто поддерживают их сторону. Сейчас в колхозе идет массовый забой скота, и люди перестали выходить на работу: не убирают хлеб, не косят сено. Все гуляют, устраивают тои. Пока режут свой скот, но ходят слухи, что и до колхозного добраться могут.

— А эти... перебежчики зачем в аул приехали? — после некоторой паузы спросил Ботвинов.

— Народ мутят. Говорят, что скот и все имущество большевики отберут. Непокорных расстреляют. Уходите, говорят, пока не поздно в Китай. Хвалят тамошнюю жизнь. Некоторые верят им и уже готовятся к откочевке.

Сураганов вскоре ушел. А Ботвинов до утра не сомкнул глаз, пытаясь осмыслить рассказ Ахмедкали. Два последующих дня ушли на проверку полученных данных. Потом Ботвинов со своими товарищами выехал в Талды-Курган.

О положении дел в колхозе был информирован секретарь райкома партии Целых. Через некоторое время в Алгабас выехала новая группа чекистов.

Было ясно, что прекращение уборки хлеба, заготовок кормов для скота, преждевременный забой овец, крупного рогатого скота — дело рук пробравшихся на руководящие посты байских сынков, их вдохновителей Джунуспека и Суванкула. Бюро райкома партии приняло экстренное решение: направить в Алгабасский аулсовет члена бюро, заведующего районным отделом народного образования Капеспека Балабекова. Совместно с коммунистами местной парторганизации ему следовало принять необходимые меры по оздоровлению обстановки в колхозе, вплоть до организационных выводов в отношении злостных саботажников.

Балабекова сопровождал милиционер Сегизбаев, получивший строгое указание не отлучаться от Капеспека ни на шаг. Такая предосторожность не была излишней, ибо в одиннадцатый аул продолжали наведываться бандиты Джунуспек и Суванкул. Можно было столкнуться и с другими неожиданностями.

Балабеков на месте установил, что все сигналы, поступившие в райком партии, соответствуют действительности. Продолжался забой скота. Почти открыто велись разговоры о предстоящих откочевках в Китай. Члены исполкома аулсовета и правления колхоза, зная об этом, бездействовали.

Подтвердился и тот факт, что председатель исполкома аулсовета Джубанов является сыном крупного бая, но при вступлении в партию скрыл свое социальное происхождение. Секретарь аулсовета Садвакас Бейгалин — сын муллы, заведующий сельпо Кожаберды Тохтабаев — сын бая, а секретарь парторганизации Тайкенов — сын известного во всей округе торговца.

По сообщению колхозников, рядовых членов партии, Тохтабаев, Джубанов и Бейгалин разбазаривали фондовые товары, поступавшие в сельпо, прикарманивали вырученные за них деньги.

Нашли свое подтверждение слухи о связях Тохтабаева с баем Камаевым, о систематических встречах последнего с Джунуспеком и Суванкулом.

Сопоставив данные, Балабеков окончательно убедился, что пока не будут сняты с занимаемых должностей Джубанов и Бейгалин, об активизации работы аулсовета не может быть и речи.

На партийном собрании, которое вскоре состоялось, Балабеков сказал:

— Райком считает, что работа вашей партийной организации по пропаганде решений партии и правительства ведется слабо, от случая к случаю. Так оно и есть. Срыв важнейших сельскохозяйственных мероприятий объясняется полным бездействием исполкома аулсовета и правления колхоза. Председатель исполкома Джубанов, секретарь Бейгалин разъезжают по зимовкам, кистау, пьянствуют и бесбармачат. Секретарь же парторганизации Тайкенов, зная об этом, не принимает решительных мер. Так дальше продолжаться не может.

Собрание загудело, словно горный поток. Рядовые коммунисты, получив поддержку со стороны Балабекова, говорили о недостатках, о злоупотреблениях властью.

По предложению Балабекова Джубанов был исключен из партии, отстранен от занимаемой должности. Тайкенов и Бейгалин строго предупреждены.

После партсобрания Балабеков заперся в кабинете и до утра писал докладную записку секретарю райкома партии и статью в районную газету «Вперед». В них он подробно осветил положение дел в ауле, подверг резкой критике тех, кто мешает проводить в жизнь решения партии и правительства. Утром пакеты с материалами были переданы Бейгалину, который с нарочным должен был их отправить в Талды-Курган.

IV

Милиционер Сегизбаев на полном скаку остановил во дворе районного отдела ОГПУ коня, спешился. Конюх, принимая из его рук повод, заметил:

— Ты что, с ума сошел! Совсем загнал лошадь. Я вот доложу начальнику, пусть строго накажет за это.

— Ладно, старик. Потом поговорим,— бросил на ходу Сегизбаев. — Я сам к нему иду!

— Что так быстро вернулся? — спросил начальник районного отдела ОГПУ, едва Сегизбаев переступил порог кабинета.

— Балабеков пропал... Не уберег я его.

— Как пропал? Я же тебя специально послал его охранять.

— Так точно! — вытянулся Сегизбаев. — Позвольте доложить, как все произошло.

— Рассказывай!

— Вы знаете, что в Алгабасе состоялось партийное собрание. Решения, принятые на нем, стали известны всем колхозникам. Они одобрили разработанные коммунистами мероприятия. Я лично слышал такие отзывы. Колхозники потянулись в поле. Началась уборка зерновых. Так было на второй день и на третий.

Однажды утром, когда Балабеков сидел в правлении колхоза и ожидал очередную сводку о сдаче зерна государству, к нему подошел секретарь исполкома аулсовета Бейгалин. Я в это время сидел неподалеку и слышал, как он сказал:

— Есть сигнал, что бывшие баи во второй бригаде спрятали пшеницу в ямы и теперь отказываются выполнять план хлебосдачи. Если можно, пошлите туда Сегизбаева. Пусть разберется...

Балабеков похвалил Садвакаса за сообщение, спросил:

— Кто принес эту весть?

— Один колхозник. Имени просил не называть: боится!

— Ну и порядки! — вздохнул Балабеков и приказал мне немедленно ехать в бригаду.

— Если сообщение Бейгалина подтвердится,— заметил он,— прими все меры к розыску спрятанного хлеба.

Я тут же вышел, оседлал лошадь и поскакал в бригаду. Вскоре сюда же долетели слухи о том, что Балабеков уехал в урочище Актюбе-Булак и где-то в пути потерялся. Его искали, но не нашли.

— Что говорят об этом люди? — спросил начальник.

— Колхозники рассказывают, что на следующий день после моего отъезда секретарь комячейки Тайкенов пригласил Балабекова к себе на завтрак и якобы за чаем сказал: «Во второй половине дня Бейгалин будет проводить общее собрание колхозников в урочище Актюбе-Булак. Неплохо было бы выступить перед людьми, довести до них наши решения. Если не возражаете, мы с надежным проводником отправим вас туда. Завтра утром вернетесь».

Балабеков согласился и после завтрака отправился в бригаду. Его сопровождал колхозник Ахмет Суюнбаев. Утром Тайкенова разбудил посыльный, вручил ему записку от Бейгалина. Тот сообщал, что Балабеков на собрание не явился и неизвестно где находится. Вот эта записка.

Сегизбаев положил на стол листок и продолжил рассказ:

— Тайкенов тотчас оседлал коня, поскакал в исполком аулсовета, чтобы сообщить об исчезновении Балабекова. Через час к исполкому собрались конные и пешие. Тайкенов говорил: «Скачите, идите по всем тропинкам. Обшарьте кусты, овраги, заросли тала и камыша. Разбейтесь в доску, но без Балабекова не возвращайтесь. Я тоже еду на розыск. К вечеру вернусь в сельсовет. Надеюсь, и Балабеков к этому времени будет на месте».

Все разъехались по указанным маршрутам. Тайкенов уехал к Джубанову. Затем они вместе навестили Тохтабаева и Бейгалина.

Розыск никаких результатов не дал. Я собрал показания всех, кого Тайкенов посылал на поиски, беседовал с колхозником Суюнбаевым, который сопровождал Балабекова. Он сказал следующее: «В пути следования нас догнали два верховых казаха. Один оказался учителем, знакомым Балабекову. Вместе мы ехали километра два. От быстрой езды моя лошадь стала уставать. Заметив это, Балабеков велел мне вернуться обратно, а сам поехал со своими новыми спутниками дальше...»

Сегизбаев отпил из стакана глоток воды и продолжал свой рассказ.

— Колхозники Салыков и Садвакасов сообщили, что они якобы видели, как два неизвестных вели в поводу лошадь, на которой ранее ездил Балабеков.

На основании собранных материалов секретарь исполкома Бейгалин пришел к выводу, что Балабекова убили бандиты, и прекратил его розыск. Мне же сказал,

чтобы я немедленно ехал в райцентр и сообщил обо всем вам.

Если судить по словам Сегизбаева, версия об убийстве Балабекова казалась правдоподобной. Но у начальника после ухода милиционера появилось сомнение. Уж слишком все было гладко, по-театральному. Профессиональное чутье подсказывало, что эта версия кем-то сфабрикована. Следствие хотят направить по ложному следу.

И вот в Алгабас направляется оперативная группа во главе с сотрудником ОГПУ Кульбаевым, хорошо знавшим все урочища этого колхоза, его людей. Вместе с Кульбаевым выехал бывший комотрядник и разведчик Рустем Абикенов. Он должен побывать на всех отдаленных зимовках, в кистау, на пасеках, заимках и попытаться разыскать Балабекова. О своих наблюдениях сообщать Кульбаеву.

V

Приехав в одиннадцатый аул, Рустем Абикенов остановился у своей племянницы Айгуль.

— Весь аул,— рассказывала женщина,— переживает тревожные дни. Ходят слухи, Балабеков затерялся в урочище Чурук, которое наводнено бандитами.

Рустем знал, что в степи любой слух обрастает, как снежный ком, подробностями, иной раз совершенно неправдоподобными. Но в словах Айгуль могла быть и доля правды. «Надо побывать в урочище Чурук»,— решил он. Вслух же сказал:

— Не знаю, как и быть. Сразу возвращаться домой не хочется: не успел еще повидаться ни с кем из близких людей. Да и коню трудно без отдыха. Но и оставаться опасно. Могут нагрянуть милиционеры, проверить документы.

— Оставайся, Рустем,— попросила Айгуль. — Бояться не надо. Тебя знают наши колхозники и могут поручиться...

— Нет, так не годится! Мне, как бывшему бойцу комотряда, известно, что для задержания есть все основания. Кроме старой справки аулсовета при себе никаких других документов не имею. Самое разумное — поспешить с отъездом.

Погостив немного, выпив пиалу кумыса, Рустем распростился с Айгуль, ее мужем Абдуллой и сказал, что поедет домой. Сам же повернул к урочищу Чурук.

Часа через два Рустем заметил, что его лошадь сильно устала. Да и сам он начал сдавать. Следовало отдохнуть и

покормить коня. Но где? Здесь, в урочище Чурук, почти никто не живет.

Когда свечерело, Рустем подъехал к кистау и попросил разрешения переночевать. Хозяин, а его звали Казбек, пригласил гостя в землянку, спросил, кто он такой и куда путь держит.

— Возвращаюсь домой,— сказал Абикенов. — В ваш аул приезжал навестить родственников и купить у кого-нибудь пуда два пшеницы или проса. Но не нашел. Может, вы продадите или сменяете на вещи?

— У колхозников,— сказал Казбек,— нельзя купить ни зернышка. Наш аул с некоторых пор находится на особом положении.

— А что случилось?

— О-о-о! Большое следствие ведется. Говорят, бандиты убили в нашем урочище уполномоченного райкома партии Балабекова. Не слыхали?

Хозяйка кистау Гульсара резко оборвала мужа:

— Сколько надо просить, прекрати этот разговор. О гибели Балабекова тебе ведь ничего не известно, а болтаешь об этом каждый день.

— Так ведь слухи,— смутился Казбек.

Наступила неловкая пауза. Нервозность Гульсары заметил Рустем, и чтобы помирить жену с мужем, сказал:

— Не надо ссориться! Давайте поговорим лучше о чем-нибудь другом. Розыском убийц пусть занимаются чекисты. Это — их дело. Если можно, налей мне, хозяйка, чашечку чая.

Гульсара быстро собрала на стол. За чаем Казбек попросил Рустема рассказать о своих родственниках, которые живут в ауле.

— Во второй бригаде,— сказал Рустем,— есть колхозник Абдулла. Он женат на племяннице моей жены Айгуль, приходится мне зятем. Ну, чем не родня!

Гульсара преобразилась. Оказалось, Абдулла приходится ей каким-то дальним родственником.

— Айгуль мне часто рассказывала о вас, дорогой Рустем,— улыбнулась она. — Поговаривают, будто вы ворожей и фокусник?

— Ну что вы! — засмеялся Рустем. — Люди, как всегда, преувеличивают. Правда, в детстве я много вращался среди китайцев и они научили меня кое-чему. Но все это было давно. Сейчас я такими пустяками не занимаюсь!

— Не скромничайте, сват!— перебила Гульсара.—

Я вам не верю, и сколько бы вы не отказывались, все же придется показать свои фокусы, поворожить для меня. За труды угощу вас жирным бесбармаком.

По настоянию Гульсары Рустем показал несколько простых фокусов с чашкой, ножом и куском сахара. Но они вызвали удивление хозяев кистау. Особенно восторгалась Гульсара.

После чая разговор о гибели Балабекова возобновился. Но теперь его начала сама Гульсара. Она интересовалась, будет ли продолжен розыск?

— Надо полагать,— ответил Рустем,— что чекисты не успокоются до тех пор, пока не найдут преступников. Ну, а кто конкретно будет искать, сказать трудно. Нам, колхозникам, этого никто не скажет.

Гульсара принесла кумалаков и попросила Рустема поворожить. Абикенов разложил кумалаки на кошме, долго смотрел на них. Потом сказал:

— Дорогая сватья! Радоваться нечему. Кумалаки говорят: на вашем сердце лежит большая печаль. Она вас все время угнетает.

Гульсара молча выслушала Рустема, встала и пошла готовить бесбармак. Через две-три минуты, не проронив ни слова, вышел из землянки Казбек.

Оставшись наедине с гостем, Гульсара стала расспрашивать о том, как живет Айгуль с Абдуллой и, как бы между делом, спросила, будут ли в поиске преступников, убивших Балабекова, участвовать сыскные собаки.

«Откуда она все это знает?» — подумал Рустем. И сказал:

— Трудно угадать, что думают власти. Здесь и кумалаки не помогут. Но мне один знакомый милиционер говорил, что запросили хорошую ищейку из Алма-Аты. Уж она-то обязательно найдет преступников.

Гульсара перевела разговор на религиозную тему. Ее, в частности, интересовал вопрос: «Нужно ли соблюдать уразу и совершать намаз больному человеку?» Потом спросила:

— Какую силу имеет клятва, данная на Коране? Говорят, человек, нарушивший такую клятву, будет долго болеть и умрет в страшных муках. Правда это?

— Я в религиозных вопросах,— ответил Рустем,— разбираюсь плохо. Знакомый мулла как-то говорил: клятвы бывают разные. Если человек, например, клянется совершить благородный поступок, то такую клятву надо сдержать. Ну, а если он поклялся кого-нибудь обмануть, огра-

бить или убить? Да за такую клятву аллах накажет, и силы она никакой не имеет.

— Рустем! — зашептала Гульсара. — Мне Айгуль говорила, ты человек мудрый и добрый. Я тебе, как родственнику, хочу поведать одну большую тайну. Ты никому об этом не скажешь и нас с мужем не выдашь?

Абикенов с укором посмотрел на сватью. Гульсара смутилась. Но ненадолго.

— Рустем,— снова сказала она. — Хочу просить у вас совета. На днях в нашем кистау было совершено страшное преступление.

И она рассказала, как несколько вооруженных человек привели к ним в землянку связанного Балабекова, раздели его, затем на веревке спустили под обрыв и живого закопали в землю. Через два дня труп выкопали и сожгли на костре. Ее и мужа заставили дать религиозную клятву в том, что никогда и никому не расскажут об убийстве Балабекова.

Исповедь Гульсары была прервана появлением Казбека. Жена бросилась к нему, запричитала:

— Казбек! Убей меня, растерзай. Но не могла я молчать. Не могла. Я все рассказала Рустему...

— Что ты наделала? Теперь мы погибли! — вскрикнул Казбек и заплакал. Но когда немного успокоился, сказал Рустему:

— Вы знаете, какие это люди? Если узнают, что мы их выдали, сожгут живьем, вместе с кистау.

— Успокойся, Казбек,— заметил Абикенов. — Я дал обещание Гульсаре никому ничего не говорить. Обещаю это и тебе. Поступайте, как хотите. Но на вашем месте я не стал бы скрывать преступление. Ведь чекисты обязательно его раскроют и тогда убийцы могут оговорить вас. Придется держать ответ за соучастие. Вот и решайте сами, как вам быть...

Ночью Абикенов не спал, был настороже. «Кто знает,— думал он,— что на уме у Казбека. Он может убить меня. Как могли руководители аула пойти на такое страшное преступление. Не иначе — это хорошо замаскированные враги Советской власти, связанные с бандитами».

Как только занялась утренняя заря, Рустем собрался и уехал. Через два часа он уже сидел в землянке и рассказывал Кульбаеву о том, что поведала ему в кистау Гульсара.

Сведения, поступившие от Рустема, помогли расследова-

нию, которым занимался Кульбаев. Стали известны некоторые подробности преступления, фамилии тех, кто совершил убийства.

VI

Заговор против Балабекова созрел сразу же после партийного собрания. Джубанов не ожидал, что его исключат из рядов партии, отстранят от занимаемой должности. Домой он возвратился уже перед рассветом, расстроенный. На вопрос жены, что с ним случилось, со злостью ответил:

— Тебя это не касается. Не суй свой нос в мужские дела. Твое дело возиться у очага, ухаживать за детьми и доить коров. В общественных и партийных делах мы разберемся сами.

Помолчал малость, добавил:

— Мне что-то нездоровится. Постели постель, лягу.

— Я приготовила тебе плов из свежего мяса. Правда, ужин уже остыл... Садись, покушай.

— Жри сама, я сыт по горло! Стели без разговоров...

Джубанов долго не мог уснуть, строил всевозможные планы, как лучше выкрутиться из создавшегося положения. Но ничего путевого придумать не мог. Слишком далеко он зашел со своими друзьями. «Исключение из партии и отстранение от должности не огорчает,— размышлял он. — Не сегодня, завтра, через год нас обязательно разоблачили бы. Лучше всего было бы дождаться весны и удрать в Китай. Вместе с Тохтабаевым и Бейгалиным. Они тоже решили откочевать: вот и будут моими спутниками. А чем плохи бай Камаев и его сын Мажит? Они кого угодно обведут вокруг пальца. Заодно угоним колхозные табуны. Тохтабаев подготовил много ценных товаров. Заберем их с собой. Сейчас самая большая опасность для нас — Балабеков. Если он и дальше будет совать свой нос всюду, обязательно докопается до моих связей с Камаевым, с Джунуспеком и Суванкулом... Из создавшегося положения есть один выход — уничтожить его. Но кто решится на это? Подожду денька два, там видно будет...»

Утром к Джубанову пришли Тайкенов и Бейгалин, показали пакеты, которые Балабеков передал для отправки в Талды-Курган. Пакет, адресованный редакции газеты «Вперед», вскрыли и прочитали. Джубанов пришел в ужас. Он и не предполагал, что Балабеков так много знает об их проделках.

— Я думаю,— сказал Джубанов,— пакет в редакцию передавать не следует. Балабекова надо убрать немедленно, пока он не успел покончить с нами. Но кто это сделает?

— Надо посоветоваться с Кожабердой, он лучше всех разбирается в таких сложных вопросах,— посоветовал Тайкенов.

На следующий день они встретились с Кожабердой Тохтабаевым, который был встревожен не меньше их. Выслушав мнение Джубанова, сказал:

— Исключение вас из партии и снятие с работы не предвещают ничего хорошего. За вами из сельсовета уберут Бейгалина, а там и моя очередь. Всем нам грозит тюрьма, суровое наказание. Хорошо было бы скрыться куда-либо до весны, а там придет банда Кундакбая и можно легко удрать за кордон. Но как быть с документами? Обязательно поймают! А Балабекова следует убить. Он, кажется, идет по верному следу.

На том и разошлись. Убийство Балабекова поручили Тохтабаеву.

... Бейгалин вызвал к себе колхозника Орунбекова и, вручая пакет, сказал:

— Это письмо Балабеков велел отправить в Талды-Курганский райком партии. Решили послать тебя. Но ты с выездом не торопись: можешь обождать дня три-четыре. Учти, в письме на всех нас большая кляуза. Если бумагу получат раньше, чем мы подготовимся, будет беда. Нас, коммунистов, всех арестуют и сошлют в лагеря, а у вас, колхозников, заберут весь скот. До последнего барана!

— Как же я могу задерживаться с выездом? Балабеков может меня наказать,— усомнился Орунбеков.

— Не бойся! Мы тоже дремать не будем,— сказал Бейгалин. — Запомни мой наказ — пакет пока никому не показывай!

Орунбеков так и поступил. В Талды-Курган выехал через три дня, а домой возвратился, когда Балабекова уже не было в живых.

Второй пакет, адресованный в редакцию газеты, Бейгалин разорвал и сжег. Это видели колхозники Альджуманов, Бекчаинов и Омаркулов, пришедшие в исполком по делам.

Тем временем Кожаберда Тохтабаев создал террористическую группу из числа враждебно настроенных байских сынков. Первыми, кому он поведал свою тайну, были Сатыбалды Камаев и его сын Мажит. Затем в группу вошли Муса Хамзаев, Рахимберды Салыков, Ахмет Суюнбаев.

Когда все было готово, Тохтабаев сказал Джубанову:

— Группа создана. Ее участники готовы выполнить любое задание. Теперь дело за вами. Надо организовать выезд Балабекова в урочище Актюбе-Булак в сопровождении нашего человека. Джигиты в урочище Чурук поймают его и убьют.

По ложным сигналам милиционер Сегизбаев, сопровождающий Балабекова, уехал во вторую бригаду, а сам Балабеков отбыл в урочище Актюбе-Булак.

Все шло по плану. Балабекова сопровождал один из участников заговора. Мажит Қамаев, Салыхов и Хамзаев, выехавшие в урочище Чурук, напали на Балабекова, отобрали у него винтовку, скрутили руки, завязали глаза и привезли в землянку Қазбека Байдавлетова. Здесь их поджидали Тохтабаев, Сатыбалды Қамаев, Джубанов и Тайкенов.

Прежде чем приступить к казни, Тохтабаев заставил Суюнбаева дать религиозную клятву в том, что он сохранит все увиденное в тайне. После окончания обряда, он сказал Суюнбаеву:

— Поезжай домой. Но помни — о случившемся никому ни слова. Если разболтаешь, твою землянку вместе с тобой сожжем!

— Будут спрашивать, где Балабеков, что я скажу?— спросил Суюнбаев.

— Говори, что в пути вас догнали знакомые Балабекову учителя. Тебе же предложили вернуться.

После отъезда Суюнбаева, заговорщики раздели Балабекова и в одном нижнем белье увели к обрыву. Тохтабаев, Мажит Қамаев спрыгнули вниз, закричали Салыкову:

— Рахимберды, давай его сюда!

— А как?

— Накинь на шею аркан и спускай прямо в яму.

Салыков так и поступил. Тохтабаев и Қамаев закопали полузадохнувшегося Балабекова в яму. Затем все зашли в землянку, поели мяса, заставили Қазбека Байдавлетова, его жену Гульсару дать религиозную клятву и уехали. Винтовку Балабекова взял Тохтабаев.

На следующее утро заговорщики, а с ними Джунуспек и Суванкул собрались на зимовке бая Унербекова, зарезали лошадь Балабекова и устроили той. Подвыпивший Джунуспек хвалился, что весной 1932 года в Талды-Курган придет банда Кундакбая, и тогда они доведут начатое дело до конца, закопают в яму всех, кто признает Советы.

После обеда Тохтабаев предложил начать бату. С соблюдением всех правил, установленных религиозным обрядом, заговорщики дали торжественную клятву о неразглашении тайны, по очереди подошли к тазику, наполненному кровью зарезанной лошади, поочередно обмакнули в нее пальцы.

Через два дня Тохтабаев, Джубанов, отец и сын Камаевы, Бейгалин, Хамзаев и Салыков выкопали труп Балабекова, увезли его в горы и сожгли на костре. Пепел развеяли по ущелью.

Прошло некоторое время и все материалы, изобличающие убийц Балабекова, были собраны чекистами. Казалось, теперь можно провести операцию по аресту заговорщиков. Но районный отдел не спешил с этим. Нужно было напасть на след Суванкула и Джунуспека, проверить отдельные моменты из рассказа Гульсары, собрать сведения о местах, где можно найти вещественные доказательства. Над решением этих вопросов и продолжала работать оперативная группа Кульбаева. Были приняты меры к тому, чтобы ни один из подозреваемых в убийстве Балабекова не сбежал за границу.

Вскоре поступили сведения о том, что винтовку, отобранную у Балабекова, видели у тестя Тохтабаева, жителя Балхашского района Исабая. Милиционер Сегизбаев на железнодорожной станции Айна-Булак у почтальона Чагарова нашел нагайку Балабекова. Как показала проверка, Чагаров купил нагайку у жителя десятого аула Молдабаева, который получил ее в подарок от двоюродного брата Мухамета, а тот взял ее у Иргенбаева, родственника Тохтабаева. Охотничье ружье Сапаргали Алипова было обнаружено на старой зимовке Мажита Камаева. Веревка, которой террористы связывали Балабекова, отыскалась на кистау Казбека Байдавлетова. Одежду Балабекова припрятал на своей зимовке бай Унербеков. Здесь же, в заброшенной землянке, стоявшей в заросшей балке, скрывались бандиты Джунуспек и Суванкул. Их задержали поздно вечером, после сытного ужина у бая Унербекова.

* * *

... Джунуспек сидел в кабинете Кульбаева и, низко опустив голову, молчал. Но когда в дверь постучали и послышался знакомый голос, он встрепенулся. В кабинет вошел свидетель Сапаргали Алипов. Увидев его, Джунуспек в изумлении воскликнул: «Ой-бой!»

— Вы знаете этого человека? — спросил Кульбаев Алипова, когда тот занял место на стуле против Джунуспека.

— Да! Этот человек избил меня в горах прошлым летом. С ним еще был один. Они ограбили меня, под угрозой смерти забрали лошадь, одежду, охотничье ружье.

— Верно он говорит? — обратился Кульбаев к Джунуспеку.

— Да,— чуть слышно ответил тот.

В глазах Джунуспека уже не было той звериной злости, которая привела его на советскую землю. В них стоял страх. Следовало отвечать за свои дела и преступления. Отвечать сполна, по законам первого в мире социалистического государства.

В условиях продолжающейся подрывной деятельности империализма важную роль играют органы государственной безопасности... Партия последовательно воспитывает работников этих органов в духе ленинских принципов, неукоснительного соблюдения социалистической законности, в духе неустанной бдительности в борьбе за ограждение советского общества от действий враждебных элементов, от происков империалистических разведок.

Л. И. БРЕЖНЕВ

Н. МЕЛЬНИКОВ

КАШГАРСКИЙ ГОСТЬ

Идоята Розыбакиева Михаил Петрович Хлебников раньше не знал и потому немало удивился, когда тот холодным декабрьским утром 1925 года в парке Федерации обратился с вопросом:

— Товарищ, можно вас?

— Да.

— Я знаю, вы чекист,— сказал Розыбакиев. — Иду к вам, в ОГПУ. Надо посоветоваться по одному, как мне кажется, очень важному вопросу. Может быть, поможете мне, сведете с нужным сотрудником.

— Пожалуйста,— согласился Хлебников. — Идемте. Я вас выслушаю.

Когда они вошли в здание губотдела, что и теперь еще стоит на углу улиц Гоголя и Карла Маркса, уселись за стол, Розыбакиев, оказавшийся образованным, интересным собеседником, продолжил начатый в парке разговор:

— Осенью 1921 года в доме моего товарища Керимахуна Мусабаева я познакомился с человеком, приехавшим из Кашгарии. Он назвался шейхом. В разговоре с ним я узнал, что имамы и муллы вместе с гоминдановцами и англичанами угнетают кашгарцев, унижают их человеческое достоинство.

Позже, когда гость ушел, Керимахун рассказал, что шейх, высокообразованный священнослужитель, носит сан дамуллы. Среди проживающих на территории Казахстана

уйгуров-кашгарцев он слывет наиболее прогрессивным человеком.

Хотя Керимахун отзывался о шейхе хорошо, у меня о нем сложилось впечатление не как о прогрессивном, подоброму настроенном человеке, а как о религиозном фанатике. В беседе он часто ссылался на Коран, останавливался на истории Магомета...

После этого я с шейхом не встречался и не знаю, сколько времени он пробыл в Алма-Ате. Позднее слыхал, что шейх уезжал на два года в Андижан, затем снова вернулся в Алма-Ату, занялся торговлей и вскоре стал имамом местной уйгурской мечети.

Недавно я встретил его на городском мучном базаре. Он спросил, читал ли я в последнем номере газеты «Кзыл узбек» статью об антипартийной оппозиции? И когда я ответил, что не читал, шейх пригласил меня к себе домой, показал эту газету. Дождавшись, когда я закончил чтение статьи, он спросил, какого я мнения об оппозиции. И тут же высказал свою мысль.

— Это хорошо, что политика Советской власти осуждается самими же ответственными партийцами. Оппозиция права, так как указывает на неправильные действия партии и правительства.

Позднее я заметил, что шейх пользуется среди уйгуров — кашгарцев большим авторитетом и к нему часто приезжают люди, побывавшие за кордоном. Недавно, например, у него останавливался кульджинский торговец Султан Ахун, который из Алма-Аты часто ездит в Москву.

— Мне кажется,— сказал в заключение Розыбакиев,— тут что-то неладное. Вот и решил вас побеспокоить.

— Как его зовут? — спросил Хлебников.

— Я не знаю его имени. Говорят, у него две фамилии.

Розыбакиев вскоре ушел, а Михаил Петрович, озадаченный его рассказом, продолжал сидеть. Он думал над тем, где добыть хотя бы краткие биографические данные на этого шейха. Как докладывать об этом руководству, если даже неизвестна фамилия человека, подозреваемого в преступлении.

Наконец, Хлебников встал из-за стола. Высокий, стройный, он всей своей фигурой походил на хорошо тренированного спортсмена. Медленно прошелся по кабинету. Тихо скрипнули половицы. «А что,— решил Хлебников. — Пойдука я к Сашке, доложу ему обо всем, посоветуюсь». Взяв со стола протокол, тетрадный листок со своими заметками,

направился к начальнику отделения Романову, опытному оперативному работнику, общительному товарищу, умевшему ладить со всеми сотрудниками отдела.

Прочитав заявление Розыбакиева, Александр Иванович Романов некоторое время молчал, припоминая что-то, затем сказал:

— Так это же, наверное, тот шейх, которого губотдел еще до моего приезда из Петропавловска проверял как перебежчика. А ну-ка подай мне зеленую папку, она на верхней полке шкафа.

Быстро перебирая документы, Романов нашел протокол допроса шейха Хафизова, материалы проверки его личности.

— Ну вот, видишь,— улыбнулся Романов,— оказывается, память верно служит. Шейхом уже занимались. Давай посмотрим, что тут написано о нем.

Из документов явствовало, что шейх Хафизов родился в памятный год, когда народное восстание дунган, уйгуров, продолжавшееся более четырнадцати лет, было жестоко подавлено китайской императорской армией.

Касым, отец новорожденного, был жителем кишлака Буруктай, расположенного вблизи древнего Кашгара. Он славился по всей Кашгарии не только своим богатством, но больше, как содержатель и руководитель религиозной мусульманской школы. Когда разнеслась весть о рождении сына, к Касыму пришло много людей с поздравлениями и подарками. Отец с улыбкой смотрел на маленького большеголового ребенка и думал: «Ну, вот, у меня теперь есть сын, который будет продолжать начатое дело». И дал ребенку имя Асадулла.

Маленький Асадулла подружился со своим сверстником, сыном крупного торговца Юсупом, и был с ним неразлучен. Вдвоем бегали они на Кашгарку купаться, ловить рыбу, а потом вприпрыжку, наперегонки неслись обратно.

Шло время. К восемнадцати годам Асадулла окончил мусульманскую старометодную школу в Кашгаре, которая готовила служителей ислама. От своего учителя узнал, что на территории Синьцзяна образовался ряд ханств, во главе которых после длительной борьбы и при поддержке Англии встал выходец из Кокандского ханства эмир Якуб-бек. Английская разведка пыталась превратить Западный Китай в свою колонию, в плацдарм для активной агрессии в Казахстан и Среднюю Азию.

— Мусульмане,— говорил учитель,— много потеряли

из-за внутренних раздоров. Это привело к разгрому войск Якуб-бека и уничтожению его ханства.

В 1905 году Асадулла выехал в Андижан, где окончил трехлетнюю мусульманскую новометодную школу, в которой помимо учения ислама преподавались светские науки, коммерческое дело и т. д. Возвратился в Кашгар, а весной 1908 года выехал в старую Бухару, поступил в высшее духовное медресе.

Отец Асадуллы, он был ревностным служителем культа, слал в старую Бухару главному ахуну медресе свои письма. Он интересовался, как учится и живет его сын. Старый Касым был рад, что Асадулла во всем похож на него. Такой же крепыш, с непомерно крупной головой, широколицый, скуластый. И отец предавался радостным мечтам: может быть, аллах поможет его сыну стать ахуном в каком-нибудь медресе, и он будет пользоваться авторитетом у верующих. А это большая честь!

Касым был властолюбив и тщеславен. Ему мало было личной славы, богатств. Он хотел прибавить к своим заслугам и видное положение сына. «Пусть учится,— говорил Касым жене на ее просьбы вернуть сына домой. — Пройдет некоторое время и Асадулла станет муллой-ахуном. Что может быть лучше?»

Пятилетний курс обучения Асадулла закончил, получил высшую степень по духовному образованию — стал проповедником.

В конце 1916 года шейх Хафизов, покидая Бухару, заявил, что будет и впредь углублять свои знания законов ислама, проповедовать его учение среди всех слоев мусульманского населения.

По рекомендации из Бухары шейх выехал в Коканд, где без особого труда установил контакт с видными панисламистами. В их числе были почтенный Мустафа, видные исламисты и проповедники. В Коканде Асадулла выступил в одной из мечетей с проповедью о значении учения ислама.

Затем шейх кратчайшим путем через Ош и Гульчу выехал в Кашгар. В караван-сараях он требовал самых быстроходных лошадей и, не обращая внимания на летний зной, скакал, не зная устали. Асадулла торопился на день рождения своего отца.

Уже в Кашгаре, на одной из оживленных улиц, Асадулла заметил всадника, ехавшего навстречу. Всмотревшись в его лицо, он узнал своего друга детства Юсупа. Остановив

коней и не слезая с них, они по-дружески крепко обнялись и дальше поехали вместе.

У ворот родного дома суетились какие-то люди. Когда Асадулла подъехал ближе, толпа застыла в низком поклоне перед ним.

Вся семья во главе с Касымом вышла встретить дорогого гостя. После теплых приветствий шейх вошел в дом, где его ждали почтенные муллы, мирзы из мусульманских общин, а также аксакалы кишлака Буруктай. Все расселись вокруг богатого накрытого дастархана. Пиршество продолжалось до вечерней молитвы.

... Когда все документы, хранящиеся в зеленой папке, были изучены, Александр Иванович Романов сказал:

— Очевидно, все, что мы узнали из этих материалов, является лишь прелюдией, и довольно занимательной, к большому спектаклю. Сама пьеса где-то впереди. Ее содержание должно заинтересовать нас, чекистов. Ты как думаешь по этому поводу?

Хлебников ответил:

— Нужно переговорить с Мусабаевым Керимахуном, студентом. Это о нем упоминает Розыбакиев в своем заявлении.

— Нет, от разговора с Мусабаевым, пока не будет выяснено, кто он и как относится к шейху, следует воздержаться,— сказал Романов. — Сначала надо узнать, чем шейх занимался в Кашгарии после окончания учебы в Бухаре, разобраться в его связях здесь, в Алма-Ате, в других районах Казахстана и республик Средней Азии. Только после этого мы, вероятно, сможем найти ответ на вопрос: «Зачем кашгарский гость пожаловал к нам?»

— Всю работу,— продолжал развивать свою мысль Александр Иванович,— надо вести с учетом того, что Западный Китай был и остается одним из крупных центров, где империалисты, их ставленники организуют подрывную деятельность против молодого Советского государства. В Кашгаре у них одно время сидел английский консул Эссертон. Ему активно помогали бывшие царские консулы: Люба, резиденцией которого была Кульджа, Долбежев из Чугучака, белогвардейские эмигранты. С территории Синьцзяна осуществлялся контроль за работой антисоветских сил в Семиречье, Восточном Казахстане. Шейх Хафизов прибыл в Алма-Ату почти пять лет назад. Дальнейшая проверка, а ее я поручаю вам, Михаил Петрович, покажет, ехал

ли шейх прямо к нам или до этого успел побывать в других местах.

С того дня Михаил Петрович Хлебников каждый день занимался делом Асадуллы Хафизова. Что делал шейх у себя на родине после того, как закончил учебу в Бухаре, Хлебникову помогли установить чекисты Ферганы, Андижана, Коканда. По документам, полученным от них, явствовало, что Асадулла находился в поле зрения органов ОГПУ около двух лет. Возвратившись из Бухары домой, к отцу, он недолго предавался отдыху. С первых дней шейх стал создавать религиозные кружки, деятельность которых направлялась на распространение идей ислама. Исполняя обязанности учителя в религиозной школе, Хафизов по совету отца установил тесные контакты с зажиточными кашгарцами. Через них он подружился с почитаемыми муллами в Кашмире, завязал с ними переписку, поддерживал непосредственную связь.

Из писем, получаемых от кокандского друга Мустафы и от Садыкова из Андижана, Асадулла узнал о волнениях в Петербурге, неудачах русской армии на германском фронте, о возмущении народных масс. Мустафа и Садыков подчеркивали, что проповедники готовы до конца защищать власть имущих.

В конце марта в комнату Касыма вбежал джигит. Не успев как следует отдышаться, выпалил:

— В России революция! Я узнал об этом от земляка, приехавшего из Туркестана.

Маленькая фарфоровая пиала выпала из рук старого Касыма, глаза округлились. Он попытался встать, но грузно опустился на свой тюфячок. Почтенные муллы, сидевшие рядом с Касымом, онемели от страшного слова «революция». А когда немного пришли в себя, пробормотали молитву против злого нашествия. У многих мулл в русском Туркестане были свои связи, а у некоторых хранилось имущество.

Позднее в богатый дом Касыма и его сына все чаще стали собираться служители религиозного культа, купцы, богатеи. На этих сборищах присутствовал и Асадулла Хафизов. Ему говорили:

— Когда в жизни мусульман Туркестана происходят такие большие перемены, ты, сын наш, как духовник, можешь сыграть большую роль и в Коканде, и в старой Бухаре. Тебе надо покинуть Кашгар и выехать за границу.

Об этом же толковал Асадулле и старый Касым.

— Поездка в страну большевиков,— говорил он,— будет опасной, но целесообразной. Ты должен выполнить волю аллаха.

Перед тем как отправиться в дальний путь, Асадулла прочитал большую проповедь в главной мечети Кашгара, где присутствовали многие авторитетные служители ислама. Один из них, с хитрыми, бегающими глазками, смотрел на Асадуллу с каким-то удивлением, его тонкие пальцы то и дело перебирали реденькую бороду. Он завидовал предстоящей миссии Хафизова в Среднюю Азию.

За день до отъезда Асадулла решил навестить Юсупа. Узнав о связях шейха с панисламскими кружками, тот не на шутку встревожился, просил быть осторожным.

— С этими панисламскими идеями,— сказал Юсуп,— ты восстановишь против себя гоминдановскую администрацию. С ней шутки плохи.

На это Асадулла заметил:

— В Фергану я еду для того, чтобы повидаться со своими друзьями, узнать их настроение в связи с происшедшей в России революцией. Там меня гоминдановцы не достанут.

Разговаривая, друзья вышли в сад, присели возле журчащего арыка. Мать Юсупа подала им завтрак. На подносе лежали две лепешки, отварные куски баранины, сладкий кашгарский кишмиш, курага. Женщина пожелала молодым людям приятного аппетита, ушла к себе.

За трапезой Юсуп пытался отговорить шейха от поездки в Туркестан. В такое тревожное время не следует, мол, выезжать из Кашгара. Но его друг был настойчив. Он упрямо заявил:

— Мне необходимо там быть. И какие бы опасности не встретились на пути, я проберусь в Туркестан.

Они простились, и Асадулла на другой день выехал к границе. Вечером он был уже в небольшом кишлаке. Шейх не знал здешних мест, но смело направился к крайней избе. Здесь, по словам верных людей, жил проводник-кашгарец Турсунахун, который взялся провести Хафизова через границу.

Путь до места занял немного времени. Турсунахун, хоронясь за валунами, пояснил:

— Самый трудный участок, господин, остался позади. Здесь, вдоль границы, не всегда ходит охрана. До кишлака на той стороне рукой подать. Идите прямо к избе, крайней слева. Хозяина зовут Ораз. Скажите, что я привел вас к границе.

К указанной проводником избушке Асадулла приближался не спеша, осторожно ступая по едва заметной в потемках тропе. Послышался громкий лай. Собака кинулась на шейха, но после окрика хозяина отбежала в сторону.

Ораз был средних лет, отличался могучим телосложением. Он хорошо говорил на кашгарском наречии. После ужина Ораз и шейх нашли много общего во взглядах на жизнь, на разворачивающиеся события в советском Туркестане.

Утром Ораз дал Асадулле лошадь, объяснил, как лучше доехать до Коканда, назвал фамилии людей, у которых можно найти приют, покормить коня.

Не доезжая до Коканда нескольких километров, шейх свернул к ближайшему кишлаку. Здесь, в чайхане, он хорошо покушал, отдохнул, побеседовал с посетителями, пытаясь выяснить обстановку в городе. Оставив хозяину лошадь, пешком направился в Коканд.

Шейху везло. Не успел пройти с километр, как его догнал местный житель и пригласил к себе в повозку.

Шейх плохо знал Коканд, так как был в нем всего один раз, когда возвращался из Бухары. Поэтому решил знакомых из предосторожности пока не беспокоить.

Приближались сумерки. По узкому переулку Асадулла подошел к небольшому глинобитному домику. На стук в калитку вышла средних лет женщина в парандже. Шейх извинился за свой поздний визит, спросил, можно ли переночевать. Не ответив на вопрос, женщина окликнула мужа. На ее зов со двора пришел широкоплечий, плотный узбек в широких шароварах и большой белой рубахе.

— Переночевать просится,— сказала женщина, бросив на шейха испытывающий взгляд.

— Ну что же, места хватит, на дворе тепло. Давай заходи, гостем будешь,— согласился муж и приказал: — Жена, готовь ужин! Мы пока поговорим...

Асадулла по вполне понятным причинам не сказал хозяину, что приехал из далекого Кашгара. Следовало соблюдать осторожность.

Утром Асадулла с аппетитом съел большую порцию плова, запив ароматным чаем со сливками. Затем решил навестить своих знакомых, живших в старой мусульманской части города, которую в основном составляли глинобитные и саманные постройки. Здесь находилось свыше трехсот мечетей и караван-сараев. На узких и кривых улицах собирались группами мужчины, вели между собой оживленный

разговор. Изредка куда-то спешили верховые, оставляя за собой облака белесой пыли.

Асадулла подошел к дому своего друга Мустафы, но от слуги узнал, что тот рано утром уехал в ближайший кишлак и вернется только на другой день. Зайти еще к одному знакомому мулле шейх не решился. Он направился в квартал, где были расположены чайханы-ночлежки. Побродив часа два по пыльным улицам, Асадулла остановился у чайханы, что стояла в стороне от таких же невзрачных мазанок. Через запыленные окна в синей дымке кальяна он различил людей, сидевших на нарах, покрытых старыми паласами. Над дверью висел небольшой фонарь. Шейх толкнул дверь ногой, его сразу же обдало запахом только что испеченных лепешек. Асадулла осмотрелся, занял место поближе к выходу.

Недалеко от двери стоял пузатый тульский самовар. Рядом с ним на медных подносах покоились пиалы и чайники различных цветов и размеров.

Шейху подали чай. Вскоре сюда зашел оборванный дервиш и сел рядом с Асадуллой. Пришелец был любознателен. За чаепитием он надоедал вопросами, старался втянуть соседа в разговор. Шейх, заметив необычный к себе интерес, встал и вышел на улицу.

На следующий день Асадулла встретился с Мустафой, который рассказал ему о многом.

— С тех пор, как большевики пришли к власти, в городе стало неспокойно. Народ жалуется на нехватку хлеба, мяса, топлива. Люди из кишлаков стараются не выезжать на базар. Бумажные деньги потеряли всякую ценность. Назревают большие события.

Мустафа посоветовал шейху временно воздержаться от встреч, подождать, когда окончательно выяснится настроение и позиции высшей прослойки духовенства.

С согласия Мустафы Асадулла поселился у него в доме. Хозяин подробно информировал шейха о всех событиях, которые происходили в городе.

Как-то возвратясь домой, Мустафа посоветовал Асадулле сходить к дамулле Сабиту, дом которого стоял около ближайшей мечети.

На другой день рано утром шейх осторожно постучался в дверь. Навстречу вышел заспанный старик и, увидев Хафизова, догадался, что к хозяину пожаловал важный гость. Пригласил его войти, провел в комнату. Асадулла еще не успел сесть, как рядом с ним оказался Сабит. Он привет-

ствовал шейха низким поклоном и шепотом сообщил ему о прибытии в Коканд делегаций от крупных промышленников, торговцев, духовенства.

— По-видимому неспроста,— заключил Сабит. — Намечается что-то вроде съезда. Вы прибыли вовремя. Вас поддержат и выдвинут от Кашгарии представителем на этот съезд.

... В конце ноября 1917 года в Коканде состоялся съезд мусульман, о котором говорил дамулла Сабит. Крупные торговцы, буржуазно-националистическая интеллигенция, представители мусульманского духовенства провозгласили буржуазную автономию Туркестанского края, образовали контрреволюционное правительство, возглавившее так называемую «Кокандскую автономию». Членом этого правительства был избран и шейх Асадулла. В правительство вошли также главари клерикальных организаций «Улема», «Шурои Исламия», южного отделения партии «Алаш», Мустафа Чокаев, Тынышпаев и другие. Не надеясь на поддержку широких масс, кокандские «автономисты» заключили союз с русской белогвардейщиной, их подпольной «Туркестанской военной организацией», а также с атаманом Дутовым, хивинским ханом и бухарским эмиром, за спиной которых стояли английские, французские и американские империалисты. Они стремились к захвату Средней Азии, к превращению ее в свою колонию. Большие надежды возлагали они и на семиреченских казаков, возвращавшихся домой из Персии. Но в районе Самарканда казаки сложили оружие и сдались бойцам Красной гвардии. Подпольный контрреволюционный штаб в Ташкенте принял решение: от общего выступления отказаться, приурочив его к более благоприятному моменту. Тогда правительство «Кокандской автономии» решило действовать самостоятельно. Опираясь на банду Иргаша, насчитывающую несколько сотен всадников, оно подняло восстание, арестовало Кокандский Совет. Однако малочисленные красногвардейские отряды при активной поддержке трудящихся оказали мятежникам упорное сопротивление и с помощью подошедших из Самарканда отрядов Красной гвардии 19 февраля 1918 года разбили «Кокандскую автономию». Оставшиеся в живых члены самозванного правительства бежали за границу.

Поспешил скрыться и шейх. На лошади, которую ему привел курбаши из конюшни, принадлежавшей видному лидеру «Кокандской автономии» Мамедову, он, после двух-

часовой скачки, забрызганный грязью, влетел на двор караван-сарая, что во втором Беговате. Старик-хозяин, увидев продрогшего шейха, предложил ему горячего чая. Асадулла жадно, большими глотками отпивал из пиалы ароматный напиток и мысленно проклинал февральскую погоду, тяжелые события в Коканде, которые он перенес. Хозяин понимал, что перед ним сидит важная персона и догадывался, что этого человека к нему привело какое-то неотложное дело. Почувствовав на себе вопросительный взгляд, шейх первый нарушил молчание.

— Я,— сказал он,— член правительства Коканда, временно распущенного. Мы еще вернемся с большим войском под знаменами ислама. А сейчас, отец, замени мою уставшую лошадь на хорошего скакуна. Вот тебе деньги. Прикажи немедленно седлать.

— Слушаюсь!

Не прошло и часа, как шейху была подана отличная беговая лошадь. Асадулла вскочил в седло, поскакал по грязной, размытой первыми февральскими дождями, дороге в сторону Гульчи. Вскоре погруженный в темноту древний Коканд остался далеко позади.

Шейх скакал в Кашгар по знакомым ему дорогам, по тайным тропам, проложенным контрабандистами. Асадулла был удручен. Он не мог понять, почему так мгновенно рассыпалась «Кокандская автономия», на которую возлагал большие надежды.

Прибыв к Оразу, шейх рассказал о постигшей неудаче в Коканде и попросил вечером переправить его через границу. Ораз, ссылаясь на трудности, ответил, что не сможет сразу выполнить просьбу.

— Конные отряды,— сказал он,— разъезжают вдоль границы, ловят беглецов.

Через сутки хитрый Ораз, хорошо знающий приграничную зону, провел шейха в сторону Южного Синьцзяна. Только здесь, вдали от Коканда, занятого большевиками, Асадулла несколько успокоился.

Через два дня пути перед шейхом открылись окрестности Кашгара. Скоро он будет в родном кишлаке Буруктай. Асадулла взглянул на весенний караван облаков, медленно плывущих по небу, стал поторапливать лошадь. А вот и кишлак. Легкий ветерок доносил из чайханы шашлычный запах. Около домика, греясь на солнце, расположились старики. Они сидели на корточках, вели неторопливую беседу.

Асадулла, боясь расспросов, стороной объехал чайхану и направился к своему дому. Старый Касым при появлении сына не на шутку растерялся, но, поборов минутное замешательство, спросил:

— Почему так скоро вернулся? Что случилось в Коканде? Садись, рассказывай.

Шейх не замедлил выполнить просьбу отца. Он рассказал ему о полном крахе «Кокандской автономии», о том, как проходил съезд контрреволюционных сил Туркестана. Асадулла отметил, что трудящиеся массы города, особенно бедняки, отнеслись к «Кокандской автономии» враждебно, были на стороне Советской власти.

Шейх волновался. Заметив это, отец сказал:

— Сын мой! Все, что ты рассказал, поистине страшно. Но об этом не надо всем знать. Мы должны воздать благодарение аллаху за то, что он спас тебя от смерти и ты стоишь сейчас передо мной. А сил у нас хватит!

— О, если бы слова твои, отец, дошли до аллаха!— воскликнул шейх, вскакивая с места.— Я готов к борьбе за наше дело.

Старый Касым, обняв сына, сказал:

— Значит, я не ошибся в тебе. А теперь иди, отдыхай. Впереди много работы.

Несколько дней подряд Асадулла не выходил из дома. Через близких людей собирал сведения о настроениях мусульман в связи с просочившимися слухами о разгроме «Кокандской автономии». После этого сперва в окрестных кишлаках, а затем и в Кашгаре стал выступать с речами, выдавая себя за «кокандского мученика». Шейх открыто заявлял, что, опасаясь репрессий со стороны большевиков, был вынужден оставить Коканд и выехать в Кашгар.

Через некоторое время Асадулла поступил учителем в Кашгарскую религиозную школу, стал слушателем в медресе дамуллы Абдукадыра, окончившего высшее духовное медресе в Египте. В 1920 году шейх по рекомендации Абдукадыра вступил в организацию панисламистского и пантюркского толка.

Хитрый и дальновидный Касым, связанный множеством нитей со всеми прослойками мусульман в Синьцзяне и далеко за его пределами, узнал, что китайское правительство считает деятельность пантюркистских и панисламистских организаций противозаконной и намеревается репрессировать всех, кто сеет смуту среди дунган, уйгуров, казахов, киргизов и узбеков.

Опасаясь ареста, шейх поспешил заручиться рекомендательными письмами знатных людей и в июне 1920 года выехал в Кульджу, где устроился учителем в духовно мусульманскую школу. Он быстро нашел знакомых среди духовенства, русских белоэмигрантов, в официальных кругах китайской администрации познакомился с офицерами-анненковцами, дутовцами. Это было как раз то общество, которое искал Асадулла и которое устраивало его во всех отношениях.

Однажды шейх был приглашен на весьма важное и секретное совещание у кульджинского генерал-губернатора Дао Иня, где присутствовали высшие гоминдановские чиновники, китайские купцы, русское белогвардейское командование и английские представители. Обсуждались вопросы об организации на территории Западного Китая больших белогвардейских отрядов, их вооружение и снабжение, разрабатывался план нападения на советское Семиречье.

Асадулла Хафизов был осторожен. Мусульмане в Кульдже еще не знали, что под личиной смиренного служителя ислама скрывается авантюрист, готовый во имя восстановления в Туркестане прежних порядков поддерживать любые антисоветские акции. Именно на этом совещании у шейха возникла мысль: взять на себя обязанность организатора всей работы, направленной против Советской власти в Туркестане и Семиречье. Губернатор знал о той роли, которую играл шейх, будучи в составе правительства «Кокандской автономии», и в своих высказываниях по обсуждаемым вопросам не раз ссылался на Хафизова, как человека, хорошо знавшего сложившуюся в Семиречье и Туркестане обстановку.

В конце совещания было принято решение: шейх поедет в советский Туркестан и будет там жить до особого распоряжения. По легенде, Асадулла должен появиться на земле большевиков как поборник революционных идей.

— Сложная задача,— говорил шейх.— Ведь я повсюду известен как панисламист.

— Для пользы нашего дела нужно перестроиться,— ответил Ю-чен.— Для начала станете членом подпольной революционной организации, которая действует в Кульдже среди уйгуров.

В июне 1921 года шейх Хафизов нелегально перешел советско-китайскую государственную границу и остановился в Алма-Ате. Здесь он объявил себя поборником революционных идей среди уйгурского населения, распустил слух,

что вместе с Абдуллой Розыбакиевым, другими делегатами выезжает на III конгресс Коминтерна. Сам же уехал в Узген, а через некоторое время появился в Андижане. Здесь шейх нашел своего друга Али Хаджу и с его помощью проник в революционно настроенные круги уйгуров. Асадулла посещал собрания и митинги, встречался с нужными людьми. Вскоре он завоевал среди уйгуров авторитет, прослыл и революционером.

Используя оказанное доверие, шейх пробрался на пост председателя правления союза «Кошчи», организованного в Андижане.

Во время государственного резмежевания и образования среднеазиатских советских республик Хафизов вместе с буржуазными националистами Касымом Алиевым, Карим Ахун Хабибуллой Ходжаевым, Али Ходжой, Нурасом Ходжаевым и другими вел антисоветскую националистическую агитацию за выделение уйгуров в автономную область. Боясь ответственности за эти действия, срочно выехал из Андижана и в декабре 1924 года вновь прибыл в Алма-Ату.

... Наблюдая за поведением Хафизова, Михаил Петрович Хлебников установил, что среди знакомых шейха есть и члены партии. Доложив об этом руководству, Хлебников решил переговорить с Бахтиевым Абдурахманом, кустарем-шапочником, и, выбрав время, направился к нему в дом, рассчитывая поначалу заказать новую шапку, а затем, если позволят обстоятельства, расспросить у него и о шейхе.

Бахтиев радушно встретил Михаила Петровича, провел его в комнату, в которой жил и работал. Закрыв за собой дверь, хозяин любезно спросил, что хочет заказать гость.

— Вы верующий?— спросил Хлебников, когда разговор о новой шапке подошел к концу.

— Нет,— ответил Бахтиев.— А что?

— Недавно я был на мучном базаре и около мечети, что напротив мясных рядов, видел вас в обществе шейха, имама уйгурской мечети.

— Да, я знаком с шейхом,— ответил кустарь-шапочник.— Кто из местных уйгуров не знает его. Он, как смола, липнет ко всем. Приехал сюда, кажется, в 1921 году, и первое время говорил, что там, в Кашгаре и Кульдже, якобы участвовал в революционных организациях. На этой почве, собственно, и началось наше общение с ним. Я говорю наше, потому что с ним поддерживают товарищеские отношения многие местные жители. Я знал, что он уезжал в Андижан,

но потом вновь вернулся в Алма-Ату и вот уже года два проживает здесь. Большинство моих знакомых считают шейха панисламистом, говорят, он не может принести пользы для революционно настроенных уйгуров. Он связался с проживающими в городе торговцами-кашгарцами и с их помощью занял пост имама уйгурской мечети. Как-то в беседе шейх пытался склонить меня к выходу из рядов партии.

— Каким образом?— насторожился Хлебников.

— Узнав о материальных затруднениях в семье, сказал, что я, хожу безработным, а большевики не помогают мне ни в чем. «Брось это,— говорил шейх.— Займись своей профессией — шей шапки».

Шейх установил знакомство с членом партии Давлетовым. Тот был даже гостем Асадуллы, а когда заболел, то шейх приводил к нему трех мулл, которые читали над лежавшим без сознания Давлетовым страницы Корана.

— Мне также известно,— говорил Бахтиев,— что шейх занимается выдачей справок уйгурам, дунганам и даже китайцам, приезжающим из Синьцзяна в основном нелегально, а также проживающим здесь бывшим подданным Китая, удостоверяя их личность, китайское подданство. Гоминдановский консул на основании этих справок выдает китайские паспорта.

— Есть ли у шейха на это какие-то полномочия?

— От Советской власти у него полномочий нет. А вот с консулом шейх, очевидно, установил тесный контакт. Он, как я думаю, имеет связи как с самим консулом, так и со многими служащими консульства. Как-то ездил даже на пикник, который консул устраивал у себя на даче.

Бахтиев умолк. Видно, о чем-то напряженно думает. Хлебников тоже молчал, ожидая, что еще скажет собеседник. Бахтиев продолжил свой рассказ:

— Мне кажется странным вот еще что. Из образованного в городе союза «Кошчи» уходят люди. В основном это уйгуры, считающие себя китайскими подданными. А недавно я узнал, что выдавая справки на получение китайских паспортов, шейх берет с людей деньги и расписки в том, что они не будут больше состоять в союзе «Кошчи». Дом шейха стал пристанищем для торговцев, приезжающих из Кашгара, Кульджи, других городов.

Хлебников знал, что Давлетов является одним из наиболее близких знакомых шейха и беседа с ним могла дать новые подробности о кашгарском госте. Это же мнение сложилось и у Романова, когда Михаил Петрович доложил

ему о своем визите к Бахтиеву. Подумав немного, Романов предложил:

— Очевидно, наши дальнейшие усилия следует направить на выявление характера взаимоотношений шейха с гоминдановским консулом. Надо также продолжить изучение всех лиц, приезжающих к шейху из-за границы. В этой связи беседа с Давлетовым может оказаться полезной, во что я мало верю, откровенно говоря. Но ее мы отложим на более поздний срок. В удобное для нас время следует пригласить Давлетова в губотдел.

В коридоре, куда вышел Хлебников, его ожидал переводчик Валиев, недавно принятый на работу в органы. Он попросил разрешения войти в кабинет на несколько минут.

— Заходите,— сказал Михаил Петрович, пропуская переводчика вперед.

— Когда я зашел в чайхану Сыддыка, что стоит на восточной стороне улицы Фонтанной, напротив мучного базара,— начал свой рассказ Валиев,— то увидел в дальнем углу комнаты своего знакомого сапожника Имин Ахун Турды Ахунова, одиноко сидевшего за дастарханом. Мы знаем друг друга с детства и в юные годы все свободное время часто проводили вместе. Но сейчас редко встречаемся, и нам было о чем поговорить. Разгоряченный крепким чаем, Ахунов продолжал болтать без умолку и рассказал, как мне кажется, много интересного об имаме уйгурской мечети шейхе Хафизове Асадулле Касымове. Вам бы, Михаил Петрович, потолковать с Ахуновым, который возмущался тем, что шейх плохо отзывается о Советской власти. Меня Ахунов просил помочь встретиться с кем-нибудь из чекистов.

— Ну что же,— ответил Хлебников, раскрывая блокнот, в котором записывал все, что считал важным.— Приглашай своего друга на послезавтра к десяти часам утра.

Сапожник Ахунов пришел к Хлебникову в своей рабочей одежде. Длинный кожаный фартук, туго стянутый поясом в талии, прикрывал рубаху, сшитую из зеленой китайской добы. На Ахунове были черные поношенные штаны, на ногах — азиатские калоши. Голову, ближе к затылку, прикрывала старая, выцветшая на солнце тюбетейка. Заметив нескрываемое удивление на лице Хлебникова, Ахунов сказал:

— Так лучше. Никто не обратил внимания, куда я пошел. А если бы переоделся, заметили бы все соседи. Потом не отобьешься от расспросов.

— О ком вы хотели рассказать чекистам?— спросил Хлебников, когда Ахунов уселся на предложенный ему стул.

— О шейхе.

— Давно его знаете?

— С тех пор, как он прибыл в Алма-Ату. До отъезда в Андижан он был одним, а когда спустя два года вернулся, показал себя совсем другим человеком.

— Как это надо понимать?

— А так. До отъезда в Андижан его поддерживали уйгуры, особенно выходцы из Кашгарии. Они так поступали потому, что, по словам шейха, он в Синьцзяне состоял в нелегальной революционной организации. Теперь же шейх стал ярым противником Советской власти. Он всюду распространяет провокационные и клеветнические слухи.

— Что это за слухи?— спросил Хлебников.

— Его антисоветские высказывания. Свидетелем многих из них я был сам. Однажды в присутствии Сабита Кадырова шейх говорил о какой-то особой политике Советского правительства на Востоке, называя ее «колонизаторской политикой». Он заявил, что Москва при помощи денег решила устроить свои революции в странах Востока. Шейх постоянно твердит о скором падении Советской власти и утверждает, что на Востоке партия только тогда будет иметь авторитет, когда положит в основу своей деятельности идеи ислама...

— Это же политическая безграмотность,— заметил Хлебников.

Ахунов пожал плечами и, ничего не сказав на замечание Хлебникова, продолжил рассказ:

— Шейх в разговорах со служащими гоминдановского консульства Сабитом Кадыровым, Хафизом Иминовым, Касымом Хатамовым и другими неоднократно подчеркивал, что имеет связь с уйгурами-кашгарцами, проживающими в Баку. Там якобы среди населения распространяется литература с идеями панисламизма и пантюркизма.

За последние два года шейх заметно разбогател, ибо помимо руководства мечетью еще и торгует. Он имеет приказчиков, таких, как Ибрагим Ахун, которые на его деньги занимаются торговлей в Сарканде и Талды-Кургане.

Узнав от Ахунова, что Асадулла Хафизов готовится к сдаче имамства в мечети и на эту должность уже имеется кандидат, Хлебников подумал: «Как бы шейх не ушел из поля нашего зрения».

Отпустив сапожника, Михаил Петрович взял папку с материалами на шейха, раскрыл блокнот с записями. Несколько часов кряду он изучал имеющиеся документы, делал выписки, сопоставлял факты.

В тот же день Хлебников передал все материалы Романову и внес предложение о пресечении контрреволюционной подрывной деятельности шейха Хафизова.

Когда Михаил Петрович закончил доклад, Романов взял лист бумаги, переданный ему Хлебниковым, прочитал написанное и долго сидел задумавшись. Потом, как бы про себя, сказал:

— Вот это букет мы раскопали. С твоим предложением, Михаил Петрович, согласен. Но прежде чем пойти с докладами к начальнику губотдела и прокурору, надо провести еще некоторые мероприятия по сбору дополнительной документации о преступной деятельности шейха. Запишите, Михаил Петрович, что нужно сделать...

По свидетельству членов правления союза «Кошчи», других граждан общее число людей, получивших справки от шейха на получение китайских паспортов и вышедших из союза, перевалило за пятьдесят.

Свидетели Карим Мусабаев, Исраил Исламов, Абдулла Давлетов и другие рассказали о фактах враждебной агитации, которую проводил шейх среди уйгурского населения Алма-Аты, районов Джетысуйской губернии, прихожан уйгурской мечети.

Арест шейха Хафизова Асадуллы Касымова был назначен на 12 июня 1927 года. Оперативную группу возглавил Михаил Петрович Хлебников. Перед началом операции он зашел к начальнику губотдела Флоринскому. Тот предупредил:

— Смотрите за шейхом внимательно. Он может пойти на самые крайние меры, чтобы избежать ответственности. Надо исключить все попытки с его стороны к уничтожению улик преступной деятельности. Желаю удачи...

Было около 12 часов ночи, когда оперативная группа Хлебникова прибыла к уйгурской мечети. Шейх жил рядом, в отдельном доме, имевшем подвальное помещение. Наверху, в двух комнатах, которые разделяла просторная прихожая, размещался Хафизов, подвал занимал его слуга, уйгур-кашгарец Хашимов.

Дверь Михаилу Петровичу открыл временный постоялец шейха кашгарец Исмашахун Сейтходжаев, не имевший

при себе документов, удостоверяющих личность. На шум вышел сам Хафизов. Предъявив ордер на арест, Хлебников вначале обыскал шейха. В карманах его одежды нашел семь затасканных, потертых на изгибах листов исписанной бумаги. На вопрос: «Кому принадлежат эти бумаги и записи в них?»— Хафизов ответил: «Мне». По просьбе Хлебникова шейх подтвердил изъятие у него бумаг личной распиской. Посадив шейха на пол, застланный кошмой (в доме не было ни одного стула), и оставив его под охраной красноармейца, Хлебников продолжил обыск.

Составив на вещи отдельный акт, заверенный подписями шейха и понятых, Хлебников приобщил его к протоколу обыска, как весьма важный для следствия документ.

Среди многочисленных писем, адресованных шейху и в беспорядке лежавших на широком подоконнике, Хлебников нашел газету «Кзыл Узбек». На ее первой странице под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» рукою шейха была сделана надпись, содержавшая злобную клевету на советских людей.

Когда взошло солнце и правоверные потянулись к мечети на утреннюю молитву, шейх Хафизов, конвоируемый красноармейцами, шагал по пыльной Торговой улице к зданию губернского отдела ОГПУ...

Документы, изъятые при личном обыске у шейха, Валиев по просьбе Хлебникова дословно перевел на русский язык. Из семи листов четыре содержали расписки кашгарцев на получение китайских паспортов.

На трех листах были записи шпионского характера. Часть их излагалась в форме вопросов и ответов. Все вопросы, а их было десять, и ответы на них подробно освещали эмиграцию населения из Западного Китая в Семиречье, республики Средней Азии, а также выезд отдельных лиц в Синьцзян.

Изучив все материалы, выслушав доклад о ходе и результатах операции по аресту шейха, Флоринский предложил Романову и Хлебникову написать обстоятельную докладную записку в губком партии. Затем они обсудили план допроса шейха Хафизова Асадуллы Касымова, ярого врага Советской власти.

... Ранним августовским утром 1927 года рабочий бойни Сидельников, проходивший мимо забора Алма-Атинского исправительно-трудового дома, заметил в траве туго скатанный сверток бумаги. Он поднял его, развернул. На листке виднелись какие-то непонятные ему, Сидельникову,

знаки. «Наверное, кто-то из заключенных перебросил через ограду»,— мелькнула мысль. Сидельников постоял в нерешительности несколько минут и пошел к железным воротам. Увидев часового, подал ему листок, сказал:

— Передайте, пожалуйста, начальнику. Вон там, у забора, поднял.

— Где?

— Да вон там, у тополя.

— Сейчас вызову.

На сигнал часового вышел дежурный и, выяснив личность передавшего записку, разрешил идти.

Автора записки установили в этот же день. Им оказался следственно-заключенный шейх Хафизов Асадулла Касымов. Во время вечерней прогулки он, выбрав момент, перебросил бумагу через забор.

Вызванный в исправительно-трудовой дом Романов, который вел следствие по делу шейха, пригласил с собой Хлебникова. Прочитав переведенную на русский язык записку, Александр Иванович резко бросил ее на стол дежурного:

— И тут провокатор и клеветник остался верен себе.

Михаил Петрович взял записку. Шейх сообщал: «Меня за связь с гоминдановским консулом приговорили к смертной казни. Поскольку я приговорен и чтобы не погибнуть от рук неверных, то я... кончаю самоубийством. С белым светом расстаюсь через три дня...».

Далее следовали завещание и наставление о том, как должны будут поступить с его телом, с должниками и долгами.

— Надо же такое придумать,— заметил Хлебников после того, как прочитал «послание» шейха.— Дело еще у прокурора и когда оно будет направлено в суд, неизвестно. А шейх уже слюни распустил. Пакостливый, как кошка, трусливый, как заяц.

— Верно сказал, Михаил Петрович,— улыбнулся Романов.

И, обращаясь к дежурному и начальнику исправительно-трудового дома, добавил:

— Надо принять все меры, чтобы не допустить самоубийства. Этот шейх боится возмездия. Он нам нужен живой.

А. МИНАИЧЕВ

ОДИН В ДВУХ ЛИЦАХ

Васильев уже собирался домой, когда позвонил заместитель министра Сакенов.

— Зайдите, Петр Викторович,— сказал полковник.— Есть дело.

Невысокого роста, подтянутый и обычно спокойный, Байзулда Сакенов на этот раз был чем-то встревожен. Он сидел за большим письменным столом и его слегка прищуренные, отливающие желтизной, темные глаза выражали озабоченность.

Подполковник Васильев поздоровался, сел на стул. Сакенов сказал:

— Вчера в полночь службой ВНОС* было зафиксировано нарушение воздушного пространства Молдавии. Пройдя по курсу на Тирасполь, самолет возвратился обратно и западнее города Измаила ушел в сторону Румынии. Вскоре на железнодорожной станции Бендеры был задержан, а после выяснения личности арестован Умяр Деникаевич Юсипов. Он оказал сопротивление и пытался покончить жизнь самоубийством.

Юсипов, он же Измаил Ахметович Османов, оказался агентом иностранной разведки. Самолет, с которого был выброшен на парашюте Юсипов-Османов, стартовал из Афин. Вместе с агентом летел еще один человек. Его обнаружить пока не удалось. Он объявлен во всесоюзный розыск. Возьмите криптограмму, наметьте необходимые мероприятия на территории Казахстана.

Сакенов встал, подошел к карте, стал разглядывать надписи в районе, где предполагалась выброска второго агента-парашютиста.

— Сдается, что это заранее спланированная антисоветская акция из уже известной нам кампании, направленной на то, чтобы выведать государственные секреты в области промышленности.

Со слов Юсипова-Османова стало известно, что второй агент, после приземления, должен выехать в Казахстан. По данным органов госбезопасности Молдавии, собранным через поисковые группы, им, возможно, является некий Сер-

* ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение, связь.

гей Федоров. Ему около 25 лет. По паспорту проживает в Москве. При проверке документов работниками милиции С. Федоров кроме паспорта и военного билета предъявил справку о том, что работает на табачной фабрике «Ява», сейчас находится в отпуске.

... Было около полудня, когда уже немолодой мужчина в сером костюме несмело переступил порог кабинета майора Кудрявцева.

— Я Горохов,— представился он.— Утром звонил, просил принять по неотложному делу. Но в конце месяца, как обычно, на заводе аврал. Вот начальник цеха и задержал малость. Извините...

— Конечно, план надо выполнять,— улыбнулся Кудрявцев, вставая из-за стола.— Проходите, Савелий Иванович, садитесь. Мне уже говорили о вас.

Кудрявцев позвал еще кого-то. Вошел капитан Иванов с красными от бессонницы глазами.

— Я вам нужен, Александр Никитич?

— Да, очень! Давайте, Василий Романович, послушаем, что скажет Савелий Иванович Горохов, который еще ночью приходил к сержанту милиции Каргину. Записывайте все, что считаете полезным. Итак, слушаем вас, Савелий Иванович.

— Вечером в воскресенье,— сказал Горохов,— я был на футбольном матче и домой вернулся уже в сумерках. Жена предупредила: «Тебя ожидает фронтовой друг Сережа». Признаться, я никого не ожидал в столь поздний час. Прошел в комнату. За столом сидел мужчина и читал свежую газету. Я не сразу сообразил, кто этот человек. А он, улыбаясь, подает мне руку, здоровается. «Своих,— говорит,— не узнаешь, Савелий. Нехорошо!» Ба! Кузьма Сараев. Да ты ли это?— невольно вырвалось у меня.— Какими судьбами? Домой едешь или как? «Тише, Савелий,— предупредил Кузьма, поглядывая на дверь.— Отныне называй меня Сергеем. Так надо. Да я к тебе ненадолго. Сегодня же уеду». Лицо гостя как-то сразу изменилось, помрачнело. Его предупреждение насчет имени меня насторожило, но я не подал вида. Какой-то внутренний голос подсказывал: неспроста ты, брат, стал Сергеем. Я подумал, что гость сам скажет об этом. Кузьма вскоре прервал мои размышления. Спросил: «Как у тебя сложились дела после возвращения в Союз в 1946 году? Отсидел положенное или же сумел выпутаться?» Я ответил: Дело мое оказалось не столь сложным. Разобрались что к чему и через три месяца отпустили

с миром. С тех пор живу вот в этом городе. Женился. Имею сына, Витей звать. Два года назад получил диплом об окончании техникума. На судьбу жаловаться не могу. Работаю на заводе сменным мастером. Отношение со стороны начальства и товарищей хорошее.

Сараев поднял на меня удивленно глаза, со вздохом заметил:

— Тебе повезло.

— А у тебя что, неприятность какая?

Кузьма снова вздохнул.— Да понимаешь, в историю одну попал. Связано с женщиной. Ты ни о чем не говори жене, другим тоже. Мы с тобой фронтовые друзья и наши личные секреты знать никто не должен.

— Ты о чем, Кузьма, речь-то ведешь?

— Сергей я,— прошипел сквозь зубы Сараев.— Запомни! Если узнают, нас с тобой отведут куда следует.

Наступила неловкая пауза. Мы оба молчали. Сараев наконец сказал:

— Не обижайся. Мое предупреждение не лишнее. Ведь мы с тобой бывшие репатрианты, побывали в лагере перемещенных лиц. А то, что я Сергей, не удивляйся.По глупости своей пооткровенничал с одной девчонкой, но не женился. Так она наплела на меня; чего и во сне не приснится. Пришлось сматывать удочки, менять паспорт...

Открылась дверь, в комнату вошла Надежда, моя жена. Сказала, что ужин готов, но надо сбегать в дежурный магазин.

— Не ходите,— вмешался Кузьма.— Я знал, что будут излишние хлопоты и заранее прихватил с собой русскую да пару бутылок пива.

Подав на стол, Надежда извинилась перед гостем, ушла укладывать сына. Мы остались вдвоем. За ужином Сергей, я буду называть его этим именем, рассказал:

— Выбрался из Германии только осенью сорок девятого. Надоело скитаться на чужбине. Подался к своим. Сколько пришлось перенести лишений и мытарств, пока не приобрел документы. Об этом долго рассказывать, да и ворошить прошлое не стоит. Сделал это с одной целью: хотел спокойно жить и работать. Так я стал Сергеем. Но Светлана, о которой говорил вначале, спутала все карты. Как-то проговорился, что знаю немецкий язык. Девка за эти слова зацепилась, стала выпытывать: откуда, мол, знаю. Ну и началась между нами перепалка. Потом письмо от друга нашла: его забыл уничтожить во-время. Узнала, что не Сергей я, пригрозила

милицией. Не раздумывая, снялся с якоря, чтобы быть подальше от греха. У меня есть друзья. Отсижусь у них, пока не успокоится эта взбаломошная бабенка...

Сергей задумался, собираясь с мыслями. Из рассказа я понял, что он умалчивает о главном. Но я не мог об этом сказать Сараеву прямо. Очевидно, уловив мои мысли, Сергей спросил:

— Ты что молчишь, Савелий? Или в чем сомневаешься?

— Замечтался просто. На ум пришли события тех лет: плен, немецкие лагеря, издевательства.

Сергей оживился.

— Да, не сладко мы с тобой жили. Хлебнули горя, что и говорить. Об одном хочу предупредить: весь разговор должен остаться между нами. Ты слышал тогда, что говорили о выступлении Черчилля в Фултоне? Теперь бывшие союзники по коалиции перешли на другой курс и в скором времени надо ожидать больших перемен. Не исключены и военные действия. Нам об этом забывать нельзя.

Вероятно, Сараев проверял меня. И я ответил:

— Не искушен я, Сергей, в тонкостях международной политики и поэтому не могу обсуждать такие вопросы. Но, думаю, сейчас войны быть не должно.

— Сараев сказал, где он жил до ссоры со Светланой?— спросил Кудрявцев, внимательно слушавший Горохова.

— Кажется, на Украине. У моря,— ответил Савелий Иванович.— Да, да вспомнил! В Николаеве жил. Работал на судостроительном заводе «Океан», большие деньги получал. Еще он выпытывал, какую продукцию выпускает завод, на котором работаю, нет ли конфликтов между рабочими и администрацией. Не придавая этому значения, я ответил:

— Наше предприятие выпускает станки для народного хозяйства... Коллектив у нас хороший, администрация заботится о рабочих. Иначе и быть не может!

— Выходит, там обманывали нас, репатриантов, когда говорили о конфликтах в СССР между рабочими и руководителями?— заметил Сараев.

Беседа затянулась. Мы несколько раз выходили на свежий воздух. Было темно. По небу плыли редкие облака. Свежий ветерок перебирал на деревьях листья.

— Так ты мастером работаешь? Это неплохо,— сказал Сараев, когда я осторожно намекнул, что пора спать.— Послушай, Савелий. Не смог бы ты съездить в поселок, где живут мои родители? Матери деньги передать надо.

— А ты разве не едешь к своим?— спросил я.

— Не могу сейчас. Столько лет дома не был — и вдруг заявлюсь. Ты уж не откажи в любезности. Расходы, связанные с поездкой, оплачу.

Сергей достал из внутреннего кармана пиджака сверток, перевязанный черным шнурком.

— Вот здесь пятьсот рублей. Вручи матери без посторонних. От Кузьмы, мол. Привет передашь... Скажешь, жив, здоров. Предупреди, чтобы молчала.

Не желая, видимо, продолжать разговор на эту тему, Сергей заметил:

— Дом у тебя неплохой. Сам строил или купил готовый?

— Дарственный. От родителей жены. Надя у них единственная дочь в семье, так они после нашей свадьбы сделали подарок. А дом моих родителей на той стороне улицы, немного дальше.

— Знаю,— буркнул Сергей.

Сараев ушел. Ночевать у меня отказался, сославшись на то, что собирается уехать. Я проводил его квартала два и мы расстались. Сергей обещал написать о том, как устроился на новом месте. Когда вернулся домой, жена упрекнула, что не уговорил фронтового друга остаться ночевать. Было около одиннадцати часов вечера. Меня тревожило поведение Сергея. Хотелось узнать, куда же он поедет на ночь глядя. Я оделся, пошел на вокзал, он недалеко от нас. Среди пассажиров, у касс Сараева не было. Я понял, что он ловко провел меня. Тотчас разыскал сержанта милиции, дежурившего на вокзале, коротко рассказал ему обо всем. Вместе обошли залы ожидания, привокзальную площадь, заглянули в ресторан, в комнату отдыха железнодорожников. Сараев как в воду канул. Из дежурки сержант милиции Каргин по телефону доложил по инстанции о моем заявлении и, повесив трубку, сказал, что будут приняты необходимые меры.

Оставив свой домашний адрес, назвав место работы, я ушел. Но до утра не сомкнул глаз. Перед мысленным взором стоял Сергей — Кузьма Алексеевич Сараев. Один в двух лицах. Теряясь в догадках, я невольно возвращался к прошлому...

Кузьма Сараев и я родились в одном районе, так что земляками доводимся. Сараевы жили богато. В коллективизацию их раскулачили и выслали на восток. В село вернулись в тридцать девятом. Об этом Кузьма рассказывал мне, когда вместе учились в механическом техникуме.

Учеба Сараеву давалась легко, он с пренебрежением относился к сокурсникам, преподавателям. В январе 1943 года нас, третьекурсников, призвали в армию. Оба попали в пулеметное училище, которое находилось в одном из городов Средней Азии. Весной всех направили на фронт, под Воронеж. Служили в одной из рот 184-го стрелкового полка. В его составе участвовали во многих боях. В одной из жарких атак возле деревни Долиновки, что под Кременчугом, рядовой Сараев пропал без вести. А вскоре и меня ранило осколком снаряда в бедро. Ночью подобрали санитары, но не наши, а немецкие. Почти месяц лежал в лазарете на окраине Кривого Рога. После выздоровления меня перевели в общий лагерь. Здесь я вновь встретился с Кузьмой Сараевым. Он дружески похлопал меня по плечу, спросил:

— Что, Савелий, на фюрера будем работать?

Я удивился вопросу Кузьмы, был возмущен его поведением. Но, пересилив себя, сказал:

— Мы с тобой один хлеб ели, из одной кружки пили чай. Да как ты можешь?.. Бежать надо к своим или к партизанам, бороться против фашистов!

Кузьма усмехнулся, с упреком заметил:

— Знаешь, Савелий. Выбрось ты эту дурь из головы. Отсюда не убежишь, а под расстрел попадешь.

— Так что ж, по-твоему, мы должны делать?

— А ничего. Будем ждать лучших времен. С немцами надо жить в дружбе. Наше время впереди.

Позже военнопленные мне говорили, чтобы я не связывался с Кузьмой. Продажная, мол, он шкура.

Почти всех военнопленных выгоняли на рытье окопов, ремонт дорог и мостов. Сараев же, я заметил, отсиживался в лагере. Ему доверяли вывозить со станции грузы, отправлять ценности, награбленные захватчиками. Вначале я опасался, что Сараев донесет на меня. Но этого не произошло. Когда же обо всем сказал старшине Феоктисту Захарову, которого знал как советского патриота, он предупредил: «Прихвостень он немецкий, твой Кузьма. Будь с ним поосторожнее. Гитлеровцы ставят его в пример, говорят, Сараев добровольно перешел на их сторону».

В начале лета сорок четвертого большую группу военнопленных, среди которых был и я, погрузили в вагоны и под усиленной охраной отправили в Южную Германию. Так я потерял Сараева из виду.

— Остановимся пока на этом,— сказал Кудрявцев. — Вы, Савелий Иванович, можете пойти пообедать. Мы так-

же сделаем перерыв, затем продолжим беседу. В вашем распоряжении полтора часа. Встретимся здесь же, в кабинете...

Горохов ушел. Чекисты, посмотрев друг на друга, улыбнулись. Кудрявцев позвонил дежурному, спросил о новостях. Их не было. Положив на рычаг трубку, Александр Никитич спросил:

— Василий Романович, что, по-вашему, скрывается под личностью Сергея? А?

— Кузьма Сараев и Сергей Федоров,— ответил Иванов,— пожалуй, это одно и то же лицо. Об этом говорят сообщения чекистов Молдавии. Только Савелию он не назвался Федоровым, побоялся. Версию о возвращении в СССР в 1949 году и Светлану придумал, чтобы морочить голову.

— С вашими доводами согласен, Василий Романович. Я доложу обо всем в Алма-Ату товарищу Васильеву, а вы срочно проверьте в военкомате. Надо узнать, когда Сараев был призван в Красную Армию. Да и милицию побеспокойте. Подготовьте письмо нашим соседям — омичам и кокчетавцам. Повторно ориентируйте нашу оперативную группу, посты милиции о тщательной проверке подозрительных лиц. Если Федоров не уехал поездом, то крутится где-то поблизости. Ну, а сейчас следует перекусить.

... К начальнику отдела Иванов пришел без пяти три. Горохов уже сидел на стуле у двери кабинета и читал книгу. Александр Никитич пригласил его к себе.

— Ну что же, Савелий Иванович. Продолжим нашу беседу.

Горохов сказал:

— Семь месяцев пробыл в Людвигсбурском лагере V-А Штутгартского промышленного района. На одежде носил номер 99912, работал в подземных рудниках и на соляных шахтах Хейльбронна, а также на химическом заводе в Халле. После болезни с группой советских военнопленных, насчитывающей более ста человек, был отправлен в шталаг VII-А Верхней Баварии. Числился в рабочей команде 2699, что находилась в районе Моосбурга. Примыкал к подпольной антифашистской организации БСВ*, существовавшей в лагере.

Перед самым концом войны, во время налета авиации, мне и еще девяти узникам удалось бежать. К побегу гото-

* БСВ — братское сотрудничество военнопленных.

вились заранее. БСВ снабдило нас гражданской одеждой. Разделившись на две группы, стали пробиваться на восток. Шли ночью, днем прятались на болотах, в скирдах прошлогодней соломы. У крестьян, работавших на полях, выпрашивали корки хлеба. Весна была холодная, дождливая, и мы с трудом проходили за ночь 7—10 километров.

На четвертый день обессиленные, голодные наткнулись в лесу на власовцев, которые сказали, что пробиться к Красной Армии нам не удастся: впереди немецкие войска. Кто-то заметил: «Попадете в руки СС или гестапо, вас расстреляют. Надо сдаваться союзникам». У нас не было выбора и мы остались у власовцев.

Первого мая советские войска взяли Берлин, а четвертого мы сдались на милость передовым частям американской армии. Около месяца жили в палатках, затем перебрались в лагерь Фольцгофен. Здесь я встретился с Сараевым. Он был в гражданской одежде, а я в форме, выданной власовцами.

— Каким ветром тебя сюда занесло? — спросил Кузьма. — Ты что, воевал против своих?

— Нет,— говорю,— не воевал.

И рассказал все, как было. Он ухмыльнулся в ответ.

— Судить нас будут, если попадем к нашим.

Я понял: не поверил он мне.

Был Кузьма со мной вежлив. Подарил костюм, давал на мелкие расходы немецкие марки. А однажды предложил поехать на заработки в Мюнхен. Я отказался. Вскоре Кузьма и его друг Кузнецов из лагеря уехали. Вернулся Сараев в лагерь Пассау в начале осени. Один.

Шло время. Западные пропагандисты были щедры на посулы, стремились отговорить нас от встреч с представителями командования советских войск. В своих лекциях они называли нас не иначе, как «перемещенные лица», клеветали на Советский Союз, с предубеждением отзывались о послевоенном переустройстве Европы и, в частности, немецкого государства.

С Кузьмой Сараевым мы виделись ежедневно, ибо жили в одном большом трехэтажном корпусе. Он уговаривал меня не возвращаться в Советский Союз. На родине нас якобы ожидают тюрьма, пытки в НКВД.

— Ты отказываешься,— как-то сказал мне Сараев. — Смотри, чтобы потом не пожалел. А я уже заполнил анкету и фотокарточки сдал. Уеду на запад.

Я дал Кузьме адрес моих родителей.

Почти год жили мы в лагере для перемещенных лиц, а в мае сорок шестого я уехал домой. Здесь меня ждала печальная весть: отец мой, гвардии сержант Иван Анисимович Горохов, водитель танка, погиб под Кенигсбергом незадолго до окончания Великой Отечественной войны.

Вы спросите, почему Сараев остановился в нашем городе, зашел ко мне? Во-первых, Кузьма знал меня много лет. Считал, что я, как и он, побывал в плену, совершил преступление перед Советской властью. Кроме того, Сараев, очевидно, полагал, что я скомпрометировал себя связью с власовцами. Во-вторых, у него здесь живут старушка-мать, сестры. Приехав в наши края, он в последний момент раздумал навестить родственников. Желание же дать матери знать о себе привело Кузьму ко мне. Это, конечно, мое личное мнение. Может, в чем ошибаюсь...

Савелий Иванович умолк. Было видно, он глубоко переживает неудачи в своей жизни. Спохватившись, Горохов спросил:

— Товарищ майор, что я должен делать с деньгами Сараева?

— Вы не беспокойтесь об этом,— сказал Кудрявцев. — Как с ними поступить, мы подумаем. Для начала сдайте деньги нашему кассиру и получите от него приходную квитанцию.

— Хорошо.

Едва Горохов вышел из кабинета, как Иванов сказал:

— Кажется, вернулись оперработники, которым я давал задание о проверке Сараева. Разрешите на некоторое время отлучиться?

— Выясните, что им удалось узнать. Это для нас важно.

Через десять минут капитан Иванов докладывал Кудрявцеву:

— Призыв в армию Сараева городским военкоматом подтверждается. В учетной карточке имеется запись: «Пулеметчик второй роты первого батальона 184 стрелкового полка Сараев Кузьма Алексеевич в бою за село Долиновка 21 декабря 1943 года пропал без вести». Случайно или преднамеренно он оказался в плену, мы этого не знаем. На войне все могло случиться...

— Это так,— согласился Кудрявцев. — Но Горохов говорил, что гитлеровцы ставили Сараева в пример, как добровольно перешедшего на их сторону. Не верить ему у нас нет оснований. Ясно, что Сараев изменник, сотрудничал с фашистами. Кстати, вы получили сведения из милиции?

— В паспортном столе городского отдела милиции нашелся бланк на Сараева Кузьму Алексеевича, заполненный при получении им паспорта. Вот посмотрите.

Иванов положил на стол пожелтевший от времени небольшой листок с наклеенной в верхнем правом углу фотокарточкой. Внизу стояла дата: 27 декабря 1941 года.

— Так вот он какой, этот Сергей, он же Кузьма Алексеевич Сараев,— задумчиво произнес Кудрявцев, разглядывая фотокарточку.

На него смотрел юнец с оттопыренными ушами, большим ртом и невыразительными глазами.

— Придется еще раз пригласить Горохова, показать ему то, что мы подготовили.

Савелий Иванович, вызванный на другой день, долго рассматривал фотокарточки, наклеенные на белом листе бумаги. Их было три, разные мужчины, примерно одного возраста. Горохов без особого труда опознал Сараева.

— Кузьма Сараев,— сказал он,— внешне изменился, раздался в плечах. На фотографии он выглядит худым, теперь лицо у него полное, лоснящееся, бычья шея. На голове густые русые волосы. На верхней губе шрам от пореза или ранения...

— Савелий Иванович, вы свободны. Спасибо за проявленную бдительность. Если понадобитесь, мы не преминем обратиться к вам за помощью. До свидания!

— Удрал, Василий Романович, от нас этот прохвост. Как вы думаете? — спросил Кудрявцев.

Иванов развел руками.

— Выходит, удрал. Но обязательно появится через несколько дней.

— Конечно, появится. Но где? Вот вопрос.

— Разберемся!

* * *

В годы войны капитан Власик служил в 510-м артиллерийском полку. Летом сорок второго на Калининском фронте Власик получил ранение, но остался в строю. Этот случай, а, возможно, что-то другое, свел солдата-топографа с начальником отдела контрразведки 29-й армии. Вскоре Алексей Власик стал армейским чекистом. Помогал разоблачать вражеских лазутчиков, вел агитационную работу в войсках, был на хорошем счету в коллективе.

После войны чекиста Власика перевели в Алма-Ату. И здесь он не сидел без дела.

Всего час назад Васильев напомнил Алексею, что Федоров может появиться неожиданно и надо быть готовым ко всему. Капитан решил сходить к Раисе Антоновне Носковой, которую хорошо знал. Девушкой в девятнадцатом году Раиса стала бойцом Красной Армии и сражалась на Туркестанском фронте. По заданию штаба 1-й Революционной армии она дважды ходила в Актюбинск и Гурьев, в самое логово белых банд Дутова и Толстова. Задача, поставленная командованием, была выполнена успешно. Смелости девушки завидовали кадровые военные разведчики. Сейчас Раиса Антоновна работает дежурным администратором гостиницы Дома колхозника. Щуплая, невысокого роста, с живыми глазами, излучавшими тепло, она добросовестно относилась к своим служебным обязанностям.

— Что же я должна делать? — настороженно спросила Носкова, когда Власик в разговоре намекнул о необходимости оказания помощи в розыске опасного преступника.

— От вас, Раиса Антоновна, требуется совсем немного: своевременно сообщить об этом человеке. Если, конечно, он появится в гостинице.

— Вы знаете кто он?

— Не очень. Узнаем больше, когда задержим. Сейчас же я вам нарисую, так сказать, словесный портрет этого субъекта. Кстати, его фамилия по документам Федоров.

Власик рассказывал, а Раиса Антоновна старалась запомнить приметы Федорова, его одежду, с какими документами он может появиться в гостинице.

— Этот человек,— говорил Власик,— имеет деньги и может пойти на подкуп. Будьте осторожны.

— Это очень заманчиво, Алексей Афанасьевич. Вы так говорите, будто вместе жили с этим человеком. Он обязательно приедет в Алма-Ату?

— Этого я сказать не могу, Раиса Антоновна. Мы визитной карточки от него не получали. Но известно, что Федоров под видом москвича разъезжает по стране. Его видели в Молдавии и других местах. Не исключено его появление и на территории Казахстана.

Любознательная Раиса Антоновна готова была еще расспрашивать Власика, но он сказал, что задерживаться больше не может. И ушел.

Прошла неделя. Власик несколько раз заходил в гостиницу к Носковой. Как-то она сказала, что вечером из Актюбинска приехал Сергей Емельянович Федоров, сорокапятилетний агроном.

— Вашего Федорова,— заметила Раиса Антоновна,— нет и в помине. Да едва ли он прельстится нашей гостиницей. Скорее всего найдет частную квартиру.

* * *

Стоял сентябрь. В одно из воскресений Раиса Антоновна, как всегда, приняла дежурство, просмотрела записи о тех, кто поселился в гостинице, но ничего нового не обнаружила. Утром оформила документы на вновь прибывших. К обеду осталось два свободных места в общем номере. Во второй половине дня к администратору подошла девушка приятной наружности. Спросила: не найдется ли одно место в гостинице для мужчины. И очень обрадовалась, когда получила утвердительный ответ. Через некоторое время она появилась с молодым человеком. Увидев его, Раиса Антоновна невольно вздрогнула, но, поборов волнение, стала оформлять документы...

Определив Федорова в номер, Носкова на минуту задумалась. Нет, ошибки быть не могло. Все приметы, названные Алексеем Афанасьевичем Власиком, сходились. Раиса Антоновна стала звонить Власику. Но трубку никто не поднимал. Наконец, послышался голос:

— Вас слушают.

— Это вы, Алексей Афанасьевич?

— Да! А что случилось, Раиса Антоновна?

— Новость! В гостинице остановился Сергей Федоров. Вам надо немедленно приехать. Мне думается...

Но Власик перебил ее вопросом:

— Когда он пришел к вам?

— В пятнадцать часов ноль пять минут. Место в гостинице ему предоставила, а документы оставила у себя.

— Где он сейчас?

— Находится в номере. Кажется, готовит вещи, чтобы сдать в кладовую, на хранение...

Власик доложил Васильеву о разговоре с Носковой и тотчас направился в Дом колхозника.

— Ну, Раиса Антоновна, показывай гостя,— не то шутя, не то всерьез попросил Власик, едва переступив порог администраторской.

— А его уже нет! Пошел гулять с барышней по городу.

— С какой еще барышней?!— удивился Алексей.

— А с той, что привела его в гостиницу. Я сразу решила, что это тот Федоров, которого вы ищите. Серые колю-

чие глаза, маленький рубец на верхней губе, хромовые сапоги. Смахивает на заправского купца, только без усов и бороды. Приметы, о которых вы говорили, сходятся. На лице ни тени волнения. Спокойный такой. Раскрыла паспорт — точно Федоров! Сергей Павлович. Чуть не вскрикнула. Спрашиваю: «Вы в командировке или как?» «В отпуске,— говорит,— нахожусь. Приехал к родственнице». «У вас отпускное удостоверение имеется, другой какой документ?» Гражданин порылся в бумажнике, подал справку табачной фабрики «Ява» о том, что находится в отпуске. Вижу, слово «Ява» отпечатано красной краской... Поселила его в номере на четыре человека. Вы, Алексей Афанасьевич, подождите Федорова. Он, как я поняла, скоро вернется. А пока посмотрите его документы.

— Знакомая его тоже поселилась в гостинице?— спросил Власик.

— Что вы! Даже не знаю, откуда она.

— Интересно! Не успел приехать, а уже знакомую нашел...

Через каких-нибудь полчаса Федоров появился со свертком в руках. Власик увидел широкоплечего, несколько развязного молодца и подумал: «Это он!» Федоров вошел в номер, переоделся. Теперь на нем были шерстяные серые брюки навыпуск, коричневые туфли. Одежда несколько изменила внешность: Федоров стал более строен и, кажется, выше ростом. Он вышел на улицу, взял под руку девушку, ждавшую его у подъезда, что-то сказал ей. Та кокетливо улыбнулась и они зашагали по улице Горького. Потом были в ресторане «Алатау», пили вино, закусывали.

Вечером Федоров и его знакомая долго бродили по аллеям парка имени 28 гвардейцев-панфиловцев, затем вышли на улицу Карла Маркса и любовались снежными вершинами Заилийского Алатау, четко проступавшими на темном, усыпанном яркими звездами небе.

Было половина десятого утра, когда Власик рассказал Петру Викторовичу о встрече с Носковой, о том, как наблюдал за Федоровым. Васильев, внимательно выслушав капитана, сказал:

— Вот это фрукт. Смотри, как мотается по городу. Признаться, мы ожидали его в другом месте. Но это даже к лучшему. Возможно, ему кто-то помешал и пришлось изменить маршрут, остановиться на время в Алма-Ате. Кстати, два дня назад мне чекисты Транспортного управления МГБ на Туркестано-Сибирской железной дороге говорили

о том, что на одной из станций их старшина видел Федорова, который следовал в поезде Новосибирск — Ташкент. Перед отправкой сел в третий вагон, но при проверке его там не оказалось. Возможно, после этого он и заехал в Алма-Ату. Они еще говорили, что Федорова видели в темных очках. По-моему, он это делал для маскировки...

— Да, это возможно так,— согласился Власик.

— Пригласите ко мне лейтенанта Фаддеева,— попросил Васильев.

В кабинет вошел Вадим Андреевич.

— У нас, Петр Викторович,— сказал он,— достаточно данных для задержания и ареста Федорова.

— Торопиться с арестом не будем,— заметил Васильев.— Следует проверить, зачем Федоров приехал в Алма-Ату. Может быть, шел на связь к сообщнику? Сейчас Федоров в пригороде Алма-Аты у девушки. Кто она? Только ли знакомая? Федоров не подозревает, что мы напали на его след, иначе не стал бы прохлаждаться, разыгрывать влюбленного.

Зазвонил телефон. Васильев поднял трубку. Через минуту сказал:

— Звонил лейтенант Сидорчук. Личность девушки — знакомой Федорова — установлена. Это — Екатерина Яковлевна Колесниченко. Работает технологом на трикотажной фабрике. Живет с матерью, братом и бабушкой. Познакомилась с Федоровым в поезде. Вы, Вадим Андреевич, займитесь подготовкой плана к операции. Подберите надежных оперативных работников. Я с товарищем Власиком иду на доклад к руководству... Передайте майору Ступальскому, чтобы и он зашел к полковнику Сакенову.

Заместитель министра Байзулда Сакенов, выслушав доклад Васильева, с жаром сказал:

— С вашими мерами по задержанию Федорова в принципе можно согласиться. Главное, чтобы он не смог улизнуть. Нужно следить за каждым его шагом.

Вошли майоры Петр Ступальский и Михаил Гранкин.

— Готовьтесь к операции,— сказал Сакенов.— Нашелся Сергей Федоров. Товарищи Васильев, Власик, другие чекисты этого подразделения хорошо поработали, и мне приятно выразить им глубокую признательность от имени руководства.

— По документам и приметам, которыми мы располагаем,— продолжал Сакенов,— Сергей Павлович Федоров, он же Кузьма Алексеевич Сараев, напарник Умяра Юсипо-

ва-Османова, арестованного чекистами Молдавии, является агентом той же разведки.

Последовала пауза. Настенные часы мерно отбивали секунды В наступившей тишине каждый думал о предстоящей операции...

* * *

Седьмого сентября в Алма-Ате был солнечный, безветренный день. По разогретым улицам сновали автомашины, куда-то спешили пешеходы. Около двух часов Федоров появился у гостиницы, но в номер не зашел. Дежурному администратору сказал, что вечером уезжает и попросил вернуть документы. Раиса Антоновна попросила зайти чуть попозднее. Федоров вышел на улицу, где его ждала Катя Колесниченко. Перекинувшись несколькими словами, они пошли по улице Максима Горького.

Федоров спокоен. Вот он подошел к витрине, оставив Екатерину Яковлевну одну. Этим незамедлили воспользоваться чекисты. Приблизились к агенту с двух сторон. Александр Фролов и Николай Непомнящих взяли его за руки и повели к «Победе», что остановилась на обочине, у бордюра. Сзади их подстраховывал Михаил Гранкин. Майор Ступальский открыл дверцу. Уже в машине чекисты обыскали Федорова. В потайном кармане брюк у пояса нашли восьмизарядный пистолет. Проверили уголки ворота рубашки, но там ничего не было.

— Сработали хорошо, что и говорить,— сквозь зубы процедил Федоров.— Счастье ваше, что взяли внезапно. А то померялись бы силами...

Хлопнула дверца «Победы». Рядом с шофером сел Ступальский. Машина, набирая скорость, тронулась с места. Подавленный случившимся, Федоров-Сараев до крови кусал побелевшие губы.

А Колесниченко? Она не заметила, куда исчез ее ухажер. Подошли Власик и майор Джиенбаев, предложили девушке пройти к машине. Увидев перед собой двух незнакомых, Екатерина Яковлевна прижала свою сумочку к груди.

— Не трогайте! Я никуда не пойду. Я буду кричать! Где Сергей?..

— Спокойно, гражданка,— сказал Васильев.— Мы сотрудники госбезопасности. Просим поехать с нами...

— Простите. Но у меня Сережины деньги. Все произошло так неожиданно... Я ни в чем не виновата...

— Вас пока мы и не виним,— заметил Петр Викторович.— А там разберемся.

* * *

— Как вы, Кузьма Сараев, стали Сергеем Федоровым и после продолжительного пребывания за границей появились в Советском Союзе?— спросили агента на следствии.

И вот что выяснилось.

После победы Советского Союза над фашистской Германией Сараев оказался среди власовцев, которые не хотели возвращаться на Родину. Летом 1946 года в лагере Пассау он заполнил анкету отборочной комиссии на выезд в Канаду. Но получил удостоверение со штампом «USSR» и в мае 1947 года выехал в Бельгию. Отсюда попал в Западную Германию.

Однажды, а это случилось в мае 1951 года, когда Сараев сидел в буфете, к столику подошли двое. Назвались русскими. Сказали, что оба работают в Мюнхене шоферами. Не успел Сараев толком разглядеть своих новых знакомых, как официантка подала закуску, спиртное. Разговор оживился. Олег и Иван — так звали водителей — болтали без умолку.

— Где ты живешь и чем занимаешься?— спросил захмелевший Олег и, узнав, что Сараев нигде не работает, предложил:— Давай к нам, в гараж.

— Не возьмут меня. Я же перемещенное лицо.

— А мы все устроим,— заметил Иван.— Сделаем, что в наших силах.

Сараева увезли в Мюнхен, поселили в частную гостиницу некоего Гауха. Олег передал ему 250 марок.

— Можешь развлечься. Здесь и кабаре хорошее, и танцовщицы.

— Это взаймы?— спросил Сараев.— Заработаю, отдам! Кстати, когда зайти в гараж?

— Не торопись, парень. Все в свое время.

Через несколько дней Олег и Иван признались, что они вовсе не русские, а разведчики.

— Пусть это не пугает,— заметил Олег.— Мы хотим видеть русский народ свободным. Вы ненавидите большевиков и поможете нам в борьбе против них.

— А если я откажусь?— спросил Сараев.

— Вы не сделаете этого. У нас имеется учетная карточка, составленная на вас гитлеровцами. В ней сказано, что

вы, Сараев, дезертировали из рядов Красной Армии, были агентом гестапо в лагерях военнопленных, служили у Власова.

— Да ты что, трусишь?— поинтересовался Иван.

— Нет, трусов я презираю!— почти выкрикнул Сараев.

— Тогда по-рукам.

— Идет!

Этот разговор состоялся вечером, а утром за Сараевым заехал Иван. В «виллисе», что стоял на улице, за углом, сидел знакомый Сараеву по лагерю «Валка»— Андрей Нестерук. Поздоровались. Вскоре машина выбралась из города и понеслась по прямой, как стрела, автостраде на юг.

Через полчаса показалась деревня. «Виллис» свернул с бетонки, остановился у двухэтажного особняка с черепичной крышей. В глубине двора, под кронами двух дубов, высился гранитный крест.

— Какую тайну хранит это изваяние?— спросил Сараев у Олега.

Тот ответил:

— Семейная реликвия, не больше.

Развернул машину и уехал в деревню. Иван, оставшийся в особняке, сказал:

— Берите свои чемоданы и следуйте за мной.

Для Сараева и Нестерука были приготовлены отдельные комнаты на втором этаже. В них было чисто, уютно.

Вскоре вернулся Олег и познакомил новичков с немцем средних лет, который выполнял обязанности повара. Предупредил, что с поваром о службе говорить нельзя.

Всего в особняке было восемь комнат, по четыре на каждом этаже. Олег и Иван разместились внизу. Заходить к ним Сараеву и Нестеруку запретили.

Едва обжились, как начались занятия. Сараев и Нестерук отрабатывали приемы джиу-джитсу, самбо, преодолевали полосу препятствий, стреляли из пистолета и автомата, ходили по азимуту, изучали топографическую карту и парашют.

Подготовку по общим вопросам проходили вместе, а по шпионажу — отдельно. Олег готовил Сараева, Иван — Нестерука.

Как-то после занятий Олег сказал Сараеву:

— Скоро, Кузьма Алексеевич, вы получите документы на имя советского гражданина Сергея Павловича Федорова, погибшего на фронте в первые дни войны. Вы усвоили задание и понимаете всю ответственность за его успешное

выполнение. Вылет через три дня. Будьте хладнокровны и осторожны.

— Нестерук тоже со мной летит?— спросил после небольшой паузы Сараев.

— Нет, он остается. Но это не должно вас интересовать. Обратно в Германию возвратитесь через Турцию. Где и как перейти границу вы уже знаете. В министерстве внутренних дел, куда вас доставят турецкие власти, будет находиться фотокарточка с надписью «Боб». Человеку, который ее предъявит, вы откроетесь. Это будет представитель нашей службы.

Двенадцатого августа, в полдень, Олег и Сараев, ставший теперь Сергеем Федоровым, выехали в город. Остановились на глухой безлюдной улице. Из калитки соседнего дома вышел высокий, одетый в гражданский костюм мужчина. Назвался Петром. Он вручил Сараеву необходимые документы: паспорт, военный билет, справку со штампом табачной фабрики «Ява».

В тринадцать часов самолет без опознавательных знаков поднялся в воздух. Его салон был завален мешками с замками «молния». Летели на большой высоте, у Федорова от нехватки кислорода закружилась голова. Ему дали кислородную маску.

Приземлились около девяти часов вечера в Афинах. Здесь Федоров и его спутники провели два дня. Под вечер 14 августа выехали на аэродром. Перед вылетом Федоров сменил одежду. Теперь на нем были простая белая в полоску рубашка, брюки из грубого сукна, хромовые сапоги, черная на вате телогрейка.

Девять тысяч советских рублей пришлось зашить в подкладку. Олег, неотступно следовавший за агентом, помог Федорову надеть и закрепить парашют, специальный шлем. Положил в потайной карман у пояса брюк восьмизарядный пистолет.

— А это автомат и патроны. На всякий случай. Мы уверены в благополучном исходе, но, как говорят русские, чем черт не шутит.

Федоров попытался улыбнуться, но его лицо скривилось в болезненной гримасе. Тяжело ступая, он поднялся по трапу в самолет. Олег внес велосипед, завернутый в брезентовый чехол, пожелал попутного ветра. Зашли Петр, еще какой-то грузный мужчина в комбинезоне и шлеме. В дверях Федоров заметил другого человека с парашютом за спиной. Он юркнул за брезентовые занавески.

— Инструктор. Этот гость с нами летит?— спросил Федоров.

— Успокойтесь, парашютист. Молчание — золото!

Вышел пилот, плотно закрыл входную дверь. Федоров понял, сейчас они полетят. Часы показывали начало восьмого вечера.

В полете Федоров пытался заговорить с парашютистом, что был за ширмой, но сотрудник разведки, сидевший рядом, остановил его. Около двенадцати ночи парашютист по сигналу покинул самолет.

Вскоре была подана команда и Федорову.

Он приземлился на склоне небольшого холма. Несколько строп зацепилось за ветви деревьев. Но Федорову удалось освободиться от ремней. С автоматом в руках он метнулся в чащу. Это были его первые шаги по земле, которую пришлось покинуть восемь лет назад.

Сердце глухо стучало. По всему телу пробегала мелкая дрожь. Федоров знал, если его схватят, конец. Убедившись, что за ним не следят, снял комбинезон, вышел из укрытия и стал сворачивать парашют. Где-то рядом захлопала крыльями ночная птица. Федоров вздрогнул. Затем прислонил к дереву автомат, достал из мешка разобранный велосипед, саперную лопату с коротким черенком. Выкопал яму, бросил в нее парашют, комбинезон, все, что считал ненужным, засыпал землей. Сверху набросал сухой валежник, расправил вокруг смятую траву. Невдалеке в промоине, образовавшейся от дождей, закопал автомат, боеприпасы, упаковочные ремни, шлем. И лишь тогда почувствовал сильную усталость. Появился страх перед неизвестностью. Федоров долго прислушивался к ночной тишине. Когда волнение несколько улеглось, ощупал карманы пиджака, брюк. Все было на месте — пистолет, деньги, документы. Встал с влажной земли, подхватил оставшиеся вещи и зашагал по лесной тропинке на юго-восток.

В неглубокой балке, освещенной тусклым светом луны, Федоров собрал велосипед, прилег на брезент. Некоторое время безучастно смотрел в темное небо, стараясь припомнить подробности полета. Незаметно задремал.

Очнулся от пронизывающего холода. Вскочил на ноги, вышел на косогор. Осмотрелся. Кругом, как и прежде, стояла безмолвная тишина. Гонимые легким южным ветром, по небу плыли редкие облака.

«Ну, что ж,— подумал про себя Федоров.— Для начала неплохо».

Спустился с косогора вниз. Хотелось пить. Вскоре наткнулся на ручеек, вытекавший из-под крутого обрыва. Припал к воде. Затем умылся и, захватив телогрейку и велосипед, пошел по травянистому полю.

Едва заметная тропа, пробитая скотом, вывела Федорова на грунтовую в рытвинах дорогу, что вилась змейкой меж небольших холмов, покрытых редким кустарником. Велосипед не слушался. Федоров то и дело наезжал на кочки, срывался в разбитую колею. Падал, вставал и снова ехал. Перед самым рассветом выбрался на большак и погнал велосипед к далеким огням.

Минут через тридцать оборвалась цепь передачи. Потеряв равновесие, Федоров полетел в кювет. «Сволочи! Не могли как следует проверить!»— выругался он. Возможность быстро и незаметно проскочить опасную зону была потеряна. Агент еще раз чертыхнулся, бросил в кусты велосипед и зашагал по грейдеру.

Рано утром Федоров подошел к небольшой молдавской деревушке. На ее окраине, у двора, обнесенного забором из крупного шлакового кирпича, стояли ночные сторожа и о чем-то тихо беседовали. У их ног лежал лохматый черный пес. Почувствовав чужого человека, он зарычал, бросился на дорогу. Худой и длинный, как жердь, мужчина крикнул: «Трезор, назад!»

Собака завиляла хвостом, вернулась на свое место.

С трудом сдерживая волнение, Федоров свернул с дороги, подошел к сторожам.

— Здравствуйте! Что сторожите?

— Здоровеньки булы!— почти одновременно ответили те.

Длинный добавил:— Гутарим вот от скуки. А ты прямо як с неба звалился. В такую-то рань...

«Пропади вы пропадом,— подумал Федоров и невольно сунул руку за пояс.— Уже знают!» Но сторожа вернулись к своей беседе. Их беззаботность успокоила агента. Он вынул из кармана пачку папирос, предложил закурить. Теперь Федоров мог лучше разглядеть сторожей. Их было двое. С ружьями. Полный мужчина с гвардейскими усами звонко смеялся. Худой то и дело потирал руки.

— Тихая деревня ваша,— заметил Федоров.— Всегда так?

— У нас не опасно,— сказал полный.— Можно ходить в любое время. Бандиты давно перевелись. Чекисты нашли им место. А вы далече путь держите?

— Иду в Тирасполь. Гостил у родственников. Машины попутной не встретил, вот и приходится топать пешком.

— Живете-то где?

— Москвич я.

Федоров расспросил, как пройти на Тирасполь, попрощался. Его крупная фигура еще долго маячила на деревенской улице.

— Кирилл!— сказал полный худому.— А не позвонить ли нам в милицию? Подозрительный какой-то тип. Москвич, а пешком топает.

* * *

... Гасли звезды. Федоров размашисто шагал по проселочной дороге и вскоре догнал мужика, который вез картофель.

— Папаша. Не подвезете до Бендер? Ведь вы туда едете?

— Сидай! Довезу до совхоза.

— Вот спасибо!

Федоров легко вскочил на бричку.

— Давайте вожжи. Я — потомственный хлебороб. Знаю это дело...

Лошадь перешла на бег. Через полтора часа Федоров пересел на попутную полуторку. В кузове машины находились три женщины и парень. Вскоре показался утопающий в зелени, знакомый еще с войны город Бендеры.

С пареньком, что ехал в полуторке и назвался Георгием, Федоров завтракал в небольшой закусочной. Он рассказывал всякие небылицы о своих похождениях во время войны, доставал фотокарточки. Потом пригласил Георгия поехать с ним в Тирасполь, но тот отказался. Федоров дождался автобуса и уехал один.

Не доезжая до Тирасполя, он сошел с автобуса, купил в сельмаге зефировую сорочку, галстук, туалетные принадлежности, черный кожаный портфель и куртку. В город пробирался окольными путями. Оттуда с попутным грузовиком, уже в пятом часу вечера, доехал до станции Раздельная. Здесь, у пивного ларька, познакомился с пенсионером, бывшим стрелочником Юзефом Кирилловичем Кислицким, который пригласил Федорова к себе домой.

— Так ты, Сергей, едешь в Москву?— спросил подвыпивший Кислицкий.

— Туда! Но вначале заеду в Харьков. Побуду два-три дня и в Николаев. У меня там братишка живет. На судо-

строительном работает. Надо его навестить, давно не виделся...

— Не беспокойся. Билет достану куда надо: хоть в Харьков, хоть в Николаев. Все будет сделано... До отъезда можешь отдохнуть на диване, в горнице.

— Я многим обязан вам, Юзеф Кириллович. За услуги и постой могу заплатить.

— За какие это услуги-постой?!— удивился Кислицкий.— И не смей говорить об этом. Ты — рабочий и я не дворянин. Москвичам мы всегда рады.

Откровенность старика пришлась по душе Федорову и он подумал: «Нашел то, что нужно. Не буду слоняться по вокзалу».

Из Раздельной поезд ушел в два часа ночи. Федоров долго лежал на полке с открытыми глазами. А когда уснул, то увидел лагерь, вооруженных людей, собак. Его преследовали. А он бежал куда-то в степь, стреляя на ходу. Но попасть не мог. Потом был поезд. Он выпрыгнул из вагона и... проснулся. На нижней полке сидела молодая чернявая женщина.

— Проснулись?— спросила она.— Сон у вас был неспокойным. Кричали: «Не выйдет, убегу! Олег — собака!» Кого это вы так ругали?

— Чепуха какая-то снилась,— усмехнулся Федоров.— Олег — это мой хороший друг. Но повздорили недавно, вот он и явился во сне.

Женщина кокетливо улыбнулась.

Покачивался вагон. На стыках рельсов стучали колеса. Мимо бежали телеграфные столбы, проплывали перелески. Федоров, прильнув к окну, жадно смотрел на желтые поля, залитые солнцем, на машины, груженные зерном, на тракторa, что вслед за комбайнами поднимали зябь.

Незнакомка, не отрываясь, читала книгу. Федорову надоело быть одному, и он подсел к ней.

— Зовут-то вас как, девушка?

— Галина Ивановна или просто Галя.

— А я — Сергей. Так и называйте меня Сергеем. Что же, Галя, вы сидите, а молодой человек должен скучать. Это жестоко с вашей стороны.

— Займитесь чем-нибудь полезным и вам не будет скучно.

Помолчали. Федоров сказал:

— Как можно сидеть за книгой, когда за окном яркое солнце, голубое небо. Красота!

— Я все это много раз уже видела. Мне неинтересно.

Весь день они провели вместе. Федоров решил поближе познакомиться с Галиной. Вечером пригласил ее в вагон-ресторан, угощал сладостями. После ужина допоздна стояли в тамбуре. Федоров несколько раз доставал карманные часы с цепочкой, открывал крышку, на внутренней стороне которой были выгравированы слова: «Сергею от Кости. Помни штурм Берлина. 1945 год». Заметив надпись, Галина воскликнула:

— О, да вы герой! Очень приятно, что познакомилась. Надеюсь услышать о ваших подвигах.

Федоров смутился. О чем мог он рассказать этой наивной женщине? О своем страшном падении? Но быстро взял себя в руки, стал рассказывать легенду. Воевал, как все. Был на фронте, брал Кременчуг, получил ранение в ногу. Много раз смотрел смерти в глаза, видел, как погибали за Родину товарищи... Прошел с боями Украину, участвовал в освобождении Молдавии. В Берлине тоже довелось побывать. Расписался на рейхстаге. Вот и все подвиги. После войны служил в Германии на военном аэродроме. В сорок девятом демобилизовался. Приехал в Москву, устроился на работу.

— Много повидали вы, Сергей,— заметила Галина Ивановна.— Ну, а теперь пора спать.

— До свидания.

... Федоров лежал на полке. Спать не хотелось. Харьков почему-то пугал его. Остановится в гостинице? Рискованно! Частную квартиру не сразу найдешь. Где, где, а в Харькове чекисты перевернут все, а найдут кого надо. И ему пришла дерзкая мысль: поехать с Галиной к ней домой, в Гуково. Женщина она доверчивая, красивая. Можно разыграть влюбленного.

Утром, когда подъезжали к Харькову, Федоров сказал, что у него в запасе имеется несколько дней и он может заехать в Гуково. Галина Ивановна запротестовала:

— И чего ради, Сергей, вы поедете в другую сторону от Москвы? Не делайте таких глупостей. Христом-богом прошу!

— Нравитесь вы мне, Галя. Не могу оставить одну в дороге. И если даже не разрешите, все равно поеду. Что же вы молчите?

— Думаю, этого делать не следует. Вы человек одинокий, а я семейная, имею ребенка. Взаимной любви у нас с вами быть не может. Да и в Гуково у меня все родствен-

ники шахтеры. Люди строгие, особенно тетя Оля. Она вас в два счета прогонит...

Федоров не отступил. В Гуково остановился на частной квартире. Почти три дня провел в обществе Галины Ивановны. Ходили в Дом культуры, смотрели кинокартины, танцевали. Уезжая, Федоров тепло попрощался с ней, обещал в следующем году во время отпуска приехать в гости...

* * *

... Новосибирск встретил Федорова разноголосьем, суетой. Сергей вышел из вагона на перрон, осмотрелся. Затем зашагал к продовольственному ларьку. Снова осмотрелся. Никого! Федоров смешался с потоком пассажиров, который пронес его по подземному переходу и выплеснул на привокзальную площадь, опоясанную многоэтажными домами. «Черт побери! Где же здесь остановиться? Пришлось обратиться за советом к мужчине, что сидел на скамейке, поджидая автобус.

— Поехали в Кривощеково,— сказал тот.— Это недалеко. Там с ночлегом легче...

— Ну что ж, поехали.

В течение двух дней, которые Федоров провел на квартире плотника Алексея Михайловича Дегтярева, ничего существенного не произошло. Убедившись, что за ним не следят, ездил из Кривощеково в город, ходил по магазинам. Купил свитер, чемодан, шелковую рубашку. Билет на поезд приобрел в городской железнодорожной кассе. Хорошо отдохнувший, уверенный в безопасности, Федоров ночью сел в плацкартный вагон и выехал в Алма-Ату.

После отъезда Дегтярев сказал жене:

— Этот Сергей Федоров, как я заметил, не очень-то откровенничал с нами. Представился фронтовиком, а наград не имеет. В военном билете о них тоже не сказано. Загадочный какой-то, людей сторонится.

— Зачем, Алексей, грех на душу берешь,— заметила жена.— Человек он простой, рабочий. По хозяйству вон помог: дрова переколол, уголь сложил.

— Может, и так,— согласился Дегтярев.— Возможно, я ошибаюсь...

За окном занимался рассвет. Но в вагоне горели электрические лампочки. Федоров уловил какой-то шорох, проснулся. Пассажиры молча укладывали в чемоданы вещи, готовили сумки, узлы. Подошла проводница и объявила:

— Кто едет до Семипалатинска, получите проездные билеты, подготовьте постельную принадлежность.

Увидела Федорова, подмигнула:

— А вам что не спится? Мечтаете?

Федорову припомнились вчерашний вечер, обаятельная Катя, едущая в Алма-Ату. Она стояла у открытого окна, рядом с купе проводников. Темноволосая, с синим оттенком лучистых глаз. Федоров долго не решался подойти к девушке. Наконец спросил:

— Далеко едете? В отпуск? Из отпуска?

— Была в Барнауле, у тети гостила,— ответила девушка.— А теперь еду в Алма-Ату. Там живу и работаю.

— Значит, попутчики.

— Вы тоже алмаатинец?

— К сожалению, нет. Я — москвич. Взял трудовой отпуск, решил навестить тетю. Может, какая помощь нужна...

Они разговорились. Девушка шутя заметила:

— Сами устремились на юг, а молодую жену оставили дома. Нехорошо получается!

— Я знал, что вы об этом заговорите,— оживился Федоров. — Молчали-то неспроста, думали. Нет, я не женатый. Знаете, не пришлось как-то семьей обзавестись. В годы войны был на фронте. Имею ранение. До конца сорок девятого служил за границей, в Германии. После демобилизации приехал в Москву. Трудно было с пропиской, но удалось получить небольшую комнату, в общей квартире. Родители умерли. Мне двадцать шесть. Зовут Сергеем. Вот вы все и узнали обо мне.

— А я Катя. Екатерина Яковлевна.

— Ну вот и познакомились. Это событие надо отметить.

Федоров сходил в вагон-ресторан, принес бутылку вина, закуску, шоколадные конфеты. Катя от вина отказалась. Но конфеты ей понравились.

И вот сейчас, лежа на полке, Федоров думал о Кате. Иметь знакомого человека в большом незнакомом городе — что можно желать лучшего! Но можно ли остановиться у нее? Спросит: «Почему не идешь к тете?» Надо опять изворачиваться, лгать.

В Алма-Ату приехали утром. Федоров взял такси, погрузил в багажник чемоданы. Через полчаса были на улице Гранатной, где жила Катя. Здесь было много зелени. Чистые приземистые домики утопали в садах. Катя с шумом распахнула калитку, крикнула:

— Бабуля! Я приехала.

Навстречу вышла худенькая, седоволосая женщина. Она обняла Катю и поцеловала ее. С любопытством посмотрела на Федорова.

— А это Сережа. Он приехал в Алма-Ату к тете. Мы скоро уйдем. Мама и Антоша на работе, конечно?

— Где же им быть? Да вы, наверно, кушать хотите? Я пойду на кухню, приготовлю.

— Как зовут твою бабулю?— спросил Федоров, когда старушка вышла.

— Елена Федоровна. Ей скоро семьдесят.

— Приветливая она. И тебя любит.

Федоров оглянулся, тихо сказал:

— Знаешь, Катя. Никакой тети у меня в Алма-Ате нет. Я приехал сюда по совету товарищей. Побуду два-три дня, куплю яблок и снова в Москву. Хочу спросить: нельзя ли остаться в вашем доме. Места не отлежу. Могу во дворе или в саду спать. Твоим скажем, что тетка, мол, уехала на курорт, не предупредив меня об этом...

Катя с удивлением и легким испугом посмотрела на Федорова.

— Я не могу позволить этого, Сергей. Что подумают мать, брат, бабушка? Одно дело дружить с молодым человеком, другое — когда он останется в доме девушки. Нет, нет и нет!

— Прости, Катя,— вздохнул Федоров.— Не хотел тебя обидеть. Прости!

— Не обижайся, Сергей,— уже мягче добавила девушка.— Одно место в гостинице для москвича всегда найдется. А у меня, сам понимаешь...

В гостинице Дома колхозника Федоров, как мы уже знаем, получил койку в четырехместном номере. Чемодан сдал в кладовую камеры хранения. Затем в магазине купил брюки, туфли. Зашел в номер, переоделся. И...

* * *

Финал этой истории обычный. Назначенная встреча в Мюнхене, которую с нетерпением ждали Олег, Иван, действовавшие под вымышленными именами, и их хозяева, не состоялась. Через три месяца было закончено расследование. Потом состоялся суд. Шпиону Сараеву-Федорову, мечтавшему ценой предательства купить себе «райскую» жизнь в капиталистическом мире, вынесли справедливый приговор.

Н. МИЛОВАНОВ

ТРУДНЫЙ ПОИСК

Первый послевоенный год.

Но, как и раньше, по стальным магистралям грохотали воинские поезда. Теперь они неслись на восток и везли к родным очагам, к истосковавшимся в разлуке семьям демобилизованных солдат, сержантов, офицеров. Неслись с песнями, музыкой.

Возвращались домой освобожденные от гитлеровского рабства бывшие советские военнопленные и насильно угнанные в фашистскую Германию советские люди. Вместе с ними, в порядке репатриации, ехали и те, кто в трудную годину предал свою Родину и потом искал спасения бегством с отступающими гитлеровцами. В органах репатриации они рассказывали о себе всевозможные небылицы, хитрили, изворачивались. Это был шлак войны, грязный и пыльный. Многие из них имели специальные задания капиталистических разведок, были снабжены фальшивыми документами, имели связников и при удобном случае могли нанести большой вред советскому государству. Их надо было выявлять, разыскивать, обезвреживать.

Занимались такими «репатриантами» и сотрудники подразделения МГБ на Туркестано-Сибирской железной дороге, возглавляемые невысоким, всегда чисто выбритым капитаном Жалекеном Тлеумагамбетовым, которого товарищи звали Евгением Ивановичем.

Нелегко найти государственного преступника, скрывающегося в городе, на территории целой области, республики под чужой фамилией. Но еще труднее это сделать на железнодорожном транспорте, где сотни, тысячи людей находятся в постоянном движении. И нет ничего удивительного в том, что подчиненные Тлеумагамбетова работали до седьмого пота, а ему, начальнику чекистского звена, капитану, доставалось вдвойне.

Вот и сейчас. Чекисты уже давно ушли по домам, а Жалекен все еще сидел в кабинете дежурного и ждал, когда телефонистка даст связь с Москвой. Днем в управление из Центра пришла срочная телеграмма о немедленном розыске некоего Игольникова, служившего в годы войны в гитлеровских войсках СС. Сейчас, обдумывая организацию розыска, Жалекен то откладывал телеграмму в сторо-

ну, то снова брал ее в руки, делал на обороте одному ему понятные пометки.

Телеграмма была немногословной: в ней даже не сообщались причины, почему Игольников может оказаться в Казахстане. Но приказ есть приказ. Его не обсуждают. Капитан Тлеумагамбетов сразу же распорядился ориентировать оперативных работников на розыск Игольникова не только в Алма-Ате, но и по всей линии Турксиба. Своему сотруднику Рэму Михайловичу Карташову, энергичному, инициативному чекисту, Жалекен сказал:

— Какие-то основания у московских товарищей имеются, раз они приняли решение о розыске Игольникова на территории Казахстана. Я сам выясню это. Вы займитесь подготовкой необходимых документов. С работниками МГБ республики я уже советовался.

Разговор с Центром состоялся поздним вечером. Но он не дал желаемых результатов. Правда, Жалекену обещали выслать выписку из протокола показаний репатрианта Мылова, данных им в фильтрационном лагере. Они-то, в основном, и послужили основанием к принятию решения о розыске Игольникова на территории республики. Со слов Мылова, старшая сестра Игольникова после окончания зооветеринарного института вышла замуж и уехала с семьей в Казахстан.

— Ну и задача,— нервничал Жалекен, возвращаясь с узла связи к себе в кабинет.— Да эта сестра, вероятно, теперь и не Игольникова?

Положив в сейф конспективные записи телефонного разговора с Центром, капитан набросил на плечи шинель, вышел на улицу. Стоял январь, и с гор Заилийского Алатау тянул холодный ветер. Жалекен надел перчатки, ускорил шаг. Но ни мороз, ни быстрая ходьба не сняли нервного напряжения. Жалекен мысленно то и дело возвращался к разговору с Центром. «Крепкий орешек нам достался,— думал он.— Сразу не разгрызешь».

Когда пришла выписка из протокола показаний Мылова, все ранее разработанные в управлении мероприятия по розыску уже претворялись в жизнь.

По показаниям Мылова, Игольникова звали Сергеем. Отчество он точно не помнил: не то Петрович, не то Павлович. В 1944 году Игольникову было лет двадцать пять, не больше. Блондин. Волосы зачесывал назад. С Игольниковым Мылов познакомился в Польше, в Торнском зондерлагере.

«Что за город и где он находится?»—подумал капитан, подходя к карте. Но такого города в Польше не нашел. Потом вспомнил, что во время войны город, вероятно, носил немецкое название. Им мог быть Торунь на Висле, где родился великий Коперник.

Показания Мылова, касающиеся Игольникова, занимали половину страницы конторского листа, и Жалекен за несколько минут прочел их дважды. Затем стал размышлять. «Если Мылов запомнил цвет волос и прическу Игольникова, значит, он на каком-то отрезке времени был близко знаком с ним. А сам-то как попал в зондерлагерь? Видать, не случайно. Свидетель или соучастник Игольникова по преступлениям? Мылова нужно во что бы то ни стало разыскать и допросить. Более обстоятельно. Вероятно, ему известны и другие лица, содержавшиеся в лагере. Они, может быть, лучше знают Игольникова. Тогда можно будет получить новые данные из биографии разыскиваемого...»

Размышления привели капитана к мысли об организации розыска и повторного допроса репатрианта Мылова. Следовало также выяснить, проходил ли фильтрацию Игольников.

Через некоторое время Тлеумагамбетов располагал новыми документами, проливающими свет на «репатрианта» Игольникова. Было ясно, что разыскиваемый после войны оказался в Чехословакии, в районе Праги. На вопрос сотрудника госбезопасности, кто он и откуда, Игольников заявил, что является советским военнопленным, освобожденным Красной Армией, изъявил желание продолжать военную службу. Но в какую часть его зачислили и была ли вообще удовлетворена эта просьба, сведений не оказалось.

При опросе в органах репатриации задержанный назвался Игольниковым Сергеем Павловичем, родившимся в 1920 году в Бирякском районе Вологодской области. Там же, в декабре 1939 года, был призван в Красную Армию. Но проверка показала, что Игольников в армию по месту жительства не призывался. После окончания в 1932 году четырех классов общеобразовательной школы он вместе с матерью выехал. Куда? Неизвестно.

«Странно,— подумал Жалекен. — Почему он скрыл место своего призыва в Красную Армию?»

Тлеумагамбетов пригласил к себе Карташова и поручил ему срочно проинформировать линейные органы МГБ на Турксибе о новых данных на Игольникова. Когда Рэм Михайлович собрался было уходить, Жалекен сказал:

— Попросите товарищей, чтобы они организовали розыск Игольникова среди демобилизованных воинов. Среди репатриантов мы, наверное, его не найдем. Сумел же он обмануть советскую администрацию в Праге. А здесь начнет крутить да петлять. Кстати, как он попал в Чехословакию?

— Пока на этот вопрос трудно ответить,— признался Рэм Михайлович.— Возможно, с войсками СС. Они, как известно, выступали против движения Сопротивления во всех оккупированных странах Европы...

Прошло много времени, а Мылова все еще не нашли. После фильтрации он должен был выехать к старому месту жительства, в Мордовскую АССР. Но там его не оказалось. Не было его и по месту рождения. Розыск Игольникова зашел в тупик, из которого, казалось, выхода не было.

Озадаченный таким исходом дела, капитан Тлеумагамбетов не спеша прохаживался по кабинету. Ему жаль было потраченного на розыски времени. На дворе уже стояла осень. За минувшие девять месяцев на железнодорожных станциях Матай и Чокпар были обнаружены двое Игольниковых. Но при проверке они оказались однофамильцами разыскиваемого.

Оставалась последняя надежда — снова позвонить в Центр, навести кое-какие справки. К телефону подошел уже знакомый Жалекену сотрудник. Он сообщил, что буквально перед звонком из Тамбова получено сообщение: Мылов в поле зрения органов. Он живет и работает в городе. Капитан Тлеумагамбетов направил служебное письмо.

Чекисты Тамбова не замедлили с ответом. Через две недели на столе Жалекена лежал присланный ими протокол подробных показаний Мылова. Вот его содержание: «... В Винницком лагере советских военнопленных Игольников был полицаем, а вскоре стал радистом карательной команды «Ягдцуг» и переводчиком оберлейтенанта войск СС Фюрста, который создал команду в Кельне, куда Игольников приехал после окончания Бреслауской школы радистов, что располагалась в здании бывшего ресторана близ вагоностроительного завода»...

Далее следовал рассказ Мылова о карательной деятельности Игольникова против советских партизан в лесах Себежского района Калининской области, Белоруссии, а затем и в Польше. «Повезли нас в Советский Союз, говорил мне как-то Игольников, а куда, не знаем. К исходу вторых суток поезд остановился. От резкого толчка я проснулся и

чуть было не упал с полки на пол. Тут же вскочил на ноги и прильнул к окну вагона. Светало.

Рядом с нашим вагоном угадывались рельсы второго пути. Но дальше, через сотню метров, уже ничего нельзя было различить. Что-то чернело: может быть, лес, а может, горы. Вдалеке попыхивал еще один паровоз. Остановились на каком-то полустанке.

В тамбуре хлопнула дверь, и тотчас послышалась команда на подъем и выгрузку...»

Спустя полчаса Игольников шагал с первым взводом команды «Ягдцуг». Вначале шли вдоль железнодорожного полотна, затем свернули к берегу Себежского озера. Когда поднялось весеннее солнце, на небольшом полуострове, вклинившемся в северо-западную часть озера, показался древний Себеж. Город напоминал крепость, до 1940 года являлся центром укрепленного района, крупным пограничным узлом на железнодорожной магистрали Москва — Рига.

Чувство тревоги, запавшее в душу Игольникова, постепенно улеглось. «Раз привезли в город,— думал он,— значит, все будет хорошо. Хуже попасть в лесную деревушку, окруженную со всех четырех сторон партизанами».

С поздней осени сорок первого он, Игольников, работает на гитлеровцев. За полтора года в его послужной список занесено немало «подвигов» во имя рейха. Ему обещана боевая награда, офицерский чин.

— Надо будет поближе познакомиться с городом,— заметил Игольников, ни к кому не обращаясь.

Но времени на осмотр достопримечательностей не было. Не на экскурсию шли в Себеж гитлеровцы и те, кто примкнул к ним. Немецкое командование срочно готовило большую карательную экспедицию, в которую входили войска СС, специализированные команды, охранные подразделения РОА, части вермахта. Позднее в Себежский район Калининской области были введены подразделения особого соединения «Бранденбург». По замыслу гитлеровцев карательная экспедиция должна была уничтожить партизанские отряды, действовавшие в Себежском, Пустошкинском, Опоческом, Идрицком районах Калининской области, а также в лесах Белоруссии. Дальнейшие события показали, что каратели не смогли выполнить свой план. Партизанские отряды продолжали наносить врагу удар за ударом. Обозленные неудачами гитлеровцы вымещали всю свою злобу на мирных жителях. Они расстреливали жен-

щин и детей, пытали стариков, сжигали дотла населенные пункты. Но все это было позднее.

... На другой день, рано утром, оберлейтенант Фюрст выстроил на плацу у старой казармы своих подчиненных, приказал немедленно получить оружие, боеприпасы. Когда приказ был выполнен, Фюрст сказал:

— Нам отведена большая территория. Будем ее прочесывать. Партизан расстреливать на месте. Поможем подразделениям «Бранденбурга» навести должный порядок...

... Игольников, получивший в Красной Армии хорошую физическую закалку, не отставал от оберлейтенанта, ехавшего впереди команды на мотоцикле. Это устраивало обоих. Фюрст нуждался в хорошем переводчике и верном телохранителе.

Еще издали Игольников увидел косматые клубы дыма, тянувшиеся к небу. Это горело село Дединьское, в котором успели побывать бранденбургцы. Огонь пожирал дома, надворные постройки. Людей, пытавшихся спастись на огородах, возле пруда, расстреливали из автоматов.

Через некоторое время темные грозовые тучи закрыли солнце. Хлынул проливной дождь. Горящее село превратилось в дымящиеся руины.

Во второй половине дня команда оберлейтенанта Фюрста ворвалась в соседнюю деревушку. Игольников, другие каратели поджигали хаты, расстреливали сельчан, угоняли скот.

Точно в угаре носился по селу Игольников. В крайней избе очередью из автомата он прикончил старика и мальчонку. Ошалело кричал:

— Поджигай деревню! Смерть партизанам!

Когда над домами заклубился дым, какая-то женщина, стоявшая в толпе, окруженной карателями, крикнула: «Что вы, изверги, делаете? Господь не простит вам этого». Игольников бросился на крик, схватил женщину за волосы, вытащил ее из толпы и на глазах у всех расстрелял.

Всего с марта по июнь в двух волостях — Дединьской и Ляховской — каратели сожгли пятьдесят деревень, расстреляли около ста человек. Много детей и женщин угнали в Германию.

Во время уборки хлеба каратели из команды Фюрста отбирали у крестьян намолоченное зерно, отправляли его в Германию.

Как-то оберлейтенант Фюрст приказал взводу карателей брать у крестьян масло, яйца, другие продукты. Когда

подошли к деревне, взвод разделился на две группы. В одной из них был Игольников. Позднее он докладывал обер-лейтенанту:

— Мы им говорим «давай», а они отвечают: «Нет ничего, сами с голоду подыхаем». Одна старуха, увидев, что я вынес из кладовой корзинку с десятком яиц, бросилась отнимать ее у меня. Я оттолкнул ее, пригрозил автоматом. Но старуха не унималась. Она сказала: «И как тебе не стыдно, стервец! Ведь ты же русский. Что ты делаешь». Пришлось успокоить ее.

— Молодец!

На обратном пути каратели напоролись на засаду партизан и в перестрелке потеряли несколько человек. А вскоре из команды «Ягдцуг» ушла к партизанам группа военнопленных. Команду расформировали. Игольникова, по рекомендации обер-лейтенанта Фюрста, перевели в карательный отряд, действовавший на территории Польши. Здесь он принял участие в операциях против польских партизан, и весной тысяча девятьсот сорок четвертого года, когда каратели были разбиты, попал в зондерлагерь, что находился в Торуне.

У Игольникова в лагере появились новые друзья, ставшие впоследствии его спутниками по службе у гитлеровцев до окончания войны. Один из них — Мылов, приехавший в Торунь вскоре после Игольникова.

Игольников без утайки рассказал Мылову, что в Красной Армии был младшим командиром и в начале войны исполнял обязанности начальника полевой радиостанции. В одном из жарких боев, улучив момент, перешел на сторону гитлеровцев.

— Почему ты и твои друзья, уже служившие в немецкой армии, оказались в Торунском зондерлагере? — спросил Мылов.

— Карательная команда, в которой я служил,— сказал Игольников,— была в жарких переплетах, и в Торунь прибыли ее жалкие остатки. Здесь я узнал, что нас, оставшихся в живых, намереваются перебросить на оккупированные территории Советского Союза. Мне стало не по себе. И если говорить начистоту, я боюсь погибнуть от партизанской пули. Вот и пристроился в зондерлагере. Как видишь, пока живой.

В то время Мылов за себя не боялся, так как кроме физического труда он ничем не способствовал гитлеровцам в их войне против Советской России. Чего же боится Иголь-

ников? Когда разговор коснулся этой темы, каратель из команды «Ягдцуг» сказал:

— Мне в Советском Союзе делать нечего. Хлебнули мы там с матерью горя. Когда раскулачили и посадили отца, вся семья распалась. Два брата уехали на север, в Мурманск, сестра — в Казахстан. Я и мать несколько лет жили у себя, в Вологодской области. Потом переехали в Мурманск к брату Федору. Человек он крутой, эгоистичный. Над матерью измывался...

Игольников помолчал, припоминая что-то, потом выдохнул:

— Так что хватит! Кусок хлеба я и у немцев заработаю. Хоть сидеть не буду. А там — верная тюрьма... Выследят чекисты и посадят.

— Так-то оно так,— согласился Мылов. — Да ведь это Родина наша. Ну, накажут за провинность, потом простят.

— Черта с два,— огрызнулся Игольников. — Тебя пожалели, когда с мясокомбината уволок несколько банок консервов?

Мылов удивился этой осведомленности, ответил:

— Дали пять лет. Война помогла, а то бы еще сидел.

— Вот, вот! — криво усмехнулся Игольников. — Ну нет, я все сделаю, но в Россию больше не вернусь. Даже если немцы выиграют эту войну.

Прошло еще некоторое время, и Мылов в составе команды из 15 человек убыл на работу в Данциг, а Игольников уехал в Бромберг, затем снова вернулся в Торунь.

* * *

Как контрразведчик, Жалекен знал о народном сопротивлении фашизму в минувшую войну. По приказу Гитлера и рейхсфюрера войск СС Гиммлера создавались многочисленные спецотряды палачей. Это были эйнзатцгруппы СД, зондеркоманды, истребительные соединения войск СС, другие формирования. О них Жалекен Тлеумагамбетов слышал не раз. А вот о команде «Ягдцуг» у него не было никаких сведений. Следовало разобраться.

«Вот тебе и Игольников,— подумал про себя Тлеумагамбетов. — Теперь ясно, что мы разыскиваем опытного врага, меняющего, подобно хамелеону, цвет своей шкуры».

Жалекен вызвал в кабинет Рэма Михайловича, и они вдвоем стали разрабатывать дополнительные мероприятия. Мылов в своих показаниях назвал фамилии людей, находившихся вместе с Игольниковым на службе у гитлеровцев.

В их числе были Ванович Сергей, Жигайлов Петр, Дударь и другие. Розыск и допрос предателей Родины могли пролить свет на деятельность Игольникова в стане врага.

— Но это еще не все,— сказал Рэму Жалекен.— Надо оказать практическую помощь нашим линейным органам и тем самым ускорить розыск самого Игольникова.

На следующий день утром Тлеумагамбетов доложил начальнику управления о своих планах. Он сказал:

— Надо бы съездить в местные органы, посмотреть, как они ведут розыск Игольникова. Помочь советом, а если потребуется, принять непосредственное участие в проведении ответственных мероприятий.

Начальник одобрил инициативу. Но самому Жалекену не удалось побывать во всех подразделениях МГБ, расположенных на линии железной дороги. Неотложные дела в управлении помешали.

Едва вернувшись с северного участка, Тлеумагамбетов отправил в командировку Карташова. Но тот вскоре вернулся, так и не получив новых данных об Игольникове. Выслушав доклад чекиста, Жалекен сказал:

— Надо больше внимания уделять организации розыска Игольникова здесь, в Алма-Ате. Еще раз следует проверить объекты службы связи.

— Я дважды это делал, товарищ капитан,— заметил Карташов. — Правда, за последние три месяца, возможно, приняты новые люди...

— Вот-вот,— согласился Жалекен. — Завтра же наведи о них справки. Не забудь заглянуть к ремонтникам.

Ранним утром Рэм Михайлович пошел на станцию Алма-Ата вторая, чтобы поспеть на первую «горветку». Так тогда называли пассажирский поезд, который несколько раз в сутки курсировал между двумя железнодорожными станциями города.

Карташов, слывший среди чекистов хорошим спортсменом, легко шагал по пустынной улице. И все же чуть не опоздал на поезд. Вскочив на подножку, долго не выпускал из рук холодных поручней. На остановке «Элеватор» Рэм Михайлович спрыгнул на землю и, перейдя по мосту через Сухой лог, направился к ремонтным мастерским службы связи. В годы Великой Отечественной войны на этом крошечном предприятии было налажено производство аппаратуры связи для армии. Люди, в основном женщины и подростки, сутками не выходили из подслеповатых, закопченных помещений, выполняя по три, а то и четыре нормы.

«Чем черт не шутит, когда чекист спит,— думал Карташов, шагая по направлению к ремонтным мастерским связи.— Может, и в самом деле где-то здесь, в мастерских, пристроился бывший «ягдцуговец». И как это я раньше не сообразил. Надо было давно побывать в этих местах еще раз».

Просматривая списки людей, что работали в мастерских, Карташов задерживал свой взгляд на фамилиях вновь принятых. Но не нашел среди них Игольникова. «Опять неудача»,— вздохнул он и, возвратив списки инспектору по кадрам, направился в сторону главного материального склада. На виадуке остановился, залюбовался панорамой станции. Она строилась, набирала силу. Деловито пыхтели паровозы, лязгали потревоженные толчками буфера. Идти в управление не хотелось: своим докладом наверняка расстроишь Жалекена. Но, как говорится, служба есть служба.

Однажды, а точнее ранней весной 1947 года, неподалеку от ворот базы райтрансторгпита Карташов встретил мужчину. Поношенная военная гимнастерка без погон и начищенный знак «Гвардия», говорили о том, что мужчина был на фронте.

Встреча была мимолетной, но Рэм Михайлович успел заметить бледное, слегка припухшее лицо, выцветевшие на солнце брови. «Где-то я его уже видел»,— мелькнула мысль. Но мужчина уже прошел мимо и заспешил по улице Шолохова.

— Черт возьми! — невольно ругнулся Карташов. — На кого он все-таки похож?

Чекист озадаченно смотрел в спину быстро удалявшегося мужчины. Тот уже скрылся за поворотом, а Рэм Михайлович все еще стоял и думал: «Да нет у меня в розыске такого белобрысого». Машинально посмотрел на часы. Без четверти шесть. Карташов ускорил шаг.

Весь вечер Рэм Михайлович просматривал почту. Затем пил в буфете чай. Но мысль о прохожем ни на минуту не оставляла его. Уже в управлении Карташов сообразил, что повстречавшийся ему человек чем-то напоминает Игольникова.

«Почему я не пошел за ним? Какая опрометчивость! Где теперь искать его?»— думал чекист, допивая стакан крепкого чая. Он не мог простить себе этой оплошности. Надо, надо было пойти за незнакомцем, узнать кто он такой, где живет и работает.

Домой Карташов пришел поздно ночью. Михаил Павлович, отец Рэма, незадолго до войны ушедший из органов НКВД на руководящую партийную работу, внимательно посмотрел на сына, спросил:

— Что такой мрачный? Устал или нелады какие по работе?

— Есть и то, и другое,— сознался Рэм Михайлович.

— Вот как! Что же могло случиться?

Пришлось рассказать все без утайки.

— Видишь, как получилось. Выходит, потерял,— вздохнул Карташов.

— Не потерял. А не сообразил вовремя,— заметил Михаил Павлович.

— Надо было не терять его из виду, следовать за ним, узнать, где он живет. Потом выяснилось бы все остальное. Он или не он,— сокрушался Рэм.

— Конечно, конечно! Все это надо было сделать. Но ты не убивайся. Дело поправимое. С Жалекеном посоветовался?

— Нет еще. Сегодня не смог увидеть его. Он занят весь вечер: готовит какой-то срочный документ...

— Ну не горюй. Утро вечера мудренее. Ложись спать...

Жалекен Тлеумагамбетов, выслушав Карташова, сказал:

— Не теряй времени. Проверь, не работает ли этот человек на базе райтрансторгпита или на мелькомбинате. Если нет, возьми под контроль все предприятия и организации, расположенные в северо-восточной части города.

Вначале Карташов посетил базу райтрансторгпита, затем мелькомбинат. Игольникова на них не оказалось. Зато в списках рабочих элеватора числился репатриированный из Западной Германии некто Ерохин. Он, как и Игольников, блондин. Но по другим признакам ничего общего с разыскиваемым не имел.

В райпромкомбинате Рэм Михайлович встретил бывшего военнопленного Силантьева. Но при личном знакомстве выяснилось, что у него нет кисти левой руки. К тому же он был коренной алмаатинец.

Карташов побывал на других предприятиях. Иногда встречал людей, чем-то внешне похожих на разыскиваемого. Но настоящего Игольникова не было. Он точно в воду канул.

Но проделанная Карташовым работа не прошла бесследно. Рэм Михайлович пришел к выводу, что тщательную

проверку надо провести и на объектах Октябрьского района столицы. Согласовав свои действия с капитаном Тлеумагамбетовым, он до начала рабочего дня был уже в ремонтных мастерских связи. Сюда Рэм Михайлович заглядывал и раньше, поэтому его появлению рано утром никто не удивился. В мастерских не было станочного шума, какой присущ большим механическим цехам паровозного депо, и Карташов, не повышая голоса, разговаривал с рабочими, которые, как и он, пришли пораньше. И вдруг увидел человека с припухшим лицом и выцветшими бровями. Он стоял у стола и рассматривал диспетчерский аппарат. Человек был без фуражки, пряди белесых волос ниспадали к бровям. Изредка он поднимал голову, что-то объяснял стоявшему рядом молодому парню, и тогда были видны его голубые глаза.

Рэм Михайлович, не привлекая особого внимания, вышел из мастерских, направился в контору к инспектору по кадрам.

— Я вижу, у вас в мастерских новичок появился?— спросил Карташов, усаживаясь на стул.

— Да. Это мастер по ремонту радиоаппаратуры Северинов. Несколько человек военкомат прислал. К нам попали двое — Северинов и еще один. Стоящие товарищи. А что?

— Да так просто,— ответил Рэм Михайлович.

Про себя же подумал: «Смотри, как похож на Игольникова». Поинтересовался ходом выполнения плана ремонта аппаратуры связи, текущими делами и только после этого ушел в отделение МГБ.

Вечером того же дня Карташов доложил Жалекену, что наконец нашел того, белобрысого. Вместе они еще раз просмотрели все документы дела, где упоминались приметы Игольникова, хотя в этом не было особой нужды: тот и другой хорошо помнили приметы. Долго искали пути подхода к подозреваемому. Надо было, не откладывая дела в долгий ящик, разобраться с этим человеком.

— Постой, постой! — воскликнул Жалекен. — А этот разведчик, о котором как-то, правда, давно, ты мне говорил. Как же его фамилия?

— О ком это? Что-то не припомню я разведчика.

— Да как же не помнишь?! Демобилизованный из армии. Радист. Вот черт, случится же такое!

— Не Семенов ли? — спросил Рэм Михайлович.

— Да, да, он! Надо переговорить с ним. Может, внесет какую-то ясность. Найди его, пригласи завтра вечером зайти в отделение МГБ. Вместе и поговорим о Северинове.

Уже стемнело, когда Семенов вошел в здание МГБ Алма-Атинского отделения железной дороги. В кабинете, куда пригласил его Карташов, Семенов увидел незнакомого ему человека и остановился в нерешительности у двери.

— Вы, оказывается, заняты. Мне обождать?

— Нет, нет, проходите. Это мой начальник. Знакомьтесь.

Жалекен пожал руку Семенову, предложил стул.

— Вы, говорят, старый и опытный разведчик? — Жалекен испытующе посмотрел на Семенова.

— Да,— спокойно ответил тот. — До войны, когда служил на действительной, некоторое время работал в особом отделе. На фронте несколько раз ходил в тыл врага.

— Вот как! — улыбнулся Жалекен. — А почему после войны не пошли на работу в наши органы?

— Решил продолжить свое образование в области радиотехники. Тянет меня к этому делу. Думаю осенью поступить в институт. Сюда же приехал к семье. Мать, жена и ребенок эвакуировались, почти всю войну прожили в Алма-Ате. Да так здесь и остались. Обзавелись хозяйством, купили небольшой домик по ту сторону депо.

Семенов указал рукой на запад. Достал из кармана пиджака пачку «Беломора», спросил, можно ли закурить. После небольшой паузы Семенов, разогнав перед лицом рукой табачный дым, сказал:

— Я слушаю вас.

— Вы знакомы с Севериновым? — спросил Тлеумагамбетов.

— Да. А что? Он вас интересует?

— Давно Северинов работает в мастерских, и кто он такой?

— Я его мало знаю,— ответил Семенов. — Встречаемся только на работе и то не каждый день. Он ведь в другом цехе. Обедаем вместе в столовой. Иногда возникают споры о радиотехнике. Сергей Павлович, надо сказать, свои взгляды по технике умеет отстаивать. Каждый вывод у него обоснован, аргументирован. В общем, рассудительный мужик. Чувствуется хорошая физическая закалка. Наши молодки около него увиваются, а он как будто не замечает их. Со всеми, и с девчатами, и с ребятами держится одинаково ровно. Никому предпочтеиия не делает, по-настоящему ни

с кем не дружит. Может быть, потому, что недавно работает у нас, всего месяц-полтора.

Семенов задумался, взял еще одну папиросу. Но закуривать не стал.

— Новичок этот Северинов, присматривается. Грамотный, в Мурманске закончил среднюю школу. Знает немецкий язык. Всю войну, говорит, прослужил радистом и якобы участвовал в разгроме немцев под Прагой. Имеет гвардейский значок. Готовится к поступлению в техникум связи.

— Где он проживает сейчас? — спросил Карташов.

— Там же, где и я: в железнодорожном поселке Пятилетка. Снимает небольшую комнатку у одной старушки. По поводу его осведомленности о немецких радиопередатчиках я хотел как-то обратиться к вам, да видно запоздал. Сами пришли...

— Этот Северинов очевидно тот, кого мы ищем,— сказал Жалекен, как только Семенов закрыл за собою дверь.— Его рост, цвет волос и глаз, отчество идентичны с данными на разыскиваемого. Надо бы показать его кому-нибудь из свидетелей. Но они далеко. Вот если бы мы имели фотокарточку.

Тлеумагамбетов подумал, спросил:

— Ты, Рэм Михайлович, не смог бы добыть фотокарточку?

— Пожалуй, смогу,— ответил Карташов. — Может быть, не так скоро, но сделаю...

— Постарайся.

На следующий день утром секретарь принесла папку с почтой и, положив ее на стол, попросила капитана не задерживать документы.

— Ладно,— сказал Жалекен.

В папке оказался протокол показаний свидетеля Вановича Сергея Васильевича, осужденного в 1945 году за измену Родине. Жалекен быстро просмотрел остальную пачку и стал читать протокол. В нем подробно описывались уже известные похождения Игольникова на территории временно оккупированного гитлеровцами Себежского района Калининской области. Прочитав эту часть показаний, Жалекен подумал, что этот Ванович, пожалуй, ничего нового не сказал. Стал быстро просматривать остальные страницы. Вдруг его взгляд остановился. «Здесь, кажется, что-то есть». Спустя некоторое время тихо скрипнула дверь. Не успел Жалекен поднять голову, как в кабинет вошел Рэм Михайлович. Сказал:

— Я закончил подготовку к поездке на Алма-Ату первую. Разрешите доложить о намеченных мероприятиях?

— Обожди,— сказал Жалекен. — Придется отложить поездку на один-два дня. Сегодня и завтра будешь знакомиться вот с этим документом. В нем показания свидетеля Вановича по делу Игольникова.

Капитан взял протокол и вновь положил перед собой.

— Я отдам его, как только сам прочитаю. С учетом новых данных, а их в этом документе немало, наметим мероприятия по дальнейшей проверке Северинова. Изменник Родины Игольников, оказывается, не только каратель, но и агент абвера, прошедший подготовку в Вайгельсдорфской школе диверсантов.

— Судя по данным информации,— заметил Карташов,— к этому привела известная позиция гитлеровцев о преуменьшении военной мощи и готовности СССР к войне.

— Это верно,— согласился Жалекен.— Многие советские контрразведчики знали, что ведомство Канариса активизировало разведывательную деятельность против Советского Союза незадолго до нападения. Точнее, после победы гитлеровцев во Франции и Польше. Именно к тому времени относится создание на территории Германии, в ряде стран Европы крупных разведывательных центров абвера, диверсионных школ. Среди них был и Бреслауский центр, где в школе радистов учился разыскиваемый нами Игольников. Из показания Вановича видно, что этот матерый шпион успел окончить Вайгельсдорфскую школу диверсантов. Там же учились его соучастники по преступлениям Мылов, Жигайлов, Дударь, Ванович и другие. В протоколе показаний названы их подлинные имена.

Разговор чекистов прервал телефонный звонок. Жалекен взял трубку. Потом сказал:

— Нам с вами нужна информация о Бреслауском центре, подробнее о Бреслауской школе радистов и Вайгельсдорфской школе диверсантов. Возьми в секретариате все имеющиеся по этому вопросу документы, тщательно их изучи. Следует помнить, что многие свидетели по делу являются изменниками Родины и, рассказывая о поведении Игольникова в тылу у немцев, стараются выгородить себя, свалить часть вины на другого. Они шельмуют и оговаривают друг друга. Мы должны быть объективными, ловить в показаниях фальшивые нотки.

Капитан Тлеумагамбетов встал из-за стола, открыл сейф, достал из него листок с записями, отдал Карташову.

— Вот здесь указаны все нужные нам документы.

Когда Рэм Михайлович вышел, Жалекен еще раз перечитал ту часть показаний, где Ванович говорил о массовой вербовке военнопленных в Торунском зондерлагере.

Ванович рассказывал, что однажды после завтрака Иван Узлов, до войны дважды судимый, а в зондерлагере исполнявший обязанности посыльного, подошел к Игольникову, что-то ему сказал. Игольников тут же встал, положил под подушку немецкую газету, которую читал ежедневно и переводил содержание отдельных статей своим друзьям, оправил одежду и ушел. Через два часа он вернулся. Сел на кровать, вытащил газету и уткнулся в нее. Все, кто в это время был в помещении, наблюдали за ним. Ванович, с которым Игольников находился в Винницком лагере советских военнопленных и там познакомился, не вытерпел, подошел к Игольникову, сел рядом. Участливо спросил:

— Кто тебя вызывал? Зачем?

Игольников не ответил. Ванович повторил свой вопрос. Тогда Игольников резко повернулся к нему, грубо бросил:

— Отстань! Придет время, узнаешь...

После обеда гитлеровцы пригласили на беседу Мылова. Когда он вернулся, то тоже ничего не сказал. Молча собрал свои вещи, пошел к Игольникову. Затем они ушли в другой блок, до этого пустовавший.

Так продолжалось несколько дней. Вызванные возвращались, забирали свои пожитки и уходили. Было заметно, что побывавшие в канцелярии лагеря старались избегать тех, кого еще не вызывали.. И эти, оставшиеся, вели себя настороженно, с тревогой ожидая своего часа.

Только Яшпай Ходжамурзин, занимавший койку рядом с Игольниковым, вернулся в хорошем настроении. Постоял у блока, выкурил сигарету и после этого не спеша вытянул из-под кровати небольшой поношенный чемодан.

Последним был вызван Ванович. Случилось это вечером, после ужина. А так как в эту пору обычно никого не приглашали в канцелярию, то Ванович подумал, что дадут какую-нибудь работу по лагерю. Да и вызывал его, как сказал посыльный Узлов, комендант зондерлагеря Раевский, который в начале войны был военным. Нередко приходилось видеть, как Раевский вытягивался перед большим начальством, навещавшим иногда лагерь, бойко докладывал обстановку. На нем ладно сидела форма офицера войск СС, и Ванович, почти ежедневно встречавший Раевского, думал, что он искусно маскируется под фрица.

В канцелярии вместо обычного окрика Ванович услышал от Раевского вежливое приглашение сесть на стул, стоявший неподалеку от письменного стола. Комендант не спеша закурил и, увидев, что Ванович все еще стоит, вторично пригласил его сесть.

— Ну, как себя чувствуете?— спросил Раевский.

— Самочувствие хорошее,— ответил Ванович, а про себя подумал: «Смотри-ка, на вы называет. Что с ним случилось?»

— Это хорошо,— сказал Раевский.— Великой Германии нужны крепкие, здоровые и преданные фюреру люди, которые могли бы успешно вести борьбу против большевиков.

Время от времени Ванович поддакивал Раевскому, чувствуя, что тот еще не сказал главного. Наконец, очевидно решив, что сказанное произвело должное впечатление, комендант спросил:

— Ну как, согласны работать в пользу великой Германии?

— Да, согласен,— поспешно ответил Ванович.

Раевский встал из-за стола и предложил следовать за ним. Вначале шли коридором, потом свернули в небольшую приемную. Оставив Вановича под присмотром молодого унтер-офицера, Раевский зашел в кабинет и спустя минут десять приоткрыл дверь.

Человек, сидевший за большим письменным столом и разговаривавший с кем-то по телефону, был известен в зондерлагере как офицер военной разведки гитлеровской Германии — зондерфюрер Шульц. Закончив разговор и положив телефонную трубку, он на ломаном русском языке сказал:

— Господин Раевски доложиль мне о вашем согласии работать на великая Германия. Это так? Это все правильно я понимаю?

Ванович тотчас вскочил со стула.

— Так точно, господин зондерфюрер!

Шульц благосклонно кивнул головой, стал подробно и нудно объяснять, как это важно сейчас для третьего рейха. Он говорил, что Ванович, как хороший радист, будет помогать абверу в разведывательной работе. Ванович, наконец, понял, куда клонят Раевский и Шульц.

Закончив свою речь, зондерфюрер сказал:

— В интересах дела вы, господин Ванович, впредь будете называться Шептицким. Запомните — Шептицким!

Вановича отпустили после того, как он заполнил длинную анкету, поставил под ней свою подпись, дал обязательство. Прощаясь, Шульц предупредил, что содержание их беседы должно храниться в строгой тайне. Вановичу было приказано переселиться в блок, где живет Игольников и его друзья.

Уже по дороге в блок Ванович вспомнил всех тех, кого вызывали последние дни в канцелярию. Так вот почему они не хотели, а вернее, не могли говорить о встречах с Раевским и Шульцем...

Когда Ходжамурзин пришел в блок, отведенный для завербованных агентов-радистов, к нему тотчас подсел Игольников.

— Что же нам теперь делать?— спросил он.

— Не знаю,— вздохнул Яшпай.— Подумать надо, обговорить все это. Медлить нельзя. Или сейчас, или же все наши планы останутся мечтой. А может, не стоит торопиться? Посмотрим, что они с нами дальше будут делать. Вдруг забросят в тыл Красной Армии. Это то, что надо!

— А кто еще с нами?— спросил Игольников.— Всем в одну группу попасть дело нелегкое.

— Да нас немного,— ухмыльнулся Яшпай.— Ты да я...

Их дальнейший разговор прервал подошедший Мылов.

— О чем вы тут шепчетесь?

— Да так,— уклоняясь от ответа, сказал Яшпай.— Любовные дела обсуждаем. Давно в увольнении не были. По девочкам соскучились.

— Хватит трепаться!— буркнул Мылов и отошел в сторону.

Только по фамилии да имени Яшпая Ходжамурзина можно было принять за мусульманина. Своим обликом, чистой речью он больше смахивал на русского. Еще до зондерлагеря в Торуни вынашивал план побега из плена. Но вскоре пришел к выводу, что одному за такое дело браться не следует. Стал искать сообщника. В зондерлагере присматривался к Игольникову, подружился с ним. В один из вечеров, на прогулке, поделился с Игольниковым своим планом. О побеге Яшпай говорил и на этот раз.

Через несколько дней, рано утром, радистов, а их набралось человек пятьдесят, построили во дворе. Из канцелярии вышли Шульц и Раевский, о чем-то оживленно беседовавшие. Поздоровались. Раевский объявил, что все поедут учиться в школу.

— В какую?— спросил кто-то из радистов.

— Узнаете позже. Бояться не надо. А сейчас разойдись!

В блоке разговор о школе не прекращался до вечера. Кое-кто из завербованных знал, что гитлеровцы, в целях получения нужной информации о своем противнике, используют агентов, засылаемых к нам в тыл. Другие не верили этому. Разгорелся спор. Потом все пришли к выводу, что по всей вероятности пошлют в школу военной разведки, поскольку Шульц является офицером абвера. Но никто не знал, чему конкретно будут обучать в этой школе. Яшпай, улучив момент, позвал Игольникова во двор покурить. С разрешения Раевского они ушли на берег Вислы и долго сидели у самой воды, обсуждая варианты побега.

— А что, если убежать тотчас после посадки в вагон?— предложил Яшпай.

— А как?

— Через окно уборной.

Игольников помолчал, обдумывая что-то. Потом сказал:

— Да, этот вариант, пожалуй, самый надежный.

Яшпай развил свою мысль:

— Попросимся покурить. Пойдем в тамбур. Из него в удобный момент я зайду в туалет. И — в окно. Когда на той стороне буду, легонько стукну о стенку вагона. Ты не зевай. Когда поезд тронется, мы уйдем к одному моему знакомому. Он укроет нас на время. А там свяжемся с польскими партизанами...

На этом и порешили.

Ночью всех подняли по тревоге. Велели одеться, собрать вещи, которых у каждого было немного. Спустя минут пять-шесть построились во дворе. Под прикрытием ночи вышли из крепости, направились к железнодорожной станции. Погрузились в спальный вагон. Отдельное купе заняли Раевский и эсэсовцы.

Ходжамурзин с Игольниковым довольно долго околачивались в тамбуре. Выкурили по две сигареты, а выхода из создавшегося положения найти не могли: туалет оказался закрытым. Наконец Яшпай решился.

— Терпенья нет,— сказал он вошедшему в тамбур проводнику.— Мне по малой нужде. Открой туалет.

— Ну что же, со всяким может случиться такое,— вздохнул проводник, старый, с обвислыми седыми усами поляк.

Ходжамурзин юркнул в туалет, без особого труда открыл окно и, держась руками за кромку рамы, спрыгнул на землю. Нащупал камень, подал условный сигнал. Но

тут открылась входная дверь вагона. «Куда же он полез,— подумал Ходжамурзин.— Договорились ведь». И вздрогнул. На него в упор смотрел черный глазок немецкого автомата.

— Хальт! Хэнде хох!*— послышалась команда.

Яшпай поднял руки.

Раевский и два эсэсовца вели Ходжамурзина по перрону к вокзалу. Занималось пасмурное серое утро. Яшпай шел сгорбившись под тяжестью внезапно свалившегося горя. Думал: «А как Игольников? Успел ли избежать ареста?»

Игольников, Мылов, другие радисты стояли у окон вагона, смотрели в спину Ходжамурзина. Вот он поднял голову, оглянулся и скрылся в проеме вокзальной двери.

В пути поезд часто останавливался на станциях и полустанках. К месту назначения прибыли через два дня. Это было местечко Вайгельсдорф в Верхней Силезии. Школа размещалась в особняках, обнесенных со всех сторон высоким забором. Радисты устроились в помещении, изолированном от других зданий. Ванович, Игольников и Мылов попали в одну комнату.

Сунув сумку с вещами под кровать, Игольников отправился осматривать школу. Около часа шлялся по двору, а когда вернулся, раскрыл окно и долго смотрел на лес, темнеющий за высоким забором.

Учеба в школе продолжалась с июня по ноябрь 1944 года. Постепенно узнали, что Бреслау, где Игольников окончил школу радистов, и Вайгельсдорфская школа по подготовке агентов-диверсантов были крупными учебными разведывательными центрами военной разведки, выполнявшими приказ Гитлера по подготовке агентуры и заброске ее в тыл Советской Армии.

Когда занятия подходили к концу, в школу приехали Раевский, несколько офицеров войск СС, пропагандисты. Они стали убеждать изменников Родины в том, что пришло время вступить в ряды вновь организуемой армии под командованием русского генерала Власова. Многие встретили это сообщение с энтузиазмом. Игольников сник. Он кое-что знал о положении на Восточном фронте и ему не хотелось идти под пули своих соотечественников.

Комендант Раевский заявил:

— Нам остается одно — продолжить борьбу против

* Хальт! Хэнде хох!— Стой! Руки вверх! (нем.).

большевиков в составе армии Власова, которая формируется под непосредственным руководством рейхсфюрера Гиммлера.

Раевский подробно рассказал о заключенном в ноябре 1944 года договоре между Власовым и правительством Германии о совместной борьбе против Советского Союза. Эта сделка подкреплена деньгами, оружием, снаряжением.

— Так что,— заметил Раевский,— будем обеспечены всем необходимым. Еще и на девочек хватит.

Ни один из выступивших не сказал о причине столь поспешной ликвидации школы. А она была одна: гитлеровская армия к этому времени потерпела на Восточном фронте ряд крупных поражений и ей нужны были люди, способные носить оружие, защищать фашизм.

Фельдмаршал Рундштедт 21 сентября 1944 года представил циркулярное письмо, в котором есть такие слова: «Фюрер приказал: поскольку борьба на многих участках перекинулась на немецкую территорию... использование каждого боеспособного человека должно достигнуть максимальной степени».

Игольников, Ванович, Мылов, Дударь, Жигайлов попали в состав взвода связи третьего артдивизиона первой власовской дивизии, формировавшейся изменником Родины полковником Буняченко в Мюзенгене.

Когда приехали к месту новой службы, то были приятно удивлены. Мылова с ходу произвели в лейтенанты и назначили командиром взвода связи. Игольникова поставили на должность радиомастера. Получили «теплые» места и остальные.

В апреле 1945 года на смотр своей первой дивизии приехал генерал Власов. Увидев его на строевом плацу, Игольников как-то оторопел. Он представлял генерала совсем другим: статным, подтянутым, строгим. А тот оказался почти стариком с испитым лицом. Хотел было высказать свое удивление стоявшему рядом Жигайлову, но лейтенант Мылов крикнул:

— Прекратить разговорчики!

Только вечером, когда небольшая группа курильщиков уселась на скамейку, стоявшую у казармы, солдаты-власовцы развязали языки.

— Командующий-то у нас не того,— зашептал Дударь.— Высокий, худой. Ноги, как жерди, вставленные в сапоги. Кости через кожу просвечивают.

— Да,— отозвался Игольников.— Зря на меня лейте-

нант зыкнул, когда я замечание в адрес генерала сделал. С таким командующим долго не навоюешь.

— И вообще он какой-то,— вставил Жигайлов.— Лицо в морщинах, царапинах. Наверное, какая-нибудь красотка погладила своими коготками. Под глазами синие мешки. Пьет, наверное, много.

— Ну, хватит об этом,— сказал Игольников.— Еще ненароком кто услышит. Наше дело солдатское. Плохой был бы, до генерала не дослужился.

Солдаты молча разошлись.

А на другой день, когда Власов уехал, по дивизии поползли слухи, что генералу нет и пятидесяти, что он любит покутить и слывет в офицерской среде неисправимым бабником.

Едва Власов уехал из Мюзенгена, как первая дивизия во главе с полковником Буняченко двинулась к Штеттину. Там, в 80 километрах от города, она заняла оборону, вступила в бой с передовыми частями Советской Армии.

Шестнадцатого апреля, на рассвете, тысячи советских орудий открыли огонь по позициям гитлеровских войск у Кюстрина, возвестив миру о начале Берлинской операции. Власов, его сообщники Закутный, Трухин и другие, почуяв опасность, словно крысы с тонущего корабля, убежали из Берлина. Они боялись рокового, теперь уже неотвратимого часа расплаты за свои кровавые злодеяния, совершенные в угоду гитлеровцам на временно оккупированной советской земле.

По предварительному сговору власовцы съехались в Карловы Вары. Теперь им было не до спасения России. После длительных споров, взаимных упреков и оскорблений они решили пойти на обман гитлеровцев, захватить Прагу и передать ее американцам, а вместе с «подарком» и самим перейти на территорию, занятую войсками США. С этой целью Власов отозвал с фронта в столицу Чехословакии свои первую и вторую дивизии. Но пятого мая в Праге началось восстание, поднятое подпольным Чешским Национальным Советом. Дивизия же Буняченко прибыла в город только шестого мая. Ее появление было встречено реакционными элементами с восторгом. Но Власов побоялся вступать в открытый бой и отозвал свое войско. В Злату Прагу с песнями и музыкой вошли гвардейские части маршала Конева. Власовцы разрозненными группами отошли в район Пльзеня, занятый 7-й американской армией.

Заметную «оперативность» проявили Игольников, Мылов и другие. Не ожидая дальнейших событий, они сбросили с себя военное обмундирование, переоделись во все гражданское и убежали к союзникам.

* * *

Прошло некоторое время, и Рэм Михайлович Карташов вновь встретился с капитаном Тлеумагамбетовым. Еще с порога, едва поздоровавшись, сказал:

— Оказывается, Северинов не имеет паспорта. Прописался в Алма-Ате по временному удостоверению, которое получил в Теректинском районе Западно-Казахстанской области.

— Смотри-ка!— воскликнул Жалекен.— Выходит, после демобилизации из армии он поехал в Казахстан. Не к сестре ли разыскиваемого нами Игольникова? Если это так, то мы в розыске Игольникова взяли верный курс. А от кого ты узнал все это?

— Рассказал участковый уполномоченный, обслуживающий железнодорожный поселок Пятилетку. Он же обещал показать временное удостоверение Северинова. Фотокарточка, наклеенная на него, не заверена печатью.

— Вот как! Может, удостоверение поддельное?

— Участковый говорит, нет.

Через сутки Рэм Михайлович вернулся в управление и сразу же пошел к капитану. Жалекен, читавший в это время протоколы показаний свидетелей Дударя и Жигайлова, отложил папку, пригласил Карташова к столу.

— Ну, как?

— Вот временное удостоверение Северинова,— сказал Рэм Михайлович.

Жалекен долго рассматривал документ и, не обнаружив подделки, задумался. За окном бушевал майский день. Цвели сады, шелестели шинами машины, переговаривались прохожие. Над окном, под козырьком крыши, ворковали голуби. Капитан в забытьи помял пальцами переносицу и, повернувшись к Карташову, сказал:

— Надо срочно проверить, кому было выдано удостоверение и почему на нем нет печати. Фотокарточку Северинова размножить и послать нашим органам в Тамбов, другие места. Пусть покажут ее Вановичу, Мылову, Дударю, Жигайлову, всем, кто служил вместе с Игольниковым.

— Северинов подал документы в Алма-Атинский техникум связи,— заметил Рэм Михайлович.

— Пусть сдает экзамены. Может, мы ошибочно подозреваем в нем Игольникова.

— Все может быть,— согласился Карташов.

Сообщение Семенова о том, что Северинов, по его словам, был призван в Красную Армию в Мурманске, не подтвердилось. Но в списках Кировского райвоенкомата Мурманска числился призванный одиннадцатого августа 1939 года Игольников Сергей Павлович. Из армии демобилизован после войны, десятого июля 1946 года. Обратно в Мурманск не вернулся.

Через несколько дней стали известны результаты проверки временного удостоверения Северинова. Оно оказалось действительным, но по ошибке не заверено печатью. Выяснилось также, что после демобилизации из рядов Советской Армии Северинов проживал некоторое время в Теректинском районе Западно-Казахстанской области у своей сестры, носившей до замужества фамилию Игольникова, затем выехал в Алма-Ату.

Сомнений не оставалось, Северинов — это разыскиваемый Игольников. Но такое заключение требовало дополнительной проверки, новых показаний свидетелей.

Мылов, Дударь, Ванович и Жигайлов в человеке на фотографии из временного удостоверения опознали Игольникова. Того самого, что был с ними в плену, служил гитлеровцам, и на чьей совести была кровь многих советских граждан, замученных в неволе.

Получив эти сведения, капитан Тлеумагамбетов, так и не успев побеседовать с Севериновым-Игольниковым, направился к секретарю райкома партии Михаилу Павловичу Карташову, отцу Рэма. Тот сразу принял чекиста. Перед войной Жалекен и Михаил Павлович вместе работали в отделе НКВД на Турксибе. Они хорошо знали друг друга.

— Как здоровье, Жалекен?— спросил Михаил Павлович.

— Да ничего, спасибо. Пока не жалуюсь.

— А по работе?

— Неплохо. Держусь золотой середины.

— Ну, ну. Только чего это вы за посредственность цепляетесь. Или устали?

— Да нет, Михаил Павлович. Это на сегодня серединка. Завтра все может измениться к лучшему.

Михаил Павлович достал портсигар, продул мундштук папиросы. Спросил:

— Ну что там у вас? Выкладывайте.

— Нашли еще одного изменника и предателя Родины. Разрешите доложить материалы, Михаил Павлович?

— Зачем докладывать. Я и сам почитаю.

Секретарь райкома просмотрел несколько листов, поднял голову.

— Не тот ли это прохожий, которого упустил Рэм?

— Он самый, Михаил Павлович. Ваш сын напал на верный след.

— Не очень его хвали,— улыбнулся Карташов.— Упустил ведь было врага. Очень переживал...

Михаил Павлович ознакомился со всеми материалами дела, с показаниями свидетелей, внимательно выслушал информацию Жалекена о проделанной работе по розыску Игольникова. Долго молчал, разминая пальцами очередную папиросу. Потом закурил. Наконец высказал свое мнение:

— Расчеты гитлеровцев на так называемую пятую колонну в нашей стране потерпели крах. Они встретили единство народа, его несгибаемую волю к победе. Советский народ, его армия навсегда похоронили идею фашизма об установлении мирового господства.

— На игольниковых да мыловых далеко не уедешь,— вставил Тлеумагамбетов.

— Хотя,— продолжал секретарь райкома,— гитлеровцы пытались использовать и это отребье. Но и здесь не повезло: мусора набралось всего-то на две дивизии. И те от ударов советских воинов разбежались.

Михаил Павлович аккуратно сложил документы в папку, закрыл ее и подал Жалекену.

— Ну что же. Все правильно. Намеченная вами беседа с Севериновым, безусловно, нужна. Она полезна для дела. Так что действуйте!

На другой день поутру Рэм Михайлович ушел в поселок Пятилетка, чтобы пригласить Северинова в отделение МГБ. Теперь, когда настало время встретиться с этим человеком, Жалекен Тлеумагамбетов загорелся желанием поскорее увидеть его. И когда Северинов вошел в кабинет, капитан пристально посмотрел на него, подумал: «Как точно описали его внешность Рэм Михайлович и Семенов».

Перед Жалекеном стоял среднего роста, крепко скроенный мужчина. Его белое,чисто выбритое лицо не скрывало настороженность.

— Садитесь,— приказал капитан.

В кабинет с бланком протокола допроса в руках вошел

Рэм Михайлович. Увидев его, Северинов побледнел еще больше. Тлеумагамбетов задал первый вопрос:

— Как вас зовут по имени и отчеству?

— Сергей Павлович.

— Назовите свою настоящую фамилию?

Последовала длительная пауза. Северинов зачем-то встал со стула, скомкал в руках фуражку, стал переминаться с ноги на ногу.

— Мы ждем.

— Игольников я. Но живу под чужой фамилией... Хотел скрыть, что был в плену у немцев.

— За нахождение в плену не наказывают,— пояснил капитан.— Очевидно, был другой повод. Но об этом после. Сейчас скажите, когда, где и при каких обстоятельствах вы сменили свою фамилию?

— Это произошло в Теректах, вскоре после демобилизации из армии.

— Каким путем?

— В сельсовете я назвался Севериновым и сказал, что в дороге вместе с деньгами выкрали документы.

— И вам поверили?

— Не сразу. Вместо паспорта выдали временное удостоверение. Я тут же уехал, рассчитывая сменить удостоверение на паспорт по новому месту жительства.

— Из Праги вы убежали к союзникам?

— Да. Хотел к ним податься. Не вышло. Под Пльзеном, почти у самой цели, меня, еще некоторых власовцев, задержали чешские партизаны и передали советскому командованию.

— И что же дальше?

— Советская военная комендатура Праги направила меня в сборный лагерь бывших советских военнопленных, который находился в местечке Карлупы. Через месяц был зачислен в запасной полк, затем попал в 983-й полк 283-й стрелковой дивизии. Потом служил еще в одной части, а демобилизовавшись, выехал в Советский Союз.

— А в Торуне говорили, что не вернетесь в СССР?

— И это вы знаете?— удивился Игольников.— Став военнослужащим Советской Армии, я обрел надежду на то, что как-то удастся скрыть свою преступную деятельность, замести следы.

— На сегодня хватит,— сказал Тлеумагамбетов.— Подпишите свои показания...

Они не заметили, как прошел этот напряженный день. И только вечером, вернувшись от прокурора, который давал санкцию на арест Игольникова, Жалекен спросил:

— Ты обедал, Рэм Михайлович?

— Нет. Когда же?!

— Ну, тогда идем вместе. Заодно немного передохнем. Можно ведь?

Карташов устало кивнул головой.

А ПОЕЗД ШЕЛ...

Московский скорый прогромыхал по мосту через реку Каскелен, и этот грохот далеко разнесся в морозном декабрьском воздухе. Он летел над зарослями камыша вдоль широкой поймы, уносился к горам Заилийского Алатау.

До Алма-Аты оставалось еще полчаса езды, но в вагонах уже началась традиционная суматоха. Пассажиры укладывали в чемоданы, рюкзаки дорожные вещи.

Не спешили двое: подполковник Иван Петрович Костин — начальник отдела НКВД Турксиба, возвращавшийся из очередной командировки по южному участку железной дороги, и его попутчик подполковник Салах Сагдеевич Сагдеев, заместитель начальника отдела НКГБ, недавно назначенный на эту должность. Оба в форме, подтянутые, чисто выбритые, они стояли в коридоре у окна, вели давно начатую беседу. Иван Петрович рассказывал Сагдееву об Алма-Ате, условиях работы, называл фамилии общих знакомых.

На станции они распрощались. Салах Сагдеевич сел в присланную за ним машину, поехал в управление, а Иван Петрович заспешил домой, к семье. Жил он недалеко от железнодорожного вокзала, поэтому решил пройтись пешком.

Встретить в Казахстане однокашника по учебе, да еще в военную годину, не так-то просто, и Салах Сагдеевич радовался каждой новой беседе с Иваном Петровичем. Когда-то они продолжительное время жили вместе, под одной крышей, ходили на лекции в одну и ту же аудиторию. У них было много общего. Каждая новая встреча возвращала их к лучшим временам жизни, наполненным волнующими событиями, интересными встречами с видными людьми.

Служебная деятельность Ивана Петровича была тесно

связана с обеспечением государственной безопасности на транспорте. Он часто приезжал в отдел НКГБ к капитану Жалекену Тлеумагамбетову, выбирал минуту-другую, чтобы заглянуть к Салаху Сагдеевичу.

В одну из таких встреч Костин спросил у Сагдеева:

— А Феликса Эдмундовича вам приходилось видеть?

— Да,— ответил тот.— И не один раз.

— Тогда мы с вами счастливые люди.

— В первый раз,— сказал Салах Сагдеевич,— я видел Феликса Эдмундовича 23 января 1924 года, когда слушатели нашей школы были выстроены на Павелецком вокзале в связи со встречей траурного поезда с телом Владимира Ильича Ленина.

Вскоре после нашего прибытия на вокзал, туда приехал Феликс Эдмундович. Мы уже знали, что он был назначен председателем правительственной комиссии по организации похорон Владимира Ильича. Начальник строевой части школы направился было к Дзержинскому, чтобы отдать рапорт, но тот махнул рукой, коротко бросил: «Не нужно!». И в самом деле, в эти горестные минуты формальности были ни к чему.

Позже, после похорон Владимира Ильича, я видел Феликса Эдмундовича несколько раз у нас в школе.

Был я у него и на приеме по случаю моего назначения на работу в город Херсон. Едва зашел в кабинет, Дзержинский пригласил сесть поближе к столу, сразу начал беседу. Говорили о том, что в органы ОГПУ на железнодорожном транспорте вливаются новые, хорошо подготовленные кадры. И это, как я заметил, радовало Дзержинского.

Иван Петрович после беседы с Сагдеевым вернулся к себе в кабинет, устало опустился в кресло. Было за полночь. Он посидел так минут пять, достал из кармана гимнастерки исписанный листок бумаги, положил на стол. Быстрым взглядом пробежал по фамилиям беспризорников, снятых с ташкентского почтового поезда и доставленных в детскую комнату вокзала станции Алма-Ата первая.

Читая список, Костин старался мысленно нарисовать портреты детей, но не мог вспомнить ни одного из них. Во время проверки они стояли, плотно прижавшись друг к другу, напоминая бесформенную кучу разноцветного грязного тряпья.

Подумав немного, Костин поставил против фамилии очередного ребенка галочку, задержал взгляд на следующей записи. «А этот совсем еще маленький,— решил он.—

Лет пяти, не больше. Даже не знает своей фамилии». И вспомнил, как тот робко ответил на вопрос дежурного:

— Я — Сема.

— А фамилия?

— Не знаю.

— А маму как звали?

— Мама,— прошептал мальчик и склонил голову на худую грудь, прикрытую старой грязной фуфайкой. Он плакал.

Иван Петрович подошел к мальчику, взял его, усадил на стул, спросил:

— Скажи, Сема, где вы жили с мамой и папой?

— Не знаю. Мой папа уголь копал. Потом пошел фашистов бить.

— С Донбасса он,— крикнул кто-то из тех, кто был постарше.

Сколько таких обездоленных видел Иван Петрович за свою долгую военную и чекистскую жизнь. Это обогатило его умением с первого взгляда различать среди уголовников простых беспризорников, которые в силу каких-то житейских невзгод потеряли своих родителей, отбились от дома.

«Так, значит, этот Сема из Донбасса»,— подумал Иван Петрович и мысленно перенесся в далекое прошлое, к временам гражданской войны в Донбассе, где прошли его детство и юность. Там же началась его служба в Красной Армии. И началась она не совсем обычно. Как только Первая конная армия Семена Михайловича Буденного освободила от деникинских войск железнодорожные станции Попасную и Дебальцево, Иван Петрович накинул на плечи старенький полушубок, сунул в карман кусок хлеба и покинул Голубовку, где работал помощником товарного кассира. На тендере паровоза добрался до Попасной, пришел в штаб. Его зачислили рядовым на бронепоезд «Смерть директории!», входившем в состав бронесил Первой конной, которыми командовал энтузиаст своего дела Кривенко.

В этом стальном доме Иван Петрович и принял боевое крещение. Это случилось на четвертый день его службы, в бою за железнодорожный узел Иловайская. В результате сражения буденовцы полностью очистили от белых линию железной дороги Иловайская — Алексеево — Леоново. Деникинцы бежали из Донбасса.

В Иловайской, после боя, когда Костин помогал чистить пулемет Петру Короленко, бывалому и уже немолодо-

му матросу, к ним подошел комиссар бронепоезда Петренко и, положив руку на плечо Ивана Петровича, спросил:

— Ну как, доброволец, освоился?

— Привыкаю,— ответил Костин.

Комиссар отозвал в сторону Короленко, шепнул ему что-то на ухо и ушел. Когда пулемет после чистки собрали, Короленко, вытирая ветошью руки, заметил:

— Ты бы, Иван, свою шубенку-то заменил. Ходишь, как пастух. Обратись к начпроду, может, чего и найдет подходящее.

Вечером того же дня доброволец Костин получил в обозе новые сапоги из добротной кожи, заказал местному портному кожаные брюки, кожанку, шапку-кубанку. Позднее, когда он, одетый во все новое, бойко шагал к вокзалу, его увидел Петренко и, улыбнувшись в прокуренные усы, крикнул:

— Ты смотри! Да тебя и не узнать теперь. Чистый буденовец!

Шли дни. Бронепоезд «Смерть директории!» вместе с Первой конной упорно продвигался на юг, в направлении Таганрога. И всюду Иван Петрович видел обездоленных войной детей, беспризорников, которых нередко обходили стороной местные обыватели. Особенно много было их на железнодорожной станции в Ростове. Как воробушки, небольшими стайками, сидели они у стен вокзала, греясь на солнышке, или шли в сторону города, цеплялись за подножки трамваев.

В Таганроге, вскоре после вступления конармии, а это случилось 6 января 1920 года, повар бронепоезда, здоровый, с обвислыми усами украинец, вынес ребятишкам целое ведро просяной каши.

— А ну, держи рубаху, раз фуражки не имеешь,— крикнул он парнишке лет пяти.

И тут же ловко положил ему в подол порцию густой, сдобренной салом, каши.

Раздав ведро, повар ушел за вторым. А когда у бронепоезда не осталось ни одного голодного ребенка, он, довольный, сел на нижнюю ступеньку вагона, свернул «козью ножку». Иван Петрович, наблюдавший всю эту картину, подошел к повару и тоже закурил. Так, ради компании, на самом деле он еще в жизни не затягивался самокруткой.

Потом были тяжелые бои за Батайск, Крученую балку, Богородицкое, Лопанку, Средний Егорлык, Егорлыкскую, Песчановское, Белую Глину. И так до самого Майкопа.

Майкоп. Как будто вчера Иван Петрович покинул этот город: так свежи его воспоминания о той далекой весне. Кругом все цвело, переливалось семицветьем радуги. Ясные безоблачные дни как бы явились вознаграждением за пережитое в боях с ненавистным врагом. Вместе с конармейцами ликовали жители города.

Но через несколько дней был получен новый приказ, и эшелоны с конармейцами, техникой потянулись на запад страны, на разгром банд Пилсудского. Вместе с войсками двигался и бронепоезд «Смерть директории!»

Вот о чем думал Иван Петрович Костин по пути к дому. Едва переступил порог, как его встретила заботливая Ефросинья Петровна.

— Не понимаю, не понимаю,— заговорила нарочито строго жена.— Как это можно злостному нарушителю своего личного режима и порядка в доме доверять такое ответственное дело.

А сама тем временем собирала на стол. Поставила тарелку, полную жареного картофеля, налила в стакан молока. Но утомившийся Иван Петрович ел мало и не дотронулся до молока. Разделся, лег и тотчас заснул.

Проснулся рано утром и стал собираться на работу. В окно смотрело серое хмурое утро. Метель укладывала на сугробы мелкие колючие снежинки, билась в стекла.

Зима 1943—1944 года в Алма-Ате была затяжной и суровой. Не хватало топлива, горожан пугали следовавшие за снегопадами сильные морозы.

Не успел Иван Петрович закрыть за собою дверь кабинета, как к нему вошел дежурный по отделу капитан милиции Меркушев, коротко доложил о происшествиях за прошедшие сутки и спросил, будет ли машина для перевозки детей в детприемник или же отвезти их всех по горветке?

— Везите горветкой, в вагоне теплее,— сказал Иван Петрович.— Да смотрите, чтобы не разбежались в пути!

В этот же день Иван Петрович выехал на северный участок дороги, где надо было проинспектировать работу оперативных групп.

В пути Костин почти не выходил из купе, в котором разместилась оперативная группа милиции. Все шло своим чередом. Оперативные работники нет-нет да и приводили в купе подозрительных лиц. С ними надо было досконально разбираться. Иван Петрович помогал начальнику опергруппы Иванову в этой нелегкой работе.

Обратно домой Иван Петрович Костин ехал поездом Новосибирск — Ташкент. Поздно вечером миновали 32-й разъезд. За окном потянулись однообразные заснеженные барханы прибалхашских песков.

Иван Петрович сидел в купе, просматривал показания спекулянта, пойманного с поличным. Не заметил, как вошел Иванов. Разделся, сунул под мышки озябшие ладони рук.

Пассажиров было мало: всего человек пять, не больше.

Увидев, что Иван Петрович продолжает читать протокол и как будто не слушает, Иванов умолк. Достал пачку папирос, закурил.

— А в четвертом вагоне,— сказал он снова,— едет какой-то бывший краснофлотец. Со слов проводника нет у него ни пропуска, ни билета. Билет-то он якобы покупал в Новосибирске за наличный расчет, да потерял. Проводнику же сказал, что после излечения в госпитале побывал у родителей на станции Ишим, а сейчас едет в Красноводск. Думает устроиться на работу в торговый флот. Проводник поверил и разрешил ему ехать дальше. В дороге, мол, всякое может случиться.

— Может быть, и правда утерял билет. Всякое бывает,— отозвался Иван Петрович, отодвигая в сторону просмотренные бумаги.— При проверке, а ее надо провести ночью, разберитесь с этим матросом. Утром доложите мне.

Костин встал, набросил на плечи шинель и вышел в тамбур. Он занимал полку в другом конце вагона, рядом с купе проводников.

Поезд стоял на пустынном разъезде. Слышно было, как вьюга, встретившая на своем пути преграду, билась о вагоны. Они вздрагивали, гудели. Многие пассажиры, остерегаясь простуды, спали, отвернувшись головами от окон. Тускло мерцали лампочки. В этот час, когда все тяготы и тревоги дня, казалось, улеглись вместе с пассажирами, в вагоне появились начальник оперативной группы Иванов, два милиционера и проводник.

«Ваши билет и пропуск»,— слышалось время от времени. Эти слова долетели и до мужчины в форме матроса, до его друга Абрама, прикрывшегося поношенной красноармейской шинелью. Оба они лежат на самых верхних полках, под потолком, укрываясь за ручной кладью.

Проводник останавливается рядом, требует:

— Эй, матрос! Предъяви билет.

Мужчина лежал не двигаясь. Он встал только после второго, более настойчивого требования проводника. Потя-

нулся, протер глаза, медленно полез рукой в карман, не спеша достал кошелек и, порывшись в нем, вытащил в несколько раз свернутый листок бумаги.

— Вот... история болезни.

— А билет и пропуск?— не сдавался проводник, передавая листок Иванову.

— Нет их у меня. Я же говорил. Не-ету! Потерял все, ясно?

— Собирайтесь!— негромко, но твердо приказал Иванов матросу.

К этому времени Абрам также достал из кармана гимнастерки завернутые в бумагу документы и, подавая проводнику свидетельство о болезни, справку о ранении, денежный аттестат, красноармейскую книжку, сказал:

— А пропуска и билета у меня тоже не имеется.

— Слезай и ты,— сказал Иванов и тут же велел следовавшему за ним милиционеру отвести задержанных в восьмой вагон к Костину.

Когда милиционер привел матроса и Абрама к оперативникам, во втором отделении купе уже набралось до двух десятков задержанных. В основном это были беспризорные дети.

— Какие документы у вас еще есть?— спросил оперативный работник матроса.

— Нет больше ничего.

При опросе выяснилось, что после госпиталя матрос Попов был уволен из армии, но на работу не устроился, а встал на путь воровства и спекуляции. С этой целью, прикрываясь поддельной историей болезни, разъезжал по городам страны, сбывая краденые вещи.

В Омске Попов познакомился с инвалидом войны Абрамом Касаматовым, дальше они поехали вместе. До Новосибирска их трижды задерживали за безбилетный проезд, ссаживали с поездов.

Казалось, задержание за безбилетный проезд для них дело привычное. Но Попов нервничал. Свой чемодан он вначале засунул под нижнюю полку, потом вытащил его обратно, но спустя некоторое время снова толкнул ногой. Посидел немного, вытащил из чемодана шинель и полез на верхнюю свободную полку. Некоторое время ворочался, шумел какой-то бумагой. После этого встал, спустился на пол и, набросив шинель на плечи, принялся курить. Не докурив папиросы, бросил ее в урну, стоявшую в углу, при входе в купе. Нагнувшись, стал поправлять шнурок в ботинке и в

это время вынул из рукава какой-то сверток и бросил его под полку, к своему чемодану. Все это видели задержанные за проезд без билетов Евдокия Титова и Мафруза Галимова.

А вот и затерянная в песках станция Матай. По распоряжению Ивана Петровича задержанных стали выводить из вагона. Последними пошли Попов и Абрам Касаматов. Незадолго до этого Попов что-то шепнул Абраму. Тот опустил голову, не ответил. Тогда матрос вновь зашептал ему на ухо и только после этого Абрам кивнул головой, тихо сказал: «Ладно!»

Задержанных высадили, передали местной железнодорожной милиции и поехали дальше. Детей повезли в Алма-Ату. В купе остались Титова и Галимова. Им разрешили ехать.

Когда поезд уже приближался к Уштобе, проводник занялся уборкой вагона. Во второй части купе опергруппы под одной из полок он обнаружил чемодан и сверток. То, что чемодан принадлежал Попову, знали все сотрудники опергрупппы. А вот чей сверток? И тут на помощь пришли Титова с Галимовой. Они заявили, что это матрос подкинул сверток под полку. В нем оказались 54 газеты, по содержанию антисоветские, отпечатанные в фашистской Германии. В чемодане же лежало полгазеты.

Со станции Уштобе Иван Петрович проинформировал о случившемся органы НКГБ станции Матай. Повесив телефонную трубку, старший лейтенант Анатолий Васильевич Козлов, не откладывая дела в долгий ящик, вызвал из отделения милиции Попова и Абрама Касаматова. Последний сказал, что чемодан и сверток принадлежат Попову, который еще в вагоне просил никому не говорить об этом. Без вещей, мол, их быстрее освободят.

— Ну что, матрос! Будешь и дальше врать или начнешь говорить правду?— спросил Анатолий Васильевич, обращаясь к Попову.— Форму-то где взял? Небось, украл?

— Что вы, гражданин начальник. Я на самом деле служил во флоте, был тяжело ранен. Это уже после того, как меня с корабля списали, я с горя запил, потом покатился в болото. Связался с уголовниками, стал не только спекулянтом, но и вором. Украл я эти газеты по ошибке, думал сверток с деньгами.

— Вот как!— удивился Анатолий Васильевич.— А ну расскажи-ка об этом по порядку и подробнее.

— 19 января сорок четвертого,— начал Попов,— я и мой

новый дружок Абрам Касаматов выехали из Семипалатинска. Я заметил, как пассажир, занимавший смежную с моей полку, достал из своего чемодана деньги. Тут же возникла мысль: «А что, если пошарить в чемодане?» Я стал ждать удобного момента. Прошел целый день. То хозяин чемодана подолгу не уходил, то вертелись его попутчики. Наконец, вечером он слез с полки, пошел в туалет. А его сосед уже спал, отвернувшись к перегородке. Не теряя времени, я левой рукой открыл крышку чемодана, а правой нащупал какой-то сверток и вытащил его. Чтобы не вызвать подозрений, засунул этот сверток в рукав своей шинели. Когда же меня, как не имеющего пропуска и билета, привели в купе оперативной группы, я, боясь разоблачения в воровстве, вытащил из чемодана шинель, залез на верхнюю полку, развернул сверток и, увидев, что в нем газеты, бросил его. Перед высадкой в Матае чемодан и сверток оставил в вагоне. Абраму же наказал не говорить об этом никому.

— Как звали того пассажира, у которого вы похитили сверток с газетами?

— Не знаю. Я с ним не знаком.

— Как он выглядел?

— В красноармейской форме. Среднего роста. Лет ему этак тридцать будет. Не больше! Рыжий. Одет в полушубок, на голове шапка-ушанка. Брюки и гимнастерка защитного цвета. Обут в простые солдатские сапоги, изрядно поношенные.

А в это время поезд, с которого были сняты Попов и Касаматов, уже миновал станцию Бурное и подошел к Тюлькубасу. Еще стучали буферные тарелки, машинист, проехав контрольный столбик, осаживал состав назад. В купе оперативной группы вошел постовой милиционер станции.

— Вас из Алма-Аты требует к селектору подполковник Костин,— сказал он, обращаясь к начальнику оперативной группы капитану милиции Синельникову.

Синельников возвращался из кабинета дежурного по станции уже после звонка к отправлению поезда и, не заходя к себе в купе, зашел в четвертый вагон, в котором ехали Попов и Касаматов. Заметил мужчину, одетого в военную форму. В головах у него лежал свернутый полушубок.

«Он»,— решил Синельников и, не останавливаясь, прошел дальше. Затем вернулся к себе, в восьмой вагон, стал обдумывать, как и где лучше снять этого человека. Он взял расписание движения пассажирских поездов и определил,

что в Чимкенте сможет передать задержанного опергруппе встречного поезда. Костин сказал, что операцию следует провести с особой осторожностью, ибо у подозреваемого может оказаться оружие. Синельников пригласил дежурного милиционера и вместе с ним зашел к проводнику. Через минуту они были уже в купе.

— Ваши билет и пропуск?— спросил проводник у мужчины.

Тот сразу встал, вытащил из кармана брюк кожаный кошелек, достал пачку документов. Быстро нашел билет, пропуск, еще одну бумажку, которая оказалась отпускным удостоверением, выданным на имя рядового Заставникова Петра Алексеевича, проходящего службу в войсковой части № 2547 и следующего в отпуск по болезни. В удостоверении не указывался срок отпуска, оно было напечатано не на бланке установленного образца, а на бумаге. Затем Синельников внимательно ознакомился с красноармейской книжкой и нашел, что она по форме и размеру не соответствует установленному новому стандарту. Капитан милиции посмотрел на сидевшего Заставникова и обратил внимание на шевелюру. «Будучи рядовым, он носит прическу. У нас, в армии, это не положено»,— отметил про себя Синельников и тут же приказал:

— Собирайте вещи, пройдем в отделение.

В купе оперативной группы Заставникова обыскали. Нашли складной нож, расческу иностранного производства, блокнот с адресами. В чемодане оказалась половинка газеты с антисоветским текстом.

Синельников составил протокол задержания и обыска Заставникова, в Чимкенте передал его опергруппе для доставки в Алма-Ату.

Дальнейший опрос Заставникова показал, что предъявленные им документы похожи на поддельные и подлежат всесторонней проверке. А когда Салах Сагдеевич спросил Заставникова, что это за газета, лист которой нашли в его чемодане, он ответил, что не помнит, как она оказалась у него.

— Значит, не хотите правду сказать?— спросил Сагдеев и тут же достал из папки еще один лист газеты, тот самый, что нашли в чемодане Попова.

Когда сложили оба листа на столе, линии их разрыва совпали.

— Подойдите сюда,— позвал Сагдеев Заставникова.— Смотрите. Ведь это одна газета, верно?

— Правильно, одна,— согласился задержанный.— Но я уже говорил, не знаю, каким образом половина газеты оказалась в моем чемодане.

— Ну что же, тогда мы устроим вам очную ставку с человеком, который изобличит вас во лжи.

Ввели Попова.

— Идите и посмотрите на эту газету,— пригласил его Сагдеев. — Где половина, которую изъяли у вас?

— Вот эта,— ткнул пальцем Попов в тот лист, на котором была его роспись, удостоверявшая изъятие вещественного доказательства.

— Где вы его взяли?

— Я выкрал этот лист газеты у сидящего напротив меня гражданина.

Услышав это, Заставников вскочил со стула и бросился на Попова с криком: «Ах ты, гнида! Так это ты сделал». Но ему преградил путь Иван Петрович. Заставников попятился назад, тяжело опустился на стул.

Попова увели и Заставников рассказал, что все документы на его имя сделаны в Бреслауском разведывательном центре фашистской Германии, где он учился после окончания специальной школы агентов-пропагандистов, затем был переброшен через линию фронта. Вот уже месяц, как он пробирается в глубокий тыл Красной Армии. По заданию фашистской военной разведки должен вести среди населения антисоветскую пропаганду.

— Вот как! — сказал Сагдеев. — Но этим нас не удивишь. Придется рассказать обо всем подробнее.

— И расскажу. Только дайте собраться с мыслями.

Заставников подписал протокол своих первых показаний, и его увели.

Тлеумагамбетов ушел, а Салах Сагдеевич с Иваном Петровичем еще долго обменивались мнениями по делу Заставникова. Костин рассказал, что с подобным случаем он уже имел дело вскоре после увольнения из Красной Армии в июне 1922 года, буквально в первые дни работы в органах ОГПУ.

— Смотри-ка, какое совпадение,— воскликнул Салах Сагдеевич. — Ведь я тоже в 1923 году был направлен на работу в органы, а затем на учебу в Московскую школу. Как же это случилось, что мы не знали там друг друга?

— Тут нет ничего удивительного,— заметил Иван Петрович. — Ведь мы учились на разных курсах, к тому же я приехал в школу несколькими месяцами позже вас.

— Школа дала нам очень много, не правда ли, Иван Петрович?

— Да, конечно. В то бурное время не было недели, чтобы курсанты не побывали на какой-нибудь операции. Только борьба с эсерами чего стоит. А сколько еще другой контры было. Нередко при осуществлении операций по их аресту такая перестрелка происходила, что и теперь еще в ушах звенит. А вы, случаем, не участвовали в операции по задержанию одного из эсеровских главарей — Савинкова?

— Как же! Участвовал,— ответил Сагдеев.

Рано утром следующего дня Иван Петрович уже спешил к первому поезду горветки. Четвертый трамвай доставил его к Алма-Атинскому детприемнику.

Сему увидел в младшей группе. Он сидел за низеньким детским столиком, вымытый, подстриженный под машинку, одетый во все новое, и деловито рассматривал игрушку — деревянный пулемет «максим».

— Здравствуй, Сема! — сказал Иван Петрович, подавая мальчику руку.

Тот оробел от неожиданности. Потом встал и подал свою ладошку Ивану Петровичу.

— Спасибо, дядя. Когда меня домой отправят? Там, может, отец меня ищет?

— Скоро,— ответил Иван Петрович. — А где твой дом, ты вспомнил?

— Петька Кухарь сказал, что взял меня в Лозовой.

— Вот как! А где этот Петя сейчас?

— Петька там, с большими ребятами.

Вернувшись в отдел, Иван Петрович написал и направил письмо органам милиции станции Лозовая, в котором просил навести справку о том, не разыскивает ли кто ребят по имени Сема и Петя. Такие письма он писал часто — иногда находились родные или близкие, приезжали в Алма-Ату и забирали своих детей.

Вскоре уехал с отцом Сема, а затем и Петя. За ним приезжала сестра.

... Летели один за другим послевоенные годы. Ушел с боевого поста в отставку Салах Сагдеевич Сагдеев. Десятью годами позже на заслуженный отдых проводили чекисты и Ивана Петровича Костина.

Но вот недавно автору этих строк довелось побывать в Алма-Атинском областном комитете народного контроля. Там, на Доске почета среди лучших контролеров я увидел фотопортрет внештатного инспектора народного контроля

Ивана Петровича Костина. И невольно подумал: «Сколько же ему лет?»

«Коммунисту Костину Ивану Петровичу уже восьмой десяток,— подсказал работник комитета. — А он не сдает своей вахты».

Н. ЕГОРОВ

КОГДА БАМБУК ЦВЕТЕТ*

Самые нетерпеливые пассажиры начали соскакивать на перрон, не дожидаясь остановки поезда. И только худощавый мужчина не спешил покинуть вагон. Он стоял у окна и с любопытством разглядывал снующих по перрону людей, изредка задерживая взгляд на радостных, незнакомых ему лицах.

Пассажира, как видно, никто не встречал. Но вот и он закинул на плечо свой тощий мешок и направился к распахнутой настежь двери вагона.

В густой толпе прибывших и встречающих он ничем не выделялся. На нем были потрепанный, в нескольких местах заштопанный с мужской старательностью ватник, черные, с пузырями на коленях штаны, грубые, чуть порыжевшие ботинки, замызганная шапчонка. Все это было обыденным в начале второго послевоенного года, когда страна залечивала раны страшной четырехлетней войны. Народ еще не имел возможности одеваться по вкусу.

Незнакомец, подхваченный толпой, выкатился на привокзальную площадь. Здесь он остановился в раздумье, огляделся, не зная, куда пойти. Но вот до него долетел гортанный крик: «Иголка, нитка, нада-а-а!»

Докурив самокрутку, приезжий направился через площадь в тот ее конец, где под деревьями несколько человек предлагали свой нехитрый товар: картофельные лепешки, сушеные яблоки, семечки. Там стоял и торговец нитками-иголками. Приезжий не сразу подошел к лотошнику. Вначале он поторговался с крикливой бабкой за полстакана семечек, потом повертел в руках и даже посмотрел на свет полинялую солдатскую гимнастерку, что предлагал подвыпивший веселый инвалид с костылями. Убедившись оконча-

* Некоторые фамилии в очерке изменены.

тельно, что никто за ним не следит, незнакомец подошел к лотошнику, поздоровался с ним по-китайски.

— Хао,— спокойно отозвался торговец, не поднимая головы.

Приезжий, глянув на лотошника, неожиданно улыбнулся и, поворошив пальцем кучку пуговиц, заговорил по-китайски. Лотошник буркнул что-то в ответ, присмотрелся к неожиданному покупателю. И тут в глазах его появилась тревога. Он в замешательстве оглядел площадь.

— Ты? — почему-то по-русски спросил он.

— Я, я,— охотно подтвердил приезжий и добавил несколько слов по-китайски.

Лотошник дрожащими руками сложил товар, перебросил лямку короба через плечо, подхватил подставку.

— Идем,— бросил он, не глядя, и пошел вперед.

* * *

В республиканском аппарате МГБ в Алма-Ате Кузнецов работал второй год. До этого он был начальником районного отдела МГБ. Орден «Красной звезды» и медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» отметили его работу. Грудь украшала еще одна награда — медаль «За отвагу», которую Иван Григорьевич получил еще в 1939 году за участие в боях с японскими милитаристами на Халхин-голе.

Давно это было. Уже повержена Германия, разгромлена Квантунская армия, капитулировала Япония. Но мир все еще не наступил. Газеты и радио сообщают о боях гоминдановцев с частями Народно-освободительной армии Китая. Вчерашние союзники по антигитлеровской коалиции пытаются спасти военный потенциал Германии. Американцы, оккупировавшие Японию, перестали считаться с союзниками. Даже англичане проявляют недовольство самоуправством янки. Притаившиеся было фашисты вновь поднимают голову. Участились нарушения государственных границ. Засылаются шпионы, диверсанты...

Из задумчивости Кузнецова вывел его непосредственный начальник А. Г. Мустафин.

— О чем мечтаешь, Иван Григорьевич? Какие мировые проблемы решаешь?

Не успел Кузнецов ответить, как раздался телефонный звонок. Мустафин поднял трубку:

— Да, слушаю. Так... Так... Сейчас зайдем.

И, обращаясь к Кузнецову, добавил:

— Ну, начальство приглашает нас к себе. Пошли!

В просторном кабинете полковника Сухомлинова собрались почти все сотрудники отдела. Даниил Осипович внимательно читал какой-то документ. Наконец он поднялся.

— Начнем, пожалуй! Центр ориентирует: кое-кто на западе пытается разогреть холодную войну, усилить подрывную деятельность против стран народной демократии, Советского Союза. Получены сведения, что в Японии берут на учет всех уцелевших офицеров разведывательного управления генштаба, особенно тех, кто работал в русском отделе. Это наводит на мысль о том, что будут предприняты попытки к засылке в нашу страну агентуры, а также по налаживанию связи с еще невыявленными агентами...

Кузнецов, как и все, внимательно слушал полковника. В его памяти всплывали слышанные или вычитанные в разное время факты о деятельности агентов иностранных разведок против России, а потом и Советского Союза. Конечно, работать шпионам в нашей стране становится все труднее. Но это побуждает их действовать еще изворотливее и хитрее. Взять того же Чжан Цзяна из консульства гоминдановского Китая, что находится в городе на углу улиц Панфилова и Максима Горького. Странно ведет себя этот вице-консул...

После совещания у Сухомлинова Мустафин и Кузнецов закрылись у себя в кабинете, составили план мероприятий и пришли с ним к полковнику. Даниил Осипович внимательно прочитал план. Временами он одобрительно кивал головой, над одним пунктом задумался. Постучал мундштуком дымящей папиросы по спичечной коробке, решительно произнес:

— Это не пойдет! Надо сделать вот так,— и подробно изложил свою мысль.

В конце беседы сказал:

— Подумайте над этим пунктом еще. И основательно!

* * *

Господин вице-консул Чжан Цзян нервничал. Поведение его заметно изменилось. Когда до Кузнецова дошли вести об этом, он решил изменить свой утренний маршрут так, чтобы пройти мимо консульства. Во вторник вице-консул только выглянул на улицу и ушел обратно. Но в среду он действовал энергично. Выйдя из консульства, оглянулся и зашагал к улице Гоголя, затем повернул назад, к улице

Пастера. Здесь сел в трамвай, выскочил из него на ходу, перешел на противоположную сторону и сел в маршрут другого направления.

— Соображаешь, что это значит?— спросил Мустафин, выслушав Кузнецова.

Но Иван Григорьевич был осторожен в выводах. Заметил:

— Проверить надо.

— Правильно,— согласился Мустафин.— В данном случае спешить не следует.

На несколько дней необычные вылазки вице-консула неожиданно прекратились, а затем начались снова. Это настораживало. Чекисты окончательно пришли к выводу, что Чжан Цзян пытается с кем-то установить связь.

Проанализировав полученные сведения о маршрутах вице-консула, Мустафин и Кузнецов решили, что местом предполагаемой встречи может быть музей в городском парке или же аптека возле колхозного рынка.

— Этот икс — человек не местный,— убежденно заявил Мустафин.

— Совсем не обязательно,— возразил Кузнецов.— Просто здесь достаточно людные места.

— Вокзал еще многолюднее.

Кроме аптеки и музея чекисты решили взять под контроль кинотеатр ТЮЗ. Правда, Чжан Цзян обходил его во время своих необычных прогулок стороной. Но это мог быть хитрый маневр. Гостиницу, как место возможной встречи, отклонил Даниил Осипович Сухомлинов.

— В гостинице,— сказал он,— вице-консул может появиться в том случае, если там остановится лицо официальное. А к официальному лицу, как вы знаете, поедет сам консул. Он же может принять приезжего и в консульстве. Так что в гостинице Чжан Цзяну делать абсолютно нечего...

В городской парк Иван Григорьевич пришел рано утром. Решил осмотреться. На боковой аллейке в тени нашел скамейку. С нее хорошо просматривались вход в музей, дорожка, что вела к кинотеатру. Чтобы не казаться бездельником, чекист прихватил несколько учебников и походил теперь на студента, зубрившего науки. Где-то с другой стороны музея расположился Аскар Мустафин.

Минуты складывались в часы. К кинотеатру, музею подходили люди. Брали билеты, уходили. Ничего подозрительного. Внимание Ивана Григорьевича привлек мужчина. Неторопливой походкой отдыхающего человека он шел от кино-

театра к музею. В светлой одежде, с газетой в руке. «Кореец или китаец»,— подумал Иван Григорьевич.

Мужчина остановил шедших навстречу парней, о чем-то заговорил с ними. Высокий, без головного убора, юноша поднял левую руку. Кузнецов насторожился. До него долетели слова: «...часов пять минут». Мужчина, пропустив парней, достал из кармана голубоватую бумажку, повертел ее в руках. «Билет в кино,— догадался Иван Григорьевич.— Спросил время, а до начала сеанса еще почти полчаса».

Майское солнце изрядно припекало. Мужчина огляделся и прошел к скамейке, что стояла справа от входа в музей, сел, закурил. Положив рядом с собой пачку с папиросами и спички, развернул «Казахстанскую правду», не спеша начал читать. На соседних скамейках сидели пожилой мужчина, тоже с газетой, и нетерпеливо оглядывающийся парень.

Чжан Цзян появился неожиданно. Заметив сидящих около музея, прибавил шагу, повернул влево к выходу на улицу Гоголя и пропал из виду. Сидевшие на скамейке отреагировали на появление Чжан Цзяна по-разному. Парень равнодушно скользнул взглядом. Любитель кино даже не оторвался от газеты. А пожилой мужчина пристально смотрел в спину удалявшегося Чжан Цзяна.

«Что же спугнуло Чжан Цзяна?»— подумал Кузнецов. В эту минуту на аллее появились спешащие парень и девушка. Они явно кого-то высматривали. «Не их ли испугался вице-консул?»— предположил Кузнецов, машинально следя за троицей у музея.

Любитель кино встал, потянулся, сунул папиросы и спички в карман и зашагал к кинотеатру, где раздался звонок о начале сеанса. Парень, махнув рукой, пошел в музей. Пожилой мужчина, проводив обоих взглядом, поднялся и направился к выходу на улицу Гоголя, следом за вице-консулом.

Подумав, Иван Григорьевич пошел следом за ним. Но не успел пройти и десяти метров, как вновь встретил пожилого мужчину, но уже с девочкой на руках. Дед и внучка весело смеялись, а сбоку семенила молодая женщина и с улыбкой смотрела на них. Кузнецов глубоко вздохнул, направился разыскивать Мустафина...

Так продолжалось три недели. Господин вице-консул то бродил по городу, ни с кем не встречаясь, то несколько дней не показывал носа на улицу.

— А может, он физзарядкой занимается? Или к чемпи-

онскому забегу готовится?— мрачно пошутил Мустафин.— Петляет по городу, словно заяц.

— Но этот заяц больше похож на матерого лиса,— заметил Сухомлинов.— Ну да ладно. Нам не удалось установить, встретился он с кем хотел или нет. Ясно одно: перед нами опытный разведчик. Это первое. Второе. Поведение господина вице-консула подтверждает вывод Центра об активизации гоминдановской разведки. Значит, и мы должны усилить работу. Кстати, обратите внимание на повара консульства.

* * *

Го Дин-фу был испуган. Когда на колхозном рынке эта ехидная сводня Соня сказала, что его разыскивает старый приятель, Го Дин-фу только улыбнулся и негромко ответил: «Для приятеля мой дом всегда открыт. По воскресеньям я никуда не отлучаюсь». И это была сущая правда. Жена от Го Дин-фу ушла, и в воскресные дни ему, как холостяку, приходилось заниматься стиркой, уборкой.

Если бы он знал заранее, о каком приятеле толковала Соня, то наверняка смотался куда-нибудь, хотя бы к этому шулеру Чу Лан-тину. «Впрочем,— думал позднее Го Дин-фу,— от этого дьявола вряд ли скроешься. Вот если бы уехать в другой город. Но теперь не удастся. А как было спокойно до сих пор. И вот на тебе!»

... Утром Го собирался стирать рубашки, когда за его спиной скрипнула дверь. Думая, что заглянул сосед, Го не поднял головы от корыта. И вдруг услышал вроде бы знакомый голос:

— Плохо ты гостей встречаешь, Го Дин-фу!

Го повернулся и остолбенел. Вошедший же ухмыльнулся:

— Что, не узнаешь старого друга?

— Кин...

— Что ты, старина! Неужели забыл мое китайское имя?— вошедший бесцеремонно, в упор разглядывал Го Дин-фу.— Забыл? Неужели надо напоминать нашу старую дружбу и ... службу?

— Вспомнил, вспомнил,— залепетал Го.

— Ну вот и хорошо. А Кина... забудь. Его больше нет...

Легко сказать «нет», когда вот он сам Кин Нагатакэ с его железной хваткой. Выходит, зря надеялся, что встреча в феврале на станции будет последней.

— У тебя смолоду язык был чуть длинее нужного,— про-

должал вошедший.— И если он таким остался, то я могу при случае вспомнить о твоих похождениях с Музаи-саном в Хумахе и Хейхе. Придется тогда рассказать, как в результате этих «невинных» прогулок ушли из жизни содержатель харчевни и извозчик, единственным достоянием которого был полуслепой мул...

Го Дин-фу задрожал. Ему ли не помнить про китайца, арестованного в Хумахе по подозрению в связях с партизанами, и того извозчика. А «старый приятель» Кин Нагатакэ равнодушно осматривал комнату.

— Один живешь?— поморщился.— Грязно, однако, у тебя.

— Да вот жениться думаю,— нервно хихикнул Го.

— А ты не забыл пословицу: «Длинный язык жены — лестница, по которой в дом приходит несчастье?»

— Нет, конечно. Но ведь плохо в доме без женщины...

— Не разводи грязь, убирай почаще. А если уже здорово допечет, обратись к Соне. По старой памяти поможет.

— Да ведь...

— Ну, хватит,— не очень вежливо оборвал Кин.— Теперь о деле. К тебе много народу ходит?

— Нет. Иногда соседи заглядывают поговорить о том, о сем.

— Хорошо! Я сегодня у тебя заночую. В городе мне остановиться негде... А вообще-то думаю перебираться в Алма-Ату. Здесь и работу можно найти, и... нашего брата много.

От этих слов Го опять стало не по себе.

— На первое время не откажешь в квартире?

— Э-э-э...рад буду.

— Вот и ладно. А сейчас мне немедленно нужно белую рубашку и светлые брюки.

— Есть, есть!— заторопился Го.

— Давай. А в доме прибери...

Гость ушел, Го Дин-фу задумался. Ему почему-то припомнилось, как однажды, еще там, Кин хвастался, что у него мать чистокровная маньчжурка, семья богатая. «Ишь, маньчжурский мандарин,— зло усмехнулся Го.— Опять командовать пришел. Прищемить бы тебе хвост...»

Смахивая с подоконника всякий хлам, скопившийся за много дней, Го Дин-фу вдруг обнаружил китайскую трубку с металлической чашечкой. Он хотел отбросить ее в сторону, но задумался. Потом усмехнулся неожиданной мысли, тщательно соскоблил с трубки нагар, до блеска начистил

металлические части и, завернув ее в чистую тряпку, спрятал в ящик стола.

Кин вернулся под вечер. К тому времени Го Дин-фу несколько успокоился. Это не ускользнуло от острого взгляда гостя.

— Может, принести луку и редиски? — спросил Го Дин-фу и пояснил: — Я тут около дома каждый год немного сажаю.

— Давай,— согласился гость.

Выпили молча, закусили. Первым заговорил Кин. Его интересовали квартира и место, где можно хотя бы временно устроиться на работу, как прописаться.

Когда водка и закуска кончились, Го Дин-фу открыл стол, достал китайскую трубку. Глаза Кина сразу заблестели и Го успел это заметить. «Хорошо!»— подумал он, и не спрашивая согласия, протянул гостю круглый сероватый шарик.

— Трубка у меня одна. Кури ты, потом я.

Кин стал отказываться. Тогда Го положил в трубку комочек опиума, прикурил и с блаженным видом затянулся. Кин жадно втянул в себя воздух с сладковатым дымком, внимательно посмотрел на хозяина и, заметив на его лице бессмысленную улыбку, спокойно забрал трубку. Покосившись на дверь, Кин закурил сам. Через несколько минут он забыл обо всем, трубка вывалилась из его ослабевших пальцев на стол, и он что-то невнятно забормотал.

Го Дин-фу перестал раскачиваться, слегка приоткрыл глаза, посмотрел на своего гостя. Кин унесся мыслями далеко и не обращал внимания на хозяина. На губах Го появилась торжествующая улыбка. О, на этот раз он перехитрил этого дьявола! Во время ужина умудрился подлить Кину водки, а сейчас одурманил опиумом.

«Да ты никак шпион?»— вздрогнул Го Дин-фу, расслышав какие-то признания гостя. Он схватил трубку, дрожащими пальцами сунул в нее крошку ядовитого зелья и затянулся так, что слезы выступили из глаз. Но у Го Дин-фу еще хватило сил, чтобы положить трубку возле руки гостя. Он закрыл глаза и поплыл не то к горным духам, не то к феям, которые мягко подхватили Го под руки, и смеясь, бросили на мягкую лужайку...

Спустя некоторое время Кин очнулся. Широко открытыми глазами он долго смотрел на стол, где стояли пустые стаканы, бутылка из-под водки. Кое-как сообразив, где он, Кин с трудом повернул разламывающуюся голову. Го Дин

фу, скорчившись, лежал на полу, на его побледневшем лице застыла мучительно-восторженная гримаса.

Еле переставляя отяжелевшие ноги, Кин подошел к двери, открыл ее, нашел в узком темном коридоре умывальник и долго лил себе на затылок холодную воду. Когда мысли немного прояснились, он попытался представить, что же с ним было. Ничего не вспомнив, Кин махнул рукой, вернулся в комнату и лег в постель, оставив хозяина на полу.

* * *

В это теплое июньское утро вице-консул поднялся раньше обычного. Быстро оделся и, еле сдерживая волнение, стал ходить по длинным коридорам консульства. Затем вышел во двор. Где-то около восьми калитка тихо отворилась, и появился худощавый мужчина. Одновременно к радости Чжан Цзяна на крыльцо вышел консул Инь Кен-ху.

— Господин консул,— обратился к нему Чжан Цзян.— Вы как-то говорили, что надо сменить ограду. Я нашел подходящего плотника. Вот он пришел.

Инь Кен-ху внимательно посмотрел на стоящего перед крыльцом гостя. Ничем не примечательное лицо. Скромная одежда рабочего человека. Кисти рук вот только не рабочие — узкие, с длинными, тонкими пальцами. Консул вздохнул:

— Ну что ж. Пусть работает.

— Только есть одно обстоятельство... — замялся Чжан Цзян.

— Говорите.

— Жить парню негде. Может, пристроить его у нас в сарае? Погода-то теплая.

Консул посмотрел на Чжан Цзяна, на скромно потупившегося пришельца и, улыбнувшись, в знак согласия кивнул головой.

Новый плотник оказался скромным малым. На глаза особенно не лез, в разговоры вступал редко. Охотно помогал повару и конюху. В порядке благодарности первый подкладывал плотнику лишнюю горсточку рису, а второй одалживал на ночь старую попону.

Уборщица, тетушка Лю, которая приходила в консульство по утрам, пыталась как-то заговорить с плотником, но тот буркнул что-то в ответ, отбив всякую охоту к расспросам. Тетушка Лю не узнала, как зовут нового работника. Зато она видела, что дело у плотника движется не очень-то быстро. Иногда он с утра уходил в город и возвращался

только к обеду. Успела тетушка Лю заметить, что плотника охотно приглашает к себе в кабинет вице-консул, о чем-то подолгу с ним беседует. Однажды до нее долетели обрывки фраз и она поняла, что новенький просит Чжан Цзяна устроить его на работу в городе, помочь с пропиской.

* * *

В давние-давние времена, еще при основании Верного на берегу студеного ручья было заложено военное укрепление. Много воды утекло с тех пор. От некогда величественной крепости остались, как память, заметно осевшие земляные валы, поросшие травой, обрушившиеся казематы. Но как и раньше это место было занято солдатами.

В расположенных за валом постройках размещалась кавалерийская часть. Почти на все лето конники, забрав свои нехитрые пожитки, уезжали в лагеря. Не было в старой крепости ни складов с новейшей военной техникой, ни тем более огневых точек. Солдатская жизнь также не заключала в себе секретов. Подъем, учеба, приемы пищи, отбой. Оружие? Но его у кавалериста немного: шашка, винтовка или карабин. Правда, в годы Великой Отечественной войны появились у конников автоматы. Но и они никакого секрета не представляют. Что же тогда могло интересовать господина вице-консула Чжан Цзяна в старой крепости? Воинское умение командиров? Численность личного состава, оружия? Боевой дух солдат? По-видимому, и то, и другое, и третье.

Вице-консул, а точнее, гоминдановский разведчик Чжан Цзян, не мог пройти мимо столь привлекательного уголка. Старая крепость, словно магнит, тянула его к себе. И он старался проникнуть в тайны земляного укрепления.

Иван Григорьевич Кузнецов несколько раз побывал у полурассыпавшейся крепости. Ничего примечательного. По кривой неширокой улочке проходит мимо нее дорога на Талгар и Иссык. По ней с утра и до позднего вечера бегут автомашины, катятся телеги, семенят с поклажей на маленьких повозках длинноухие ослики. У тесовых ворот, прикрывавших въезд в крепость, стоит часовой. Люди проходят от него в нескольких шагах.

Один раз судьба, казалось, вознаградила терпение Кузнецова: из отделения милиции сообщили, что возле крепости задержали неизвестного. В повозке у него нашли гранату. «Гранату?»— переспросил Кузнецов и немедленно от-

правился в отделение, чтобы присутствовать при допросе задержанного, лично осмотреть содержимое повозки.

Предъявив начальнику отделения милиции удостоверение, Иван Григорьевич попросил показать ему гранату. Капитан милиции посмотрел на Кузнецова... смутился. Затем достал из ящика нечто невообразимо ржавое. Чекист с улыбкой заметил:

— Когда-то это действительно была граната. Вероятно, осталась со времен гражданской войны. Сейчас она не представляет опасности.

— Пожалуй, так,— согласился капитан.

— А что еще нашли в повозке?

— Пойдемте, посмотрим,— предложил начальник отделения.

Во дворе стоял запряженный в повозку маленький длинноухий ишак. Опустив голову и полузакрыв глаза, он флегматично пережевывал пучок травы. Кузнецов осмотрел кучу рухляди. В ней были ведра без днищ, ржавые обручи, кости, несколько замызганных тряпок, лошадиные копыта, обломок рога...

Вымыв руки, Кузнецов попросил, чтобы привели задержанного.

— Сейчас сделаем,— сказал капитан.

Иван Григорьевич проинструктировал дежурного лейтенанта, как вести допрос.

— Выясните, пожалуйста, почему старьевщик оказался у крепости, бывал ли он здесь прежде, для чего подобрал гранату.

Подумав, Кузнецов добавил:

— Задержанного можно отпустить. А чтобы не подумал чего плохого, предупредите, что такие железки не то что собирать, трогать опасно!

Сидя на стуле у стены, Кузнецов внимательно слушал беседу лейтенанта с задержанным. Тот говорил по-русски довольно сносно, но с ужасным акцентом. С ответами старьевщик не медлил. Когда же лейтенант стал выговаривать за гранату, он горячо, даже с обидой воскликнул:

— Моя армия служи нету! Моя не знай гранада.

— Да она ведь взорваться могла, чудак-человек. И твоя рука, нога нету! — в тон ему проговорил лейтенант.

— У нас китайски Ван Шен-гун солдата служи. Его знай гранада. Моя не знай. Умирай хочу нету!

— Это какой Ван? Тот, который на Талгарской живет? — небрежно спросил лейтенант.

— Нет, это другой Ван на Талгарской. Его Ван Чи-фу есть. А Ван Шен-гун Кавалерийская живи.

«Молодец!»— мысленно одобрил Кузнецов лейтенанта и записал в блокноте: «Ван Чи-фу — Талгарская, Ван Шен-гун был солдатом (?) — Кавалерийская».

— Гранаты собирать не надо,— продолжал лейтенант. — Собирай лучше бумагу. Тоже утиль.

Осматривая рухлядь в повозке, Иван Григорьевич заметил, что бумаги там в самом деле не было. Ни одного клочка.

— Там бумаги лежи нету,— обиженно проговорил старьевщик.

— Ну, ладно. Отправляйся домой. Да больше возле крепости не ходи, а то еще наткнешься на такую вот железку и... взорвешься.

Поблагодарив работников милиции за помощь, Кузнецов отправился в министерство. Но что-то его тревожило. Снова и снова перебирал он в памяти вопросы лейтенанта и ответы старьевщика.

«А может, этот Ван Шен-гун и есть тот, кто снабжает Чжан Цзяна сведениями о гарнизоне старой крепости? Надо будет разобраться с ним и выяснить, что это за бывший солдат»,— раздумывал Кузнецов по дороге.

Доложив Мустафину о результатах посещения милиции, Иван Григорьевич добавил, что в понедельник решил посмотреть на старого солдата Ван Шен-гуна.

Утром Иван Григорьевич предупредил жену, что ему надо отлучиться по делам до обеда, оделся в старенький гражданский костюм и пошел. Возле крепости остановился, недовольно нахмурился: возле вала толпились ребятишки. Вспомнив о гранате, Кузнецов направился к ним. Ребята о чем-то спорили и размахивали руками. Увидев взрослого, насторожились.

— Что не поделили, ребята, железку или кость? А может, из-за клочка бумаги собираетесь открывать баталию?

Ребята обступили Кузнецова, загалдели. Каждый доказывал что-то свое. Из их сбивчивых рассказов Иван Григорьевич понял, что какой-то чудак говорил, что около крепости полно бросового железа. Они договорились сегодня придти. А тут ничего нет. Вот и выясняют, кто в эти дни перетаскал металлолом.

— Зря вы обвиняете друг друга в нечестности,— заметил Кузнецов.— Вчера здесь был сборщик утиля и все желе-

зо н кости вывез на ишаке. А теперь расскажите, что за чудак направил вас к крепости.

Ребята переглянулись, недоуменно пожали плечами. Никто его не знал. А у крепости он собнрал макулатуру. Вот осталось всего несколько обрывков газет.

— Ну что ж,— посочувствовал Кузнецов.— Счнтайте, что здесь вам крупно не повезло. Прндется искать другую залежь черных и цветных металлов. Жаль, не знаете этого человека, а то поговорнл бы с ним. Не обманывай малышей!

Расставшись с ребятами, Иван Грнгорьевнч глубоко задумался. Те обрывки газет, что осталнсь у крепости, сначала были подняты, расправлены, а потом выкинуты. Это настораживало. Похоже, человек знал, что искать. Но что именно? Мысль пришла неожиданно, четкая и ясная: «Солдатские письма, обрывки военных газет!» Беспокоило н другое. Такой наблюдательный народ, как мальчишки (пусть их было всего двое) ннчего не могли сказать о неизвестном старьевщике, кроме того, что был он во всем черном.

* * *

Осмотрщнца вагонов станцни Алма-Ата первая рассказала, что нензвестный гражданнн китайской национальности интересовался прохожденнем воинскнх эшелонов. Кузнецов разыскал женщнну, подробно расспросил, как было дело.

— Да очень просто. После проверки состава я должна была ндтн на пункт сдавать смену. Иду, значнт, по путям. Вдруг догоняет тот. По-русский складно говорит. Спрашнвает, не приходил ли сейчас поезд. Какой, говорю. Он вроде бы замялся. Потом говорит, возле Ташкента его друг казах служит. Прислал письмо, что едет в командировку, но только не пассажирским поездом, а товарным. Я, значит, отвечаю, что после войны воинские эшелоны у нас не ходят. Он даже растерялся и опять про письмо начал толковать. Может, мол, с пушками нлн с танкамн. Напутал, говорю, твой друг чего-то. И еще раз сказала, что воинских эшелонов после войны ни одного не видела. После этого он вроде загрустнл, извннился н ушел через пути прямо в город.

— А какой он нз себя?

— Да как сказать? Росту среднего. Лет, может, 25 Одет в черный костюм. На голове черная фуражка. Лицо какое-то неприметное. Да я, собственно, и не успела как следует разглядеть его.

Иван Григорьевич тепло поблагодарил осмотрщицу, хотя и был разочарован ее нехитрым рассказом.

Был еще второй случай. Сотрудник областного управления Артюхов шел из поселка Тастак к трамваю. И вдруг услышал такой разговор. Несколько старушек, сидя на скамеечке у дома, говорили, что в Тастаке никогда воинских частей не было и видно солдаты обманули этого беднягу.

— А что случилось?— поинтересовался Артюхов.

Старушки, перебивая друг друга, поведали о том, что подошел к ним вроде кореец и сказал: «Заняли у меня два солдата деньги, обещали принести, да вот нет что-то. А часть ихняя вроде бы в Тастаке стоит, а где — любой покажет...»

— А какой этот «кореец» из себя?

— Да бедно так одетый: черные брючишки да пиджачок... А на голове фуражка. Тоже черная.

— И давно это было?

— Да, почитай, и четверти часа не минуло.

Артюхов посочувствовал доверчивости «корейца» и пошел к трамваю. За углом он прибавил шагу и заметил на остановке мужчину в черном костюме. Но тот сел в трамвай и уехал.

С помощью Артюхова Кузнецов разыскал старушек и переговорил с ними. Но ничего нового не узнал.

И вот шагает Иван Григорьевич по Кавалерийской. Обычная городская окраинная улица. Утопающие в садах дома. Узкие калитки. Свирепые тощие псы, лязгающие цепями.

В доме Ван Шен-гуна Кузнецова встретила русская женщина. Узнав о цели визита, она пригласила его в дом.

— Шура, к вам пожарник пришел.

Китаец, сидевший за столом, отложил в сторону газету, поднялся.

— Хорошо. Я сам все покажу.

Иван Григорьевич осмотрел печь, сарай с углем и саксаулом, спросил, где хранится керосин. Слазил на чердак, проверил разделку печных труб. После осмотра чекист в сопровождении хозяина вернулся в комнату, чтобы сделать записи. Присев к столу, он с удовольствием вытянул гудящие ноги и, отодвинув газету, раскрыл тетрадь. День был жаркий, во рту пересохло. Иван Григорьевич попросил воды.

— Маша! Налей-ка товарищу чаю.

Кузнецов запротестовал, но хозяйка уже поставила перед мужчинами пиалы.

— Зеленый чай,— пояснил хозяин.— В жару после него пить меньше хочется.

Отказываться было неудобно, и Кузнецов взял в руки пиалу. Кивнув на газету, с любопытством спросил:

— Что новенького?

— Похоже, скоро и на нашей улице будет праздник,— ответил Ван Шен-гун.— Я думаю, скоро наши начнут наступать.

Чекист не знал, кого хозяин считает своими, а кого чужими, и ответил неопределенно.

— Нелегко это будет сделать теперь.

— Кто же говорит, что легко,— согласился Ван Шен-гун.— Ведь чанкайшисты заняли всю индустриальную часть Маньчжурии и вытеснили наших в сельскохозяйственные или горно-лесистые районы севера и северо-востока. Да только времена теперь не те, что в 1932 году.

— А причем здесь 1932 год?— с интересом и некоторым недоумением спросил Иван Григорьевич.

Ван Шен-гун задумался.

— Тут, видите ли, вот дело какое. В 1931 году японская Квантунская армия оккупировала Маньчжурию. Я тогда был бедным крестьянином и копался на своем огородике в деревне близ Чанчуни. Этот город, как известно, японцы объявили столицей империи Маньчжоу-го, нарекли его Синцзин и посадили на престол императора Пу-и, своего послушного ставленника. В то время все это меня мало касалось. Но были люди, которые говорили, что японцы — грабители и их вместе с Пу-и надо выгнать.

Появился такой агитатор и в нашей деревне. Японцы пронюхали об этом и прислали из Чанчуни полицейский отряд с дюжиной своих советников. Жителей деревни собрали возле дома старосты. А тут еще оказалось, что накануне, ночью, на поселок японских колонистов по соседству с нашей деревней кто-то совершил нападение.

Японский советник через переводчика предложил выдать, как он сказал, «красных дьяволов» и смутьянов. В противном случае пообещал сурово наказать всех поголовно. Крестьяне молчали. Тогда японец приказал запереть нас в двух фанзах. Мужчин затолкали в одну, женщин с детьми — в другую.

Наутро, не добившись ответа, японцы отобрали десять

человек. Среди них были мой отец и старший брат. Всех их расстреляли на наших глазах.

Весь день мы стояли под палящим солнцем и смотрели на убитых. А на ночь нас опять загнали в фанзу. Кто-то сказал, что если не убежим, нас всех убьют. Нашли мы несколько палок, стали делать подкоп под стену. На наше счастье земля была сырая, и сделать лаз оказалось нетрудно. За стеной в трех-четырех метрах, а мы знали это, начинались посевы гаоляна. Несколько стариков отказались уходить. Пришлось связать их, заткнуть рот. Впрочем, это не помогло. Наутро всех оставшихся казнили.

Несколько дней прятались мы на полях. Но это было опасно, и мы стали расходиться кто куда. Я и еще четверо пошли на восток в горы. Там я попал к партизанам. Скоро стал участвовать в засадах и боях. Потом японцы начали истребительную войну против партизан, которых они иначе как хунхузами не называли. Наш отряд несколько раз вырывался из окружения, уходил на восток. Но потом нас прижали к советской границе. Мы дрались с японцами почти сутки, но вырваться так и не сумели. Ночью оставшиеся в живых переплыли через речку на советскую сторону. В этом бою я был ранен в ногу и в грудь навылет. Потерял сознание, как меня переправили, не знаю.

Советские врачи долго лечили меня, а когда выздоровел, попал в Казахстан. Я рассчитывал, что отсюда с помощью китайского консульства смогу вернуться в Китай, чтобы драться с японцами. Выдавал даже себя за солдата гоминдановской армии. Но в консульстве не очень-то торопились. Посоветовали подыскать работу, жилье. Свой отказ мотивировали тем, что Советское правительство заключило с Японией соглашение и поэтому не разрешает пока китайцам выезжать на родину. Не знаю, было ли соглашение, но консульские работники относились к таким, как я, и к советским китайцам настороженно.

— Это почему же?— поинтересовался Кузнецов.

— Боялись нас. А может, презирали.

Увидев в глазах Кузнецова недоумение, Ван Шен-гун печально улыбнулся.

— Вам, советским, это странно. А ведь в гоминдановском консульстве и сейчас на нас смотрят так же. Вчера пришлось мне слышать, что тетушка Лю про вице-консула Чжан Цзяна рассказывала.

Кузнецов внутренне насторожился и опустил глаза на свою тетрадь. Ван Шен-гун продолжал:

— Убирала она кабинет вице-консула и вымела из-под стола какой-то листок бумаги, вроде письма. Только письмо это валялось где-то: буквы наполовину расплылись. Так Чжан Цзян, как увидел этот листок, даже позеленел весь и закричал на тетушку Лю, что она, глупая женщина, важные документы выметает.

Ну, тетушка Лю, конечно, обиделась и ответила , что это, мол, к ее башмаку бумажка прилипла, вот она ее и вымела. После этого Чжан Цзян вроде бы успокоился. Повертел бумажку в руках, посмотрел на нее со всех сторон и бросил на пол. Сказал, что у него такой бумажки и в самом деле не было и, наверно, тетушка Лю притащила ее в дом своими башмаками.

— Может, в самом деле так получилось?— спросил Кузнецов.

— Ну, тетушка Лю не такая неряха. А потом, как может бумажка прилипнуть к башмаку в сухую погоду?

— Ну, чего не случается,— как можно равнодушнее сказал Кузнецов.

Посмотрев на часы, спохватился:

— Ох, засиделся я у вас. А ведь мне работать надо.

— Ничего, работа не волк, в лес не убежит,— заметил Ван Шен-гун.— Да вы заходите как-нибудь. Просто так, поговорить.

— Работы много. Так что скоро вряд ли смогу зайти,— нерешительно ответил Кузнецов.

Итоги обхода участка обсуждали у Сухомлинова.

— Итак,— сказал Даниил Осипович,— мы получили, пусть косвенное, но достаточно убедительное подтверждение: Чжан Цзян интересуется старой крепостью. И, по-видимому, это он посылал туда своего агента. Кто этот шпион, мы пока не знаем.

— Кроме мальчишек старьевщика никто не видел. И они никаких примет назвать не могли,— отметил Кузнецов.

— Но для чего ему понадобилось посылать к крепости сборщика утиля?— недоуменно спросил Мустафин.

— А он и не посылал. Старьевщик замешан здесь случайно,— возразил Иван Григорьевич.

— Может, случайно. А может... идейка была подброшена мальчишкам именно в расчете на такую случайность,— предположил Мустафин.

— Если это так, сделан умный ход,— рассудил Сухомлинов.— С одной стороны, можно отвести подозрение, с дру-

гой — проверить, как будут реагировать чекисты. Впрочем, продолжайте.

— На мой взгляд,— сказал Кузнецов,— к этому случаю примыкает происшествие на станции Алма-Ата первая. Человек, который интересовался воинскими эшелонами, одет был точно так же, как неизвестный, которого видели у старой крепости.

— О нем ничего выяснить не удалось?— спросил Сухомлинов.

— Нет, товарищ полковник,— виновато кашлянув в кулак, Кузнецов продолжал:— И, наконец, сомнительный кореец в Тастаке. На нем та же черная одежда. Смущает, правда, одно обстоятельство — речь. Одни утверждают, что незнакомец в черном говорит по-русски довольно плохо, другие — с сильным акцентом, третьи уверяют, что речь его четкая, правильная.

— А может, в Тастаке действительно был кореец?— усомнился Мустафин.

— Я не исключаю такой возможности. Однако, по-моему, это один и тот же человек.

— Если это разные люди,— заметил Сухомлинов,— задача ваша намного усложнится. Если же это одно лицо, перед нами опытный и ловкий противник.

Помолчав, полковник добавил:

— Если считать незнакомцев за одну личность, то бросается в глаза такое обстоятельство. Обращаясь к женщинам, мужчина в двух случаях располагает их к себе тем, что бьет на жалость и сочувствие. Далее. Он довольно искусно изменяет речь. Это говорит об осторожности и хитрости. В этом видно и другое. Противнику нашему не чужды психологические приемы.

— Да, это так,— признал Кузнецов.

— А на мой взгляд, в действиях на станции и в Тастаке значителен элемент авантюризма. Пойти на это может гастролер, который спешит, а риск оправдывает цель,— выразил свое предположение Мустафин.

— Мысль не лишена логики и интереса, Аскар Габбасович. Поэтому попрошу вас продумать меры по этой версии и завтра доложить мне,— приказал Сухомлинов. Обращаясь к Кузнецову, спросил:— А каковы ваши выводы?

Сверяясь с тетрадью, чтобы не спутать фамилии, Иван Григорьевич стал конкретно, но по возможности четко, характеризовать тех, с кем ему пришлось в эти дни встречать-

ся, беседовать. Пришлось, как он признал, и упреки выслушивать, и на вопросы кое-кому отвечать.

Слушая Кузнецова, Даниил Осипович изредка что-то записывал на листе бумаги. После доклада полковник обратился к Мустафину:

— Ну, а у вас, Аскар Габбасович, что есть?

— Удалось установить, что в консульстве почти месяц жил китаец, которого все звали Ваня. Ушел, а, вернее, исчез он из консульства, если наши данные верны, за день до появления незнакомца у старой крепости.

— Вот как?

— Да, товарищ полковник. Как стало известно, работники милиции по поводу проживания в консульстве постороннего лица обращались с предупреждением к консулу Инь Кен-ху.

— И что же?

— На вопрос, кто этот человек, консул пожал плечами и ответил, что фамилию его не знает, так как пригласил плотника не он, а вице-консул. Такую же «неосведомленность» проявили вице-консул Чжан Цзян и секретарь Гао. Последний даже изумился, зачем ему знать этого человека. Работал он за питание и ночлег, зарплаты никакой не получал, в ведомостях не значился. Ему, мол, дела до него нет.

— Круговая порука, выходит?— побарабанил Даниил Осипович пальцами по столу. Закурил, пустил кольцо дыма, понаблюдал, как оно расплывается в воздухе.— Странно. Три работника консульства месяц общаются с человеком, кормят его, предоставляют ночлег и... не знают его имени. Этим «незнанием» они дают нам лишний повод к подозрению.

— Товарищ полковник, имени и фамилии этого человека, оказывается, не знают и повар с конюхом,— закончил Мустафин.

— Даже так,— Даниил Осипович повертел в руках карандаш, внимательно посмотрел на Мустафина.— Так говорите, плотник Ваня исчез из консульства за день до появления неизвестного сборщика макулатуры у старой крепости?

— Так точно.

— Странное совпадение. Очень странное...

* * *

Постепенно в папке Ивана Григорьевича накапливались бумаги: справки, заявления, записи бесед, планы работы.

Из всей этой писанины постепенно вырисовывалась какая-то еще неясная картина. Но делать выводы Кузнецов не спешил, продолжал методично проверять заявления, ходить в организации, на предприятия, беседовать с людьми. Он искал человека, который у старой крепости собирал бумагу, неизвестного со станции Алма-Ата первая, корейца, что был в Тастаке.

У Ивана Григорьевича сложилось твердое мнение, что во всех случаях это был человек лет 28—30, одетый в черные пиджак и штаны из дешевой материи, в черную фуражку. Толстогубый, большеухий. Но вот прошло несколько месяцев, а о незнакомце, которого разыскивал Иван Григорьевич, никаких сведений больше не поступало. Никто не знал, как его по-настоящему зовут, где он живет. Мустафин, правда, выяснил, что плотник Ваня тоже носил черные штаны, да и черная фуражка у него вроде есть. Но это не достоверно. Кузнецов понимал, одежда — примета не очень надежная. Пиджак можно снять, брюки и фуражку заменить.

Ничего определенного не дала и разработка версии Мустафина о заезжем агенте. Запросы к пограничникам в свое время были направлены. Однако в интересующий период нераскрытых переходов через государственную границу не было.

«Видимо, мысль о маршрутном агенте придется отложить и пристальнее заняться поиском неизвестного среди местных жителей,— решил Кузнецов.— Нужно проверять каждого из тех, о ком шел разговор у Сухомлинова. И опять же нельзя слепо подозревать каждого только за то, что он иностранный подданный или человек без гражданства...»

Унывать Кузнецов не любил. Да и время, потраченное на поиски, дало свои результаты. Кое-что удалось узнать.

Как-то, возвращаясь с работы, Кузнецов встретил Ван Шен-гуна.

— Здравствуйте, товарищ инспектор,— обрадовался Ван.— Что не заходите?

— Работы много. Как живете, как у вас дела?— поинтересовался Кузнецов.

Ван Шен-гун радостно заулыбался.

— О-о-о, дела шанго! Как говорят русские: «На большой!» Читали, как наши чанкайшистам в Маньчжурии дают?

— Читал, читал!— улыбнулся Кузнецов.

— Маньчжурия почти вся освобождена. Да что Маньчжурия! В центральном Китае гоминдан теряет города и солдат. Кое-кому от этих вестей, наверно, выть по-волчьи хочется.

— На кого так вредно действуют радостные известия?

— А на вице-консула Чжан Цзяна,— довольно засмеялся Ван Шен-гун.

— А-я-яй! Такой уравновешенный человек и так расстроился...

— Если верить тетушке Лю, этот господин даже заговариваться стал. Приехал, говорят, из ташкентского консульства какой-то важный чиновник. Чжан Цзян разговаривал с ним и вдруг заявил: «Бамбук укоренился и расцвел!» А кто из китайцев не знает, что если бамбук расцвел, в этом радости мало — он погибнет!

— Вот как?— искренне удивился Кузнецов.— А может, господин Чжан просто выпил? А с пьяного какой спрос.

— Да нет. Тетушка Лю уверяет, он был трезв.

— Может, стихи обсуждали,— предположил Иван Григорьевич.

— Чего бы ради стихов тащиться чиновнику в Алма-Ату из Ташкента. В Китае такие дела происходят, что не сегодня-завтра самому Чан Кай-ши будет крышка. Какие тут стихи.

— Да, успехи Народно-освободительной армии убедительны,— заметил Кузнецов.— Будем надеяться и дальше дело пойдет так же хорошо.

— Спасибо на добром слове. Я знаю, советские люди горячо сочувствуют делу китайской революции. Когда я воевал против японцев, еще тогда слышал про ваших советников. У нас, правда, отряд был небольшой и мне не довелось сражаться рядом с русскими.

Ван Шен-гун некоторое время молчал, потом снова вернулся к вице-консулу.

— Может, какую-нибудь пакость затевают? Ведь от таких, как Чжан Цзян, всего можно ожидать. Не случайно он препятствовал выезду китайцев на родину в трудные годы. Да и сейчас неспроста вынюхивает настроение китайцев, их отношение к гражданской войне. Через Лю Пе-ина, Чу Лантина распространяет панические и провокационные слухи. Говорит, скоро коммунистов Китая сотрут в порошок... Кое-кто верит в это, поддакивает Чжан Цзяну. Особенно усердствует Лю Пе-ин, служивший у японцев.

Вечером Кузнецов доложил Мустафину о разговоре с

Ван Шен-гуном. Тот походил по кабинету, обдумывая слова Вана. Затем спросил:

— Вану можно верить?

— Чекисты Дальнего Востока подтвердили, что в 1932 году после жестокого боя через пограничную реку на советскую территорию перешли остатки отряда Вана. По имеющимся у них данным, Ван Шен-гун храбро сражался с японскими оккупантами. Проверял я его и здесь. Отзывы о нем положительные. К Советской власти настроен лояльно, работает добросовестно.

Аскар Габбасович задумался. Как бы про себя заметил:

— Что значат эти слова: «Бамбук укоренился и расцвел»? Давай, Иван, пиши отчет и пойдем к Сухомлинову...

Прочитав отчет Кузнецова, полковник сказал:

— О консульском госте мы навели справки. Узбекские товарищи не сомневаются, это работник разведки и, по-видимому, высокопоставленный, так как наносит визиты в китайские консульства других городов. Следовательно, остается предположить, что Чжан Цзян отчитывался перед гостем и даже успехом хвастался. Теперь будем разгадывать, много ли бамбука удалось посадить господину Чжану в наш советский огород... Ван Шен-гун прав: бамбук после цветения погибает. Причем цветет и гибнет одновременно вся бамбуковая роща. Чем это объясняется, я не знаю, но это так. Не помогает ни удаление цветов, ни выламывание отдельных побегов... Обратите внимание, Иван Григорьевич, на слова Ван Шен-гуна о том, что Чжан Цзян пытается выяснить, не собираются ли китайцы выезжать в Маньчжурию.

— Пожалуй, следовало бы взять под контроль все учреждения, организации и предприятия, связанные с железной дорогой,— предложил Мустафин.

— Вы правы, Аскар Габбасович,— согласился Сухомлинов.

После беседы Кузнецов запросил списки личного состава разных организаций, просмотрел их, сделал выписки по интересующим его лицам. Когда в первый раз промелькнула фамилия Цзян Чжан-чжу, чекист мысленно сопоставил ее с имеющимися данными. Грузчик саксаульной базы никаких сомнений и тем более подозрений не вызвал. Но почему-то эта, похожая на звон колокольчика, фамилия осталась в памяти. Она вспомнилась, когда летом 1949 года до Ивана Григорьевича дошел слух о китайце, который расспрашивал ремонтников, не курды ли они. В бригаде в ту

пору работало несколько казахов, туркмен, азербайджанцев, греков. Ремонтники — молодые парни — отпустили усы, носили широкие, на выпуск шаровары, цветастые рубахи. На голове бригадира-туркмена красовалось что-то среднее между тюбетейкой и турецкой феской. Услышав вопрос «Ты курт?», бригадир подмигнул своим товарищам, и свирепо вращая глазами, рявкнул: «Я курт? А может, это ты курт?» «Я китаец». «Какой такой китаец? Я Осман-Оглы, а ты?» «Я Цин Чан-чу»,— невнятно проговорил китаец. «Вот я покажу тебе курт!» Бригадир сунул под нос китайца громадный кулачище. Того словно ветром сдуло.

Мустафин, услышав об этом, усмехнулся:

— Курт по-казахски не только молочный продукт, но еще и червяк. А почему тебя заинтересовал этот Цин?

— Одет он был в черные брюки и черный пиджак. Как те. Похожую фамилию имеет один грузчик с саксаульной базы.

— Вот оно что! Личное дело запросил? — поинтересовался Мустафин.

— Увы,— вздохнул Кузнецов. — На саксаульной базе на Цзина личного дела не оказалось. Сам он уволился еще в апреле. Куда уехал, никто не знает. К тому же ремонтники фамилию своего коллеги называют по-разному: Цин Тян-зу, Цин Чань-су и даже Син Сян-чу. Может, и не он, а кто-нибудь другой.

— Да-а-а,— разочарованно протянул Мустафин. — Хоть бы маленькое фото раздобыть...

— Черт бы побрал этих кадровиков,— ругнулся Иван Григорьевич. — Я так рассчитывал на личное дело, главным образом из-за фотографии. И вот...

Фотография в руки Кузнецова попала лишь через несколько месяцев, когда Цзин Чжан-чжу был выявлен среди подсобных рабочих Среднеазиатского геодезического треста. К тому времени Ивану Григорьевичу стало известно, что Цзин Чжан-чжу несколько раз высказывался против Советского Союза, восхвалял клику Чан Кай-ши.

Через отдел кадров треста Кузнецов заполучил подробную биографию Цзин Чжан-чжу. И вот что выяснилось. В Советский Союз Цзин попал в 1942 году. Нелегально перешел границу в районе Хабаровска. Позднее удалось разыскать следственное дело, по которому Цзин Чжан-чжу был осужден.

Изучив материалы, Иван Григорьевич заподозрил, что Цзин перешел границу не по доброй воле. Городишко, в ко-

тором он служил бухгалтером в маньчжурском пограничном отряде, был окружен высокой стеной и всех, кто выходил вечером из города, обыскивали. А у Цзин Чжан-чжу при задержании были обнаружены цифровые данные о личном составе Фуюаньского погранполицейского отряда. Как он ухитрился их пронести, если в дневное время не мог уйти с работы. На допросах в Хабаровске Цзин показал, что эти сведения составлялись им в течение некоторого времени. И это под носом у японцев!

— Ваши сомнения уместны. Но что вы подозреваете?— спросил Сухомлинов, когда Кузнецов доложил ему об этом.

— Да разве не ясно, что Цзин японский шпион, а теперь связан еще и с гоминдановской разведкой?

— А это доказано? Учтите, капитан, самое яркое предположение еще не улика. Интуиция для контрразведчика хорошая вещь, но в качестве доказательства судом не признается. Нужны свидетели, вещественные доказательства, признания.

— Ясно, товарищ полковник,— ответил Кузнецов и вышел из кабинета.

* * *

В последнее время господин Чжан Цзян стал заметно волноваться. Он в глаза не видел советских контрразведчиков, но чувствовал, каждый его шаг контролируется, словно он находился под стеклянным колпаком, где никуда не спрячешься.

Гоминдановское консульство в Алма-Ате доживало последние дни. Чан Кай-ши убрался на Тайвань. В Китае провозглашена Народная республика. Но от Чжан Цзяна требовали все новых и новых сведений. Ясно было, что они нужны не Дай Ли* и его ведомству, а тем, кто стоял за их спиной. Из-за кордона сообщили, что работа по сбору сведений должна продолжаться и в том случае, если Чжан Цзян выедет из Советского Союза. Нужно искать себе замену. А кто подходит для этой цели? Уже несколько проверенных, опытных агентов провалилось. Остальные наверняка под контролем чекистов. И зачем тогда похвалился перед ташкентским коллегой, что «бамбук укоренился и расцвел?» Чжан Цзян мрачно улыбнулся. «Накаркал на свою шею. Так, кажется, говорят в подобных случаях рус-

* Дай Ли — глава гоминдановской разведки.

ские. Ведь бамбук цветет перед гибелью. Выходит, слова пророческие. Хотя в тот день вкладывался в них иной смысл».

От неприятных размышлений Чжан Цзяна отвлек стук в дверь.

— Войдите,— сдерживая раздражение, крикнул он.

Дверь открылась. На пороге появился... плотник Ваня.

— Ниньхао, Чжан-сяньшэн!

— А-а-а, Ваня! Хао,— обрадовался вице-консул.— Ты мне нужен. За тобой никто не следил?

— Два года хожу. Никого ни разу не видел на хвосте.

— Это хорошо. Рассказывай, что нового...

Вести были не очень интересными. О многом Чжан Цзян уже знал, но виду не подал. Ценным было сообщение о строительстве железной дороги на участке Моинты — Чу. Ее завершение приближало Алма-Ату к Уралу. Значит, и центр России становился ближе к Китаю. Сообщение о «курдах» удивило Чжан Цзяна.

— А ты не ошибся?— спросил он.

— Нет, господин Чжан.

— Значит, курды находят убежище в СССР!— удовлетворенно воскликнул Чжан Цзян.— Нашему великому союзнику этот факт будет очень кстати.

Матерый разведчик не заметил, как проговорился. Но когда сидишь на чемоданах и опасаешься, что повезут тебя не в том направлении, в каком хочешь, недолго проговориться.

Слушая обстоятельный рассказ Вани о посещении колхозов «Вторая пятилетка», имени Кирова, Чжан Цзян, полуприкрыв глаза, вспоминал, как два года назад, по указанию своего шефа разыскивал этого человека. В сообщенных данных его фамилия была совершенно иной и, если бы Ваня не пришел сам, вряд ли удалось его найти. Ваня помнил пароли на все встречи. Все же на всякий случай Чжан Цзян хорошо его проверил. За пять лет, что прошли с момента перехода им границы до появления в Алма-Ате, многое могло измениться. К тому же те хозяева, что посылали его в СССР, были противниками гоминдана и уже вышли из игры. Но для таких, как он и этот Ваня, главным был не цвет флага, а принципы, которые осеняет флаг. Проверка лишний раз убедила Чжан Цзяна, что Ваня еще сильнее стал ненавидеть Советскую власть. Не растратил он и полученных когда-то навыков. Ваня помог Чжан Цзяну отыскать нескольких китайцев, служивших в маньчжурской

полицин. Эти сведения пригодилнсь в развертываини агеитурной сети.

Когда Ваня закончил свой рассказ, Чжан Цзян встал.

— Не сегодия-завтра я должеи буду уехать отсюда. Причнны, надеюсь, понятны. Так вот. Борьба ие коичена. Чтобы победнть там, надо бороться здесь... Больше в консульство не приходи. Ведн себя незаметно. И жди. Со временем к тебе прндет человек. От меня. Неважно, кто это будет: мужчина, женщнна, европеец, азнат. Ему передашь все сведення и получншь иовое задание.

— Я вас понял, господнн Чжан. Будет сделано.

* * *

За два с половниой года Мустафии и Кузнецов заметно возмужали, сталн опытнее, сдержаииее. На погонах их офнцерских кнтелей, ннкогда почти не одеваемых, прибавилось еще по одной звездочке. Им удалось выявить н обезвредить несколько агентов гомнндановской разведки. «Бамбуковая роща» господина Чжан Цзяна заметио поредела. Было похоже, что Мустафнн н Кузнецов вышлн на опытного разведчика, прошедшего школу иедоброй памяти генерала Доихара. Противиик был умеи и коварен. Имеющнеся данные убеждали в предположеннн, что Цзин Чжан-чжу был в свое время заброшен в нашу страну японской разведкой. Встал вопрос, как подступиться к этому скользкому, увертлнвому врагу. Прав был полковник, когда говорнл, что предположение — не улика, а ннтуиция — ие доказательство.

— Ну, что ж. Давай думать, мой дорогой мыслнтель,— сказал Мустафии, усаживаясь иа стул.

— Давай,— согласился Кузнецов.

— Итак. Даио: иензвестное лнцо по фамнлин Цзин Чжан-чжу.

— Почему же неизвестное?— уднвился Иваи Григорьевнч.

— Да потому, что кроме фамнлни мы о нем почтн ннчего не знаем.

— Ну, не скажи!— возразнл Кузнецов.— Мы знаем, что в Советский Союз он попал 10 марта 1942 года, после того, как нелегально перешел границу. Нам также известно, что в Алма-Ату Цзин Чжан-чжу прибыл в середнне февраля 1947 года, остановнлся в Талгаре. Кроме того, установлено, что работал иа саксаульной базе, затем грузчнком в стройконторе прн Управленнн колхозными рынкамн, после чего

поступил разнорабочим в Среднеазиатский геодезический трест.

— Все правильно. Дальше.

— Мы знаем, наконец, что в настоящее время Цзин живет по улице Шаврова.

— Браво!

— Мы установили, что Цзин интересовался дислокацией воинских частей, воинскими перевозками по железной дороге.

— Еще миг и ты выложишь железное доказательство причастности некоего Цзина к иностранной разведке,— иронически заметил Мустафин.

— У нас,— не обратив внимания на иронию, перечислял Кузнецов,— есть предположения и даже основательные подозрения. А это уже кое-что...

— И все же для полного разоблачения Цзина собранных улик мало,— серьезно закончил Мустафин.— Давай думать, как нам связать известное с неизвестным, как выявить тайное, ибо внешнее вроде бы ясно...

Долго сидели в своем кабинете два молодых офицера, два чекиста. Их беседа текла то тихо, то вдруг взрывалась горячим спором, чтобы через минуту снова утихомириться...

Августовский день был на исходе. Жара заметно спала. Кузнецов не спеша шагал к городскому парку.

— Иван Григорьевич!— окликнули его негромко. Кузнецов обернулся, увидел догонявшего Ван Шен-гуна.

— Здравствуйте! Как здоровье, дела?— пожимая руку, спросил Иван Григорьевич.

— Ничего, все в порядке,— хмуро ответил Ван Шен-гун.

— Случилось что-нибудь?— насторожился Кузнецов.

— Поговорить надо, Иван Григорьевич.

— На работе неприятности?

— Нет. На работе и дома все в порядке. Тут другое. Посоветуйте, как быть. Есть в городе один очень плохой человек. По-моему, он — враг.

— Как враг?— не понял Кузнецов.

— Ну, как сказать,— заволновался Ван Шен-гун.— Шибко плохой человек.

— Вот даже как!— воскликнул Иван Григорьевич с неподдельным удивлением.— Ну, если это доказано, я знаю такого человека, который может помочь.

— Зачем человек? Ты сам ему скажешь... Пошли ко мне. Дома тихо. Никто мешать не будет.

Иван Григорьевич подумал, решил пойти. Слова Ван

Шен-гуна и заинтересовали, и обеспокоили. Дома Ван Шен-гун продолжил свой рассказ.

— Помнишь, я говорил про тетушку Лю? Так вот, в прошлую субботу она задержалась в консульстве дольше обычного. И слышала, как вице-консул разговаривал с кем-то. Чжан Цзян сказал, что, мол, надо бороться здесь, чтобы победить в Китае. Что от него, Чжана, придет человек, которому и надо будет передать все сведения и получить новые указания. Тетушка Лю потихоньку выбралась из консульства и остановилась за углом, чтобы посмотреть, кто выйдет. Она знала, что в консульстве никого постороннего, кроме гостя Чжан Цзяна, не было.

Из консульства вышел плотник Ваня и зашагал к базару. Тетушка Лю — за ним. Видит, он говорит со знакомым ей китайцем. От него она и узнала, что этого Ваню по-настоящему зовут Цзин Чжан-чжу, а работает он в геодезическом тресте. Еще тетушка Лю сказала мне, что этот Ваня-Цзин несколько раз подолгу беседовал с вице-консулом в его кабинете. Был Цзин у вице-консула и тогда, когда из Ташкента приезжал какой-то человек. Они разговаривали с ним, и Ваня-Цзин сказал, что в Китае всех коммунистов надо уничтожить.

Иван Григорьевич задумался. То, что рассказал Ван Шен-гун, полностью подтверждало связь Цзина с гоминдановским разведчиком Чжан Цзяном. Наконец он сказал:

— Спасибо, товарищ Ван, за доверие. Больше сейчас ничего сказать не могу.

— Я понимаю,— согласился Ван Шен-гун.— Надо ведь поговорить с тем человеком.

Обсудив заявление Ван Шен-гуна, Мустафин и Кузнецов не пришли к единому мнению: должен ли Кузнецов открывать себя. Когда они сказали о своем сомнении Сухомлинову, полковник неожиданно рассердился.

— Что за ерунду вы тут выдумали! Сами Ван Шен-гуну доверяете, а кто такие сказать боитесь. Нет уж, дорогие товарищи, извольте играть в открытую. И, уверяю вас, это полезнее для дела. Надеюсь, убедил вас?— Слова полковника внесли ясность, и офицеры дружно ответили:

— Так точно!

3 сентября — День победы над милитаристской Японией — был воскресным днем, и Кузнецов решил посетить Ван Шен-гуна с утра. Как и предвидел Сухомлинов, признание Кузнецова не удивило и не испугало Вана. Возвращая Куз-

нецову удостоверение сотрудника органов государственной безопасности, он с облегчением вздохнул.

— Это очень хорошо, что ты, Иван Григорьевич, из ЧК. Я тебя немного знаю и вижу, ты человек хороший. И мне приятно, что веришь мне.

Сменив официальный тон, Ван с лукавинкой в голосе добавил:

— Что же мы теперь будем делать, товарищ инспектор по скрытым загораниям?

Кузнецов улыбнулся. Обстановка разрядилась, и он в тон Ван Шен-гуну ответил:

— Будем вместе выявлять и ликвидировать источники возможных пожаров. А теперь о деле,— посерьезнел Иван Григорьевич.— Ваше сообщение очень ценное, но почти ничем не подкреплено. Наша задача доказать, что либо Цзин невиновен, или же он враг. Помогите в этом разобраться.

— Постараюсь!

Иван Григорьевич объяснил Ван Шен-гуну, как можно будет его найти в случае необходимости, попросил пока не говорить соседям, что пожарный инспектор на самом деле является сотрудником госбезопасности.

— А сейчас разрешите мне от своего имени и от лица моих товарищей-чекистов поздравить вас как активного борца с фашизмом на Дальнем Востоке с Днем победы над милитаристской Японией.

На лице Ван Шен-гуна появилась смущенно-счастливая улыбка, он дрогнувшим голосом ответил:

— Спасибо! Спасибо, товарищ Кузнецов. И вам и вашим товарищам.

Прошло некоторое время. Мустафин и Кузнецов накопили достаточно фактов, чтобы окончательно разоблачить Цзин Чжан-чжу. Мешало одно обстоятельство: хотелось узнать, кто придет к Цзину с поручением от Чжан Цзяна. Вице-консул, как и следовало ожидать, после победы в Китае народной революции покинул Советский Союз.

Мустафин стоял за то, чтобы немедленно привлечь Цзина к ответственности. По слухам, тот намеревался нелегально выехать за пределы Советского Союза. Кузнецов возражал.

Посланец Чжан Цзяна появился неожиданно, так же неожиданно исчез. Ван Шен-гуну удалось узнать, что это была женщина. Она, видимо, забрала у Цзина какие-то бумаги и исчезла.

Мустафин упрекал Кузнецова в медлительности, нера-

сторопности. Иван Григорьевич сокрушенно разводил руками. Женщину обнаружить так и не удалось. Правда, пограничники задержали мужчину, пытавшегося провезти в Синьцзян какое-то письмо на китайском языке. Задержанный оказался торговцем и его, как следует не допросив, отпустили.

— Все!— кипел Мустафин.— Надо немедленно брать Цзина, пока он сам не сбежал за границу.

— Будем брать!— согласился и Кузнецов.

* * *

Арест Цзин Чжан-чжу и обыск в его квартире по указанию Сухомлинова производили Кузнецов с Мустафиным. Обыск был недолгим. Но одна деталь бросилась Мустафину в глаза. Едва он принялся перебирать стопку книг, как Цзин Чжан-чжу изменившимся голосом заявил, что книги чужие. А когда Аскар Габбасович взял в руки «Краткий курс истории ВКП(б)», Цзин побледнел.

Мустафин стал перелистывать книгу. Понятой внимательно следил за чекистом с явным недоумением на лице, зачем, мол, этому чекисту понадобилось листать всем известный учебник по истории партии большевиков. Но когда между страниц обнаружился сложенный вдвое листок бумаги, исписанный иероглифами, Цзин подался вперед.

— Спокойно!— приказал Мустафин и сказал понятым и Кузнецову:— В книге между страницами 132 и 133 обнаружен листок бумаги с китайской письменностью. Попрошу понятых расписаться... Так. Теперь вы.— И он протянул ручку Цзину.

В другой книге Мустафин обнаружил семь накладных, среди которых лежал еще один исписанный листок. Его также внесли в протокол обыска.

Цзин тяжело вздохнул, опустил голову и до конца обыска не поднимал ее. Правда, когда из стола достали самодельную трубку для курения опиума и хозяин дома сказал, что она принадлежит Цзину, тот пробормотал, что курил опиум в лечебных целях.

В протокол были также занесены 265 рублей 55 копеек, две фотокарточки, расписка о приеме китайского паспорта, удостоверение от конторы «Утильпром», выданное 31 августа 1950 года на имя Цзин Чжан-чжу. Кроме того, были обнаружены иголки, нитки, перья ученические, резинка бельевая — товар, который обычно предлагают сборщики утиля.

И вот первый допрос. Иван Григорьевич готовился к нему тщательно. Он досконально изучил материалы следственного дела, поступившего из Хабаровска, свидетельские показания. Документы разоблачали антисоветскую деятельность Цзина, его причастность к шпионажу.

... Они сидят друг против друга. Кузнецов — за столом, на котором, кроме легкой пластмассовой чернильницы, ученической ручки и бланков протокола допроса ничего нет. Цзин — на легком венском стуле в углу комнаты.

— Вы владеете русским языком?— задает вопрос Иван Григорьевич.

— Да, владею.

— Допрос будет вестись на русском языке без переводчика. Имеете ли вы возражение против этого?

— Нет. Не имею.

— Хорошо. Расскажите свою биографию.

— Родился в деревне Чилиндзы уезда Ляоян в Маньчжурии в 1920 году. Отец Цзин Шоу-джу занимался хлебопашеством, мать Ху — домохозяйка. К началу 1942 года братья Цзин Чжан-цзен, Цзин Чан-куй, Цзин Чан-джи и сестра Цзин Фын-ин, а также жена Ли-чжон жили с родителями в Чилиндзы. Где они сейчас, не знаю.

В 1929—1935 годах учился в гражданской начальной школе в Чилиндзы, а с 1935 по 1939 год — в Первой высшей гражданской школе в Ляояне. Затем работал бухгалтером в административном провинциальном управлении в городе Цзямусы. Через год по личной просьбе переведен в уездное управление в город Фуюань, откуда 10 марта 1942 года нелегально прибыл в Советский Союз. Хотел пробраться на свободную от японцев территорию Китая, чтобы принять участие в антияпонской войне. Был задержан.

Отбыв наказание за нелегальный переход границы, в середине февраля 1947 года приехал в Алма-Ату. Несколько дней жил у Го Дин-фу. Это был первый китаец, с которым я встретился у вас в городе.

Получив документы, выехал в Талгар, где работал по частному найму. В июне и июле жил в Алма-Ате, в консульстве. С сентября сорок седьмого по декабрь сорок восьмого года находился в области, работал по частному найму. С января по май сорок девятого — грузчик саксаульной базы. С мая по февраль 1950 года побывал в разных районах области. В феврале приехал в Алма-Ату и работал сначала грузчиком в стройконторе при Управлении колхозными

рынками, потом разнорабочим в Среднеазиатском геодезическом тресте. С августа — сборщик утильсырья.

— Материальное положение вашего отца?

— Жили скромно. Участок был небольшой. Отец имел лошадь, две коровы, свинью, кур. Был небольшой фруктовый сад.

— Где учились и работали братья и сестра?

— В деревенской начальной школе. Жили с родителями, помогали им в сельском хозяйстве.

— Где изучали русский язык?

— В исправительно-трудовой колонии, когда отбывал срок за самовольный переход границы.

Кузнецов записал ответы Цзина, спросил:

— Вам прочитать или сами?

— Давайте прочитаю сам.

Пока Цзин Чжан-чжу знакомился с протоколом, Кузнецов внимательно рассматривал его. «Странно. Кажется, я его где-то видел раньше. Но где?» Однако, как ни напрягал свою память, вспомнить не смог.

Заметив, что Цзин прочитал протокол, Кузнецов задал традиционный вопрос:

— Возражений против записей нет?

Цзин Чжан-чжу отрицательно покачал головой.

— Подпишитесь.

Цзин расписался по-русски и по-китайски, положил ручку, вернулся на место. Иван Григорьевич внимательно посмотрел на него и с некоторой ноткой сожаления, которую Цзин не мог не заметить, сказал:

— Я уже предупреждал вас об ответственности за дачу ложных показаний. Вы умный человек, а пытаетесь ввести нас в заблуждение. Неужели думаете, нам ничего неизвестно?

Цвет лица Цзина слегка изменился, но он промолчал. Кузнецов продолжил:

— Вот вы гладко изложили свою биографию. А ведь рассказ ваш во многом не соответствует действительности. Во-первых, ваш отец Цзин Шоу-джу имел большой надел пашни, фруктовый сад, участок леса, держал до 30 коров, а для работы нанимал от 5 до 10 батраков.

— Я... хотел представить себя в более выгодном свете,— стал оправдываться Цзин Чжан-чжу.

— Допустим. Но сейчас нас интересует не это. Каково истинное положение вашей семьи?

— Я признаю, что мои сегодняшние показания по этому

вопросу ложны. Отец действительно был богатым человеком.

— Подтверждаете ли вы показания о своих братьях и сестрах?— спросил Кузнецов, пристально глядя на Цзина.

Тот молча кивнул. Тогда Иван Григорьевич достал из ящика письменного стола листок бумаги и сухо сказал:

— Вот справка о ваших родственниках. Брат Цзин Чжан-цзен, 1921 года рождения, учился в юридическом институте в городе Чанчуне. Сестра Цзин Фын-ин, 1923 года рождения, в 1942 году работала в Мукдене секретарем-машинисткой на японском заводе автопокрышек. Между прочим, завод не гражданского, а военного значения.

По щеке Цзина сползла крупная капля пота. А Кузнецов, убирая бумажку в стол, сухо добавил:

— Как видите, ваша попытка обмануть нас заранее обречена на провал. Советую еще раз: давайте правдивые показания. Это в какой-то мере облегчит вашу участь.

Цзин подавленно молчал.

— Итак, продолжим нашу беседу. Для чего вам были нужны обнаруженные у вас при обыске книги «Краткий курс истории ВКП(б)», «Жизнь Клима Самгина» Максима Горького, «Молодая гвардия» Александра Фадеева и другие?

— Я читал их, чтобы углубить свои знания русского языка.

— Какие еще языки знаете?

— Кроме китайского и русского, других не знаю,— опустил Цзин глаза.

— Ну, что ж. Давайте разберемся и с языками,— сказал Кузнецов, когда Цзин расписался под своими ответами.— Вы заявили, что русским языком овладели, когда отбывали наказание. Но нам известно, что во время следствия по вашему делу в Хабаровске вы почти не прибегали к услугам переводчика.

— Я... я ошибся,— выдавил, заикаясь Цзин.

— Так когда же вы изучили русский язык?

— Еще в Маньчжурии,— выдавил Цзин.

— Знаете ли японский?

— Немного. Учил в школе... Потом почти все забыл. Так, отдельные слова помню.

— Повторяю вопрос,— не обращая внимания на слова Цзина, спокойно сказал Кузнецов.— Знаете ли японский?

— Очень плохо.

— А на каком языке разговаривали с японскими офицерами и чиновниками в Фуюани?

— На... на китайском и отчасти на японском.

— А на каком языке разговаривали с китаянкой Соней в Алма-Ате?

— На японском,— вынужден был признать Цзин.— Но я с 1942 года не говорил по-японски и думал, что забыл его.

— Значит, вы знали его довольно хорошо?— почти утверждая, произнес Кузнецов.

— Да.

— Вы в каждом ответе пытаетесь исказить правду,— заметил Кузнецов.— Чистосердечное и откровенное признание советским судом берется во внимание при определении меры наказания. У вас, по-моему, была возможность убедиться в этом.

Цзин Чжан-чжу тяжело вздохнул, вытер о колени потные ладони рук. Попросил воды. Жадно отпил несколько глотков и стал рассказывать.

— Японский язык я стал изучать еще в школе. Мне также приходилось дружить с детьми японских колонистов. Очень хотелось выбиться в люди, чтобы не копаться всю жизнь в земле. В ноябре 1939 года сдавал экзамены, в том числе и по японскому языку. Позднее получил назначение в Цзямусы. Знание японского языка пригодилось и тогда, когда я задумал перейти в СССР. Перед этим обратился с просьбой о переводе в Фуюань, так как назначенный туда человек не согласился ехать.

— Какова истинная цель вашего перехода госграницы?

— Я думал обратиться в китайское консульство в Хабаровске, о котором узнал еще в 1939 году в Мукдене из журнала «Куадис бао». Хотел попросить переправить меня в Китай, где я включился бы в антияпонскую борьбу.

— Разве нельзя было бороться с японцами в Маньчжурии?

— Я не знал о таких возможностях в то время. Хотел воевать против оккупантов с оружием в руках.

— С кем вы поддерживали знакомство в период проживания в Фуюани?

— Кроме чиновников уездного управления, знакомств ни с кем не заводил.

— Почему?

— Японцы следили за каждым китайским чиновником, и любое знакомство рассматривалось как попытка установить связи с партизанами.

— Вы находились в Фуюани почти два года. Применяли ли японцы репрессии к китайцам в это время?

— Да. Двух китайцев арестовали за связь с партизанами. Полицейско-пограничный отряд в 1940 и 1941 годах несколько раз проводил карательные операции.

— Следовательно, партизаны в районе Фуюани появлялись?

— Да.

— Почему же вы уверяете, что не знали, где найти партизан? С какой целью перешли госграницу?

— Я боялся пойти... к партизанам. И потом был связан с группой патриотов, по поручению которых должен был пробраться в Китай.

— Кто они? Назовите фамилии,— настаивал Кузнецов.

— Я н-не могу их назвать.

— Может быть, вам помочь?— осведомился Кузнецов с усмешкой.— Например, Лю Ке-гун.

— Да, мы учились одно время с ним, потом... встречались,— глухо сказал Цзин.

— Лю Ке-гун,— уточнил Кузнецов,— был разоблачен как агент японской разведки. Так где вы с ним учились — в Харбине или Мукдене?

Цзин испуганно отшатнулся и, словно в ожидании удара, закрыл лицо рукой.

Сбиваясь, перескакивая с одного на другое, Цзин Чжан-чжу стал рассказывать, что перешел границу по заданию японского офицера. Он должен был выяснить, есть ли оборонительное сооружение по Амуру, попытаться выяснить расположение воинских частей.

Сделав записи, Иван Григорьевич задал еще один вопрос:

— Вы признаете, что были активным пособником и агентом японских милитаристов?

— Да, признаю,— чуть слышно прошептал Цзин Чжан-чжу.

... За ночь Цзин Чжан-чжу сильно изменился. Щеки на его худощавом лице ввалились, вокруг глаз легли темные круги. Левое веко время от времени вздрагивало. Заметив это, Кузнецов спросил.

— Вы, случайно, не заболели?

— Спасибо. Я здоров.

— Тогда приступим к делу. Вчера вы говорили, что в июне — июле сорок седьмого жили в консульстве. С кем вы там общались?

— Я разговаривал с консулом Инь Кен-ху, секретарем Гао, с конюхом, иногда с поваром.

— Еще с кем?

— Больше ни с кем.

— А с вице-консулом Чжан Цзяном?

В глазах Цзин Чжан-чжу на мгновение вспыхнул тревожный огонек и тут же потух.

— Да, иногда говорил и с вице-консулом.

— Когда с ним познакомились?

— Когда стал жить в консульстве,— ответил Цзин.

— Как нам известно,— спокойно заметил Кузнецов,— в консульство на работу плотником вас пригласил вице-консул Чжан Цзян, а не кто-либо другой.

— Да, да,— ответил Цзин.— Но до этого я с ним не был знаком.

— И не искали встречи?

— Н-н-нет,— дрогнул голос Цзина.

Кузнецов пристально посмотрел на арестованного и в этот момент неожиданно вспомнил. Майский день 1947 года. Городской парк. Скамейки в тени кустов. Справа от входа в музей с газетой в руках сидит китаец в светлой одежде. На скамейке рядом с ним пачка папирос. К нему идет вице-консул с незажженной папиросой. Внезапная мысль мелькнула тогда в голове: «Вице-консул должен подойти и попросить прикурить».

— С какой целью 18 мая 1947 года вы сидели на скамейке около музея?

Цзин недоуменно посмотрел на Кузнецова, тот уточнил:

— Вы читали газету «Казахстанская правда», возле вас лежала пачка папирос. Просидев полчаса, вы пошли в кино.

Лицо Цзина побледнело, в глазах появилась растерянность. Он не знал, что сказать. Простые на первый взгляд вопросы Кузнецова таили в себе опасность. И уйти от этой опасности было невозможно. Кузнецов внимательно посмотрел на Цзина и задал еще вопрос:

— А с кем вы встречались в аптеке возле Зеленого рынка в среду 21 мая?

Губы у Цзина беззвучно зашевелились. Такого удара он не ожидал. У музея Чжан Цзян к нему не подходил, а в аптеке, кроме старушек да провизорши, никого не было. Откуда чекист знает все это? Может быть, ему давно все известно?

— Я жду,— властно бросил Кузнецов.

— Д-д-а-а,— стал заикаться Цзин.— Я должен был встретиться с человеком, который назовет пароль.

— Вас никто не принуждал к встрече. Следовательно, вы пришли на нее сами, по доброй воле.

— Да сам,— чуть слышно проговорил Цзин.

— И вы готовы были выполнять задания, к которым вас готовили японцы и которые вам стал давать Чжан Цзян? Какие это были задания? Как он привлек вас к антисоветской и разведывательной работе?

Лицо Цзина посерело, на лбу выступил пот.

— Говорите. Я жду,— требовательно произнес Кузнецов.

— В аптеке, после обмена паролем, Чжан сказал, чтобы я пришел в консульство и нанялся плотником. Через несколько дней я встретился с ним в его кабинете. Состоялась беседа. Вице-консул спросил, как я отношусь к Советской России, к красному Китаю. Узнав, что мое отношение к этим странам враждебно, он предложил начать борьбу.

— Следовательно, вы активно включились в разведывательную работу?

— Да.

— Вы признаете себя виновным в том, что стали агентом гоминдановской разведки?

— Признаю.

— Ваши дальнейшие шаги на этом пути?— продолжал наступать Кузнецов.

— После отъезда Чжан Цзяна я перестал собирать разведданные.

— Вот как?— вскинул брови Кузнецов. Затем достал из стола какой-то снимок.— С границы прислали один любопытный документ за подписью Хуан Дун-цая. Вот посмотрите фотокопию. Вам это не знакомо?

— Нет!— с отчаяньем выкрикнул Цзин.

— Не буду спорить,— холодным тоном произнес Кузнецов.— Вот этот листок изъят у вас при обыске, что засвидетельствовано подписями понятых. Узнаете? Вам, как человеку грамотному, имеющему специальную подготовку, должно быть известно о так называемой графической экспертизе. Она доказала, что записка и шпионское донесение, перехваченные на границе, написаны одной и той же рукой.

Цзин закрыл ладонью глаза.

— Вы только что заявили, что после отъезда Чжан Цзяна больше не собирали разведданные. Но содержание

письма, адресованное Чжан Цзяну, носит характер разведывательно-шпионского донесения.

В нем есть такие слова: «...эта работа полезна не только для нашей страны, но и для дружественных нам стран». При последней встрече с вами Чжан Цзян сказал, что через некоторое время придет человек и передаст новое указание. Таким образом, работая на гоминдановскую разведку, вы в то же время сотрудничали с разведкой другого зарубежного государства. Вот так-то, Цзин Чжан-чжу, вы же Хуан Дун-цай и Кин Нагатакэ. Придется рассказать о себе все с самого начала до конца. Только не вздумайте лгать. Это не в вашу пользу.

Цзина била мелкая дрожь. Руки тряслись. Кузнецов налил в стакан воды, подал арестованному.

Цзин попросил закурить и после нескольких затяжек заявил:

— Это конец! Пишите. Я расскажу вам всю правду.

— Давно бы так,— заметил Кузнецов.

И Цзин заговорил. Он рассказывал, как учился в японской школе, потому что отец его был богат и японские власти благосклонно относились к нему. Вспомнил, как на специальных курсах тренировал память. В местной японской тюрьме ему с сокурсниками показывали орудия пыток, учили уходить от преследователей.

Рассказывая об алмаатинском периоде своей жизни, Цзин вынужден был признать, что он остался врагом Советского Союза и сознательно искал обусловленной еще в 1942 году встречи, чтобы продолжать шпионскую деятельность. Припомнил он, как заводил антисоветские разговоры с Цзян Чан-чином, Кумаровым, Ван И-саном, пытаясь склонить их на свою сторону...

Догорела вечерняя заря, когда Цзин Чжан-чжу закончил рассказ и бессильно склонил голову, ожидая вопросов. Но Кузнецов молчал.

Цзин обеспокоенно вскинул глаза и почти простонал:

— Я устал... Может, пропустил что, так завтра доскажу...

Отправив арестованного, Иван Григорьевич откинулся на спинку стула. Предстояло выяснить отдельные незначительные детали. Но поединок был уже выигран.

СОДЕРЖАНИЕ

МЫ ИЗ ЧК

Составитель Н. И. Милованоа

Редактор С. И. Честнов. Худож. редактор В. Т. Ткаченко.
Художник Н. С. Гаеа. Техн. редактор А. Е. Арестоаа.
Корректоры: С. М. Вырышеаа, Э. М. Тлеукулова.

Сдано в набор 13/IX 1973 г. Подписано к печати 14/XII 1973 г.
Формат $84 \times 108^1/_{32}$—9,5=16,0 усл. п. л. (17,44 уч.-изд. л.). Бумага
тип. № 3. УГ05579. Тираж 397 000 экз. 1 завод — 50 000 экз. Цена 64 коп.
Издательство «Казахстан», г. Алма-Ата, ул. Соаетская, 50.

Заказ № 850. Типография № 2 Главполиграфпрома Госкомитета Совета
Министроа КазССР по делам издательства, полиграфии и книжной
торгоали, г. Алма-Ата, ул. Карла Маркса, 63.

64 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КАЗАХСТАН“